

63.3.(2).621 10123

Ж 71

ЖИЗНЬ
ЛЕНИНА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ТОМ 8

*Избранные
страницы
Прозы
и поэзии*

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ
СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ 8

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНИКА
«ЖИЗНЬ ЛЕНИНА»

С. В. Михалков
(председатель)

А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев,
Н. В. Свиридов

Оформление

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

В томе помещены иллюстрации
народного художника СССР Н. Н. ЖУКОВА

Ж ~~4803010102—430~~ Подп. изд.
М101(03)85

© Состав, оформление, предисловие.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

ДОРОГИЕ ЧЕРТЫ

«Жизнь Ленина», 8-й том... Уже прочитаны классические произведения Ленинианы, ставшие одновременно ее началом и вершиной,— очерк Максима Горького, поэма Владимира Маяковского. Прочитаны воспоминания родных и близких, друзей и соратников, деятелей международного рабочего движения, многих других людей, которым выпало счастье видеть и слышать Владимира Ильича, работать с ним рядом. Прочитана и проза Марии Прилежаевой, Зои Воскресенской: с нею остались в памяти детство и юность Володи Ульянова, начало революционной деятельности молодого Ленина — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», шушенская ссылка, возвращение из Сибири, создание большевистской партии. Прошли годы подполья и жизни за рубежом, годы первой русской революции, февраль и июль 1917 года, шалаш в Разливе, бессмертные дни Великого Октября, когда сама история «отредактировала» строку «Интернационала» и, как писал Маяковский в поэме «Хорошо!»,

Впервые

вместо:

— и это будет...—

пели:

— и это есть

наш последний...

Действие произведений, сложивших этот том, охватывает время от победы Великого Октября до всенародного траура в скорбный январь 1924 года: шесть с небольшим лет, но каких поистине масштабных, событийно насыщенных! О них можно сказать памятными словами выдающегося коммуниста-интернационалиста Джона Рида: они потрясли мир. События, о которых здесь рассказано, создают, говоря по-Маяковскому, «величайшую эпопею» послеоктябрьских дней и лет, вернувших времени его подлинную былинность, эпичность. Сродни им приближенные писательским словом масштабы ленинской мысли, объемлющей ширь эпохи во всем развороте ее событий, в бурном, стремительном полноводье народной жизни, слившейся в героике революционного подвига ратные и трудовые дела, воинские и рабочие будни молодой Советской страны.

Владимир Ильич Ленин — вождь Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей переломный рубеж всей мировой истории. Создатель первого в мире социалистического государства, которое выстояло и победило в гражданской войне, одолело голод и разруху. Организатор мирного социалистического строительства, размах которого символизировал разработанный под его руководством план ГОЭЛРО — первый в нашей стране единый государственный перспективный план восстановления и развития народного хозяйства Советской России, прообраз будущих пятилетних планов. Свершения эпохального значения! И за каждым из них стоит титанический образ великого стратега и тактика революции, мудрого государственного деятеля, смелого, пронзительного политика, чья гениальная мысль являла собой нерасторжимое единство слова и дела, нераздельный сплав неиссякаемой энергии и несокрушимой воли. Таким был Ленин.

«Все, что вы здесь прочтете и увидите, основано на фактах, документах, воспоминаниях. Авторы не позволяли себе что-то придумывать»,— предупреждают писатель Борис Полевой и художник Николай Жуков, создавшие в творческом содружестве книгу «Наш Ленин». Каждый решал в ней свои задачи, но из объединенных усилий возник органичный сплав, в котором сошлись и слово и изображение. Борис Полевой выступил как автор обобщенных очерковых зарисовок, в которых выделены те или иные черты ленинского характера, ленинского стиля работы. Николай Жуков сопровождал писательский рассказ серией рисунков, которые стали в книге не иллюстративным, но самостоятельным художественным материалом. Выстроенные в хронологической последовательности, они представляют нам Владимира Ильича в разные периоды его жизни.

Из множества эпизодов, зафиксированных штрихов и деталей складывается многогранный портрет, цельный облик вождя, который «как бы впитывал коллективную мысль и опыт масс и, гениально обобщая их, претворял в лозунги партии», чтобы они, «подобно проекторам, освещали путь революции». Каждодневное общение с людьми было неослабной потребностью его жизнедеятельной натуры. Подсчитано, например, что только в Москве Владимир Ильич выступил более двухсот раз. «Он выступал на заводах, фабриках, перед женщинами, молодежью, красноармейцами, на крестьянских сходах пригородных сел. На рабочих окраинах он был не только желанным, но и частым гостем». Каждая из этих встреч навсегда оставалась в памяти людей как «часы замечательных душевных общений». И таких часов было много. Об этом свидетельствует составленная Б. Полевым хроника всего одного дня—1 Мая 1920 года. С утра—первомайский субботник

в Кремле. Затем речь на закладке памятника Карлу Марксу, выступление на митинге при закладке памятника Освобожденному труду. Вслед за этим — посещение Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), где были выставлены эскизы памятника Освобожденному труду, речь на открытии Рабочего дворца имени Загорского в Благуше-Лефортовском районе Москвы, выступления на рабочих митингах в Басманном и Замоскворецком районах. А после всего — «Прохоровская (ныне Трехгорная) мануфактура»: речь о международном и внутреннем положении, беседа с рабочими и работницами фабрики. Поистине: день полнится веком, принимает на себя отсвет эпохи...

О двух — только двух — днях ленинской жизни повествует Леонид Радищев в цикле рассказов, которые так и названы: «Два дня». В первой части — «Новый год» — прослежен день 1 января 1918 года. То был первый после Великого Октября новогодний праздник, который Владимир Ильич и Надежда Константиновна провели среди петроградских рабочих на Выборгской стороне, в актовом зале бывшего Михайловского юнкерского училища. Рассказом о «встрече первого советского Нового года» и открывается действие. Сюжет его строится в строгом соответствии с фактами исторической хроники.

Девять часов утра — Председатель Совнаркома начинает свой многотрудный рабочий день. «Как и другие, день первый складывается из того, что намечено, назначено, и того, что вторгается неожиданно, сейчас, сию минуту и нередко требует мгновенного отклика, ответа, решения». Среди непредвиденного — прием рабочих завода, где банковские саботажники задержали выдачу заработной платы.

Затем встреча с представителями иностранных держав — аккредитованными в Петрограде «господами дипломатами», тщетно пытавшимися путем ультимативных требований оказать на Советское правительство грубое давление... Еще одна, но уже радостная, счастливая встреча — на Николаевском (ныне Московском) вокзале, куда прибыла из-за границы очередная группа большевиков-эмигрантов; как и весной 1917 года, ее сопровождает швейцарский социалист Фриц Платтен. Вместе со швейцарским другом В. И. Ленин направляется в Михайловский манеж на митинг по случаю отправки на Западный фронт сводных отрядов только что рожденной революционной армии Республики Советов. На обратном пути из манежа на Ленина совершается покушение: в плотном вечернем тумане раздаются один за другим сухие хлопки выстрелов, пули пробивают переднее стекло машины, оставляют отверстия в кузове. Фриц Платтен ранен в руку, которой прикрыл Владимира Ильича... По возвращении в Смольный — заседание Совнаркома. А времени уже — одиннадцать часов вечера, за окнами «сгущается синяя тьма. День первый идет к концу»...

Остановимся на мгновение, выделив в череде описанных событий митинг в Михайловском манеже, который завершается пением «Интернационала». Поет Ленин, поют Мария Ильинична Ульянова и Подвойский, а вместе с ними — каждый на своем языке — Фриц Платтен и американский социалист, журналист Альберт Рис Вильямс. Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась под знаменем интернационализма, и ее всемирно-историческое значение В. И. Ленин видел именно в том, что она не принесла «в жертву узконациональным интересам интересы международной революции», пошла «по большевистской

тропе», «была не национальной, а чисто пролетарской»¹. Не только в революционной энергии победившего народа черпала она свою силу, но и в международной солидарности пролетариата разных стран, его социалистического авангарда.

Ведущим мотивом пролетарского интернационализма определяется звучание второй части — «Щедрое солнце июля». Действие ее датировано 19 июля 1920 года, когда в Петрограде состоялось торжественное открытие Второго конгресса Коммунистического Интернационала. Делегаты из 40 стран мира съехались в город Великого Октября. Бесконечно трудными были их «пути-дороги в Советскую Россию. Только о немногих делегатах можно было сказать, что они ПРИЕХАЛИ на конгресс. Для всех остальных требовались другие слова: ПРОБИВАЛИСЬ, ПРОРЫВАЛИСЬ. Они пробивались и прорывались сквозь немыслимые препятствия. Пользовались всеми возможными и невозможными способами передвижения. Меряли пешком многоверстные расстояния. Пересекали линии фронтов, обходили посты, заставы и кордоны. И эти мужественные люди, выдавшие смерть, эти герои, которых трудно было заподозрить в излишней чувствительности, часто не могли сдержать волнение при виде красного флага и пятиконечной звезды на шлеме советского пограничника»...

В. И. Ленин приехал в Петроград утром. Сразу после встречи на вокзале направился в Смольный, чтобы вместе с делегатами конгресса перейти в Таврический дворец, где открывалось первое заседание. Через живой коридор людей, заполнивших петроградские улицы, пролегает их путь. Рядом с Лениным — Горький, в том же кругу — Джон Рид

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 214.

с неизменным журналистским блокнотом в руках. Молодой кинооператор Эдуард Тиссе, который в будущем вместе с Сергеем Эйзенштейном поставит знаменитый фильм «Броненосец «Потемкин», снимает кадры кинохроники...

В Таврическом дворце В. И. Ленин выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Вспомним этот доклад, завершившийся словами о том, что Второй конгресс Коминтерна «заслуживает название всемирного». Ведь это в наш нынешний день заглядывал Ленин, когда приветствовал участвовавших в конгрессе «представителей революционного движения колониальных, отсталых стран» и пророчески предвидел грядущее единство антиимпериалистических сил, в котором «революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны... соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества»...¹

После доклада, выкроив «окно» в предельно уплотненном распорядке дня, Владимир Ильич посещает дома отдыха для рабочих на Каменном острове, детально, вплоть до обеденного меню, вникает в организацию их быта. На обратном пути, отклонившись ненадолго от маршрута, останавливается на улице Широкой (ныне улица Ленина) возле дома, где до революции жили его мать и сестры, где поселился и он сам, приехав в Петроград, и откуда в июле 1917 года, скрываясь от ищеек Временного правительства, ушел в новое подполье...

С улицы Широкой — на Марсово поле. «Величественная манифестация» состоялась здесь возле братских могил

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 233.

бойцов, павших за дело революции. В память о них возлагаются траурные венки. «А потом человеческая река с оркестрами и знаменами течет дальше, на Дворцовую площадь», к Зимнему дворцу, багрово-красные стены которого еще хранят следы пуль, свистевших в памятную ночь Октябрьского штурма. Новая речь, которую Владимир Ильич произносит на площади, под открытым небом, перед ста тысячами людей...

После интернационального митинга на Дворцовой делегатов конгресса ждет другая площадь, которую после революции переименовали в площадь Театров. Июльским вечером 1920 года она превратилась в гигантский зрительный зал. И огромной сценой стала лестница Фондовой биржи, у колонн которой разыгрывалось массовое театрализованное действо «Два мира». Но время Ленина «уже исчерпано. Он не присутствовал на грандиозном празднике на площади Театров. Ему надо было возвращаться в Москву... Автомобиль, где рядом с шофером сидит Председатель Совнаркома, мчится по праздничному Невскому, прямому, как луч прожектора»...

Снова «прожектор» — сквозной образ, который, независимо друг от друга, повторяют разные писатели, воссоздавая духовную атмосферу первых послеоктябрьских лет, озаренную всепроникающим светом ленинских дел. «Светоносность» их передает и «жаркая искорка» в острых, с прищуром глазах Ильича, которую доносит рассказ Софьи Виноградской «Искорка», дающий название ее книге. Все, о чем рассказано в ней, также происходило в действительности, было пережито писательницей на заре жизни и воскрешено затем той особой памятью сердца, которая «сильнее всего на свете и ничего забыть не может». Еще бы! Разве возможно забыть «счастье юности», о котором вспо-

минает С. Виноградская в предисловии: «...Ленина и тех, кто окружал его, я узнала не по рассказам и чужим книгам, а видела сама. И притом много раз: на митингах и съездах, в театре и концертах, в Кремле и Горках, на отдыхе и прогулке. В моих рассказах я пишу об этом так, чтобы Ленин вставал со страниц таким, каким видели его я и мое поколение. Я старалась, чтобы в этих рассказах образ Ильича — и лицо, и одежда, и речи, и отношения с товарищами, и естественность, и простота обращения с сотрудниками, и домашняя жизнь, и чувство прекрасного, и ненависть к пошлости, — чтобы все это удивляло и восхищало тебя, мой юный читатель, как некогда восхищало нас, молодежь».

Что и говорить: сурова и трудна жизнь первых послеоктябрьских лет, изображенная в рассказах С. Виноградской. Не в каждом из них В. И. Ленин принимает прямое, непосредственное участие, но живое его присутствие ощутимо всюду. Как бы по крупницам собирает писательница дорогой образ, приоткрывая в нем то одну, то другую грань. Владимир Ильич в совнаркомовском зале: оставшись один после заседания, проводит по лицу рукой, словно стирает «налипшую, как паутина, усталость»... В Большом театре: смущенный — и возмущенный! — уходит с концерта Шаляпина, так как испытывает неловкость за громкие овации, которые не знаменитому артисту, а ему устроила публика... На торжественном вечере, посвященном его пятидесятилетию: приехав только на концертную часть, не без иронии благодарит товарищей, избавивших его от обязанности «слушать такую скучную вещь, как юбилейные речи»...

Права писательница: «У каждого, кто видел Ленина, запечатлелся в душе свой Ленин». В памяти автобиогра-

фической героини рассказов он больше всего остался таким, каким неожиданно повстречался на небольшой булыжной улочке Кремля, — «несущимся на всех парусах, пальто нараспашку и душа нараспашку». Порыв, движение, вихрь. Как само время, которому равно ведомы и окрыляющая героика подвига, и романтика вдохновенной, устремленной мечты.

В отличие от прозы Бориса Полевого, Леонида Радичева, Софьи Виноградской, драматическая трилогия Николая Погодина не столь документальна, действительные факты перемежаются в ней с событиями, созданными писательским воображением, доподлинные герои — В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Ульянова — живут и действуют рядом с вымышленными. Но вот повод заметить, что вымысел, если он художественно мотивирован, обоснован социально и психологически, есть продолжение жизни, ее углубление и обогащение. Кто из нас, читателей и кинозрителей, воспринимает сегодня солдата Ивана Шадрина всего лишь литературным персонажем, а не реальным «человеком с ружьем», который памятен нам по давнему известному фильму ничуть не меньше матросов с «Потемкина» или бойцов чапаевской дивизии?

Драматургу Николаю Погодину принадлежит творческая заслуга первого и наиболее полного воссоздания образа В. И. Ленина в театре и кино. За пьесой «Человек с ружьем», написанной еще в 1937 году, последовали «Кремлевские куранты» (1939 год), а в 1958 году появилась пьеса «Третья, патетическая». Так в течение двух десятилетий сложилась трилогия, которая обрела долгую жизнь в литературе, на сцене и на экране, стала классикой советской Ленинианы.

Действие каждой пьесы имеет точное хронологическое обозначение. В «Человеке с ружьем» это исторические дни Великого Октября—свержение Временного правительства, обнародование первых декретов Советской власти, подавление очагов контрреволюции, разгром Красной гвардией наступавших на Петроград казачьих частей генерала Краснова. Пьеса плотно населена действующими лицами, чьи голоса передают напряжение времени, накал борьбы, в которой сошлись два социальных мира. Обреченный мир господ, вчерашних хозяев жизни, не оставляющих надежд повернуть вспять ход истории, и полнозвучный мир народного бытия, представленный резко очерченными фигурами большевика Николая Чибисова, питерских рабочих, революционных матросов и солдат. В гуще их—Иван Шадрин, олицетворяющий ту крестьянскую Россию, которая всем своим трудовым разумом приняла правду ленинских идей, воплощенных в Декретах о мире и о земле. В лице «человека с ружьем» многомиллионное русское крестьянство совершает свой выбор на стороне большевиков, поднимается на защиту революционных завоеваний пролетариата. Путь Ивана Шадрина, раскрытый драматургом, подтверждает подлинно общенародный характер Великого Октября, которым и объясняется высокий подъем, широкий размах социалистической революции, пробудившей, как говорит Ленин, народные массы к самостоятельному творчеству новой жизни.

Самостоятельное творчество новой жизни—такова мысль, перебрасывающая мост от пьесы «Человек с ружьем» к пьесе «Кремлевские куранты». «Разрушить капитализм куда легче, нежели построить социализм!»—сказано в ней устами Ленина, нацелившего народ и пар-

тию на преодоление разрухи, оставленной войной, и мысленно нарисовавшего ее выразительную картину: «Если сейчас сесть на воздухоплавательный аппарат и подняться над нашей землей, то под вами окажется черное без огней пространство, подобное огромной пустыне. Как разорена Россия! Деревня вернулась к началу девятнадцатого столетия, к лучине. На заводах Урала, в Златоусте, например, люди вынуждены ручным способом приводить в движение механизмы. Донбасс затоплен белогвардейцами». И тут же, после длительной паузы, неожиданный вопрос, обескураживший собеседника: «Вы умеете мечтать, товарищ Рыбаков?»

Трудно не понять смущение матроса Рыбакова: до мечты ли, заглядывающей «за тысячу верст вперед», если уже на первой версте нет числа трудностям, которые встанут на пути восстановления народного хозяйства страны? Но как ни велики они, «надо мечтать. Надо», — убеждает Ленин, понимая «мечту как рост новых задач», призывая «не бояться разлада между мечтой и действительностью».

Социальный оптимизм истории — вот, пожалуй, понятие, которое вернее и точнее других передает гуманистическую суть ленинской мечты. Чуждая утопии, она признает только реальность и питается неистребимой верой в народ, чья жизнедеятельная энергия находит выход в созидательной работе революции, вступившей в этап мирного социалистического строительства. Об этом спор Ленина с английским гостем, которого страшит «огромная, плоская, замерзающая страна, скорее с азиатским, чем с европейским населением, страна, испускающая смертельный крик...». Стремясь к возможно большему художественному обобщению, Н. Погодин не называет его по

имени, однако в нем легко угадывается Герберт Уэллс, выпустивший в 1920 году книгу «Россия во мгле». Мгла — синоним разрухи, нищеты, голода. Писатель-фантаст увидел ее такой густой, плотной, непроницаемой, что не рискнул пробиваться через нее даже силой своей неумной фантазии. «Это невозможно понять! Перед вами бездна несчастий, ужасов, а вы над пропастью говорите об электрификации... Я отказываюсь понимать!» — впускает он, упрекая Ленина в бесплодности иллюзий. Но слышит в ответ проповедь веры, которая наполняет мечту: «Я верю в рабочий класс, вы — нет. Я верю в русский народ, вас он ужасает. Вы верите в честность капиталистов, а я — нет... История покажет, кто из нас прав».

История, к бескомпромиссному суду которой взывает Ленин, произносит свое веское слово, внушительно подтверждает его непререкаемую правоту не в отдаленном будущем, а непосредственно в ходе действия пьесы. Оживают куранты на Спасской башне Кремля, час за часом отбивая «новое время» — летосчисление социалистической эры на земле. Включается в работу над планом ГОЭЛРО инженер Забелин, придя к пониманию и признанию Октября через мучительные колебания и сомнения...

Основное действие пьесы «Третья, патетическая», завершающей трилогию Н. Погодина, происходит весной — осенью 1922 года. Следуя неизменному правилу скупыми, но емкими мазками показывать историческую эпоху во всей сложности, противоречивости социальных явлений, драматург передает судьбами своих персонажей не только волну, но и пену на волне. Волна — социалистическое строительство, в которое вовлечены широкие народные массы. Пена — нэпманская стихия, оживившая и собственническую мораль буржуазного предпринимательства, и

потребительские настроения и вкусы мещанства. В одних случаях они захлестывают, разлагают нестойкие души, в других порождают смятение умов, воспринимающих нэп не временным отступлением перед новым скачком, броском вперед, а утратой революционных завоеваний. Так вера в торжество революции, победу социализма, в безошибочность политики партии, ее экономической стратегии проходит суровое испытание на стойкость и прочность. Об этом говорит в пьесе Ленин чекисту Дятлову, не оставляя ему права на сомнения: «И в этом наше величайшее счастье, что у нас с вами относительно партии не может быть никаких сомнений, никаких «но». Счастье!»

Воистину заразительна сила ленинского убеждения. Пройдет немного времени, и тот же Дятлов, преодолев колебания, вслед Ленину повторит, что «революция — это громадный труд», раньше и прежде всего — по воспитанию нового человека, который рождается из старого и «не может быть создан за какие-нибудь пять—десять лет. Отсечь легко, привлечь труднее. Самая грандиозная работа партии будет состоять в этом массовом, неслыханном вовлечении миллионных масс в коммунистическое строительство... Но новый человеческий тип будет создаваться очень медленно, и не только по нашим умным книжечкам, а самой жизнью, прежде всего ее материальными силами».

Доверие к жизни, ее красоте и мудрости, доверие к человеку и лучшему в его душе — в природе социалистического гуманизма, отстаиваемого Лениным. И ему же принадлежит в пьесе рассуждение о том, что «любить людей задача адски трудная!». Гуманизм победившей революции принципиально чужд евангельским проповедям

долготерпеливого страдания, покорного смирения перед злом, безоглядного милосердия к падшим или заблудшим. Любовь к ближнему не бесхребетна — все зависит от того, каков он, этот ближний. Какими бы ни были в прошлом заслуги чекиста, ставшего взяточником, он не достоин снисхождения, и, не желая «миловать, прощать, прекраснотушничать», Ленин решительно и твердо отказывается ходатайствовать о смягчении наказания. Но он же приравнивает свою веру в мировую революцию к вере в рабочего, называющего себя рабским именем Прошка, хотя ясно видит, какими пережитками прошлого затемнено пока что социальное сознание паренька. «О нет, я не предаюсь мечте, взятой с неба. Я уже теперь в невероятной бездне противоречий вижу людей завтрашнего дня... людей, которыми можно гордиться перед всем миром. Вот почему я бесконечно верю в Прошку. И без этой веры не было бы Октября и человечеству не светили бы бессмертные огни Смольного».

Огни Смольного!.. Ярким заревом вспыхивают они в трагедийном эпилоге пьесы, когда горестное известие о смерти вождя вызывает в памяти людей Октябрьские дни 1917 года и ленинский призыв, обращенный к участникам «самой наступательной в мире революции и самой решительной партии»: наступайте до конца героично!..

Сопоставим сказанное Лениным в пьесе с тем, что и как писал он о всемирно-историческом значении Великого Октября. «Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более вы-

сокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран». Как не уловить пафосного созвучия ведущих мотивов погодинской трилогии этим великим ленинским словам, как не увидеть того, что содержание трилогии задано писателю ходом истории, направляемой непреклонной решимостью народных масс «добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной»!..¹

Вернемся в заключение к книге Бориса Полевого и Николая Жукова «Наш Ленин». «Жизнь Ленина,— читаем в ней,— навсегда останется примером для каждого коммуниста, для каждого революционера, для каждого, кто хочет, совершенствуя себя, приблизиться к идеалу человека коммунистической поры. И нельзя дать юноше и девушке, входящим в жизнь, лучшего совета, чем совет изучать творчество Ленина, читать его книги, знакомиться с его жизнью, полной мерой черпать те неисчислимые и неиссякаемые идейные богатства, которые он оставил потомкам в трудах своих». Этой благородной задаче служат произведения писателей, составившие настоящий том, приблизившие нам дорогие черты великого образа...

Валентин Оскоцкий

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 79.

Б. ПОЛЕВОЙ, Н. ЖУКОВ

НАШ ЛЕНИН

С. ВИНОГРАДСКАЯ

ИСКОРКА

Л. РАДИЩЕВ

ДВА ДНЯ

Н. ПОГОДИН

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ
КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ
ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ

Б. ПОЛЕВОЙ, Н. ЖУКОВ
НАШ ЛЕНИН

В. И. ЛЕНИН.

ЧИТАТЕЛЮ ЭТОЙ КНИГИ

Вечно живой, обаятельный образ В. И. Ленина уже окутывается в народной памяти дымкой легенд. Есть песни о Ленине. Есть сказания о Ленине. Ленин вошел в фольклор многих народов земли. Поэтому представить себе, каким же был Владимир Ильич в жизни, становится все трудней.

В этой небольшой книге ее авторы — писатель и художник — делают попытку показать Владимира Ильича таким, каким он представлялся товарищам, с которыми он делил героические труды и тяготы революционной борьбы, тюрем, подполья, ссылки, годы эмиграции, каким его знали те, кто рука об руку с ним шел в дни Октября, в годы гражданской войны и становления Советской власти.

Нам хотелось показать его таким, каким видели его рабочие, крестьяне, красноармейцы, люди интеллектуального труда в знаменитой ленинской приемной, во время митингов на площадях, в цехах заводов, в рабочих клубах, таким, каким он предстал перед лицом иностранцев — дружественных, настороженных или враждебных.

Для людей искусства нет более увлекательной задачи, чем работа над воссозданием образа этого человечнейшего человека, обаяние которого и после смерти продолжает покорять сердца миллионов. Бесценную помощь оказали авторам такие близко знавшие Владимира Ильича люди из старой большевистской гвардии, как В. Д. Бонч-

Бруевич, Г. М. Кржижановский, Л. А. Фотиева, Е. М. Соловей, а также деятели зарубежного рабочего движения — Антонин Запотоцкий, бывший президентом Чехословацкой Социалистической Республики, участник Октябрьской революции, известный американский публицист Альберт Рис Вильямс, написавший когда-то для западного читателя первую правдивую книгу о Владимире Ильиче.

Рисунки в нашей книге — не иллюстрации, а самостоятельный художественный материал. И если автор текста, рассказывая о Ленине, не придерживался хронологической канвы, — автор рисунков старался раскрыть более полно образ Владимира Ильича, руководителя первого в мире государства трудящихся, признанного вождя мирового пролетариата.

Все, что вы здесь прочтете и увидите, основано на фактах, документах, воспоминаниях. Авторы не позволяли себе что-то придумывать. Мы благодарны Г. Д. Обичкину, В. Я. Зевину, Д. С. Кислик, Э. А. Лёвиной и другим работникам науки за то, что они снабжали нас бесценными материалами и своими советами дружески направляли в этой работе.

И если вам, юные читатели этой книги, она поможет представить, каким был в жизни Владимир Ильич Ленин, мы оба — художник и писатель — будем сторицей вознаграждены за наш труд.

Авторы

ОБРАЗ ЛЕНИНА

Нарисовать ленинский портрет — нелегкая задача, ибо человек этот, встающий из дел своих как овеянный легендами сказочный богатырь, в жизни был скромнен, необычайно прост, имел не бросающуюся в глаза внешность, не любил отличаться от окружающих ни одеждой, ни поведением, ненавидел напыщенность и позерство.

Ленин! При одном этом имени у людей загорался взгляд. Ленин! И сердце того, кому предстояло встретиться с ним, начинало взволнованно трепетать. И вот он видел перед собой невысокого человека с широкими плечами, с простым смугловатым подвижным лицом, с улыбкой, как бы постоянно живущей на губах между рыжеватыми подстриженными усами и негустой короткой бородкой. Поражали неожиданностью его грудной, несколько глуховатый баритонального тембра голос, привычка быстро, напористо говорить, легкая картавинка речи, живость движений и, конечно, то, что в любой среде Ленин всегда оставался самим собой.

Но не успевал видевший Ленина человек удивиться обыденности его внешности, как он уже замечал, что широко расставленные темно-карие глаза, в которых не виделась, а, скорее, угадывалась какая-то особенная лукавинка, смотрят необыкновенно пронизательно, что эти прищуренные и как бы близорукие глаза очень зорки, что они все-все замечают.

Затем взгляд привлекал необыкновенно высокий лоб, лоб мудреца. Потом внешность вообще как бы отступала на второй план. Внимание пленяли естественность поведения, живость речи, острота ума. Человек, показавшийся вначале таким обыкновенным и даже удививший этой своей обыкновенностью, как бы начинал незримо расти. И собеседник, или слушатель, или просто наблюдающий со стороны незаметно для себя подпадал под обаяние Ленина.

Именно так передают впечатления от первой встречи с Владимиром Ильичем многие из тех, кому выпало счастье видеть его живым.

Это был вождь, каких мир еще не знал.

Он сочетал в себе пронизательнейшего теоретика и величайшего знатока жизни, смелого, глубокого ученого и трибуна, умеющего увлекать людей, мудрого деятеля, провидящего судьбы государств, и простого, доброго, отзывчивого человека, который всегда был готов от всего сердца помочь людям.

ВЕРА В МАССЫ

Ленин не терпел работников, которые свысока смотрели на массы. Он верил в массы, в их творческую силу и инициативу. Он неустанно изучал и осмысливал их опыт. Живой пример тому — первый коммунистический субботник. Это было небольшое, в сущности, дело, но в нем, в этом первом субботнике, Ленин уже тогда увидел зерно того грандиозного движения, которое через несколько лет после его смерти выросло во всесоюзный поход ударников, затем в социалистическое соревнование, из края в край охватившее всю нашу страну и, наконец, в наши дни расцветшее как могучее движение за коммунистический труд. Эта ленинская вера в творческие силы трудящихся масс прежде всего и отличала его как вождя рабочего движения. Она зародилась еще в дни, когда он, юный марксист, с увлечением выступал в рабочих кружках на питерских окраинах.

Многие из близко знавших Ленина в течение долгих лет, вспоминая о нем, подчеркивают эту творческую сторону ленинского отношения к широким массам рабочих и крестьян.

Страдания тружеников отдавались в его отзывчивом сердце острой болью. Но это не было слезливым сочувствием. Нет, это было действенное чувство, имевшее глубокие корни. В эксплуатируемых и подневольных он видел и ценил прежде всего борцов против эксплуатации и порабощения, будущих строителей нового общества,

представителей класса, которому историей суждено положить конец всякой эксплуатации на земле.

Ленин всегда стремился знать, чем живут, что думают, о чем мечтают трудящиеся. Еще юношей он не упускал случая поговорить с простым человеком, расспросить его о жизни — как говорится, заставить его раскрыть душу. И не из простого любопытства, нет! Так он познавал жизнь. В дальнейшем, изучая статистические таблицы, систематизируя, сопоставляя, анализируя приводимые в них данные, он всегда видел за цифрами живых людей — рабочих, крестьян, интеллигентов, видел их судьбы.

Эта неистребимая жажда знать, чем и как живут люди, знать условия их работы и особенности их быта не оставляла его даже в труднейшие периоды его жизни, в дни острейших политических схваток...

1907 год. Лондонский съезд партии. Идет жесточайшая борьба. Владимир Ильич страстно доказывает, что рабочая партия должна быть вооружена передовой теорией. Меньшевики, выдвинув своих лучших ораторов, обрушиваются на него с критикой и бранью: здесь съезд рабочей партии, а не теоретическая дискуссия. Ленину надо готовиться для новой сокрушительной контратаки. Но вот перерыв. Свободные минуты. И он уже в уголке, среди делегатов-рабочих, выпрашивает их:

— Ну, а женщины как? Заедает хозяйство? Все-таки учатся, читают? Находят для этого время?

Стремление неутомимо черпать новое из конкретной действительности, проверять теоретические построения опытом бурно развивающейся жизни, уточнять в новых и новых беседах с людьми каждую мысль проходит через всю деятельность Владимира Ильича. Даже в далекой сибирской ссылке, а потом в эмиграции, удаленный от рабочих центров, где закалялись силы революции, оторванный от товарищей по борьбе, он знал конкретную жизнь своей страны лучше, глубже, чем многие из революционеров, оставшихся в Петербурге, Москве и в других крупных индустриальных городах.

УЧИТЬ МАССЫ И УЧИТЬСЯ У МАСС

Ленин учил массы и учился у масс. В этой простой формуле, которая была законом всей его деятельности, и таится искусство ленинского руководства, позволявшее ему безошибочно распознавать истинные стремления трудящихся, угадывать закономерности их движения вперед, предвидеть ход исторических событий. В этом секрет его умения по неприметным для обычного глаза признакам, среди множества тропинок и дорог увидеть и указать одну, единственно правильную, умения еще в зародыше разгадать суть нового явления и своевременно обратить на него внимание партии.

Как бы Ленин ни был загружен, он всегда старался выкроить время для общения с людьми. С первых же дней Советской власти, когда он стал во главе первого в мире государства трудящихся, государства разрушенного, истощенного империалистической войной и почти сразу же втянутого в войну гражданскую, когда на плечи Ленина лег невероятный груз, он все же ухитрялся найти часок или хотя бы несколько минут для общения с рабочими, с крестьянами, часто вырывал для этого время за счет отдыха и сна. Особенно, по словам Надежды Константиновны Крупской, он был пристрастен к рабочим, «...с ними особо охотно говорил о близком, о заветном, их мнением особо дорожил».

Есть красноречивый документ, показывающий ту же тягу Владимира Ильича к постоянному общению с тружениками. Это записка его секретаря, которую ему передали в разгар особенно напряженного рабочего дня. «Владимир Ильич,—говорится в этой записке,—сейчас пришли две работницы—делегатки от беспартийной конференции: там так настойчиво требуют, чтобы Вы приехали хоть на 5 мин., что никто с ними справиться не может, Семашко не хотели слушать.

Делегатки говорят, что работницы хотят всей массой идти в Кремль, если вы к ним не приедете. Закрывается в 8 часов. Они просят ответа».

И на полях этой бумажки торопливо, острым ленинским почерком написано: «Если на 5 минут, то могу в $2^3/4$, если успеете перенести турецкую делегацию».

Так было в течение всей его политической деятельности, и особенно в бытность его главой Советского правительства.

Старый рабочий-путиловец П. А. Данилов вспоминает такой интересный случай.

Поздняя осень 1917 года. Краснов подступает к революционному Питеру. По призыву Ленина на заводах формируются отряды Красной гвардии, которые тут же уходят на фронт.

Самая острая пора борьбы за власть Советов.

Глубокая ночь. Двое рабочих, оставшихся на дежурстве, сидят в цехе у печки и варят в котелке картошку. И вдруг появляются человек в военном и невысокий, коренастый в штатском пальто с поднятым воротником, в кепке. И этот штатский—Ленин. Поздоровался с обоими за руку, подсел к огоньку, протянул к нему озябшие руки и тут же забросал вопросами:

— Как смотрят путиловцы на захват власти большевиками?.. Каковы вообще настроения на заводе?.. Сколько отрядов организовано и отправлено на фронт?.. Есть ли на заводе топливо?—И снова с особой настойчиво-

стью: — Ну так что же говорят о захвате власти большевиками?

Внимательнейшим образом слушал ответы, кивал головой, задорно, торжествуя поглядывал на спутника карими, выразительными глазами — дескать, видите, что говорит, что думает рабочий класс. К тому времени вскипел чай и поспела картошка. С некоторой робостью рабочие предложили Владимиру Ильичу вместе с ними попить чайку.

— С удовольствием, — ответил Ленин, потирая руки. — Чаек — это хорошо.

Присел на какой-то ящик и, продолжая слушать, действительно с удовольствием пил чай, ел картошку, макая ее в соль, лежавшую на газете...

ОБЩЕНИЕ С ТРУЖЕНИКАМИ

Подсчитано, что после Октябрьской революции Ленин выступил *только в Москве* более двухсот раз. Он выступал на заводах, фабриках, перед женщинами, молодежью, красноармейцами, на крестьянских сходах пригородных сел. На рабочих окраинах он был не только желанным, но и частым гостем. Среди ленинских мест столицы особо была примечательна рабочая столовая «Трехгорной мануфактуры», на месте которой теперь сооружен Дом культуры. Здесь Владимир Ильич не только выступал, но и подолгу беседовал с рабочими, отвечал на их вопросы. Как проходили эти встречи, лучше передать словами торопливо написанной заметки репортера «Правды», опубликованной по горячим следам 20 декабря 1919 года:

«...Столовая «Прохоровки» была битком набита народом. Тысяч пять человек заполнили весь зал, все проходы; всюду, где только можно было сидеть, стоять, висеть, уцепившись за какой-нибудь столб или угол стены,— сидели, стояли, висели...

Показывается Ильич, товарищ Ленин... Гром аплодисментов не дает ему начать. Все поднимаются с мест, и тысячи глаз устремляются на Ильича. Его слушают совсем по-особому; ему верят и доверяют, как никому другому: Ильич говорит,— значит, это так. Его и любят так, как никого другого. Вот почему все лица тянутся к нему...»

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

Это были часы замечательных душевных общений. К сожалению, никто не вел хотя бы подробных записей этих встреч. Но в памяти тех, кто в них участвовал, они запечатлевались навсегда. По воспоминаниям рабочих той же «Трехгорки» можно восстановить, сколь серьезные, откровенны и сколь действенны были эти выступления Владимира Ильича, всегда заканчивавшиеся беседой по душам по самым острым вопросам, волновавшим тогда народ.

— Рабочие очень любили Ильича, и стоило ему только появиться, как они устраивали бурные встречи. Приезд Ильича на фабрику был торжественным событием у нас,— вспоминает старый рабочий Ф. Румянцев.

Характерная особенность этих бесед та, что Владимир Ильич был с рабочими всегда откровенен, делился с ними своими мыслями и заботами и никогда не скрывал от них трудностей, промахов и просчетов советских органов. Наоборот, он чутко прислушивался к критике со стороны простых людей, как бы даже советовался с ними об очередных, только еще намечавшихся мероприятиях Советской власти.

Именно поэтому беседы эти имели огромную действенность, доходили до сердец.

— Даже те, кто прежде ныл, падал духом, как будто бы перерождались,— вспоминает старая работница «Трехгорки» А. Шарова.— После каждого приезда Ильича увереннее мы себя чувствовали, лучше работали...

А вот как провел Владимир Ильич 1 Мая 1920 года. Утром он участвовал в первомайском субботнике в Кремле, затем произнес речь на закладке памятника Карлу Марксу, потом выступил на многолюдном митинге, посвященном закладке памятника Освобожденному труду.

Ленин осматривает выставку эскизов памятника Освобожденному труду в Музее изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Ленин приезжает на открытие Рабочего дворца имени Загорского в Благуже-Лефортовском районе Москвы и выступает там с речью.

Ленин выступает с речами на митингах рабочих Басманного и Замоскворецкого районов.

Ленин выступает с речью о международном и внутреннем положении на митинге рабочих «Прохоровской (ныне Трехгорной) мануфактуры», беседует с рабочими и работницами фабрики.

БЕССТРАШИЕ, ВЫДЕРЖКА

О том, какое значение придавал В. И. Ленин своему постоянному общению с народными массами, говорит и такая трагическая страница его биографии, когда одно из его выступлений на московском заводе чуть было не стоило ему жизни.

Шел август 1918 года. Положение в стране было крайне тяжелым. В разных местах бушевали контрреволюционные восстания. Вспыхивали кулацкие мятежи. Правые эсеры перешли к открытому террору. Они решили обезглавить большевистскую партию. И вот из Питера пришла весть о злодейском убийстве председателя Петроградской ЧК Урицкого. День, когда получили это сообщение, был пятницей, а по пятницам, по уже установившейся традиции, Владимир Ильич почти всегда выступал на митингах на рабочих окраинах Москвы. Вот и теперь у него в кармане лежала выписанная Московским комитетом партии путевка для выступлений на митингах в Басманном и Замоскворецком районах.

Близкие встревожились: разве можно ему выступать, когда уже гремят злодейские выстрелы из-за угла? За обедом все вместе дружно убеждали его отказаться от выступлений, вернуть путевку, не ехать.

Владимир Ильич пытался отшучиваться: как это не ехать? Ведь люди будут ждать. Это означало бы, что он испугался осатаневших господ эсеров. Так ведь они толь-

ко этого и хотят. Нет, он решительно не может доставить им такое удовольствие.

Близкие не сдавались, представляя свои весьма резонные доводы.

— Ну хорошо, хорошо. До вечера еще долго. Я подумаю.

И хотя день этот был у него, как всегда, очень занят, он остался верен себе и в назначенный час отправился по путевке Московского комитета.

Проведя один многолюдный митинг в переполненном рабочими здании Хлебной биржи, ответив на вопросы, он сел в свой автомобиль и поехал на другую окраину к рабочим-металлистам на б. завод Михельсона, гостем которых он не раз уже бывал.

Как всегда, после выступления он испытывал особый подъем. Его шофер Степан Казимирович Гиль, как и все в этот день, встревоженный и настороженный, наблюдая в косо зеркальце оживленное лицо Владимира Ильича, поражался его бесстрашию. Казалось, он совершенно не думал об опасности.

В те бурные дни Ленин ходил обычно без всякой охраны. Когда однажды он заметил у Гиля на поясе кобуру с наганом, он недовольно поморщился и ласково, но решительно сказал:

— К чему вам эта штука? Уберите-ка ее подальше, чтобы я ее больше не видел.

С тех пор Гиль расстался с кобурой, но револьвер все же продолжал носить за поясом, тщательно скрывая его под рубашкой. И вот сейчас, когда Москва услышала эхо злодейского выстрела, раздавшегося в Петрограде, шофер как бы всем телом ощущал револьвер. Он снова и снова посматривал на Владимира Ильича, поражаясь его спокойствию: нет, чувство опасности ему, кажется, абсолютно чуждо.

Ну вот и знакомая окраина. Низенькие, закопченные дома. Длинный забор, за которым громоздятся черные, подслеповатые цеха. Ворота, и возле них большой плакат,

извещающий о том, что будет выступать Ленин, и с простодушием, характерным для тех времен, приглашавший желающих прийти в гранатный цех послушать Председателя Совета Народных Комиссаров.

Машина въехала прямо в раскрытые ворота. Митинг еще не начинался, но по гулу, доносившемуся во двор, было ясно, что огромное помещение битком набито людьми. Встречавших не было видно, но это нисколько не смущало Владимира Ильича. Среди рабочих он был свой человек, и именно как свой человек он, приветливо улыбаясь, быстро направился в цех, скрылся за дверью, и сразу же все это большое, приземистое, закопченное здание будто бы ожило, содрогнулось от аплодисментов и приветственных криков, а потом разом стихло. Замерло. Сквозь открытые потолочные фрамуги стали доноситься отзвуки ленинского голоса.

Шофер развернул машину, поставил ее поближе ко входу в цех и, прислушиваясь, снова задумался: нет, удивительный этот человек, кажется, вовсе не ведает страха. И сегодня он обычен. Вот и сейчас голос его, доносящийся из цеха, звучит, как всегда, уверенно и спокойно.

Эти мысли прервал вопрос.

— Что это, кажется, товарищ Ленин приехал? — спрашивала молодая, худощавая, бледная женщина, одетая в короткую жакетку...

У Степана Гиля, давно уже возившего Ленина, было правило никогда не говорить, кого он привез, откуда и куда поедут дальше. Глядя на женщину, он как можно равнодушнее ответил:

— А я почему знаю. Какой-то оратор... Мало ли их возить приходится, всех не узнаешь... — И, ответив так, заметил, что женщина нервно покривила рот и направилась в цех, где шел митинг.

А митинг между тем был в разгаре. Со своей обычной спокойной логикой, всегда увлекавшей и покорявшей слушателей, Владимир Ильич говорил на тему о двух диктатурах — диктатуре пролетариата и диктатуре буржуазии.

Вот он закончил эту свою речь знаменитыми словами:

— У нас один выход, товарищи: победа или смерть!

И, не слушая аплодисментов, быстро сошел с трибуны и сразу окунулся в толпу, будто растворился в ней, пробираясь к выходу, отвечая на вопросы, дружески беседуя с рабочими. Толпа, двинувшаяся к дверям, как бы вынесла его во двор. Он оказался возле своей машины. Кто-то из рабочих открыл перед ним дверцу. Но две женщины еще продолжали с ним беседу. Жаловались на питание: очень плохо с едой стало. Сами-то ничего. Стерпим. А вот детишек кормить нечем. Голодные детишки. А поедешь за хлебом, последние пожитки в обмен на хлеб повезешь, так по дороге свои же и отберут...

Ленин слушал внимательно. Кивал головой. Кругом стояли люди, и шофер, мучаясь нетерпением, ожидал момента, когда кончится этот разговор. Вот наконец Ленин сказал:

— Совершенно верно, есть много неправильных действий заградительных отрядов, но это все, безусловно, устранился.

Простившись с собеседниками, Владимир Ильич сделал шаг к машине, и тут раздался выстрел. Один, другой, потом третий. Какая-то женщина, в которой Степан Гиль тотчас же узнал ту, что расспрашивала его о том, кого он привез, бросив на землю дымящийся револьвер, старалась скрыться в толпе. За ней побежали.

Когда шофер опустил перед раненым, тот был в сознании. Ни стопа, ни вздоха...

— Поймали его? Задержали?..— спросил Владимир Ильич, думая, что в него стрелял мужчина.

А со стороны цеха к Ленину бежал уже какой-то человек в матросской бескозырке. Неистово размахивая левой рукой, он, не вынимая правую из кармана, бежал прямо на раненого. Шофер закрыл собой Ленина и поднял наган:

— Стой! Стреляю!

Человек в бескозырке круто повернул в сторону и бро-

сился к заводским воротам. Рабочие окружили раненого, хотели поднять его на руки. Он отказался.

— Ничего, ничего. Я сам.

И действительно, с помощью многих дружеских рук Владимир Ильич поднялся на ноги, вошел в автомобиль и, сев на заднее сиденье, откинулся на спинку, полузакрыв глаза. Двое рабочих сели в машину, и она понеслась по направлению к Кремлю. Мостовые тех дней изобиловали ухабами, машину подбрасывало и мотало. Владимир Ильич все так же полулежал, откинувшись на спинку сиденья, лицо его было бледно, на висках выступали капельки пота, но зубы его были крепко стиснуты, и он не проронил ни звука. И шоферу становилось жутко: хоть бы поохал, хоть бы постонал.

Так без единого стога и доехали они до Кремля. И когда наконец машина остановилась у крыльца, Владимир Ильич еще раз поразил всех твердостью воли и выдержкой. Шофер и рабочие хотели поднять его на руки и внести в дом.

— Я пойду сам,— твердо сказал он и попросил: — Товарищ Гиль, снимите пиджак, мне так легче будет идти...

Так, опираясь на провожатых, он, стиснув зубы, двинулся по крутой лестнице к себе домой, на третий этаж. Шел тяжело. Дыхание было прерывистым. Порой пальцы его инстинктивно сжимали руки провожатых, бережно поддерживающих его. Но снова ни стога, ни жалобы, «ни вздоха», как вспоминает Гиль.

Дома Ленин позволил уложить себя на кровать. Устало прикрыл глаза. Но, чувствуя, как беспокоятся окружающие, видя полные тревоги и муки глаза сестры Марии, попытался улыбнуться и твердо, хотя и слабым голосом, произнес:

— Успокойтесь. Ничего страшного. Кажется, немного ранен в руку...

А когда приехала жена и, встревоженная, вбежала в комнату, он, еще не зная точно, сколь трудно его ра-

нение, испытывая тяжелые муки, все же нашел в себе силы сказать обычным голосом:

— Приехала?.. Я по лицу вижу — устала... Поди приляг.

И все это говорил человек, который лишь чудом спасся от смерти, человек, раненный вовсе не «немного» и не в руку, раненный тяжело и опасно пулями, которые были нарезаны и отравлены.

Вот как в действительности обстояли дела.

Это выписка из заключения консилиума видных врачей, обследовавших его:

«Констатировано два слепых огнестрельных поранения: одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы. Другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области. Имеются налицо явления внутреннего кровотечения. Пульс 104».

Так говорит медицинское заключение. И все врачи, и вообще близкие люди, знавшие или догадывавшиеся, какую мучительную, нестерпимую боль вызывают подобные ранения, вспоминая потом об этих страшных часах, дивились его самообладанию и выдержке, его воле, способной побеждать, казалось бы, непобедимое. И когда ему становилось невтерпеж, он, по словам одного из близких, «стонал очень тихо, сдержанно, точно бы боясь кого-то беспокоить».

Едва оправившись после тяжелого ранения, Владимир Ильич снова продолжал выступать на митингах. Одними из первых он посетил рабочих б. завода Михельсона. Они встретили его особенно тепло, и до того еще, как он добрался до трибуны, он услышал со всех сторон:

— Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич?

И они слышали обычное, простое, приветливое:

— Хорошо. Спасибо. Очень хорошо.

В ПРИЕМНОЙ

Через ленинскую приемную постоянно двигался поток посетителей: рабочих — делегатов завкомов и фабкомов, крестьян — ходоков из дальних волостей и глухих уездов, интеллигентов, приезжавших со всех концов России со своими просьбами, недоуменными вопросами, предложениями. Владимир Ильич всегда находил время их принять, выслушать, побеседовать с ними.

Товарищи, работавшие в те дни с Лениным, вспоминают, что простому непосредственному общению с людьми он придавал особое, можно сказать, принципиальное значение. Всегда внимательно выслушивал он рабочего, крестьянина, рядового члена партии, вникал в дело и тут же это дело решал.

Но главное заключалось даже не в конкретных решениях.

После каждого приемного дня в разные ведомства летели знаменитые ленинские записки с требованиями сделать то-то и то-то.

Секретариат получал указание взять под строгий контроль осуществление многих практических дел. Наркомам предписывалось срочно представить свои соображения по вопросам, выдвинутым тем или иным посетителем.

Это не было непосредственным импульсом. Нет, Ленин запоминал все такие дела.

Через некоторое время он строго проверял, как выпол-

няется то или другое его поручение, родившееся из такой вот простой беседы на приеме. И если оно терялось или блуждало в канцелярских дебрях, виновным крепко за это доставалось, вплоть до того, что с них спрашивали отчет уже на заседании Совета Народных Комиссаров или ЦК РКП (б).

В ленинских документах за 1921 год хранится свидетельство того, как, прочтя в своей ежедневной почте письмо ученого, Владимир Ильич сейчас же взялся за новое в те дни дело большой государственной важности. Сразу же, как только письмо было прочитано, управляющий делами Совнаркома получил от Ленина только что набросанную им записку:

«т. Горбунов! Этот Бонч-Бруевич (не родня, а только однофамилец *Вл. Дм. Бонч-Бруевича*), по всем отзывам, *крупнейший* изобретатель. Дело *гигантски важное* (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим сотни, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве).

Очень прошу Вас:

1) следить специально за этим делом, *вызывая Острякова и говоря по телефону с Нижним.*

2) провести прилагаемый проект декрета *ускоренно* через Малый Совет. Если не будет быстро единогласия, обязательно приготовить в Большой СНК ко вторнику.

3) сообщать мне 2 раза в месяц о ходе работ.

26.I

Ленин».

Письмо ученого ускорило рождение грандиозного дела радиофикации, которому впоследствии предстояло так широко развиться. Характерно, что в записке были уже пронизательно предусмотрены меры и против того, чтобы это столь важное дело не увязло в канцеляриях. Сам

Ленин брал на себя и контроль над его осуществлением. Много, без преувеличения говоря, даже множество вопросов, получивших потом общегосударственное развитие, родилось из непосредственного общения вождя с простыми тружениками.

Широко известен и такой пример. Сибирский крестьянин О. И. Чернов два месяца добирался по разбитым и расхлябанным дорогам тех времен до Москвы, чтобы попасть к Ленину. Он вез большую крестьянскую заботу. Попав в столицу, он написал Ленину письмо, изложив мотивы приезда, и вскоре был приглашен в Кремль.

Уже усталый от продолжительного приема, Владимир Ильич поначалу, как показалось Чернову, слушал его рассеянно. Но вот загорелись ленинские глаза. Он сел удобнее, потом, слушая, стал задумчиво покачивать головой. Суть предложения Чернова сводилась к замене подразверстки продналогом. Чернову сразу стало ясно, что для Ленина этот вопрос, по-видимому, уже не нов, что он уже думал над этим. И вот теперь вождь хотел знать, как мыслят об этом крестьяне Сибири. Особенно заинтересовала Ленина предложенная ходоком система прогрессивного обложения. Расспросив ходока, он посадил его за стол, дал ему карандаш, бумагу и попросил подробнее написать, как сибиряки представляют себе прогрессивное обложение. Это письмо с добавлениями, сделанными Черновым уже после беседы, он предложил крестьянину напечатать в «Правде».

Вспоминая об этой знаменательной встрече, ходок потом написал: «Он не меня, конечно, слушал... а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах».

Так в беседе с крестьянином Ленин проверил свои мысли. Они были потом воплощены в историческом декрете о замене подразверстки продналогом, сыгравшим такую важную роль в становлении советской экономики.

У Владимира Ильича было замечательное умение слушать собеседника, проникаться его заботой, располагать

его к себе. Когда в кабинет входил рабочий, крестьянин или красноармеец, Владимир Ильич обычно выходил из-за стола к нему навстречу, быстрым своим говорком, чуть картавя, говорил ему:

— Присаживайтесь, товарищ!

Сам садился не за стол, а в кресло напротив, так близко от посетителя, что колени их почти соприкасались.

Если беседа интересовывала Ленина, он наклонялся вперед как бы для того, чтобы лучше слышать, задавал вопросы, выпрашивал, выпытывал, давал советы. Посетителю, который мгновение назад робел, ожидая своей очереди в приемной главы правительства, вдруг начинало казаться, что он давным-давно знает этого невысокого, плотного и такого простого на первый взгляд человека. Он раскрывался и говорил Ленину самое сокровенное, о чем порой постеснялся бы сказать и близкому. Люди чувствовали, что Ленину не чужды их заботы, что он если и не разделяет, то понимает и их точку зрения. Выслушав, Владимир Ильич умел двумя-тремя простыми, житейскими, понятными любому словами разъяснить суть дела, политику партии, а иногда в нескольких фразах нарисовать целую программу действия.

Все хотя бы раз встречавшие Ленина рассказывали о его редком обаянии, о непобедимости его логики, об этом его умении всегда предельно коротко, всегда с покоряющей простотой убедить собеседника, кем бы он ни был. И хотя на прием приходили очень разные люди, Владимир Ильич умел потолковать с ними на понятном, близком им языке. Он был очень немногословен, не допускал директивного тона, всегда готов был выслушать возражения и спокойно обсудить их.

При этом он никогда не подделывался под собеседника, «под рабочего» или «под мужика». Всегда оставаясь самим собою, он умел быть понятным любому, умел, не навязывая своих взглядов, не предписывая, а беседуя, споря, как равный с равным, доказать правильность своих мыслей и политики Советской власти.

ЛЕНИНСКИЙ «БАРОМЕТР»

Постоянное и широкое общение с массой тружеников было не только принципом всей государственной деятельности Ленина, но и действенным способом, позволявшим ему чувствовать сложное биение пульса жизни новой России. По сведениям, почерпнутым непосредственно из простых, искренних бесед, он безошибочно улавливал и определял тончайшее изменение классовых сил в стране, узнавал подлинные, живые мнения и мечты простых людей, их суждения о тех или иных декретах Советской власти. Мозг его как бы впитывал коллективную мысль и опыт масс и, гениально обобщая их, претворял в лозунги партии, которые, подобно прожекторам, освещали путь революции.

Знать мнение, настроение рядового рабочего, рядового крестьянина, рядового интеллигента для него, как для главы Советского правительства, было всегда не менее важно, чем знать суждение народных комиссаров, членов правительства. И эти мнения он предпочитал получать при непосредственном общении с тружеником, а не в процеженном через канцелярии виде.

До последних своих дней Владимир Ильич жадно следил за жизнью страны.

Утром он, как правило, быстро, но всегда очень внимательно просматривал газеты и в них с особым интере-

сом читал письма трудящихся. Эти письма он очень ценил.

— Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе! — говорил он редактору газеты «Беднота».

Он требовал, чтобы редакция «Бедноты» регулярно давала ему сводки крестьянских писем по различным вопросам, просил подчеркивать для него в этих сводках настроения, важнейшие злобы дня и всегда внимательнейшим образом читал их.

Близкие видели, как потом те или другие мысли, почерпнутые из писем простых крестьян, находят отражение в его выступлениях и статьях.

Газету «Беднота», получавшую множество таких писем, Владимир Ильич называл наш «крестьянский барометр». Он так и говорил редактору «Бедноты», спрашивая его, о чем пишут крестьяне:

— Ну, что показывает наш «крестьянский барометр»?

Иногда, опустив газету, он с веселой лукавинкой в глазах просил своих сотрудников связаться с автором какой-нибудь особенно заинтересовавшей его статьи или письма. И те уже догадывались, что среди неиссякаемых родников народной инициативы Ленин отыскивал новый источник и ему не терпится поскорее узнать возможности этой находки.

Так, однажды Ленину сообщили из «Бедноты», что в Москву прибыл крестьянин-опытник И. А. Чекунов, который хотел бы посоветоваться с «самим Лениным» и сделать ему свои предложения по улучшению сельского хозяйства. Владимир Ильич сейчас же распорядился отыскать Чекунова. Он с интересом выслушал все его соображения и мысли о положении деревни и сам стал расспрашивать этого умного, дальновидного крестьянина о мерах, которые следовало бы, по его мнению, провести для подъема сельского хозяйства.

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ К ЛЮДЯМ

Во время этой встречи выявилась и еще одна драгоценная ленинская черта — внимательность к людям.

Разговаривая, Ленин заметил, что собеседник то поправит рукой очки, то снимет их и с сожалением посматривает на сломанную дужку. Это не уходит от зоркого глаза. И вот нарком здравоохранения Семашко получает записку, которая так характерна для Ленина:

«У меня сидит тов. Иван Афанасьевич Чекунов, очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма.

Он потерял очки, заплатил за дрянь 15 000 р.! Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки?

Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, *удалось ли*».

В этой записке все ленинское: и внимание к человеку, и тщательно выписанное имя и отчество, и стиль обращения — «...попросить секретаря Вашего», и строгая проверка исполнения — «...удалось ли».

А вот другой характерный пример этой ленинской внимательности. Как-то он узнал, что в одном из московских общежитий лежит тяжелобольной рабочий Б. С. Жуков, который когда-то в Питере посещал рабочий кружок. Ленин немедленно навестил старого знакомого, потолковал с ним, пригласил к нему врача и не успокоился, пока Жуков не был послан на курорт для завершения лечения.

Никогда и никто не слышал от Ленина слов любви

к народу, к трудящимся, но все, кто знал его, кто встречался с ним, знали и чувствовали эту его любовь, знали, что его сердце бьется в такт с сердцами миллионов. Прежде всего это чувствовали сами рабочие, крестьяне, красноармейцы. И они отвечали ему такой же горячей любовью, заботой о нем, о его здоровье, о его самочувствии.

Рабочие фабрик «Петротекстиля» прислали Владимиру Ильичу в подарок изготовленный ими плед. Они писали: «...чтобы Вы, наш дорогой, ощутили от нашего скромного подарка, вместе с физическим теплом, и то рабочее сердечное тепло, которым Вас хочется укутать, а также и обратили внимание на то, что в условиях крайней разрухи, нехваток и кризисов мы работаем несколько не хуже довоенного, а следовательно, можем достигать, чего хотим.

Носи, наш дорогой, на доброе здоровье».

И Ленин тут же ответил им не официально, а дружеской короткой запиской:

«Дорогие товарищи! Сердечно благодарю за присланный плед, нахожу его превосходным...»

И еще один многозначительный пример. В скромном, очень скромном кабинете Владимира Ильича в Кремле, где нет никаких украшений, ничего лишнего, что отвлекало бы мысль и не требовалось бы для работы, стоит скульптура, искусно отлитая из чугуна. Она изображает кузнеца перед наковальней. В могучем взмахе застыл молот. На наковальне — стальная полоса. Это лезвие меча, которое кузнец перековывает в лемех для плуга. На постаменте скульптуры надпись: «Подарок от рабочих Кусинского завода».

Работа так и называется: «Перекуем мечи на орала».

Владимир Ильич недаром оставил эту скульптуру как украшение своего кабинета. Он любил ее. История этой скульптуры такова. Уральские рабочие задумали сделать Ленину подарок. Они сами изготовили модель этой фигуры, отлили ее из чугуна. Специальная делегация рабочих везла ее в Москву. В скульптуре этой уже тогда, в конце

гражданской войны, в дни, когда страна лежала еще в развалинах, они воплотили самую заветную свою мечту — мечту о мире. И это вызвало горячий отклик в сердце Ленина.

Так и стоит она в ленинском кабинете сейчас как память о том, что было особенно дорого Ленину, как символ, показывающий кровную связь Владимира Ильича с тружениками.

В начале 1919 года у Ленина побывал крестьянский ходок Иванов из Милиновской волости, Владимирской губернии. В кабинете у Ленина было холодно. Мороз затянул окна узором. Кончился задушевный разговор, ходок и спрашивает:

— Что же у тебя, Владимир Ильич, так холодно? Ленин улыбнулся одними глазами.

— Да дров, — говорит, — нет, надо экономить.

Попрощались, ушел ходок. А через некоторое время по адресу: Москва, Кремль, Ленину — прибывает из Владимирской губернии вагон дров. И в письме говорится, что вот, мол, посылаем тебе вагон дров, сложи печку, а если нет печника, мы пришлем своего, у нас в деревне такой есть...

Был даже такой случай. Пришел в Кремль красноармеец, добрался до секретаря Ленина, отдал ему половину каравай хлеба.

— Передайте Ильичу, пусть поест на здоровье, время теперь голодное.

Он не записывался на прием и лишь попросил, чтобы ему показали Ленина, когда тот будет проходить мимо.

Шофер Степан Гиль, несколько лет возивший Владимира Ильича во всех его поездках, в своих простых и очень дорогих именно этой своей простотой воспоминаниях приводит такой случай.

В 1920 году Владимир Ильич выступил на собрании рабочих и крестьян Кунцевской волости с речью о международном и внутреннем положении страны.

Кончилось собрание, и к нему подошли несколько

крестьянок. Они попросили разрешения прислать ему в Кремль немного продуктов.

— Москва-то, чай, голодает,— пояснила пожилая женщина, та, что была побойчее.— Слышали мы, что и вы, товарищ Ленин, недоедаете. Правда ли это? И куда это годится?.. Позвольте уж нам вот прислать вам кое-чего из харчей, просить вас принять, если вы не обидитесь...

Владимир Ильич был растроган, но тут же твердо сказал:

— Спасибо, спасибо, но, извините, должен отказаться. В Москве действительно не густо с продуктами, как и во всей стране. Но что поделаешь! Ну, а если вы располагаете излишками, то лучше уж угостите детвору, пошлите в детские дома, в ясли. Вот за это скажу вам спасибо. А сам я обойдусь...

Подобные случаи повторялись часто.

Ленин запрещал делать ему подарки, даже сердился, когда их ему приносили. Но такие дары чистого сердца, свидетельства искренней народной любви, все-таки шли и шли в Кремль со всех концов страны. Их по указанию адресата сейчас же пересылали в детские дома, в госпитали, в больницы. Ленин был суров к себе и вместе с народом переносил все тяготы тех дней.

Беспощадный к врагам рабочего класса, Ленин был на редкость чутким товарищем. Он постоянно заботился об окружающих, об их здоровье, об условиях работы, об их семьях. В эмиграции Ленин, живший всегда очень скудно, а порой и просто испытывавший, как он говорил, «сугубое безденежье», делился последним с товарищами, попадавшими в беду. Став во главе Советского государства, до предела загруженный всяческими заботами, нетребовательный во всем, что касалось лично его, он внимательно следил за условиями работы окружающих.

Воспоминания о Ленине изобилуют рассказами о том, как он помог тому или другому в трудный момент жизни.

— ...Что-то плоховато стал товарищ такой-то выглядеть,— говорил Ленин, обращаясь к кому-нибудь из бли-

жайших сотрудников.— Вот что, возьмите-ка мою машину и съездите к нему, узнайте, как он живет...

Не раз сотрудникам его доводилось слышать, как он строго обращался к кому-нибудь из окружающих:

— Вот что, вас надо привлечь к ответственности за небрежное отношение к государственному добру — к себе. Да, да, именно к ответственности... Наши люди — ценнейшее государственное достояние...

Люди — ценнейшее государственное достояние! Эта фраза, не раз повторявшаяся Лениным, имела в его устах глубокий смысл.

Вот собственноручная ленинская записка, направленная им 4 октября 1922 года наркому внешней торговли Л. Б. Красину:

«т. Красин! У вас работает *Ермаков* (зам. транспортно-материальным отделом?) на правах члена коллегии. Я его видал 2—3 раза в годы гражданской войны исполнителем самых трудных, ответственных и опасных поручений. Это человек недюжинный. Оказалось, что он болен *серьезнейшим* образом (кровь горлом идет). Пробовал лечиться, но *никогда* не выдерживал курса, ибо всегда местные «ребята» отвлекали его на местную работу. Семья большая; жалованье... — гроши.

Так нельзя. Таких людей мы обязаны лечить и долечить. Его надо отправить на несколько месяцев в Германию, а семье помочь. (Черкните мне секретно 2 слова).

Ваш Ленин».

В результате этой ленинской заботы В. С. Ермаков вскоре был послан на лечение в Италию.

И, пожалуй, один из самых характерных случаев заботы о товарищах по работе сохранен в воспоминаниях Н. А. Семашко. В одну из встреч Ленин остановил его.

— Жалуются, что Чичерин устраивает заседания после двенадцати часов ночи и продолжает их до четы-

рех-пяти часов,—озабоченно сказал он.—Поговорите с ним, зачем он калечит себя и других.

Миссия наркома здравоохранения успеха не имела. Чичерин, бывший тогда наркомом иностранных дел, принял замечание обидчиво и стал доказывать, что именно ночью, когда никто не мешает, лучше думается, а выспаться можно и днем. Как всегда, Ленин не забыл своего поручения и однажды при встрече спросил Семашко, что сделано для того, чтобы прекратить ночные бдения в Наркомате иностранных дел. Семашко только развел руками.

Через несколько дней Чичерин получил решение ЦК партии, запрещающее проводить ночные заседания. Копия решения была направлена Семашко.

Это уже служит не только примером ленинской чуткости, ленинской заботы о людях, но и показателем ленинского стиля работы.

ОРГАНИЗОВАННОСТЬ, ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ

Человек кипучей энергии, жизнерадостный, стремительный, сам он с молодых лет был примером организованности, пунктуальности. Принявшись за дело, он умел как бы отключиться от всего остального, забыть окружающую обстановку и весь сосредоточивался на работе.

Эта черта, обозначившаяся у него уже в детстве, несколько, однако, не подавляла природной живости его характера. Серьезно относясь к школьным занятиям, он умел весь как-то уйти в уроки. Но, первым сделав их и придя по этому поводу в отличное настроение, он начал шалить, ходить по комнате колесом, к досаде сестер и младшего брата, все еще сидевших за учебниками.

Из класса в класс Владимир Ульянов переходил с наградами. Но, несмотря на то что учение давалось ему легко, уроки он всегда готовил тщательно. Сев за парту или за стол, он как бы сразу отодвигал все остальное и сосредоточивался на изучаемом предмете.

Сохранилось воспоминание о том, как писал он школьные сочинения. Сперва он составлял краткий план работы с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам, на левой половине писал черновой набросок, проставляя при этом цифры и буквы плана. Продолжая работать над сочинением в последующие дни, он вносил на правую, оставшуюся чистой сторону листа пояснения, добавления, поправки, а также ссылки на литературные источники. И только тщательно подготовив материал, он приступал к самому сочинению,

причем писал сначала начерно, а потом, проверив, внеся поправки, переписывал начисто. И уже тогда, в детстве, окружающих поражало в нем это счастливое сочетание редкой одаренности с неизменным трудолюбием.

С годами эти так отчетливо обозначившиеся уже в детские годы черты развивались. Как известно, он был исключен из Казанского университета за активное участие в студенческих волнениях. Царские власти отказали ему в визе на выезд за границу, где он мог бы продолжать образование в одном из европейских университетов. Владимир Ульянов жил под негласным надзором полиции, и лишь весной 1890 года ему наконец разрешили сдать экстерном экзамены за курс юридического факультета в Петербургском университете.

Два с лишним года было пропущено. И все же Владимир Ульянов решил окончить университет вместе со своими казанскими однокашниками. Для этого ему за полтора года надо было освежить весь гимназический курс и пройти то, что его товарищи пройдут за четыре года университетских занятий. Тут юный Ульянов проявляет уже настоящее ленинское умение сосредоточиться на решении задачи, которая далеко не каждому юноше на его месте оказалась бы по плечу. Он строго рассчитал время, отведенное на каждую дисциплину, и составил для себя программу подготовки. Взявшись за дело, он поражает даже близких упорством, усидчивостью, волей.

Летом, когда вся семья переезжает на хутор близ деревни Алакаевки, что под Самарой, он в укромном месте отдаленной пустынной аллеи устраивает своеобразный, как шутливо называют семейные, «рабочий кабинет», состоящий из стола и скамьи, окруженных зеленью. После утреннего чая он приходит сюда, сгибаясь под грузом книг, словарей, тетрадей, и весь погружается в них. В эти часы никто и ничто не может отвлечь его от занятий или хотя бы рассеять его внимание.

Пообедав, он снова возвращается туда, на этот раз уже с какой-нибудь книгой по общественным вопросам,

причем и эту книгу он не просто читает, а изучает, делает выписки, заметки, отмечает для себя вопросы, вызванные чтением. Вечером, когда вся семья собирается на крылечке вокруг вынесенной из дома лампы, он тоже пристраивается рядом с книгой в руках.

И вот в результате такого организованного и упорного труда он в назначенный им самим срок, закончив подготовку, блестяще сдает экзамены за все четыре университетских курса и единственный из всех вместе с ним экзаменовавшихся получает высшие оценки по всем предметам. Ему присуждают диплом первой степени. Таким образом, лишенный возможности регулярно учиться, он отлично окончил университет одновременно со своими казанскими однокурсниками.

Эту организованность он пронес через всю свою жизнь. Точность всегда и во всем, от обязательства в срок вернуть книгу до его привычки всегда минута в минуту открыть любое заседание, чрезвычайная требовательность к себе и к окружающим, умение не забывать ни одного однажды начатого дела, как бы оно ни было мало, тщательная проверка исполнения — все это вместе может быть названо ленинским методом работы.

На заседания Совнаркома и Совета Труда и Оборона он выходил из маленькой двери своего кабинета строго в назначенный срок и сразу же без предисловий, без раскачки открывал заседание. Требовал, чтобы говорили обдуманно, кратко. Краснобаев, пустословов, мастеров прикрывать отсутствие мысли цветистостью речи просто не терпел. Многословие, пристрастие к длинным речам считал серьезным недостатком партийного работника.

Ленин чрезвычайно ценил и поощрял коллективность. Он предпочитал преодолеть много препятствий, но добиться всестороннего обсуждения вопроса и коллективного, именно коллективного, его решения. Коллективность считал важнейшим принципом партийного руководства, тем, что обеспечивает партии полный и прочный успех в достижении ее целей. Он так и говорил:

«Надо подчеркнуть с самого начала, чтобы устранить те или иные недоразумения, что только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро, или Политбюро, или пленуме ЦК, исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем ЦК партии. Иначе работа ЦК не может идти правильно». Этому принципу он сам неукоснительно следовал всю жизнь.

Характерным было и само поведение Ленина на заседаниях Совнаркома и Совета Труда и Оборона.

Обладея огромным авторитетом, большой силой влияния и не желая подавлять инициативу окружающих, стараясь узнать их непредвзятое суждение, Владимир Ильич никогда не выступал первым. По привычке тихо постукивая о стол карандашиком, он внимательно выслушивал все мнения. Иногда в его живых темных-карих глазах загоралась ободряющая улыбка, иногда они иронически щурились, иногда приобретали задумчивый вид. Окружающие все время чувствовали, что он слушает, взвешивает, сопоставляет. Без надобности Владимир Ильич никогда не прерывал оратора, но, когда это требовалось, умел дать короткую, лаконичную реплику, всегда точно попадавшую в цель.

Память у Ленина была поразительная. Прослушав выступления, он почти без записи, даже без заметок, подводя итог сказанному, умел по памяти отобрать, выстроить в ряд, привести в логическое соответствие все самое интересное и важное из того, что было услышано, дополнив своим, тоже уже обдуманым. Все это у него получалось так стройно и логично, что после его обобщений решения принимались почти всегда единогласно или подавляющим большинством голосов, даже если до этого по обсуждаемому вопросу на заседании происходили горячие споры. Организующим началом была всепобеждающая ленинская логика, ленинские знания, ленинское умение в подтверждение своей мысли подобрать совершенно неоспоримые примеры из жизни, которые помогали ему убедить инакомыслящих.

НА ТРИБУНЕ

Многие из современников, даже те, кто боролся с ним, вспоминая Ленина-оратора, говорят о неотразимости ленинской логики, заставлявшей людей даже против своей воли соглашаться с его доказательствами.

Описывая речь Ленина на Пятом (Лондонском) съезде РСДРП, где ему приходилось выступать против сильнейших меньшевистских ораторов, участник этого съезда М. Горький говорит:

«Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто».

Просто о сложнейших вопросах! Эти слова можно прочесть в воспоминаниях тех, кому довелось видеть Ленина на трибуне, слышать его речь. К этому можно добавить: и кратко, и предельно логично, и всегда обдуманно, так, что и сейчас, столько лет спустя, самому строгому редактору ничего нельзя выкинуть из стенограммы любой ленинской речи, не обеднив ее. И во всем этом: в этой требовательной обдуманности каждого произнесенного слова, в необыкновенной ясности и простоте речи — стиль Ленина-оратора, Ленина-агитатора, Ленина-полемиста, Ленина-публициста.

Давний соратник Владимира Ильича Е. Д. Стасова так говорит о Ленине-ораторе:

— Внешне Владимир Ильич говорил очень просто. Он обычно похаживал взад и вперед, иногда закладывая большие пальцы рук за проймы жилета, иногда выбрасывал вперед правую руку с вытянутым указательным пальцем. Слушая впоследствии Плеханова, я невольно сравнивала его с Владимиром Ильичем. Плеханов был блестящим оратором, говорил красиво, с повышением и понижением голоса и многочисленными жестами, как актер, но у него не было ленинской силы логики, силы убеждения.

Первое впечатление всегда самое яркое и самое запоминающееся. В этом отношении являются необыкновенно ценными наблюдения Т. Кривова — рабочего уфимских железнодорожных мастерских, большевика, ставшего впоследствии профессиональным революционером. Кривов рассказывает о первой встрече с Лениным в русской Тургеневской библиотеке, существовавшей тогда в студенческом, Латинском квартале столицы Франции.

Как и все большевики, Кривов, разумеется, знал вождя своей партии, был знаком с его работами. Как чуваш по национальности, одиннадцатый сын в бедной крестьянской семье, он, с детства батрачивший летом у сельских богатеев, зимой бегал в одну из нерусских сельских школ, которые в том краю звали «ульяновскими», ибо учреждены они были благодаря заботам Ильи Николаевича Ульянова, которого в поволжских селах знали, уважали и почтительно называли «главный учитель». Спустя годы узнал подпасок, что старшего сына «главного учителя» царь приказал повесить за то, что тот выступал за народ. Очутившись в Уфе, в железнодорожных мастерских, втянувшись в подпольную революционную работу, он узнал, что Ленин — второй сын человека, о котором с такой любовью говорили в селах с нерусским населением.

И вот он в Париже знакомится с Лениным, беседует с ним. Ленин жадно хочет знать, что происходит в Рос-

сии. Он обрушивает на Кривова поток вопросов и слушает не перебивая. Он — весь внимание.

— Звонок прерывает нашу беседу,— вспоминает Кривов.— Зал моментально заполняется людьми. Свободных мест нет. Ленин пожимает мою руку и быстро идет на эстраду. В его манере выступать нет ничего необычного, броского, рассчитанного на чисто внешний эффект. Разве вот только, когда хочет подчеркнуть какую-то мысль, отступает на несколько шагов вглубь сцены и оттуда идет на слушателей, как бы неся на раскрытой ладони вытянутой руки эту важную мысль. И ему отнюдь не все равно, как его слушают. Если в зале или в части зала чуть ослабло внимание, Ленин сразу замечает это. В ход пускается острая реплика, летит меткое словцо — и аудитория снова в руках. Я потом много раз слышал Ильича. И всегда меня покоряла в нем удивительная внутренняя собранность, невольно передававшаяся всем, кто его слушал.

Ленин не терпел всяческие словесные красоты пустых говорунов. Богатейшая и чистейшая ленинская мысль, для выражения которой он употреблял минимум, но зато наиточнейших, наинужнейших слов,— эта мысль, делавшаяся в его устах одинаково доступной и академику и неграмотному крестьянину, пленяла аудиторию, приковывала ее внимание, заставляла слушателей мысленно сопоставлять сказанное с собственным житейским опытом и как бы приводила их самих к тем выводам, которые делал оратор.

Известный чехословацкий революционер, один из создателей Компартии Чехословакии, Богумир Шмераль, прослушав выступление Владимира Ильича на IX съезде РКП (б), взволнованно записывает в этот день в своем дневнике:

«Чем дальше говорит Ленин, тем напряженнее масса слушателей. Руки поднимаются для рукоплесканий и словно застывают раньше, чем встретятся: напряженность, вызванная новой фразой, не оставляет им времени для того, чтобы сомкнуться. Только с трудом сдержива-

емый кашель показывает признаки жизни этого как бы окаменелого напряжения. Так овладевает в совершенстве Ленин не только своими мыслями, но и своим народом. По лицам делегатов видишь: его мысли — их мысли, его жизнь — их жизнь».

Выступая, Ленин обычно не имел перед собой заранее написанного текста. Он не читал, он всегда произносил свои выступления. Но любое его выступление было всегда обдуманно, самым тщательным образом собран материал, проверены мысли. Именно — мысли, а не слова, в которые они будут облечены.

А. А. Андреев, много раз слышавший Владимира Ильича, подчеркивает точность ленинских выступлений, продуманность каждой мысли, умение схватывать живое. В этой точности их всепобеждающая сила.

— Несмотря на краткость и сжатость его выступлений, каждый раз оставалось впечатление, что он сказал все, что нужно; все остальное, чего он касался лишь вскользь или совсем не касался, имело второстепенное значение. Это оттого, что он всегда говорил о главном, выбирал основное зерно, на котором и нужно было сосредоточить все внимание. Речь его была цельная, как глыба, как слиток. Он ставил основную задачу, и все другие вопросы, которых он касался, находились в сцеплении, в прямой связи с главной темой выступления, одно положение — в тесной, неразрывной связи с другим.

Так рисует А. А. Андреев Ленина-оратора.

Последовательное, логическое развитие мыслей излагалось в кратком плане, который Ленин, выступая, держал в руке. Это давало ему возможность строить любую, даже посвященную сложнейшим вопросам, речь в виде свободного разговора, говоря, смотреть в лица слушателей и, глядя в них, зажигаться самому и неизменно зажигать аудиторию.

Это было характерно не только для программных ленинских выступлений, но и для речей, произнесенных экспромтом на митингах и собраниях, на деловых заседаниях.

ПРОСТОТА

Горький вспоминает: когда сормовского рабочего, знавшего Владимира Ильича, спросили, какова, по его мнению, самая запоминающаяся черта Ленина, он, подумав, ответил:

— Простота. Прост, как правда.

Точнее характеристики не представишь. Теперь, когда собраны и опубликованы воспоминания тысяч людей, знавших Владимира Ильича в разные периоды его жизни, работавших с ним в первых рабочих марксистских кружках, встречавшихся с ним в подполье, в ссылках, в эмиграции, в грозные дни Октябрьских боев и потом, когда он стал главой первого в мире государства рабочих и крестьян, многие из них, вспоминая дорогой образ, говорят об этой ленинской простоте.

Но то была особая простота, не имеющая ничего общего ни с простоватостью, ни с демагогическим простачеством — «игрою под простачка». Это была простота гения, которому, для того чтобы завоевать сердца и души, не нужно ничего на себя напускать, а надо только оставаться самим собой.

Да, это была простота правды. В этом и заключалась ее огромная притягательная сила.

Благодаря этой своей простоте Ленин, ненавидевший всякую позу, не любивший приветствий, аплодисментов, здравий, юбилейных чествований, старавшийся ничем не

выделяться среди других, — несмотря на все это, он не сливался ни с какой толпой и неизменно оказывался в центре внимания.

Прекрасно рассказывает об этой всепокоряющей ленинской простоте американец Альберт Рис Вильямс, ставший вместе со своим другом Джоном Ридом свидетелем решающих битв Октябрьской революции. Этот рассказ записан с его слов. Впрочем, все это в ином виде есть в его книге «Ленин как человек и его работа», изданной в свое время в Америке миллионными тиражами. Это была первая книга, рассказывавшая западному миру о великом вожде Октябрьской революции.

— ...По вечерам, когда мы с Ридом, падая от усталости, добирались наконец до своих номеров в отеле, мы обязательно говорили об этом человеке, которого нам еще не удалось повидать. Старались представить, каков он из себя, в чем сила его обаяния, чем он так неудержимо влечет к себе сердца всех этих голодных рабочих, оборванных солдат, приезжавших с разрушающихся фронтов, военных моряков, представлявших, как многим казалось тогда, самые необузданные силы революционной стихии.

Ленин, таинственный Ленин, которого одни проклинают, а другие превозносят, считают истинным революционным гением, которого яростно травит печать всех других партий, само имя которого вызывает просто скрежет зубный у офицеров и зажигает восторгом глаза рабочих, солдат, матросов, этот еще не виданный нами Ленин все больше и больше занимал наше воображение...

Мы расспрашивали о нем наших знакомых из революционных русских эмигрантов, живших у нас в Штатах и теперь репатрировавшихся в Россию. Некоторые из них знали Ленина, другие были только знакомы с его делами. Но все с восторгом говорили о нем. И характерно — никому из них не удавалось нарисовать его портрет. Нам все больше хотелось увидеть этого человека, а он в те дни вынужден был скрываться от ищеек Временного правительства, — волнуясь, рассказывает Вильямс.

— Ну и каково же было ваше впечатление, когда вы впервые увидели Владимира Ильича?

— Хо-хо—впечатление! Вы думаете, так легко рассказать... Я впервые увидел Ленина в огромном зале Смольного, переполненном толпами солдат, рабочих, матросов. Это было в ту ночь, когда загрохотали пушки «Авроры». Зал клокотал, гудел... Но тут председатель произнес: «Слово предоставляется товарищу Ленину...» На мгновение все стихло, а потом разразились такие аплодисменты и приветствия, что, казалось, задрожали сами массивные колонны.

Мы, сидевшие на журналистских местах, замерли и напряглись: вот сейчас появится этот человек, которого мы так жаждали видеть.

Но сначала, как мы ни приподнимались, можно было заметить лишь движение на сцене, где кто-то пробирался к трибуне среди ликующих и аплодирующих людей. Наконец мы увидели Ленина и были поражены.

Мы представляли, что перед нами появится мужчина огромного роста, сама внешность которого сразу же приковывает внимание, а на сцене стоял невысокий, коренастый, лысый человек с рыжеватой бородкой. Зал, казалось, был готов развалиться от грома приветствий, а он стоял, слегка улыбаясь, делал нетерпеливые жесты, показывал на часы, дескать, время идет, не надо терять его попусту... И когда ему как-то удалось загасить эти овации, он энергичным, я бы сказал, веселым голосом произнес слова, которые мы, разумеется, тотчас же записали, но которые вот сейчас, столько лет спустя, я легко воспроизвожу по памяти.

«Товарищи! Мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства...» — так начал он...

Это мое первое впечатление,— закончил Вильямс.

ЧЕЛОВЕК-МАГНИТ

Ленин никогда не стремился быть первым, никогда, ни при каких условиях не подчеркивал своего превосходства, но его ум, его обширные знания, его опыт, его обаяние, вся его прекрасная жизнь большевика, без остатка отданная революции, неизменно выдвигали его вперед, заставляли прислушиваться к каждому его слову. Это его как бы естественное первенство вынуждены были признать и те, кто его не любил, кто с ним боролся. Это был человек-магнит, к которому тянулись человеческие сердца. Это был настоящий народный вождь, которого, несмотря на его интеллигентность и всем известную ученость, рабочие и крестьяне признавали своим человеком. Он был единственным, кого рабочие и крестьяне называли между собой не товарищ Ленин и даже не Владимир Ильич, а просто Ильич. Так обращались тогда в их среде к самым любимым, самым уважаемым и именно своим людям.

Ленин никогда не боялся соперничества. В течение всей своей деятельности он старался стягивать к себе и сплачивать для совместной работы самых ярких людей, людей большого таланта, волевой энергии, людей выдающихся. Он готов был «ухаживать» за такими людьми, радовался их успехам, всячески способствовал росту их авторитета и даже готов был прощать им человеческие слабости, если слабости эти, разумеется, не касались большевистских принципов. И когда кто-нибудь в его при-

сутствии пытался наушничать или распространяться об «отрицательных качествах» отсутствующего товарища, Ленин резко прерывал говорившего, кем бы он ни был, какой бы он пост ни занимал в партии и государстве, и говорил:

— Вы расскажите лучше, какова линия политического поведения этого товарища.

Политическое поведение! Вот что служило Владимиру Ильичу первой и самой важной характеристикой того или иного работника. Тут уж он не мог терпеть расплывчатости, неопределенности. Когда, рекомендуя кого-нибудь, ему говорили, что такой-то хороший человек, он нетерпеливо издавал свое, так часто звучавшее в его беседах, «гм-гм» в самой иронической интонации и тут же спрашивал:

— А при чем тут «хороший»? Лучше скажите-ка, как он себя держит в вопросах политических.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ, НЕПРИМИРИМОСТЬ

В делах принципиальных, когда речь шла о политическом поведении человека, Ленин был тверд, прям, непреклонен. Как бы он лично ни любил человека, какая бы давняя дружба, какие бы воспоминания ни связывали его с ним, он никогда не прощал искривления партийной линии и не успокаивался, не мирился с человеком, допустившим такое искривление, пока тот до конца не признавал свои ошибки и не начинал исправлять их. Когда речь шла о принципах, Ленин не останавливался перед тем, чтобы решительно разорвать старую дружбу, разрушить давний авторитет.

Известно, как в молодости он любил Плеханова и до конца жизни с уважением относился к его марксистским трудам. Когда кто-нибудь из знавших Плеханова или побывавших у него приходил к Владимиру Ильичу, тот подробнейшим образом расспрашивал о здоровье, о жизни Плеханова. Но при всем этом уважении Ленин не уставал беспощадно бичевать Плеханова за измену делу рабочего класса, за отход от действенного, боевого марксизма, не уставал разоблачать его ошибки.

А вот еще более разительный пример этой ленинской принципиальности и непримиримости. По-человечески Ленин в свое время любил и ценил Мартова. Его связывала с ним революционная молодость, совместная деятельность еще со времен «Союза борьбы за освобождение рабочего

класса». В то же время не было в партии человека, который бы с такой прямоотой и резкостью выступал против меньшевистских взглядов Мартова, кто бы так прямо и беспощадно разоблачал его, как Ленин. Его друг и жена Надежда Константиновна, перед которой душа Владимира Ильича всегда была открытой, вспоминая об этой ленинской черте, говорила потом: «...Смутить Ильича враждебные взгляды и крики даже близких товарищей не могли, но был он живым человеком и тяжело переживал расколы с людьми, с которыми перед тем работал рука об руку, не спал ночь, нервы у него ходили...»

Выступая на Третьем съезде комсомола, Ленин сказал: «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата». Это один из его основных заветов молодежи. Сам он всю жизнь был примером такого самоотверженного служения делу рабочего класса, примером умения подчинять себя всего без остатка интересам классовой борьбы пролетариата.

Он почти никогда не ошибался в людях. После обмена двумя-тремя фразами с человеком, только что вошедшим к нему на прием, он уже представлял себе собеседника и сразу же находил в общении с ним верный тон.

Пристально приглядевшись к человеку, он видел его всего: с его достоинствами, недостатками, с его сильными и слабыми сторонами. И, разглядев человека, он старался определить его на такое место, где тот имел бы возможность развернуть все лучшее, что в нем есть. Слабые же стороны тех, с кем он работал, он все время держал под своим контролем, старался не давать им развиваться.

Люди, близко соприкасавшиеся с Лениным, всегда поражались этой его дальновидности, пронизательности в отношении людей, сотрудничавших с ним. Поразительный образец этой дальновидной пронизательности он проявил в последние месяцы своей жизни, продиктовав «Письмо к съезду» и другие письма и статьи.

Владимир Ильич хорошо сознавал опасность своей болезни и допускал, что ряд важнейших статей и писем,

которые он диктовал в эти дни, могут быть последними, и это придавало им характер политического завещания.

В «Письме к съезду» Владимир Ильич рассмотрел вопрос об устойчивости партии и с точки зрения личных качеств ряда членов Центрального Комитета партии, дав характеристики Л. Троцкого, Л. Каменева, Г. Зиновьева, Г. Пятакова, Н. Бухарина.

Говоря об этой ленинской черте, Горький писал с некоторым даже удивлением:

«Не всегда хотелось верить в его предвидения, и нередко они были обидны, но, к сожалению, не мало людей оправдало его скептические характеристики».

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

Владимир Ильич был человеком долга в самом высоком и чистом смысле этого слова. Чтобы быть точным, надо добавить — революционного долга. Требовательный к людям, он прежде всего был требовательным к себе. Требуя от членов партии неукоснительного выполнения решений ЦК, он прежде всего сам выполнял их. Стоя на страже советского закона, он первым подчинился этому закону. Так было в большом и в малом. Рассказывая об этом, никак не обойдешь один характерный случай.

В коридоре, что вел в квартиру Владимира Ильича, комендант Кремля установил пост. В день, о котором идет речь, на пост был поставлен молодой курсант школы ВЦИК, не знавший Ленина в лицо. Он заступил Ленину дорогу и строго спросил:

— Пропуск.

— Да вот же дверь в мою квартиру, — удивленно сказал Владимир Ильич, показывая рукой.

— Не могу знать, — ответил часовой. — У меня приказ никого без пропуска не пускать.

Владимир Ильич, не споря, отправился в комендатуру, взял себе разовый пропуск и с его помощью прошел домой.

Сдав пост, курсант доложил дежурному по комендатуре о человеке, пытавшемся пройти в жилище Ленина

без пропуска. Вся комендатура, разумеется, уже знала о происшествии.

— Знаешь ли, кого ты не пустил? — строго спросил у курсанта дежурный.

— Никак нет.

— Председателя Совнаркома, Ленина.

Курсант мучительно покраснел. Он тотчас же пошел к Владимиру Ильичу просить прощения. Тот спокойно, серьезно выслушал его, и, может быть, лишь где-то в уголках узких прищуренных глаз играли веселые огоньки.

— Нет, — сказал Владимир Ильич, — вам извиняться не за что. Распоряжение или приказ коменданта на территории Кремля — закон. Как же я, Председатель Совнаркома, могу этот закон нарушать? Именно я был виноват, а вы правы, товарищ.

Трогательно заботясь об окружающих, Владимир Ильич часто забывал о себе. Он порою зарабатывался до головных болей, до бессонницы. А дела все наплывали, и не было сил оторвать его от них. Не раз, видя его состояние, Надежда Константиновна звонила в Центральный Комитет партии, и ЦК принимал решение: предоставить В. И. Ульянову (Ленину) столько-то дней для обязательного отдыха. Из ЦК ему сообщали по телефону:

— Владимир Ильич, состоялось решение, вам предоставлен обязательный отпуск на столько-то дней.

В ответ слышалось ленинское «гм-гм-гм», на этот раз в самых сердитых интонациях, и вопрос:

— Когда прикажете приступить к отпуску?

К постановлению Центрального Комитета, даже по такому сугубо личному поводу, Ленин относился со всей серьезностью.

В архиве и сейчас можно увидеть удивительный документ, говорящий о той строгости, с которой Владимир Ильич относился к любому произвольному изъятию из существующих законов, прежде всего в отношении самого себя.

В связи с обесценением денег в марте 1918 года Вла-

димиру Ильичу, без согласования с ним, была увеличена заработная плата. И вот в ответ он написал следующую бумагу:

«Секретарю Совета Народных Комиссаров Николаю Петровичу Горбунову.

Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной незаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с управляющим делами Совета В. Д. Бонч-Бруевичем, в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 года, объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Эта бумага написана сухим, может быть, подчеркнута канцелярским языком. И именно она служит бесценным живым штрихом, дополняющим образ Ленина.

ЧЕЛОВЕЧНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК

Ленин, совмещавший в себе величайшего ученого, пламенного революционера, мудрого государственного деятеля, показывал пример аккуратнейшего соблюдения законов социалистического государства. При всем том в личной жизни он не был педантом, оставался человечнейшим из людей, с душой, широко открытой для прелестей природы, для наслаждения литературой, музыкой, искусством. Ленин — человек-монолит, в нем все было целостно, гармонически слито и как бы дополняло одно другое. Это был человек, полный энергии и жизни. Он с богатырской мощью, как бы даже сам не замечая тяжести, нес на себе и гигантское бремя дел, и свою по-длинно всемирную славу.

С самой ранней юности, как уже говорилось выше, Владимир Ульянов поражал окружающих умением сочетать хорошую учебу, неутомимую любознательность, поглощение массы книг с увлечением всеми детскими играми, с купанием, гимнастикой, с игрой в шахматы. Впоследствии он даже состязался на доске с лучшими игроками Самары. Уже написано о том, с каким невероятным напряжением приходилось ему готовиться к сдаче экзаменов за университетский курс. Но, прочитав и усвоив положенное им себе на день, проверив усвоенное, он с непосредственностью, которая отличала его всегда и во всем, снова становился самым веселым, самым подвижным членом семьи: шутил, заражал всех бодростью, смехом, с шумом бросался в воду с крутого берега во время купаний, с увлечением занимался гимнас-

тикой на турнике, который он сам и соорудил в глубине сада. Вместе с молодежью он охотно пел, всегда предпочитая веселые, бравурные мелодии и песни, в которых звучали отвага, удаля, высокий подъем, призыв.

Чаще других исполнял он дуэтом вместе с любимой сестрой Ольгой известную песню «Пловец», написанную на текст поэта Языкова:

...Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой...

Друг Владимира Ильича по эмиграции М. Эссен, вспоминая о Ленине-человеке, рассказывает о том, каким он был среди друзей, в домашней обстановке. Тут уж надо предоставить слово самой воспоминательнице, ибо в пересказе неминуемо улетучится аромат обстановки тех дней:

«Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы.

Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен — «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки». С большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей», «На старом кургане в широкой степи». Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири — «Ревела буря», «Славное море, священный Байкал» — и песнь о Степане Разине — «Есть на Волге утес». Особенно отчетливо пелся куплет:

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет:
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Очень нравился Владимиру Ильичу куплет, дописанный М. С. Ольминским к «Дубинушке»:

Новых песен я жду для родной стороны,
Но без горестных слез, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Звучали призывом к восстанью.

Утомившись и перепев любимые революционные песни, приступали к слушанию сольных номеров. Замечательно пел С. И. Гусев. У него был сочный голос, и пел он, не жалея сил. Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского «Ночь», «Средь шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки», и песнь Даргомыжского «Нас венчали не в церкви», и арии тореадора из «Кармен». Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни! Под конец пела я тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались...»

В последние годы жизни у Ленина не было времени посещать публичные концерты. Когда же удавалось услышать хорошую музыку, он слушал упиваясь. После одного домашнего концерта, в котором хороший пианист исполнял Бетховена, он с волнением говорил:

— Ничего не знаю лучше «Аппассионаты», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

Так сказать мог только человек, не просто любящий музыку, но и умеющий весь проникаться ею. Ленин проникался музыкой настолько, что в дни особенно напряженной работы отказывался посещать даже домашние концерты. Однажды, когда один из его друзей из старой большевистской гвардии, видя, как Владимир Ильич устает, спросил его:

— Почему вы не попробуете развлечься хоть немного хорошей музыкой?..

Ленин, покачивая головой, ответил:

— Нет, нет, не могу, музыка слишком сильно на меня действует...

Где бы ни жил Владимир Ильич, даже оказавшись на далекой чужбине, в эмиграции, он старался проводить свободное время на лоне природы. И будь то могучая сибирская тайга, берега красавца Енисея, зеленые саянские увалы или влажная, яркая зелень лондонских парков, причесанные горные красоты Швейцарии или суровые отроги польских Карпат, скупая растительность финских перелесков или скромная и всегда милая его сердцу красота лесов Центральной России,— природа властно тянула его к себе. Каждый свободный час, а их у него в жизни было мало, он старался провести на воздухе — в лесу, в горах, на реке, на озере.

Ленина легко представить себе в охотничьих сапогах, с ружьем за плечами. Но все-таки он не был охотником в полном смысле этого слова. Ружье было лишь поводом побродить по рощам, посидеть над водной гладью. Но и тут, на свежем воздухе, его мозг продолжал неутомимо работать. Бродя по лесам и горам, он наедине с природой сосредоточенно обдумывал свои будущие статьи, книги, речи, полемические выступления. Один из близко знавших его людей не без юмора раскрыл секрет этих ленинских экскурсий: «Лезет на живописную гору, а думает не о горе, а о меньшевиках».

Характерно, что в своих охотничьих походах Ленин почти никогда не был одинок, всегда стремился использовать их, чтобы потолковать по душам со спутниками, с рыбаками, с егерями, с крестьянами — хозяевами изб, где останавливался ночевать. Как всегда, он легко сходился с простыми людьми, быстро завоевывал их симпатии, они охотно раскрывались перед ним.

В воспоминаниях Горького сохранен такой трогательный штрих. Дело было в море, у берегов Капри.

Каприйские рыбаки, сразу принявшие Ленина в свою компанию, учили его ловить рыбу лесой без удилица, по местному обычаю привязав ее прямо к пальцу.

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Это значило, кажется, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожание леси. И вот большая рыба клюнула. Ленин удачно подсек ее и, ведя к лодке, с восторгом ребенка и азартом охотника победно кричал:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки, успевшие проникнуться симпатией к этому веселому, сердечному русскому за то короткое время, которое он провел с ними, долго не забывали о нем после того, как он уехал, и все спрашивали Горького:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?

Уже будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, по горло занятый и за неделю устававший до тяжелых головных болей, Владимир Ильич не упускал случая хоть ненадолго съездить с ружьем в лес.

С юношеских лет знал он повадки зверья и птицы, умел читать на земле след, хорошо ориентироваться в лесу, умел незаметно подобраться к дичи, знал, когда на охоте спустить собаку и в какой момент стрелять.

Но охотничьи трофеи никогда не были для него самоцелью. Однажды, стоя в секрете, он увидел, как совсем рядом, из кустов, появилась лисица. Он находился с подветренной стороны. Не чуя засады, лисица медленно, осторожно ступая по сверкающему насту, шла мимо него. Она, как говорят охотники, «сама лезла на мушку». Но он дал ей пройти мимо и безнаказанно скрыться в кустах...

— Какой великолепный зверь! — восхищенно сказал Владимир Ильич своим спутникам в ответ на их недоуменные взгляды.

На природе он весь как-то расцветал, шагал по охотничьим тропам легким, спорым шагом, улыбался, смотрел вокруг сияющими глазами.

Впрочем, как и всегда, эти выезды с субботы на воскресенье с ночевкой, и каждый раз почти в новое место, служили не только отдыху. Под вечер, усталые, неожиданно въезжали они в какую-нибудь незнакомую деревню. Заботясь о нем, шофер, как всегда, останавливал машину у самого большого и красивого дома:

— Попросимся сюда, Владимир Ильич...

Но Владимир Ильич всегда проходил мимо жилища богатея к какой-нибудь маленькой чистенькой избе. И почти никогда не ошибался. Хозяин оказывался интересным собеседником. Сидели, пили чай, закусывали скромной снедью, выданной в дорогу Надеждой Константиновной. Вели неторопливую беседу. На огонек заходили и еще люди. Беседа становилась общей. Владимир Ильич больше слушал, чем говорил. И как слушал! Каждому хотелось раскрыть перед ним душу.

Потом гость весело вставал:

— Ну, а теперь спать. Ведите-ка нас, хозяин, на сеновал, а то и зорю проспим... И, пожалуйста, не беспокойтесь, ничего нам не надо, никаких подстилок... Слышите? Будем спать прямо на сене, а то все удовольствие пропадет... Спать на сене!.. Хорошо...

И все-таки иногда возвращались с охоты с трофеями. Тогда Владимир Ильич прибегал к такой шутке. Он предлагал своему верному спутнику по охотничьим вылазкам, все тому же С. Гилю, съездить к кому-нибудь из своих товарищей по работе.

— ...Отвезите-ка ему эту дичь.— Тут в карих глазах его загорался смех.— Только сделайте это незаметно... Ну просто позвоните. Вам откроют. Ни слова не говоря, положите в передней. И тот же час уходите... Понимаете? Вот будет удивление. А?

И он смеялся своим жизнерадостным, звонким, заразительным смехом.

Даже когда, тяжелобольной, он получил возможность двигаться в кресле по дорожкам Горок, Ленин ездил вдоль аллей и... искал грибы.

ЛЮБОВЬ К ИСКУССТВУ

Через всю жизнь Ленин пронес и зародившуюся у него еще в юности любовь к художественной литературе. Правда, среди части его знакомых бытовало тогда мнение, будто бы он читает «только серьезные книжки» и за всю жизнь не прикоснулся ни к одному роману. Доходили такие суждения и до Надежды Константиновны Крупской.

«Товарищ, познакомивший меня впервые с Владимиром Ильичем, сказал мне, что Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда стихов не читал. Подивилась я. Сама я в молодости перечитала всех классиков, знала наизусть чуть ли не всего Лермонтова и т. п., такие писатели, как Чернышевский, Л. Толстой, Успенский, вошли в мою жизнь как что-то значащее. Чудно мне показалось, что вот человек, которому все это не интересно нисколько.

...Потом уж, в Сибири, узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина», — писала она в статье «Что нравилось Ильичу из художественной литературы».

Художественная литература была для Владимира

Ильича не только предметом наслаждения, но и одним из действенных средств познания жизни. В одном из воспоминаний воспроизведена такая сценка.

1904 год. Женева. Маленькое дешевое кафе. За столиком сидят Ленин, Воровский, Гусев и сам воспоминатель.

Разговор идет о мировой литературе, о судьбе книг, имевших некогда большой и шумный успех, возбуждавших много толков, но быстро отцветших и позабытых. Ленин участия в разговоре не принимал и рассеянно смотрел в сторону. Но вот воспоминатель причислил к таким «отцветшим» книгам «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Услышав это, Ленин сразу взметнулся так, что стул под ним заскрипел. Лицо окаменело, скулы покраснели, а это всегда было признаком того, что он сердится.

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он. — Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? Сам Маркс называл его великим русским писателем.

— Он не за «Что делать?» его так называл. Эту вещь Маркс, наверное, и не читал, — попытался оправдаться незадачливый собеседник.

— Откуда вы знаете, что Маркс ее не читал? Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами... Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепыхал. Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло... Я сам пробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель... Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь.

— Значит,—спросил очень заинтересовавшийся этими словами Гусев,—вы не случайно назвали в 1902 году вашу книжку «Что делать?»?

— Неужели о том нельзя догадаться...—все еще не остыв от гнева, отрывисто ответил Ленин.

Эта оценка показывает, как Ленин читал художественную литературу, как понимал и как высоко ставил ее великую воспитательную силу. Для него самого художественные произведения служили не только источником наслаждения, но и оружием в идеологической борьбе. В своих работах и в особенности в своих докладах и речах он, чтобы сделать мысли доходчивей, часто обращался к литературным образам, по памяти цитировал классиков. Знания в этой области у него были поразительные. Подсчитано, что в Собрании сочинений он около тысячи раз использует произведения художественной литературы и критики, цитируя, приводя образные сопоставления из произведений свыше семидесяти писателей.

В особенности часто обращался он к книгам М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Ленин глубоко понимал сокрушающую силу сатиры, и потому среди литературных образов, к которым он прибегал особенно охотно, есть и щедринский Иудушка Головлев, и Кит Китыч Островского, и гончаровский Обломов, и чеховские Душечка и «Человек в футляре».

Одним из друзей семьи Ленина была немецкая революционерка Клара Цеткин, человек широкообразованный, хорошо знавший и прошлое и современное для тех дней искусство. С ней однажды Владимир Ильич поделился своими мыслями об искусстве, мыслями, которые произвели на Цеткин такое впечатление, что в тот же вечер она их записала. Я позволю себе процитировать их по ее воспоминаниям.

«Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру,—говорил он ей,—это — хорошо, очень хорошо.

Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его», — все это неизбежно.

Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий... Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу...»

Сказав это, он тут же счел долгом заявить, и это заявление было для него принципиальным:

«Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не вправе сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты... Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе...»

И тут им были сказаны слова, которые любой советский художник, любой истинно социалистический мастер культуры может считать для себя основополагающими:

«Важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры».

Народность и партийность — вот мера, которой Владимир Ильич мерил художественные ценности.

Свою любовь к художественной литературе, свой интерес к искусству Владимир Ильич сохранил до конца жизни. Надежда Константиновна, которая в юности чуть было не поверила, что этот человек «не прочитал в жизни ни одного романа», теперь по вечерам читала ему беллетристику. Это были и Пушкин, и Салтыков-Щедрин, и Горький, и Демьян Бедный.

«Читаешь ему, бывало, стихи,—вспоминала Надежда Константиновна,—а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами». Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь,—никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...»

За два дня до его смерти Надежда Константиновна читала ему рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни».

Слушал внимательно, весь погруженный в свои мысли. Следил за тем, как в повествовании раненый, выбившийся из сил, больной человек, преследуемый больным волком, уже полумертвый, полубезумный ползет к своей цели, к своему спасению. Ползет и побеждает. Рассказ этот понравился ему чрезвычайно.

Владимир Ильич сам любил жизнь. Он любил в литературе и искусстве все, что вдохновляет, заряжает, что укрепляет веру в человека, в непобедимость человеческой воли, в торжество доброго начала. От лермонтовского «Мцыри», заученного им наизусть в детстве, через «Что делать?» Чернышевского, прочитанного в юности, линия его литературных симпатий привела к этому небольшому рассказу, утверждающему веру в непобедимость человека.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПТИМИЗМ

Ленин с детства любил юмор, ценил и понимал шутку. Люди, знавшие его, говорили, что трудно представить себе человека, который умел бы смеяться так весело, как он. А. В. Луначарский, долгое время близко знавший Владимира Ильича, с восхищением писал о том, «как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая склонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями! В самые страшные минуты, которые нам приходилось переживать, Ленин был неизменно ровен и так же склонен к веселому смеху». Ленин мог смеяться до слез, захлебываясь смехом, заражал им собеседников, и смех этот как бы открывал его отличный характер, крепкое душевное здоровье.

Ленин был вообще оптимист по натуре, но его оптимизм был особый, глубоко революционный, ленинский оптимизм, коренящийся не только и не столько в характере, сколько в непоколебимой вере в победу правого дела, в сознании величия целей своей борьбы, в любви к народу.

Смелый, честный, он всегда предпочитал смотреть правде в глаза. Как бы ни была горька и даже страшна эта правда, он никогда не скрывал ее ни от окружающих, ни от широких масс. При этом он ни на минуту не колебался в своей вере в несокрушимость и решающее зна-

чение революционной энергии миллионов рабочих и крестьян, вдохновленных большевистской партией.

В тяжелые июльские дни 1917 года Г. К. Орджоникидзе посетил Ленина, скрывавшегося под видом косаря в шалаше за озером Разлив. Владимир Ильич внимательно выслушал рассказ о том, что происходит в Петрограде. Вести были самые невеселые. Но Ленин не выглядел ни подавленным, ни растерянным. Он сидел на чурбане и задавал вопросы, живо интересуясь всем, что происходит в столице. Потом встал и твердо произнес:

— Меншевистские советы дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они — не органы власти. Власть у них отнята.— Все больше вдохновляясь, как о чем-то уже решенном и ясном, он сказал: — Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября...

И Орджоникидзе вспоминает:

«Все это я слушал с напряженным вниманием, впечатление было ошеломляющее. Нас только что расколотили, а он предсказывает через месяц-два победоносное восстание».

Да, Ленин умел не унывать и в трудные минуты. Наоборот, трудности превращали его в сгусток кипучей энергии. Энергия эта успокаивала тех, кто дрогнул, вдохновляла людей на новые бои. Она была так заразительна, эта ленинская, излучающая оптимизм энергия, что невольно влияла даже и на тех, кто был бесконечно далек от большевизма.

В самый разгар разрухи и голода в Советскую Россию приехал знаменитый английский писатель Герберт Уэллс. Он был в страхе и панике. Россия, разворошенная революцией, мнилась ему тонущим кораблем. Уэллсу казалось, что он становится свидетелем гибели не только этого крупнейшего государства Европы, но и всей человеческой цивилизации. Ленин встретил его в своем кремлевском

кабинете приветливо и открыто. Он усадил гостя в кресло, сам, по обыкновению своему, сел в кресло напротив, на отличном английском языке спокойно и откровенно ответил на все вопросы Уэллса, а потом, все больше и больше увлекаясь, стал развертывать перед ним план электрификации России.

Писатель, создавший столько фантастических романов, был поражен. Как? Там, за окном кабинета, огромная и, как ему казалось, повергнутая в хаос страна. Там голод, холод, тьма, расстроенные железные дороги, паровозы, ржавеющие в тупиках, а тут знаменитый вождь русских большевиков говорит почему-то об электрификации, о тракторах, о новой коммунистической промышленности.

У писателя-фантаста не хватило фантазии. Он так и писал потом в книге «Россия во мгле», вспоминая эту беседу, что вообразить электрификацию России, о которой ему говорил Ленин, можно лишь «с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром». Заявив, что он бессилён был объять разумом, поверить в ленинскую мечту, Уэллс все-таки признается: «Он говорил с таким жаром, что, пока я его слушал, я почти поверил в возможность этого».

Почти поверил! Как же заразителен был революционный оптимизм Ленина, как убедительна была логика его суждений, какой верой в творческие силы своего народа, в торжество политики своей партии он обладал, если сумел заставить напуганного и подавленного всем увиденным, начиненного старыми предрассудками и новыми убеждениями буржуазного писателя «почти поверить» в план ГОЭЛРО!

Уэллс назвал Ленина «кремлевским мечтателем». Да, марксист, материалист до мозга костей, он был мечтателем самого высокого полета, был человеком, гениальная мысль которого, как бы пронзая туман грядущего, видела славное будущее своего народа и всего человечества и освещала путь к этому будущему.

ЖЕНА И ДРУГ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Когда, осмысливая множество воспоминаний, стараешься представить себе портрет живого Ленина, рядом с ним всегда возникает образ его жены, его друга, его товарища — Надежды Константиновны Крупской. Этих двух людей связывало не только супружество, не только годы совместной, опасной, порой нечеловечески трудной работы, но и нежнейшая дружба и то полное взаимопонимание, какое можно считать величайшим счастьем в семье.

Обычно Надежду Константиновну представляют по портретам последних лет ее жизни — пожилая, усталая, подчеркнута просто одетая женщина с одутловатым, болезненным лицом и выпуклыми, бесконечно добрыми глазами. И мало кто из современников знает, что в юности и молодости, в первые дни знакомства с Владимиром Ульяновым и в первые годы их совместной жизни это была прелестная, статная русская девушка с пышной русой косой, с лицом мягкого овала, всегда обращавшим на себя внимание своей свежестью и нежным румянцем. Это была одна из тех девушек из русской интеллигенции, которые целиком, без остатка, отдались революции и были готовы на любой подвиг во имя победы дела рабочих и крестьян.

Такой встретил ее Владимир Ульянов в Петербурге, когда она была учительницей в школе для рабочих. Та-

кая она увлекла его, такой полюбил он ее однажды и навсегда. Такой оставалась она для него и тогда, когда тяжелая, неизлечимая болезнь, преследовавшая ее до последнего дня, неузнаваемо преобразила ее облик. Их совместная жизнь навсегда останется образцом счастливого супружества.

Так думали их друзья, наблюдавшие жизнь их обоих, так говорили все их родственники. На это же обязательно обращали внимание и все те, кому хотя бы раз доводилось побывать у них в гостях или просто наблюдать их вместе. В отношениях этих не было ничего показного. Все было естественно. Все зиждилось на силе их любви, на цельности их натур, на каком-то обоюдном душевном здоровье.

Автору этих строк довелось однажды посетить в Париже тихую улицу Мари-Роз, где когда-то на третьем этаже высокого, закопченного, некрасивого доходного дома Владимир Ильич и Надежда Константиновна снимали маленькую квартирку, из тех, какие во Франции называют «студенческими». Две комнатки и кухня-коробочка. Здесь французские коммунисты организовали теперь что-то вроде мемориального музея и постарались воспроизвести скромнейшую обстановку ленинского быта.

С помощью друзей удалось нам найти француза, помнящего Владимира Ильича. Человек этот живет у внука и уже так слаб, что почти не поднимается из старого кресла. В годы, когда Ленин жил в этом доме, он, «кузен консьержки», вернувшись из армии, выполнял обязанности дворника. «Супругов русских», снимавших «студенческую» квартирку на третьем этаже, он хорошо помнит. Он живо рассказывает, как «русский мосье» всегда приветливо здоровался с ним, спрашивал, как дела, интересовался мнением собеседника по тому или иному поводу, как он умел заразительно смеяться, как радовался, когда к нему приезжал кто-то из соотечественников.

— ...Он так любил этих приезжих! Однажды он поручил мне заложить его старые серебряные часы, чтобы ку-

пить несколько бутылок пива для своих русских гостей,— вспоминает старый француз.— А мадам — она была настоящая русская красавица: стройная, статная и всегда такая приветливая, хотя им обоим тогда не легко жилось и они не всегда вовремя вносили квартирную плату. Он ходил в свою публичную библиотеку пешком или ездил на велосипеде; не было денег даже на метро... Но они всегда были так приветливы и так любили друг друга...

Француз вспоминает, как однажды он, убирая утром улицу, нашел на крыльце подъезда книгу на незнакомом языке. Он сразу догадался, что потерял ее жилец третьего этажа, который часто возвращался из библиотеки, нагруженный книгами. И он постучался к ним в дверь. Русский очень обрадовался, что книга нашлась. Он и его жена, «у которой были такие пышные русые волосы и такие большие ясные глаза», усадили его, дворника, за стол, на котором стоял небольшой русский, как выразился рассказчик, «кипятильник». Они оба заботливо спрашивали его, сколько кусков сахара класть ему в стакан, а потом оба учтиво проводили до лестничной площадки, «будто я был не дворник, а бог вещь какая великая персона...».

Эти простодушные воспоминания старого французского позволяют как бы заглянуть глазами простого человека в семью Ленина, в годы, когда он и Крупская были молоды и жили в эмиграции. И невольно задумываешься над тем, какое же эта семья излучала обаяние, если навек вошла в память «кузена консьержки», на глазах которого в дом на улице Мари-Роз въехало и выехало столько людей!

Трудно даже представить себе более гармонические отношения между супругами. Этот неугасимый интерес друг к другу, это стремление воспользоваться каждой свободной минутой, чтобы побыть вместе, обменяться новостями, одинаково интересными для обоих, проверить в доверительной беседе новые мысли в самый момент их рождения — все это началось в те дни, когда красивая девушка из интеллигентной семьи после ареста была со-

слана в далекое Шушенское, где уже находился в ссылке любимый ею человек, и окончилось лишь со смертью Владимира Ильича.

И главным в этих отношениях были правдивость, честность, простота. Жили они всегда, как это подтверждает и свидетельство француза, более чем скромно. В эмиграции частенько наступало, как шутливо говорил Ленин, «сугубое безденежье», когда почему-либо прекращался и без того скудный приток гонорара за легальные издания ленинских произведений. Тогда Владимир Ильич зарабатывал на жизнь, читая публичные лекции, а Надежда Константиновна давала уроки или брала на дом изнурительную работу по надписыванию адресов на рекламных пакетах иностранных фирм, направляемых в Россию.

Они не держали прислуги. Надежда Константиновна и ее мать готовили обычно сами.

ЕГО КВАРТИРА

Эту же скромность Ленин сохранял, став главой Советского государства.

Мы уже упоминали о том, какую сердитую нахлобучку учинил он секретарю и управляющему делами Совнаркома за то, что те без законного основания увеличили ему заработную плату. Это не было ни жестом, ни даже воспитательной мерой для работников аппарата. Просто Ленин не мог представить себе, почему он в те тяжелые для страны времена должен жить лучше и нести материальные тяготы меньше, чем остальные граждане государства, которое он возглавлял.

Семья Ленина жила в Кремле в четырех комнатках. Одну из них занимал Владимир Ильич, другую — Надежда Константиновна, третью — Мария Ильинична, жившая в семье брата, а четвертая, проходная, выполняла обязанности столовой и гостиной. Здесь они сходились по вечерам у самовара. Здесь принимали друзей, которых у них было не мало... Эти комнаты обставлены лишь тем, что было абсолютно необходимо для жизни и работы. Ничего лишнего. Никакого мещанского украшения.

Ленин получал тот же паек, что и другие сотрудники Совнаркома, и резко пресекал всяческие попытки товарищей как-то увеличить этот паек и хоть чем-нибудь выделить его среди других. Эта его щепетильность, несомненно, была для него принципиальной, была рождена пони-

манием того, каким должен быть вождь победившего рабочего класса.

О том, как тщательно Ленин устранил из своей жизни все, что хотя бы отдаленно напоминало комфорт, говорит такой случай. Топили тогда в Кремле, как уже было сказано, скупо. В кабинете Владимира Ильича частенько было холодновато, и, чтобы не мерзли ноги, он положил себе под стол войлок. Потом кто-то из Управления делами Совнаркома разжился медвежьей шкурой. Однажды, придя к себе в кабинет, Ленин увидел под столом вместо войлока медвежью шкуру. И он вскипел: кто разрешил, зачем это сделали? Семьи рабочих мерзнут в нетопленных квартирах, а Председатель Совнаркома будет греть ноги в медвежьей полости? К чему эта роскошь?

И снова под столом был постелен войлок.

Что это? Может быть, мелочный педантизм? Нет, это лишь одно из проявлений ленинской принципиальности. Это глубокое сознание того, что руководитель нового общества должен делить с народом и радость и горе, торжество и печаль, делить лишения и тяготы жизни. Эта же поражавшая всех окружающих нетребовательность ко всему, что касалось материальных нужд, была чертой Надежды Константиновны, скромность которой также может быть поставлена в пример.

СРЕДИ ДЕТЕЙ

У Ленина не было детей. Может быть, это было даже трагедией его жизни, ибо детей он любил, как редко любят их столь занятые, всегда погруженные в дела, в раздумье люди. Он относился к детям с нежностью, сразу находил с ними общий язык, легко овладевал их сердцами. Он охотно, с явным интересом участвовал в детских играх.

Один из близких к нему людей, Н. А. Семашко, впоследствии народный комиссар здравоохранения, вспоминает, как в годы эмиграции в Париже Владимир Ильич часто заезжал к нему на велосипеде в воскресенье. «У меня тогда было двое малышей: мальчик лет 10 и девочка лет 13,— вспоминает Семашко.— Владимир Ильич, заезжая ко мне, иногда не заставал меня дома и оставался ожидать. И вот, возвращаясь домой, я заставал картину: мальчишка сидит у него на одном колене, девочка — на другом, и, обнявши Владимира Ильича, они с разгоревшимися глазами слушают его рассказ, и я поражался, как умел Владимир Ильич говорить с детьми — просто и ясно, как друг и учитель. А после серьезных разговоров Владимир Ильич иногда говорил моему сыну:

— Ну, Сергей, засучивай рукава, давай драться!

И мой флегматик-мальш деловито засучивал рукава, серьезно становился в позу против Владимира Ильича, и они начинали боксировать».

Общеизвестно, как широко отражена ленинская забота о детях, юношестве, о будущих гражданах социалистического государства в советском законодательстве. Ясли, детские сады, школы, комиссии по борьбе с беспризорностью, этим страшным порождением двух войн и разрухи, всеобщее народное образование и коммунистическое воспитание — все это постоянно находилось под неослабным наблюдением Ленина. Обо всем этом он заботился даже в дни, когда белые орды подходили к Москве, когда огромная страна цепенела от холода, голода и сыпного тифа.

Это была забота мудрого главы государства, вождя трудящихся о здоровой смене ветеранам революции, о будущем страны социализма.

Но, кроме этого государственного отношения, у Ленина до конца дней оставалось к детям еще и задушевное, так сказать, личное отношение. Человек, занятый больше, чем любой из его современников, он в свободные минуты часто оказывался окруженным ребятишками. Он не раз появлялся на детских елках, устраиваемых для рабочей и крестьянской детворы. И приезжал он туда не как почетный гость, а как активный участник детских забав. Он водил с малышами хороводы, загадывал загадки, любил ставить маленьких собеседников в тупик головоломными вопросами. Он возился с ребятишками, весь облепленный ими, и совершенно очевидно получал удовольствие не меньше, чем его маленькие друзья. Это было лишь одним из проявлений богатства его натуры.

В мемуарах В. Д. Бонч-Бруевича, одного из ближайших его сотрудников, есть чудесное описание одной такой елки, устроенной для детворы лесной школы в Сокольниках, в которой участвовали Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Описание столь яркое, что легче всего передать слово самому мемуаристу:

«— Хотите, Владимир Дмитриевич, участвовать в детском празднике? — как-то спросил меня Владимир Ильич.

— Хочу,—говорю я.

— Ну так вот, доставайте, где хотите, пряников, конфет, хлеба, хлопушек, костюмов, масок, игрушек, и поедем Надю навестить и детишкам праздник устроим, а на расходы вот вам деньги для складчины.

Год был трудный, голодный и холодный. Кое-как понемножку купили мы в складчину все, что могли, и отправили накануне в школу, чтобы детишки вместе с учительницами приготовили елку.

Решили поехать туда около 4—5 часов дня... Детишки окружили его и наперебой задавали различные вопросы.

— Во что мы будем играть? — спросила Владимира Ильича очень живая, деятельная девочка. — Давайте поскорей! А то скучно! Мы вас заждались! Ну, во что же?

— Сейчас хоровод вокруг елки,—ответил Владимир Ильич.— Петь будем, а потом в кошки-мышки...

— Согласны, согласны! — хлопая в ладоши, радостно кричала девочка, и все другие хором за ней.

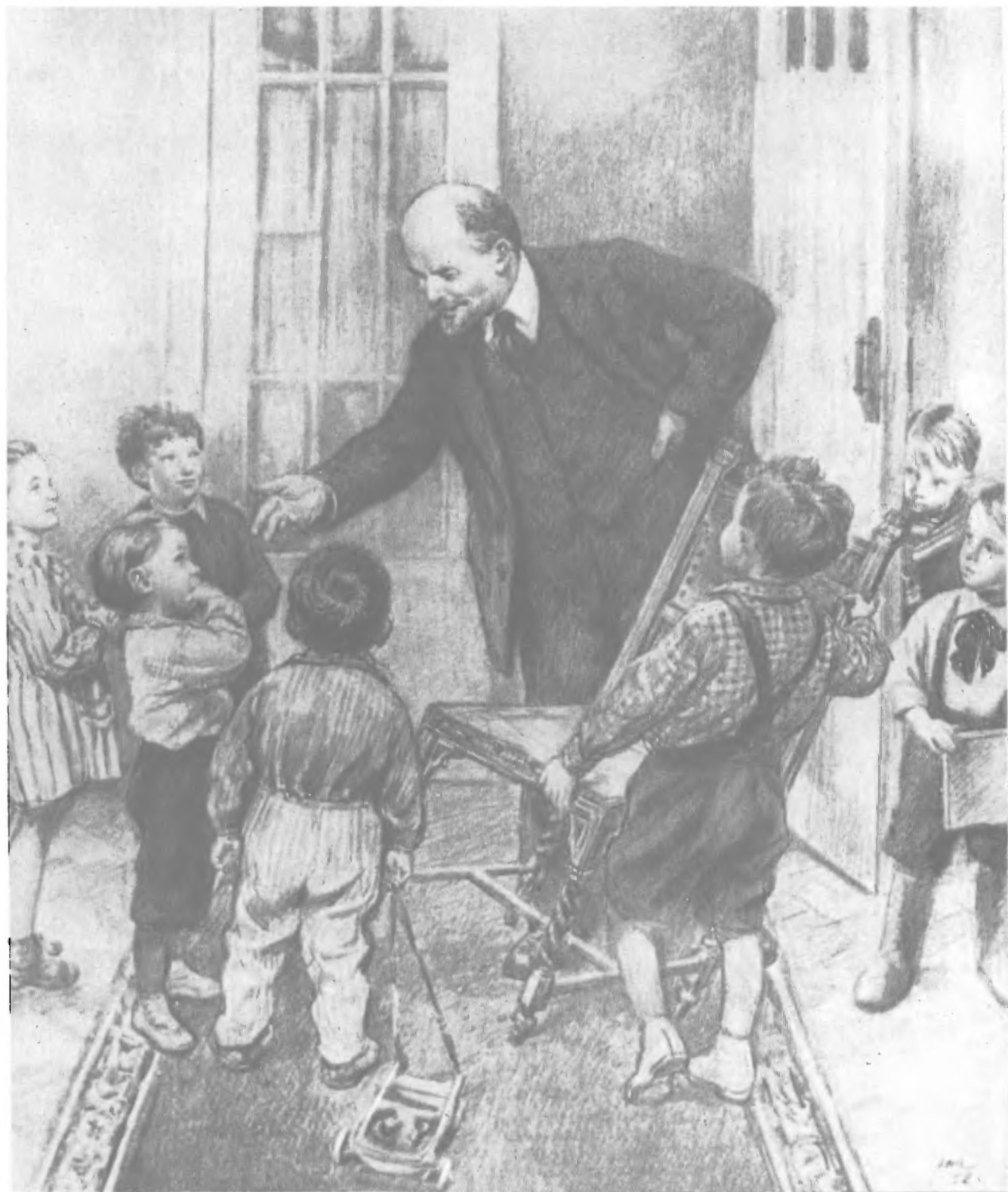
— Согласны! Ну так что же, за чем же дело стало... Давай руку! Тащи вот тех!.. Ну, живей присоединяйтесь!.. — И мигом образовался большой круг детей, в него втянулись взрослые, и Владимир Ильич пошел вокруг елки, и все — за ним.

— Ну, запевай! Что же ты? — живо обратился Владимир Ильич к той девочке.

Та, зардевшись, запела прекрасным свежим голоском. Все подхватили песню и закружились вокруг елки.

Владимир Ильич весь ушел в детский праздник, веселился, смеялся и дружно пел вместе с детьми. Его забрасывали вопросами, и он каждому успевал ответить, бросал шутки, остроты, сам задавал вопросы, загадки, и только приходилось удивляться, откуда это он все знает, все помнит...»

Незадолго до смерти, уже пораженный беспощадной болезнью, явившейся следствием постоянного нечеловеческого умственного напряжения, он, почти уже не двигавшийся, в разгар зимы почувствовал себя несколько

«ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

лучше. Организм угасал, но мощный мозг сопротивлялся сковававшему его склерозу, сохранял память, ясность мышления.

Снова была пора елок. В Горках, где теперь жил оторванный болезнью от дел Ленин, он решил устроить елку для окрестных крестьянских детей. Домашние и друзья убеждали этого не делать. Владимир Ильич настоял на своем.

Свежая, с мороза, с живыми блестками растаявшего снежка елка появилась в доме, наполнив его своей смолистой свежестью. В положенный час пришли маленькие гости. Оставив в прихожей вместе с шапками, армячками, жакетками и свою стеснительность, детвора хлынула в комнаты, наполнив их веселым гулом голосов, таких же свежих, как запах хвои.

В это время в комнате, где находился Владимир Ильич, происходили последние «схватки» его с Надеждой Константиновной, с сестрой Марией Ильиничной, с несколькими друзьями, приехавшими к ним в этот вечер, и с врачами, находившимися при нем на медицинской вахте. Все дружно убеждали больного не появляться в зале: шум, движение, волнение — все это было ему строгой запрещено. Но Владимир Ильич был непреклонен. Он заставил вывезти себя в кресле в зал, где стояла елка и уже закипало веселье.

Он тотчас же был окружен детьми, даже не окружен, а облеплен. Когда жена и сестра попытались извлечь его из этого окружения, он не на шутку рассердился. Тем, кто видел его в этот вечер, навсегда запомнилось радостное, ласковое сияние прищуренных карих глаз этого уже смертельно больного человека. Сраженный недугом, мучимый головными болями, он все-таки наслаждался шумной ребячьей компанией, кишевшей вокруг него...

Таким вырисовывается Владимир Ильич Ленин из рассказов родных и близких, из воспоминаний друзей и соратников, из статей тех советских и иностранных лю-

дей, которым посчастливилось встречаться с ним, беседовать, слушать его выступления. Таким вот простым, как правда, и был Ленин, наш вождь, учитель и друг, память о котором каждый советский человек хранит в лучшем уголке своего сердца.

И совершенно прав был один из старейших ветеранов большевистской гвардии Г. М. Кржижановский, знавший Ленина с молодых лет и до последних дней, говоря: «Если вы спросите любого из нас, стариков, имевших счастье быть в непосредственном окружении Владимира Ильича, не было ли в нем каких-либо черт, которые могли бы быть изменены к лучшему, мы все ответим вам единодушно: вот уж когда всякое «лучшее» было бы врагом подлинно хорошего...»

СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА

Ленин умер, как солдат, на посту. До последнего дня жизни он живо интересовался материалами, которые помещались в «Правде» в связи с дискуссией, предшествовавшей XIII партийной конференции.

«Суббота и воскресенье (то есть 19 и 20 января.— Б. П.),— писала позднее Надежда Константиновна,— ушли у нас на чтение резолюций (XIII партконференции.— Б. П.). Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы».

Это может показаться совсем невероятным — до последнего времени Владимир Ильич учился писать левой, непарализованной рукой.

Только полное поражение мозга прекратило эту человеческую деятельность. Когда же потом врачи произвели вскрытие, они, опытейшие медики, были поражены — сосуды мозга оказались настолько обызвествленными, что целые участки его оставались лишенными питания. Врачи стояли потрясенные, силились понять, как человек при таком глубоком поражении значительных частей мозга мог до последнего дня так глубоко и остро мыслить!

Гигантский мозг. Несокрушимая воля. Могущественнейший интеллект.

Ленин умер.

Траурные каймы опоясали газеты, извещавшие о том,

что человечество понесло тяжелую утрату. По всей при-
тихшей, как бы окаменевшей в материнском горе стране,
по всему миру радио несло эту весть. Города и села оде-
вались в траур, горе будто обугливало кумач знамен.

В час погребения по всей стране раздались гудки.
В эти минуты в каждом советском городе, в каждом селе
на площадях стояли толпы народа. Облака морозного па-
ра, клубясь, поднимались над ними. Слезы, вытекшие из
глаз, застряв в усах, в бороде, в морщинах лица, упав
на платки женщин, превращались в ледяные шарики. Но
никто не ощущал ни холода, ни острого ветра, и каждому
казалось, что сейчас хоронят не только вождя, Владимира
Ильича Ленина, но что он, советский человек, прощается
со своим отцом.

Но смерть не властна над таким человеком, как Ленин.
Он продолжает жить в сердцах миллионов, в благород-
ных верных сердцах, где образ его не только не померк,
но год от года становится все живее, все ярче. Ленин про-
должает быть учителем жизни для советских людей, для
наших братьев — народов в социалистических странах,
где уже восторжествовало учение ленинизма. Он продол-
жает жить в надеждах тружеников капиталистических
и колониальных стран, борющихся за свою свободу.

Ленин продолжает жить в великих делах советского
народа, воплощающего в реальность ленинские предна-
чертания, строящего коммунизм, которому вождь отдал
без остатка всю свою жизнь.

Он продолжает жить в великих и славных делах Ком-
мунистической партии, в коллективном руководстве ее
ленинского Центрального Комитета, ведущего коммуни-
стов и всех советских людей без Ленина по ленинскому
пути.

Он, Ленин, жив в несокрушимой монолитности всего
нашего советского народа, который, в годы величайших
испытаний теснее сплачиваясь вокруг основанной и выпе-
стованной Лениным партии, становится все крепче и зака-
леннее.

Живая, могучая ленинская мысль, запечатленная в его трудах, будет всегда освещать человечеству путь к светлому будущему.

Как драгоценный радий, она неиссякаемо излучает энергию созидания, эта энергия заряжает миллионы людей на подвиги, на славные дела.

Жизнь Ленина навсегда останется примером для каждого коммуниста, для каждого революционера, для каждого, кто хочет, совершенствуя себя, приблизиться к идеалу человека коммунистической поры.

И нельзя дать юноше и девушке, входящим в жизнь, лучшего совета, чем совет изучать творчество Ленина, читать его книги, знакомиться с его жизнью, полной мерой черпать те неисчислимые и неиссякаемые идейные богатства, которые он оставил потомкам в трудах своих.

И сейчас мы говорим о нем, как о живом:

— Да здравствует Ленин!

Он живет и всегда будет жить в гигантском сердце трудящегося человечества.

1961 г.

С. В И Н О Г Р А Д С К А Я
И С К О Р К А

Рассказы

ВЕЧЕРНЯЯ ПОЧТА. В. И. ЛЕНИН И М. И. УЛЬЯНОВА.

МОЙ ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Здесь ты прочитаешь о Владимире Ильиче Ленине и его сестре Марии Ильиничне Ульяновой.

Рассказы познакомят тебя с молодой Сашей, работавшей в редакции газеты «Правда». На этих страницах тебе повстречаются мальчики Володя и Слава, которых знал Ленин; шофер Гиль, возивший Ильича в старом черном высоком «роллс-ройсе»; врачи, лечившие раненого Ленина; замечательные большевики, окружавшие вождя партии.

Эти рассказы не выдуманы. Все это было в действительности. Я это видела, знала, пережила лично много лет назад.

Первые годы революции — это пора моей ранней юности. Она была трудной, но счастливой. В шестнадцать лет, когда пожар гражданской войны охватил уже всю Россию, я бежала от белых в Москву и начала работать в «Правде».

Секретарем редакции была Мария Ильинична Ульянова. Много лет я работала рядом с нею, в одном кабинете. Там был кремлевский телефон, соединявший с Лениным. Там и услышала я впервые голос Ленина, там впервые я разговаривала с Ильичем и впервые выполняла его поручение.

О том, как все это происходило, что я тогда переживала, и написан рассказ «Комплект «Правды».

Счастье юности моей в том, что Ленина и тех, кто окружал его, я узнала не по рассказам и чужим книгам, а видела сама. И притом много раз: на митингах и съездах, в театре и концертах, в Кремле и Горках, на отдыхе и прогулке.

В моих рассказах я пишу об этом так, чтобы Ленин вставал со страниц таким, каким видели его я и мое поколение.

Я старалась, чтобы в этих рассказах образ Ильича — и лицо, и одежда, и речи, и отношения с товарищами, и естественность, и простота обращения с сотрудниками, и домашняя жизнь, и чувство прекрасного, и ненависть к пошлости, — чтобы все это удивляло и восхищало тебя, мой юный читатель, как некогда восхищало нас, молодежь.

В рассказах «Рассыльный «Бедноты», «Искорка», «Пациент» ты узнаешь о сотрудниках ленинского секретариата — Марии Лебедевой, Марии Гляссер, Ане Кизас. Я жила с ними рядом. Это мои друзья. Герой рассказа «Слава» — мой знакомый мальчик. История его маленькой жизни восхитила даже Ленина. А рассыльный Володя действительно пришел к Ленину с письмами...

Все, о ком рассказано здесь, жили в мое время. Владимира Ильича Ленина и тех, кто был рядом с ним, я описала так, как они запали мне в душу.

Написала памятью моего сердца. Это особая память, она сильнее всего на свете и ничего забыть не может.

Прими же, мой дорогой читатель, эти рассказы о Ленине — память моего сердца.

Софья Виноградская

КОМПЛЕКТ «ПРАВДЫ»

Ровно в четыре в дверях секретариата «Правды» появлялся ленинский шофер Гиль, одетый с головы до ног в черную сверкающую кожу, как рыцарь в латы. Лицом и фигурой Гиль был подобен русскому богатырю Добрыне Никитичу — голубоглаз, розовощек, круглолиц, волосом светел, улыбкой добр, летами немолод, телом крепок, духом бодр.

Как и полагалось в первые годы революции, все на Гиле было кожаное — фуражка, куртка, брюки, сапоги, перчатки с раструбами. Так одевались шоферы гаража Совнаркома и знаменитые самокатчики — первые фельдъегери революции, лично доставлявшие на мотоциклах правительственные пакеты. Так одевались начальники героических продотрядов, добывавшие хлеб пролетарскому городу. Так одевались легендарные комиссары, чекисты, рабочие железнодорожных мастерских, депутаты Советов. Так одевался первый Председатель ВЦИК Свердлов.

Славная, несменяемая боевая кожанка! Милая большевистскому сердцу и глазу черная тужурка! Она была неписаной формой, своего рода мундиром первых лет пролетарской революции.

После 30 августа 1918 года, когда враги стреляли в Ленина, когда Гиль поднял с мостовой раненого Ильича

и умчал в Кремль, фигура ленинского шофера в черном кожаном неизменно связывалась с его мужественным поведением в роковую минуту во дворе завода Михельсона.

Когда Ленин оправился от ран, шофер снова возил его в старомодном высоком черном «роллс-ройсе», который скорее напоминал гоголевских времен тарантас, нежели современную автомашину. В этом автомобиле ездил на работу также Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Днем Гиль возил их домой обедать.

В «Правде», где работала Мария Ильинична, младшая любимая сестра Ильича, Гиль появлялся ровно в четыре. Он останавливался у порога кабинета и тихо кивал головой: мол, явился, жду. Встретив ответный кивок Марии Ильиничны, шофер, так же тихо прикрыв стеклянную дверь, безмолвно удалялся большими, грузными, медвежьими шагами.

Мария Ильинична вскакивала из-за стола, поспешно запиховала в свой изрядно помятый портфельчик письма и заметки рабочих.

— Возьму с собою,читаю после обеда Ильичу, пока отдыхает,—говорила она и начинала одеваться.

Натягивала короткую, уже тесноватую суконную черную шубку со старенькой скунсовой горжеткой, меховую шапочку с круглым валиком, придававшим такую строгую солидность еще сравнительно молодому лицу секретаря редакции «Правды». Затем застегивала фетровые с меховой опушкой боты на пуговках. Сунув под мышку портфельчик с самым драгоценным грузом — заметками рабочих — и подхватив муфту, Мария Ильинична уходила из кабинета легким плывущим шагом. Дойдя до двери, она неизменно останавливалась, поворачивалась спиной к матовым стеклам, лицом к кабинету и давала Саше последние наставления.

Саше, единственной в то время помощнице Марии Ильиничны, было шестнадцать лет. Сотрудников в «Правде» было совсем мало: все силы партии находились на фронтах. Мария Ильинична работала секретарем. Са-

ша, худая, с бледным лицом, каштановыми косами, уложенными вокруг ушей, казалась еще девочкой.

Уезжая обедать, Мария Ильинична неизменно повторяла:

— Маленькая, значит, мы никуда не уходим, пока я не вернусь. И мы сами отвечаем по всем телефонам. Особенно по этому.— Мария Ильинична указывала пальцем вверх, в тот угол, где стоял стол Саши — светлого дуба, шведский, с опускающейся гофрированной крышкой.

Позади стола, над Сашиным вращающимся креслом, висел маленький плоский металлический ящичек с трубкой на рычажке сбоку. Это был телефон «верхнего» коммутатора Кремля. Он был связан с квартирой и кабинетом Ленина. По этому телефону соединяли с Лениным. Там, в Кремле, в кабинете Ленина, тоже позади его кресла, висел такой же аппаратик. По этому телефону звонил в «Правду» Ленин. Весь Кремль был соединен с Москвой «нижним» коммутатором. С Лениным соединял «верхний».

О «верхнем» говорили, что это такой совершенный коммутатор, такой надежный, что даже английская разведка не может подслушать разговоры.

Итак, к четырем часам Мария Ильинична исчезала. Вслед за нею уходили почти все сотрудники. До шести часов Саша оставалась в кабинете одна, «маленькой хозяйкой секретариата», как подшучивали в редакции.

Она знала: с четырех до шести семья Ленина обедает, читает, отдыхает. Семья Ленина: Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична. Распорядок дня Ленин соблюдает очень точно. Около четырех он иногда звонит сестре сам, и Саше с ее места слышно, как в трубке «верхнего» спрашивают:

— Не удержишься, Маняша?

А Мария Ильинична отвечает брату:

— Нет, не задержусь, Володечка.

— Отлично. Надя тоже будет вовремя. Гиль уже поехал за нею.

Иногда перед обедом Мария Ильинична сама звонит по «верхнему»: «Что-то я сегодня подозреваю Надю...» — и спрашивается: поехал Гиль за Крупской? Услышав — как она и подозревала, — что Надежда Константиновна задерживается на работе и к обеду не придет, Мария Ильинична начинала нетерпеливо стучать рычажком, затем требовала у телефонистки:

— Срочно соедините с Надеждой Константиновной!

У Надежды Константиновны в кабинете тоже телефон «верхнего» коммутатора. Но сейчас у трубки не Крупская, а ее секретарь, молодая Верочка Дридзо. Она отвечает, что Надежды Константиновны нет в Главполитпросвете, она в Наркомпросе, на совещании, очень занята, просила обедать без нее...

Все более волнуясь, Мария Ильинична настаивала:

— Я прошу ее немедленно позвонить мне. Как бы ни была занята. Я жду ее звонка. Непременно! — И, уже повесив трубку, Мария Ильинична все возмущалась, бегая по кабинету: — Ведь Надя сегодня совсем больна. Ей и вовсе нельзя работать. А мы, извольте, даже обедать не едем. Ведь больна!

Наконец все улажено, Надежда Константиновна обещала быть к обеду. Гиль уже кивнул с порога головой, Мария Ильинична уезжает.

Это повторялось каждый день. Так было и тогда, когда произошло одно событие, которое Саша запомнила на всю жизнь.

Сам Ленин звонил в «Правду» по разным делам нередко. Но обычно с ним разговаривала Мария Ильинична. Случалось, Мария Ильинична уже уедет, а Ильич справляется по телефону, выехала ли.

— Да, уехала, минуту назад. Да, прямо домой, обедать.

— А, чудесно! — скажет Ленин. И все.

В тот памятный день Мария Ильинична уже уехала, но не прямо в Кремль.

— Еду, маленькая, тайком от Нади получить по ордеру кое-что для нее. Она совсем у меня обносилась. Бог весть в чем ходит, мерзнет. Сначала заеду в магазин, там недолго, а уж оттуда обедать...

Мария Ильинична вышла из кабинета, а Саша послала весь просмотренный материал в набор. Когда курьерша Поля уже ушла в типографию, Саша вспомнила про утренний набор — надо затребовать гранки в редакцию. Бывшая сытинская типография помещалась напротив редакции в том же дворе на старой Тверской. Саша высунула голову в форточку и стала поджидать, пока Поля выйдет из подъезда, тогда можно будет крикнуть ей о гранках. Но едва синяя куртка Поли мелькнула во дворе, как над Сашиним креслом зазвонил телефон — тот самый, «верхнего» коммутатора Кремля. Саша бросилась от окна к телефону, рванула трубку с рычажка. В трубке был голос Ленина.

«Быстрый и круглый» — так определила Саша этот голос. Ленин говорил быстро, но не отрывисто, не резко. Голос катился, как хорошо обточенный шар. Может быть, отсутствие рокошущего «р» придавало ему эту обточенность. Это было ее, Сашино, ощущение ленинского голоса, и это ощущение было связано с представлением о том, что этот круглый голос исходит от большого, доброго человека. Услышав в трубке ленинский голос, Саша уже заранее знала, что за этим последует. Ленин спросит: «А Марии Ильиничны нет?» И Саша ответит: «Она уехала семь минут тому назад».

Саша всегда хорошо запоминала время ее отъезда, чтобы Ленину, если он спросит, ответить точно. Потому что от Марии Ильиничны Саша не раз слышала: «Ильич уважает человека, который в работе точен... Владимир Ильич не терпит, когда что-нибудь не точно... Он очень любит точность...»

И Саша отвечала Ленину очень точно и коротко, хотя и волновалась при этом. Так бывало обычно. Но в этот день все произошло иначе.

— Это говорит Ленин,— быстро и кругло прокатилось в трубке.— Кто у телефона?

— Вешнева,— ответила Саша.

— Саша, да? — услышала она неожиданно.

И от этой неожиданности, что Ленин знает, оказывается, ее имя и даже назвал по имени, Саша смутилась.

— Да, Саша...— неуверенно произнесла она и насто-рожилась.

— Вот и отлично! — продолжал все тот же быстрый, круглый, катящийся ленинский голос.— Прошу вас, Саша, посмотрите в «Правде», когда печаталась статья о Суханове?

Саша мысленно пробежала расстояние, отделяющее ее стол от того маленького стола с нижней полочкой, на котором лежали комплекты «Правды». Нет, совершенно невозможно держать в руке телефонную трубку и заглянуть в комплект. До него не дотянуться! Но ведь невозможно выпустить из руки, оторвать от уха, положить на стол трубку, в которой голос Ленина. Что тут делать?

— Владимир Ильич, я просмотрю комплект и сейчас же позвоню вам,— нашлась Саша, радуясь своей находчивости и решимости.

— Нет. Я подожду у телефона,— сказал Ленин.

«Он будет ждать тут, пока я буду перелистывать газеты там...» — это положение Саша ощутила как бедствие. Ведь кто знает, сколько это продлится? Лучше попросить его положить трубку. Так и сказать: «Прошу вас, очень прошу вас, Владимир Ильич, не ждать, пока я...» Но ведь он уже сказал: «Я подожду» — так нечего тут много разговаривать. Быстро, как только несут тебя ноги, мчи туда, к столику с комплектами, и принимайся за дело.

Прежде чем Саша успела все это подумать, она уже проговорила в трубку:

— Простите, Владимир Ильич, но мне придется отойти от телефона, чтобы посмотреть...

— Да, да! Пожалуйста. Я подожду,— услышала Саша и вмиг очутилась у столика в другом конце кабинета.

Она откинула огромный картонный переплет годового комплекта «Правды» и стала перелистывать номера, силясь припомнить, в каком же месяце писали об этом меньшевике Суханове и его книге. А трубка, в которой был голос Ленина, осталась там, на Сашином столе...

Как разбух комплект! Кажется, еще так недавно подшивка была совсем тощей. Листать, можно сказать, было нечего. А теперь вот как раз, когда Ленину нужна справка, комплект сразу потолстел. Пока все это просмотрить...

Так размышляла Саша, порывисто перелистывая номер за номером.

«Правда» девятнадцатого года! Гигантские буквы заголовка. Огромные газетные листы. Казалось, они вобрали в себя огонь великих идей и грохот сражений. Номера, напечатанные убористым шрифтом на серой бумаге, лишенные всяких украшений. Газета 1919 года не знала ни фото, ни карикатур. Все это появилось позже. Бумага, на которой печаталась тогда «Правда», была «голодной», как и народ, который ее читал. Она быстро желтела. Шрифт был стертым, слепым. Краска плохо просыхала, она смазывала текст. Стальные строчки набора походили на искаленные суставы. Старые линотипы и ротационки, славные типографские машины, служили прессе революции с героизмом раненых, не покидающих поля битвы.

Первые фотографии появились в газете после долгого перерыва лишь поздней осенью. Это были снимки товарищей, погибших при взрыве в Московском Комитете партии. Погибшие взошли на бессмертные страницы «Правды» и сошли в великую могилу героев революции у Кремлевской стены.

Пока Ленин ждал у телефона, Саша перелистывала эти огромные, негибкие, хрупкие, подслеповатые номера газет, напечатанные то на желтой, то на серой бумаге.

Саша почему-то «запомнила глазом», что статья о Суханове была напечатана «подвалом», то есть была помещена в нижней части газетной полосы. Поэтому она про-

сматривала только нижнюю часть и листала номер очень быстро.

«Смотреть нужно только вторые и третьи полосы», — соображала она. Потому что «подвалы» были только внутри. Остальное, значит, можно не смотреть, просто пропускать. Тогда дело пойдет быстро, и Владимир Ильич не век будет ждать у телефона. Но нет, так не годится! Надо все же обязательно смотреть и первую страницу, чтобы проверить номер и число. Ведь в понедельник и после праздников «Правда» не выходит. А вдруг случилось так, что какой-то номер не подшит, не попал в переплет, вырван? Мало ли что бывает! Ага! Подвал! Но это не о Суханове. Это статья о том, что дома буржуазии передают не рабочим, не детдомам, а каким-то канцеляриям!

Саша порывисто переворачивала страницы — но нет подвала! А может быть, Ленин уже не ждет? Саша побежала к телефону. Осторожно, чтобы не задеть шнур, она приложилась ухом к трубке, лежавшей на столе, и вслушалась — он там? Да, ждет! Слышно его дыхание. Саша побежала обратно и опять стала перелистывать номера газет. Пока сверяла номер и число на первой странице, она невольно успевала «схватить глазом» то заголовок, то лозунг, то шапку.

Шапки «Правды»! Огненные, опаляющие сердце призывы бурных лет революции. Эти «шапки» печатали на первой странице сверху, во всю ширь газетного номера:

*СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!
К ОРУЖИЮ! К БИТВАМ! К ПОБЕДЕ!*

Вот шапка «Правды» в весну кровавого сражения с диктатором Сибири:

*КОЛЧАК НАСТУПАЕТ НА ВОЛГУ,
РЕВОЛЮЦИИ ГРОЗИТ НОВЫЙ СТРАШНЫЙ УДАР.*

Шуршит газетный лист под Сашиними руками. Опять отчаянная схватка революции с контрреволюцией:

*БЕЛАЯ ГВАРДИЯ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ.
РАБОЧИЕ, СРУБИТЕ ЭТУ ГОЛОВУ!*

Саша все ищет, ищет нужную Ленину статью. Где же о Суханове? Суханов! Меньшевик. Такое бледное, вытянутое, лошадиное лицо. На носу очки в золотой оправе. А за стеклами — голубые глаза... Жена у Суханова большевичка, зовут ее Галя. Как это возможно: жена — большевичка, а муж — меньшевик? Они же все время спорят, наверно?

«А, подвал! Нет, не то! Но сколько же времени прошло с тех пор, как позвонил Ленин? Сколько времени я тут копаюсь?»

Прямо перед Сашей электрические круглые часы с огромным циферблатом и черной стрелкой, отщелкивающей минуты.

«Как! Только одна минута? Не может быть! В самом деле — одна минута с хвостиком. Ну, не страшно!»

Еще один номер раскрыт. 11 июля 1919 года. Опять леденящая шапка:

*ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА ГОЛОДАЮТ!
РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ ХЛЕБНЫХ ГУБЕРНИЙ,
ВСЕ ВАШИ СИЛЫ ОТДАЙТЕ НА ОТПРАВКУ ХЛЕБА ГОЛОДНЫМ!*

Саша спешит, листает. А Ленин ждет! Вдруг Саша отдернула руку: «Ох, что я натворила!» Оказывается, она рвет газету пополам. И порвала не один номер. Она так быстро перелистывала газеты, так яростно захватывала пальцами кончик листа, что хрупкая бумага не выдерживала.

«Гублю комплект! — ужаснулась Саша. — Единственный комплект!»

Теперь она осторожно откидывала номера. А время шло. Ленин ждал.

«Пропал проклятый подвал!» — сокрушалась Саша и перевернула еще один номер.

О, какая страшная страница! Падение Советской власти в Венгрии. Самоубийство Тибора Самуэли. Этот

венгерский комиссар сидел однажды тут, в секретариате, вон в том кресле. Теперь он покончил с собой там, в Венгрии, чтобы не сдать живым их контре.

Опять подвал! Нет, это еще не о Суханове. А вот некролог. Умер большевик. Почти каждый день «Правда» печатает извещения о смерти коммунистов. И все от тифа...

Подвал! Наконец-то он! «Записки о революции». Новая книга Суханова. Ага! Вот что нужно Ленину! Это в номере от 14 августа.

Саша понеслась к телефону, твердя наизусть: «Четырнадцатое августа. Четырнадцатое...»

— Владимир Ильич, статья о книге Суханова напечатана четырнадцатого августа тысяча девятьсот девятнадцатого года,—выговорила Саша четко, но дышала при этом чересчур громко.

— А, отыскали! Хорошо! — отозвался Ленин.— А теперь найдите, пожалуйста, то место, где сам Суханов пишет о Милюкове. И прочитайте мне.

— Вы опять будете ждать или вам позвонить? — справилась Саша, тая слабую надежду, что Ленин не станет больше дожидаться у телефона.

— Я подожду.

Этот краткий ответ Ленина Саша ощутила уже как катастрофу. Он опять будет ждать! Только бы не осрамиться, сделать все точно. Саша снова склонилась над маленьким столом. Теперь она читала статью «Правды» о Суханове. Не читала даже, а вбирала молодыми быстрыми глазами начало каждого абзаца. А статья, оказалось, занимала полтора подвала. «Одиннадцать колонок! — сразу заметила Саша.— Пока все это прочитаешь... Милюков! Милюков! Где тут о нем? Где тут Милюков? Этот вождь буржуазии — эмигрант, бежал в Париж, черт бы его побрал! Ах да, ведь Ленин объяснил мне, где искать... Он сказал: «где сам Суханов пишет о Милюкове», — вспомнила Саша. Значит, это цитата. А цитаты набирают петитом, самым мелким шрифтом.

Саша стала читать только строки, напечатанные мелко, петитом, и очень скоро нашла фамилию Милюкова.

«Вот. То самое, что нужно Ильичу! Сейчас прочитаю ему это место. Прочитаю, и тогда все! Все!»

Но именно в ту минуту, когда Саше казалось, что все уже кончается, перед нею встало неожиданное препятствие. Сашин стол, всегда такой удобный, с полочкой, ящичками и особой ребристой крышкой, которая запирает стол вместе с его полочками,—этот самый стол, когда Саша захотела положить на него комплект «Правды», оказался предательски неудобным. Именно верхние хваленые полочки мешали разложить огромный комплект. А нужный Ленину номер, где написано о Милюкове, нельзя ни вырвать, ни отделить. Что делать? Саша поставила комплект на стол и придерживала рукой страницу.

— Владимир Ильич, я нашла это место о Милюкове,—сказала Саша.

— Отлично! — прокатилось в трубке.— Прочитайте, пожалуйста, весь абзац до конца.

Теперь Саша уже знала наверняка, что катастрофа неминуема. Чтобы прочитать Ленину весь абзац, надо комплект положить. А так, когда он стоит, да еще полураскрыт, все не читаешь. Ведь буквы так стерты... «Прочитайте, пожалуйста!» Вот тут и прочитай. А Мария Ильинична, видать, еще не добралась домой, а то она уже была бы у телефона, и все было бы просто. Надо же: именно сегодня, когда Ленин позвонил, она поехала в магазин! Как нескладно все получается. Ну как нарочно!

Так сетовала Саша на свою судьбу, пока руки ее пристраивали удобно комплект. Это было не легко. Она откинула его к полке, но он стал сползать вниз. Тогда Саша придвинула кресло вплотную, спинкой к столу, и комплект был как бы взят в плен. Саша привалилась к нему, прижала локтем раскрытую страницу — все было теперь в порядке. Правда, в таком согнутом положении не очень удобно читать, да еще смазанные газетные строчки, да к тому же вслух, да еще Ленину! Но когда

все делается в такой спешке и Ленин ж д е т, тут уж не до удобств. Читай быстрее и соображай, что читаешь.

— Я начинаю, Владимир Ильич,— предупредила Саша и стала читать. Но ей показалось, что она произносит слова слишком громко, возможно даже выкрикивает, и она понизила голос.

— Пожалуйста, медленнее,— раздалось в трубке.— Я буду записывать.

«О, а я думала, надо быстро!» Саша прервала чтение и начала снова. Она выговаривала слова и одновременно примечала, как становится ровней ее дыхание, как понижается голос. «Переходит в альт»,— шутила в таких случаях Мария Ильинична.

Вот, наконец, последняя строчка абзаца!

— Точка. Кавычки закрыты. Все, Владимир Ильич. Я кончила!— произнесла Саша так, словно вздохнула громко, и, расправив спину, откинулась к стенке.

Но тут же ее охватил страх: «Все ли прочитала? Точно ли? Не напутала? А вдруг что пропустила?»

А в трубке в тот же миг послышалось:

— Хорошо. Теперь я вам прочитаю записанное, а вы, Саша, проверяйте по газете, точно ли я записал.

«А я уже сняла локоть!— ужаснулась Саша.— Теперь опять ищи это место. Нет, ничего! Вот оно!»

В телефонной трубке вновь катился быстрый круглый голос Ленина. Водя пальцем по строчкам петита, Саша вслушивалась в те слова, которые произносил Ленин.

— Все? — Это спросили в трубке.

— Да, все! — ответила Саша.— Все так и напечатано.

— Спасибо, Саша. До свиданья.

Это сказал Ленин. Честное слово, все кончилось! И кажется, хорошо.

Саша оторвалась от комплекта, но трубку от уха не снимала. Она продолжала вслушиваться в то, что происходит там, где недавно, вот сейчас, был голос Ленина. Тихо. Но может быть, Ленин еще тут? Может быть, он

еще раз проверяет то, что она читала ему, может быть, он еще что-нибудь скажет или спросит?

Саша вслушивалась, но ничего не было слышно.

Дррр! — вдруг словно электрическим током ударило Сашу в барабанную перепонку.

— Пovesьте трубку! — услышала она уже другой голос: размеренный, четкий, негнувшийся, словно деревянный. Это телефонистка «верхнего» кремлевского комму-татора.

Саша рывком повесила трубку и нажала на рычажок два раза — отъединаюсь, знайте! Затем Саша потащила на место комплект, позвонила в типографию насчет утреннего набора, вызвала курьершу и послала ее за гранками.

Курьерша положила на стол новую почту, и Саша стала вскрывать толстые телеграммы и большие пакеты. Но то и дело ловила себя на том, что ничего не читает. Сидит вот так, откинувшись, а руки бессильно повисли. Сидит и рассуждает:

«Так никуда не годится! Раз статья напечатана в газете, должна быть заведена карточка на нее. Да, карто-тека всех статей, помещенных у нас. Вот тогда, если позвонит Ленин — и даже не Ленин, а кто угодно, — и не надо копать в комплекте, искать, вспоминать... Тогда будет порядок. Картотека! А кто ее заведет? Ведь людей нет! Сотрудники так много работают, приходят утром, уходят ночью. И комплект один на всю редакцию. Разве можно так? И он такой большой, тяжелый. Прямо измучилась с ним! Ох, а ведь я его, кажется, порвала?!»

Вспомнив о происшедшем, Саша вновь побежала к газетному столику и стала просматривать номера.

«Это какой-то кошмар! — ужаснулась она. — Подряд, подряд, лист за листом, без единого пропуска, и каждый порван пополам, вот как раз посередине, как он был сложен. Где складка, там и рвалось. Хорошо, что я наконец спохватилась! Хорошо, что дальше не пошло... Но что же теперь делать? И это случилось именно со мной! А я еще

требую всегда от всех, чтобы аккуратнее были с комплектом... Что теперь будет?»

Саша еще долго переживала бы случившееся, но дверь вдруг открылась, и появилась Мария Ильинична. Она остановилась у входа, прислонилась к дверному косяку и притворно строго, как разговаривают с детьми, спросила:

— Маленькая, с кем это мы сегодня разговаривали?

— Мы сегодня разговаривали с Лениным, и мы порвали комплект,— сокрушенно ответила Саша.

— Комплект? — встревожилась Мария Ильинична, шагнула к столику, откинула синий под мрамор переплет, полистала номера, пошевелила листы.— Но почему вы их рвали? Что произошло?

— Я сама не знаю. Даже не заметила как...— Саша прижала руки к груди.— От волнения, Мария Ильинична! Ведь я так волновалась. Владимир Ильич ждал у телефона. Вы понимаете, он ждал, я так торопилась. Уже потом спохватилась. Там, дальше, уже не порвано... Мария Ильинична, что тут было без вас! Если бы вы только знали!..

Мария Ильинична еще раз потрогала растерзанные листы, потом посмотрела на Сашу и вдруг расхохоталась. Она смеялась долго, и чем растеряннее становилось лицо Саши, тем громче смеялась Мария Ильинична.

Привлеченный смехом, заглянул в секретариат редактор.

— Отчего пальба и крики и эскадра на реке? — весело спросил он.

Мария Ильинична приподняла пальцем половинки порванного номера:

— Полюбуйтесь, пожалуйста, как наша Саша с Лениным разговаривала.

Редактор сначала ничего не понял, а узнав, в чем дело, тоже захохотал и забегал по кабинету.

— Вот так поговорила!

Между тем в секретариате один за другим появлялись

члены коллегии, прибывавшие на заседание. Каждый, услышав рассказ о том, «как Саша с Лениным разговаривала», начинал, в свою очередь, тоже потешаться над Сашей. Саша все больше мрачнела. Как бы нарочно, в кабинет все время заходили сотрудники — они оставляли для заседания заявки: сколько строк им нужно в завтрашнем номере газеты. И все они, кто притворно, уже узнав о случившемся, а кто ничего не подозревая, смотрели на растерзанный комплект и удивлялись:

— Кто это порвал? Кто тут так хозяйничал?

Саша, бледная, с злым лицом, молчала либо грубо отвечала:

— Не ваше дело. Не беспокойтесь. Кто порвал, тот и зашьет.

К ее счастью, заседание вскоре началось, и все ушли в редакторский кабинет. Саша достала из ящика своего стола тетрадь, в которую она записывала все, что ей поручали.

В редакторской все уже сидели в глубоких креслах, обитых бирюзовым сукном. Саша взгромоздилась на спинку кресла и примостилась у края стола. Это было ее любимое место — высоко в простенке между окнами. Отсюда, как с вышки, ей видно всех.

Когда Саша вошла, Мария Ильинична как раз рассказывала, что Ленин чувствует себя хорошо, головные боли прошли. Затем ни с того ни с сего, как показалось настороженной Саше, Мария Ильинична сказала:

— Сегодня запоздала к обеду. Приехала, а он говорит: «Пока тебя не было, я с твоей Сашей по телефону говорил, наводил у нее справку». — «Ну, и как?» — спросила я его, боясь, не набедокурила ли «моя Саша». «Все хорошо, — говорит Ильич, — она быстро и толково справилась». Вот так быстро! Оказывается, она полкомплекта порвала!..

У Саши в руках подпрыгнул карандаш.

— Ну, примемся за наши дела, — сказала Мария Ильинична, раскрыла папку, и заседание началось.

А растерзанный комплект все лежал на столике. И сотрудники, перелистывая его, неизменно поддразнивали Сашу: «Вот как мы с Лениным разговаривали!»

Но Саша уже не злилась, не грубила и смеялась над собой заодно со всеми. А потом комплект заменили новым и эта история позабылась.

Только Саша запомнила ее на всю жизнь.

ПАЦИЕНТ

В той самой комнате, где лежал простреленный вражескими пулями Председатель Совнаркома, водворилась на небольшой кушетке медицинская сестра. Она прибыла в Кремль из Солдатенковской больницы. Ни кремлевской больницы, ни аптеки тогда еще не было. Ленин лежал дома, в своей небольшой продолговатой комнате; тут же в углу стояла кушетка для дежурной сестры.

Фомина была опытной, серьезной, великолепно знавшей свои обязанности медицинской сестрой. Не случайно врачи взяли к раненому именно ее. Наставления лечебного триумvirата — трех врачей, которые провели при Ленине первую ночь после ранения, — она выполняла точно и строго. Обух, Вейсброд и Минц доверили ей уход за Лениным. И это доверие медицинская сестра оправдала.

Ленину было строжайше запрещено вставать с постели.

Однажды сестра Фомина отлучилась ненадолго из комнаты. Когда она вернулась, постель, на которой лежал раненый Ленин, оказалась пустой. Ленина в комнате не было. Сестра выбежала в коридор — ей навстречу из дальнего конца шел Ленин.

— Владимир Ильич! — Она подбежала к нему, взяла за руку, медленно, осторожно повела в комнату, уложила в постель.

Ленин увидел ее побелевшее от ужаса лицо, немой укор и отчаяние в строгих глазах.

— Ничего, ничего! — успокаивал сестру Ленин. — Не волнуйтесь. Все обошлось. Все будет хорошо. Маленькая прогулка...

— Если с вами после подобной «прогулки» что-нибудь случится, отвечу я.

— Ну, простите, больше не буду. А как приятно вот так вдруг пройтись самому. Осточертела постель... Ну, извините! И ничего им не говорите. — Ленин мигнул в сторону врачебной комнаты, которая находилась за комнатой Марии Ильиничны.

Но медицинская сестра тотчас доложила лечебному триумvirату. Так прозвал Ильич тройку замечательных врачей, бывших при нем с того рокового вечера 30 августа, когда его привезли в Кремль и когда эти врачи боролись за его жизнь.

— Владимир Ильич, какой же вы недисциплинированный пациент! — укорил его профессор Минц.

А коммунист Обух сказал:

— Товарищ Ленин... и нарушает дисциплину!

— Вот и выпишите немедленно, до срока, такого недисциплинированного пациента, — посоветовал Ленин.

Но врачи были непреклонны. И медицинская сестра тоже.

После случая с «прогулкой» Ленин попросил однажды сестру открыть окно.

— Мне душно при закрытых окнах, — сказал он.

Стоял сентябрь месяц. Осень. У Ленина было кровоизлияние в легкие. Врачи опасались простуды. Окно было закрыто.

— Откройте, пожалуйста! — повторил Ленин.

— Не могу, — коротко ответила сестра.

— Ненадолго, — просил Ленин.

Сестра покачала головой.

— Ну, прошу вас. Мне будет лучше.

— Запрещено, Владимир Ильич. Категорически.

ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО. 1918 ГОД.

— Знаю. Но это напрасно. Я ведь долго жил в Швейцарии, привык к горному воздуху.

— Нет, Владимир Ильич, не просите. Вы можете простудиться.

— Ничего со мною не случится.

— Я отвечаю за вас. Головой отвечаю. Если открою окно, меня расстреляют! Вот увидите! Честное слово!

— Ну, не беспокойтесь,— очень живо отозвался Ленин.— Как только вас приговорят к расстрелу, я попрошу товарища Ленина, он обратится с ходатайством во ВЦИК о помиловании, и вас не расстреляют. Откройте окно! Теперь я отвечаю за вас!

Но медицинская сестра не открыла окна и сообщила все врачам.

— Да, пациент у нас весьма трудный. Скажем прямо — невозможный пациент! — расхохотался грузный Обух.

КОНЦЕРТ ШАЛЯПИНА

— Мария Ильинична, сегодня концерт Шаляпина. Но не в Эрмитаже, а в Большом театре,— объявила Саша, едва Мария Ильинична появилась утром в редакции «Правды».

— Знаю...

— Начинается в шесть часов. Я пойду. Придется мне уйти из редакции пораньше...

— Вижу, мой пострел везде поспел! Жаль, я не могу,— покачала головой Мария Ильинична,— а то сходила бы. Давно, чуть не с Петербурга, не слушала Шаляпина. Просиживаешь тут все вечера — не вырваться...

— Ну, уж один раз можно. Вот давайте сдадим все раньше — и вырветесь! — уверяла помощница секретаря «Правды».

— Да, надо бы. И Надя тоже никак не соберется. И Ильич сегодня грозился, что пойдет без нас. Соскучился, говорит, по хорошему концерту.

Мария Ильинична вернулась к чтению лежавшей перед ней статьи, почитала недолго и, словно размышляя вслух, недовольно проговорила:

— С чего это придумали нынче устраивать концерты среди бела дня, когда люди работают? Все Анатолий Васильевич мудрит...

Анатолий Васильевич Луначарский — народный комиссар по просвещению — уделял очень много внимания театрам.

— Это мы тут в редакции до ночи работаем, а всюду днем кончают,— возразила Саша, которая была ревностной театралкой и не пропускала ни одной новой постановки и ни одного диспута о театре.— И Луначарский тут ни при чем. Концерт ведь Москва устраивает, приглашает Московский Совет...

Концерт Шаляпина был организован для московских рабочих, общественных и партийных организаций столицы. Было еще совсем светло. Над Москвой стояло легкое летнее небо: ни дымных облаков от лесных пожаров — в то лето вокруг Москвы горели леса, — ни грозových туч.

Быстрой походкой шагали граждане прямо по мостовой кто в тапочках, кто в прюнелевых туфельках на веревочной подошве. Ничто не преграждало пешеходам путь — трамваи не шли, извозчики почти исчезли с московских улиц.

Парнишки, ловко сплевывая с губ шелуху, лузгали семечки. Шелуха лежала густым слоем на выбитом асфальте, булыжниках, торцах. Хрустела под подошвами ее серая масса. Улиц не поливали. Ветер вздымал смерчи бумажек, окурков, пыли и кружил все это в воздухе.

По ступеням, ведущим к Большому театру, поднималась толпа. Это никого не удивляло. Время вооруженной борьбы пролетариата за власть было также временем великого движения народа к культуре, знаниям, искусству, театру. Пролетариат штурмом взял дворцы, он стал хозяином страны и хозяином театра. Начиналась эпоха революционного театра. Стены не вмещали новую публику. Спектаклям стало тесно на подмостках, среди кулис. Актеры выходили играть на улицу.

Праздничные зрелища на Дворцовой площади и у Фондовой биржи в Петрограде, на Каланчовской площади в Москве ночью при свете луны либо огромных прожекторов собирали десятки тысяч зрителей. Актерами в этих постановках были рабочие, красноармейцы. Играл народ!

В то боевое, взбудораженное время театр был неотъемлемой частицей быта огромных революционных масс народа. Вход в театры был свободным.

В толпе, струившейся в этот день между колоннами Большого театра, было сравнительно мало женщин и очень много солидных, степенных, уже в годах, рабочих. Пролетарии московских окраин были самыми ревностными посетителями театра в те трудные, голодные, полные лишений героические годы.

Люди шагали с Крестьянской заставы, Симоновки, Тюфелевой рощи... Шли пешком по пятнадцать верст, чтобы попасть в театр. Партер и ложи занимали теперь рабочие московских заводов.

В тот жаркий день двадцатого года народ, собравшийся слушать Шаляпина, был одет по-летнему. Преобладала «толстовка» — легкая, свободная, длинная блуза со сборками на груди и с поясом.

Женщины — но лишь истинные гражданки революционной столицы — носили на голове красную косынку, как женщины Великой французской революции носили красный фригийский колпачок.

Пионерский галстук еще не мелькал в толпе первых лет революции — пионерские отряды возникли позднее. Та косыночка, которой труженицы повязывали голову, перекочевала потом на детские плечи, обвила шею ребят. Но вначале пылающая на женской голове косынка мелькала на митингах, демонстрациях, съездах, субботниках.

В день шаляпинского концерта работницы, связанные общим трудом на фабрике, подходили к театру группами. Звенела песня:

Да здравствует Ленин —
Вождь революции...

Резко обрубая такт, исполняли припев:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!
И, как один, умрем
В борьбе за это!

Новая музыка для песен революции еще не была написана. Старые мелодии служили революции.

Перед концертом под колоннами Большого театра происходила, как всегда, бойкая переключка:

— Эй, братия басманная, меня подождите!

— Сущевцы, айда к нам в ложу!

— Не выйдет, сущевцы в партер пошли!

— Куда прешь, городской район? Честь и место Симоновке!

— «Циндель», «Циндель», к нам! — кричали со ступеней.

— «Циндель» сама по себе! — отвечали пролетарки с текстильной фабрики, бывшей «Циндель», высыпая из театрального сквера на площадь перед театром.

— Вот как зазнались на «Цинделе». С Крестьянской заставой не знаемся!

— Зазнались! Мы сегодня у самой царской ложи сидим.

Сашу, пробиравшуюся в этой шумной, радостно настроенной толпе, где ласково перебранивались районы, тоже окликнули, окружили. К ней подошли двое. Один — синеглазый, оглушительно хохочущий крепкий детина в белой косоворотке под распахнутой кожанкой, со странной фамилией Баша; другой — сдержанный, угрюмый, с портфелем в руке, бывший повар. Это были председатели соседних районных Советов Москвы. Они сжали тонкие Сашины руки своими сильными руками. Началась игра — как долго Саша вытерпит боль. Затем все трое вошли в вестибюль и поднялись в ложу.

Зал Большого театра быстро наполнялся. Саша села в правую ложу бельэтажа и, наклонясь над барьером, внимательно всматривалась в левую, ближайшую к сцене, правительственную ложу. Ленина там не было.

«Не вырвался!» — решила она.

Театр уже гудел. Здесь встретились сегодня люди хорошо знакомые — по ссылке, подполью, эмиграции, по дням и ночам московского восстания пятого года,

по партийной работе, по труду на фабриках, заводах...

Восклицания, шутки, раскаты смеха, хождение из ложи в ложу, похлопывание по плечу, оклики, шуршание газет, топот на лестницах, шарканье по паркету — все сливалось в непрерывное, сплошное гудение. Партер уже чернел от голов, именно чернел — так много было народу. Густо заполнились ложи. Шесть часов. Вот-вот начнется концерт. Но шум не стихал.

Вдруг в разных концах многоярусного зала взметнулись какие-то выкрики.

Люди в ложах наклонялись друг к другу, тянулись куда-то, вытягивали шеи и всё старались рассмотреть что-то внизу, в партере. Все чаще в гудение театрального зала вливались непонятные Саше протяжные гласные: «Е-е-еи-и-и!» И прежде чем Саша сообразила, что означают эти выкрики, один из ее спутников, наклонившись к ее уху, сказал:

— Ленин в театре!

И кивком головы, вытянутым подбородком, движением глаз показал: вон там.

Он показал не в направлении той, боковой, правительственной ложи, где, полагала Саша, мог сидеть Ленин, а вниз, в партер.

Саша перегнулась через барьер. В седьмом ряду, нет, в шестом, близко к проходу, Саша увидела Ленина. Он сидел в спокойной позе ожидания, откинувшись к спинке кресла плечом, облокотившись, чуть подавшись головой в сторону и слушая, что говорит сосед.

Эта поза терпеливого, казалось, безмятежного зрителя, ожидающего начала концерта, была столь необычной для Ленина, так не вязалась с представлением о нем...

Как и весь народ, Саша видела обычно Ленина на трибуне, когда он обращался к массам: со сцены Большого театра, с кухонного стола на «Трехгорке», с эстрады Колонного зала, с балкона Московского Совета... Все знали и видели: если Ленин сам не выступает, сидит в президиуме, то и тогда он сидит не праздно, не бездействи-

ет — переговаривается, советуется, то и дело поворачивает голову, кого-то ищет, подзывает, что-то пишет, рассылает записочки, с кем-то спорит, что-то обдумывает. Ленин — весь движение. И, словно в центре вихря, все вокруг Ленина в движении.

И на этот раз все пришло в движение, едва народ увидел Ленина. Но то, что теперь Ленин был только зрителем, бездействующим и спокойным, казалось невероятным всем остальным зрителям.

Нет, так быть не может! Так не бывает! Сейчас что-то произойдет. Ленин, наверно, встанет, поднимется на сцену, обратится к народу — чувствовали товарищи.

А Ленин по-прежнему сидел, откинувшись на спинку кресла.

Между тем огни в зале погасли. Только светились надписи «Выход» да под сценой, в оркестровой яме, над пустым пюпитром дирижера почему-то горела лампочка.

Саша все пристальней всматривалась в знакомые очертания ленинской головы. Иногда он наклонялся к своему соседу, и сверху было видно, как, сблизив головы, они о чем-то переговариваются. Рядом с Сашей, в ложах и позади нее, — возгласы, вопросы:

— С кем он?

— Кто это рядом с Ильичем?

— Это — Беленький, — донеслось до слуха Саши.

«Что-то не похож!» — удивилась Саша. Гриша Беленький, секретарь Пресненского райкома, часто бывает в «Правде» у Марии Ильиничны. Они знакомы с Парижа, по эмиграции. Он худой, очкастый, бородатый, длиннорукый. А сейчас рядом с Лениным другой, лысый дядя.

«Ну конечно, Беленький!» — узнала наконец Саша. Тот Беленький, который охраняет Ленина после ранения.

Ильич не хотел, чтобы его охраняли, всячески противился, злился, мрачнел, но, как очень дисциплинированный член партии, подчинился постановлению Центрального Комитета.

Беленький — чекист, большой, здоровый дядя, скром-

ный, невзыскательный, одетый кое-как и бог весть во что, слывет добрым. Но у него удивительно зоркий, даже грозный взгляд. Белки глаз всегда красные, воспаленные: недосыпает. Ходит грузными шагами, медленно, озирается. Он охраняет Ленина не назойливо, старается не надоедать.

Если Ленин выезжал без семьи, один, Беленький оказывался всегда рядом. Первое время всегда просил у Ленина извинения: «Партийное поручение, Владимир Ильич» — и садился в его машину.

А так как Ленин уважал человека, который предан работе, соблюдает дисциплину, особенно партийную, то он относился с уважением и к своему невольному спутнику. В машине они сидели как два товарища, члены одной и той же партии, назначенные каждый на свой пост.

Так бывало всегда, так повторилось и в этот летний день двадцатого года, когда наступал Пилсудский. Узнав от Марии Ильиничны, что Ленин собирается в концерт один, Беленький занял в партере место рядом с Ильичем. Здесь и увидели Ленина товарищи.

Когда дрогнул тяжелый занавес и обе его половины, тяжело колыхаясь и свертываясь на ходу, разошлись, в театре кричали:

— Ле-ени-ин!

— Ле-ени-ин!

Выкрики множились, росли. Всё новые голоса вступали в невероятный хор приветствий. По всему залу, этой гигантской коробке с вызолоченными ярусами и пурпурными барьерами, гремело:

— Ле-е-ени-и-ин!

Саша не отрываясь смотрела вниз, в партер. И видела — Ленин все больше вбирает голову в плечи. Он не оглядывается по сторонам и что-то настойчиво говорит Беленькому.

Инстинктом Саша чувствовала — Ленину неловко. Что он говорит Беленькому? О чем они переговариваются?

А занавес между тем застыл, открыв прохладную

пустую сцену театра, ровно освещенную невидимыми лампами. В проходе между левыми кулисами, где стоял рояль, Саша увидела высокую черную фигуру с ослепляюще белой грудью и белым лицом.

Шаляпин шел на сцену.

Вот он уже миновал последнюю кулису, вот занес ногу, чтобы сделать еще один, последний шаг, который выведет его на сцену. И вдруг Шаляпин отступил, стремительно подался назад, словно его отбросило ударом. Это звуковая волна — «Ле-е-е-ни-ин!» — достигла певца.

Саша, полная смятения, следила теперь за тем, что происходило в левой части кулис, куда отступил Шаляпин, и одновременно за тем, что происходило в партере. Неожиданно она увидела внизу красный бархат сиденья — четвертое кресло было пустым. Прежде чем Саша поняла, что это Беленький покинул свое место, что это его фигура движется к проходу, она увидела: Ленин тоже поднялся и, наклонив голову, подняв плечи, идет вслед за Беленьким.

Выйдя из ряда, они пошли по проходу, разделявшему партер. Но пошли не к выходу из зала, а вперед. Теперь их фигуры были освещены светом, падавшим со сцены. А ряды, мимо которых они проходили, поднимались, дыбились. По залу катился гул оваций. Он низвергался и сверху, с необъятных ярусов. Два человека — Ленин позади, его спутник впереди — стремительно уходили от этого шквала вперед, к сцене.

«Куда они идут?» — недоумевала Саша и увидела: вот оба подошли к барьеру, вот повернули направо и пошли вдоль первого ряда. Саше и всем сидящим в первых ложах стал виден ленинский профиль, затем все лицо. Ленин шел, опустив свою большую светлую голову, шел хмурый, стремительный, весь — плечами и грудью — подавшись вперед, словно от ветра или вихря, дувшего в спину. Но то был не ветер, не вихрь, а ураган, подлинный ураган приветствий, аплодисментов, оваций, восторга, энтузиазма, ликования, любви. Этот ураган

чувств колыхал и раскачивал две с лишним тысячи людей.

Между тем Беленький достиг дверцы, ведущей в оркестр, открыл ее, пропустил Ленина и спустился вслед за ним по маленькой лесенке. Ленин прошел между пустыми пюпитрами. Последний раз мелькнул его затылок, и Ленин исчез.

«Ушел! Перешел на другое место. Скрылся от оваций. Наверное, в ложу...» — так говорили все, и так думала Саша.

А шквал «Ле-е-ни-ин!», бушевавший с такой силой, катившийся с оглушающим рокотом и ревом, стал стихать, по мере того как Владимир Ильич уходил. В ложах усаживались, возбужденно разговаривали. Последняя волна замерла.

На сцене появился Шаляпин. Он пел для народа, свершившего революцию. Пел все лучшее. Пел самое любимое.

В антракте люди ходили из ложи в ложу, ходили по рядам и, как во хмелю, восклицали:

— Ну и Шаляпин!

— Как поет!

— Шаляпин Федор, мужик, крестьянский сын!

— Душу вымотал, всю как есть!

— Что хочешь отдам за его песню!

— Федор Шаляпин — певец народа русского, вот он кто!

— Хорош, до чего хорош!

Под конец Шаляпин пел «Улицу». В соседней с Сашей ложе пожилой рабочий в синей сатиновой косоворотке, аккуратно зачесанный на косой пробор, с длинными рожками темных усов, услышав эту надрывную песню про улицу широкую да жизнь одинокую, вдруг уронил на плюшевый барьер свою седую голову и зарыдал... Концерт окончился, но никто не уходил. Шаляпина со сцены не отпускали.

— «Дубинушку»! — раздалось в зале, и тотчас, словно был дан сигнал, отовсюду понеслось: — «Дубинушку»!

— Просим «Дубинушку»!

— Даешь «Дубинушку»!

— Даешь!

— Товарищ Шаляпин! — неожиданно с пронзительным визгом взлетел к ярусам высокий, отчаянный женский голос. — Женщина-пролетарка требует «Дубинушку»!

Театр захохотал, захлопал:

— Даешь «Дубинушку» — и никаких гвоздей!

Шаляпин вышел на авансцену. В зале зажглась гигантская люстра. Все стихло.

Шаляпин обратился к залу:

— Ну что же, спою «Дубинушку». Но, — певец поднял красивую белую руку, далеко высунувшуюся из крахмальной манжеты, — выговариваю наперед: я буду петь, а вы мне подтягивать. Условие: чтобы весь зал...

Шаляпин повернул вытянутую руку ладонью вверх, слегка согнул длинные пальцы, собрал их вместе и, сделав это собирательное движение, повел рукой к себе, словно стягивал голоса двух тысяч человек, находившихся в театре. Так ямщик натягивает вожжи.

— Подтянем! Согласны! Ухнем! — отвечал хором театр.

Шаляпин чуть отступил, словно для разбега, для броска вперед, запрокинул отчаянно-удало свою красивую голову, прикрыл глаза и затанул песню — широкую, мощную, буйную, отчаянную, как народ, как вся его бескрайняя страна. А народ встал от партера до самых верхних ярусов и стоя подтягивал:

Эй, дубинушка, ухнем!

Эй, зеленая, сама пойдет!

Подернем! Подернем!

Да ух-не-ем!

Шаляпин вытянул последнюю ноту долгой нитью, такой высокой, такой тонкой. Она не кончилась, не оборвалась, а истаяла в воздухе, как дымка.

На следующее после концерта утро, сидя в редакции, Саша нетерпеливо поглядывала на часы: скоро ли придет на работу Мария Ильинична? Интересно узнать, куда все же спрятался Ленин? Из какого уголка слушал он Шаляпина?

Около полудня появилась Мария Ильинична в своей неизменной английской блузке в полоску, с мелкими застроченными до конца складками, в темно-серой до полу юбке с высоким корсажем. Соломенная шляпка с репсовой лентой на тулье скрывала прическу.

Пока Мария Ильинична доставала из ридикюля ключи, надетые на металлическое кольцо, проводила ладонью по чернильному прибору и телефону, проверяя, хорошо ли вытерта пыль, Саша с юным возбуждением рассказывала ей, как вчера на концерте Шаляпина Владимир Ильич так здорово спрятался от оваций, что никто его больше не видел.

— Никуда он не спрятался! — перебила ее Мария Ильинична и, стерев с пальцев пыль, мрачно добавила: — Он ушел из театра, совсем ушел... Так Шаляпина и не слушал.

Саша ахнула:

— Зачем же было уходить? Ведь Владимир Ильич так любит музыку!

— Вот именно потому, что Владимир Ильич так любит музыку. — И вдруг вспыхнула: — Брат вернулся домой возмущенный. «Наша публика, говорит, совершенно не умеет вести себя в концерте. Идут слушать Шаляпина, а устраивают овацию Ленину... Это неуважение к артисту!» И в самом деле, — горячилась Мария Ильинична, — ведь на концерте были наши товарищи, партийцы, сознательные рабочие. Это тем более недопустимо. Вот он возмутился и ушел. Что ему было делать?

— Мария Ильинична! Но ведь это делали не подумав, — пробовала объяснить Саша. — Это было в таком

порыве... Я сама видела. Это от любви. Владимира Ильича так любят, что невозможно...

— Любить тоже нужно с тактом! — вновь перебила Сашу Мария Ильинична. — Видят, человек пришел на концерт, тоже хочет послушать Шаляпина, и не надо ему мешать.

Саша ничего не ответила. Она сидела притихшая, смущенная. Ей было стыдно, оттого что она даже не подумала, что Ленин может оскорбиться за артиста. Из двух тысяч собравшихся в театре никто не догадался, что Ленин покинул концерт потому, что ему неудобно перед Шаляпиным.

А Мария Ильинична еще долго негодовала:

— Так редко удается послушать музыку — и ушел! Так трудно было выбраться на этот концерт! Он даже заседание отложил, хотя никогда этого не делает... Сам указал, где хочет сидеть, сам... — Мария Ильинична не закончила фразу и махнула рукой. — Не дали послушать!..

ИСКОРКА

Была уже полночь, когда Ленин распустил наконец Совнарком.

Все, кто были сегодня вызваны на заседание, разошлись, и зал опустел.

Ленин встал, потянулся, расправил плечи, по привычке провел рукой по лицу, голове и пригладил на затылке и у висков волосы.

Затем Предсовнаркома отставил в сторону легкое, с ажурной сеткой, кресло и вот так, стоя, принялся приводить в порядок свои бумаги.

А напротив него, за длинным столом заседаний, придвинутым вплотную к столу Председателя Совнаркома, тоже разбирала бумаги маленькая, сухонькая, проворная белокурая женщина с мелкими чертами светлого подвижного лица и синими, часто помаргивающими глазами.

Все чаще бросала она в сторону Ленина быстрые, короткие взгляды. Ее всегда улыбочивые, со смешинкой глаза примечали теперь с тревогой: Председатель Совнаркома разбирает сегодня бумаги хоть и сосредоточенно, как всегда, но без присущей ему сноровки, без ленинской быстроты. Просматривает медленней, значительно медленней обычного.

Уже не встревоженным взглядом, а стесненным сердцем женщина отметила про себя: «Какой утомленный вид у Ильича... Как пожелтело лицо...»

Мария Александровна состояла в партии давно — ско-

ро два десятка лет. В Совнаркоме она заведовала канцелярией Ленина. А в этот вечер заменяла на заседании секретаря Совнаркома — Лидия Александровна Фотиева была в отпуску.

Проворно сложив и аккуратно подровняв края страниц протокола, уложив его в особую папку, Мария Александровна отправилась в «кругосветное путешествие» вокруг длинного стола. На ходу собирала она записочки, блокноты, брошюры, справочники — все, что неизбежно остается после долгого заседания на зеленом сукне, как после отлива на морском берегу.

Ленин между тем кончил разбирать свои бумаги и позвал сотрудницу к себе:

— Вот, товарищ Лебедева, это, пожалуйста, к следующему Совнаркому.

Принимая из рук Ленина папку, Мария Александровна очутилась вплотную перед ним, увидела лицо Председателя Совнаркома близко-близко и сразу заметила — всегда такие сверкающие глаза Ильича сейчас совсем погасли. Ни огонька, ни искорки...

— Устали... — сокрушенно выговорила заведующая канцелярией.

— Устал... — покорно согласился Ленин. И провел по лицу рукой.

Казалось, он стирает с лица налипшую, как паутина, усталость.

— Ну зачем же вы так долго держали их всех тут? — неожиданно для самой себя спросила Мария Александровна. — Ведь вон сколько часов ушло. Они всё спорят, спорят... А вы все слушаете...

При этом сотрудница повела локтем туда-сюда, туда-сюда, словно расталкивала кого-то.

— А чего слушать всех? Вы же лучше их знаете, как надо. И все равно будет потом по-вашему...

Ленин прищурил глаз.

— И это вы называете коллегиальным руководством? — спросил он.

От этого вопроса локоть у Марии Александровны заходил быстрее, быстрее, туда-сюда, туда-сюда. Смешливое, с прозрачной белой кожей лицо густо пошло алыми пятнами.

А Ленин все поглядывал на сотрудницу острым, с прищуром, глазом, качал весело головой и лукаво спрашивал:

— Значит, не слушать, не спорить, не обсуждать?

И в его усталом взгляде, который, казалось, совсем погас, вдруг сверкнула такая жаркая искорка...

НАЧАЛО БИБЛИОТЕКИ

Библиотека «Правды» началась именно в ту ночь...

Контра уже вещала на весь мир: «Последние дни большевиков». Но сердце упорно верило в победу и не хотело верить в поражение.

В пронзительном ветре московской осени Саша ощутила тогда тревожное дыхание отступления. Все отвоеванное весной было вновь потеряно... Фронт проходил... Нет, совершенно невозможно было выговорить, где проходит фронт. Это уже вот тут, у самого сердца!

Красные флажки, воткнутые в черные кружочки городов, трепетали на осеннем ветру. И казалось, что огненные язычки стелются, крадутся, лижут, выжигают землю Республики Труда.

За картой раздавалось церковное пение. В Страстном монастыре шла служба. За что молились там монахи? За кого?

А в московской толпе слышалось: «Как близко... Как близко от Москвы...»

«Совсем близко...» — повторяли в толпе. Повторяли и наши и контра. Наши — с тревогой, контра — со злорадством.

В это субботнее утро Саша, спешившая в редакцию, впервые не повернула головы, не посмотрела на карту, по которой Москва девятнадцатого года сверяла судьбу революции.

«Лучше не смотреть, — решила она, пересекая тусклые,

едва приметные, уже занесенные мусором и палым листом рельсы московского трамвая.— Лучше не смотреть, чтобы не увидеть худшего...»

Саша шла в редакцию. Это был день коммунистических субботников. В курьерской «Правды», рядом с еще холодным самоваром, топорщились первые утренние телеграммы собственных корреспондентов.

Саша вскрыла их сразу, и сразу все стало ясно. Юденич подошел к Гатчине. Это у самых ворот Питера. Деникин идет на Тулу. Это уже у самого сердца России... А ведь штаб Южного фронта стоит в Серпухове. Фронт Южный, а штаб его почти на севере. Ведь за Серпуховом уже Москва...

Саша сдала телеграммы на машинку и стала разбирать почту... Но за строчками, писанными то пером, то карандашом, словно мелькала и проступала вдруг печатная строка: «НИКОГДА ЕЩЕ ВРАГ НЕ БЫЛ ТАК БЛИЗОК К МОСКВЕ».

Когда Ленин сказал это? Когда? В начале октября... В самом начале. Тогда Деникин шел на Курск. А теперь середина октября. Теперь Деникин взял Курск. И Орел...

Орел резанул сердце дважды. Потому что Орел был захвачен белыми дважды. Первый раз — неожиданно, непостижимо.

Это случилось в сентябре. На пустеющих бульварах Москвы шуршала сухая листва. Газеты сообщили, что банды конных разбойников под командованием бывшего помещика генерала Мамонтова прорвались в красный тыл. Мамонтовцев вскоре прогнали. Орел был советским. Но вот наступил октябрь. Оголены московские бульвары, и ветер студит душу тревогой. Опять пал Орел. Теперь генералы уже наступают повсюду. Все предельно плохо. Революция в опасности!

Но нет, нет отчаяния в душах тех, кто жизнь готов положить за новую, еще небывалую на земле власть Советов.

Каждый день по Тверской двигаются к Московскому

Совету колонны. Это молодые члены партии, вступившие в партийную неделю, заявляют о своем решении идти на фронт. Особенно взволновало Сашу, когда из Грузин и «Трехгорки» пошли к Московскому Совету дружинники. В эти тревожные дни октября девятнадцатого года в Москве вновь возникли рабочие дружины, как тогда, в октябре пятого. От слов «Штаб боевых рабочих дружин» веяло легендами баррикад.

Саша, не видавшая ни пожарищ стоявшей насмерть гордой Пресни, ни уличных боев с казаками, умирившими революционную Москву, тоже бежала к Московскому Совету на митинг. Всю площадь вокруг Обелиска Конституции занимали парни, юноши Пресненской заставы. Были тут и бородачи. В толпе говорили: «Это те, которые еще с пятого».

Так длился бесконечный субботний день. Когда стемнело, в редакцию пришла вечерняя почта. Саша снова вскрывала пакеты, письма. Одно было подметное. Кто-то, скрытый, угрожал «Правде» расправой. А потом, уже вечером, принесли сводку военных действий. И в сводке была ужасная, прямо невозможная строка: «НАШИ ВОЙСКА ОСТАВИЛИ ГАТЧИНУ».

Редакторы покинули холодный кабинет и перешли в секретариат, где топилась печка-«буржуйка».

Слышался скрип перьев, изредка кто-то ронял слово, другой не скоро откликался. Раздумье владело всеми. Раздумье вслух.

- Питерцам отступать дальше некуда...
- Да, дальше уже сам Питер. Его дома и улицы.
- Драться можно и на улицах и в домах.
- В Питере двадцать тысяч коммунистов...
- Питерский пролетарий города не отдаст...
- Нужно влить дух бодрости в нашего бойца.
- Да, красный боец устал...
- Плохо, что дела наши плохи сразу и на юге и на севере.
- Летом и осенью революции всегда трудно...

— А к зиме непременно побеждаем.

— У меня такое ощущение, что это последняя ночь. Что мы должны остановить белых немедленно, вот сейчас. Иначе будет уже трудно.

— Да, и у меня ощущение, что эта ночь в каком-то смысле действительно последняя.

— Подумать только, Гатчина у белых! Это невозможно представить. Разве что в дурном сне...

— Такое и не приснится...

Так разговаривали в секретариате редакции в субботний вечер октября, когда пришла самая плохая сводка за всю историю гражданской войны, когда Питер был уже на осадном положении, а Москва — на военном.

Потом редакторы уехали в «Метрополь», где они жили, и, уезжая, сказали:

— Мы ложиться не будем. Ежели что, звоните.

Мария Ильинична хмуро кивала головой: «Разумеется, ежели что...» — и давала выпускающему последние наставления — что на какую полосу верстать в этот воскресный, напоенный тревогой и опасностью номер «Правды».

А потом, когда выпускающий уже ушел в типографию, позвонили вдруг из РОСТА и сообщили, что ночью ожидаются важные телеграммы — последние известия с фронта.

Этот ошеломляющий звонок сразу разрушил всю верстку номера. Никто не знал, что таят последние известия этой ночи и какую полосу «держат». В бурной жизни секретариата вдруг наступила пауза. Пауза ночного ожидания, безвестности, тревоги. И в сердце каждого сотрудника тоже наступила пауза — ожидания, безвестности, тревоги.

Стало вдруг невозможно тихо. Руки секретаря «Правды» так и остались на телефонном аппарате — словно застыли. А две сотрудницы, глядя на эти руки, тоже застыли.

Казалось, застыла вся редакция, из конца в конец. Все комнаты пусты. Их освещает причудливый, мерцающий,

разделенный рамами на квадраты свет типографских окон. Только в секретариате зажжены все лампы.

После паузы все вернулись к работе. Мария Ильинична читает рукописи, а две сотрудницы, одна постарше, в камвольном платке, другая помоложе, в пальто, накинутом на плечи, о чем-то сразу зашептались.

— О чем там шепоток? — покосилась Мария Ильинична. — Чего сидим? Работу кончили, пора по домам...

— По домам неохота... Дома холодно.

— А тут?

— А тут сейчас будет субботник.

— Это какой такой «тут сейчас будет субботник»?

— Коммунистический. Как у всех. Сегодня Москва ходила на субботник. А мы не ходили.

— Вы же тут работали. — Мария Ильинична пожала плечами.

— Но нам хочется субботник...

— А делать что будете?

— Библиотеку. Вот, смотрите! — Обе сотрудницы раскрыли настель шкафы. — Вот уже сколько книг, а библиотеки нет. Госиздат теперь каждую неделю присылает. А мы все вот так сваливаем...

В немислимом хаосе громоздились в шкафах первые книги Советской власти. Все до единой без переплета, в мягкой обложке...

— Да, без субботника не справиться. Как на железной дороге.

— Джунгли! Книжные джунгли!

Разом, словно дали команду, смахнули сотрудницы книги на пол. Потом смахнули с полок пыль. И тогда лишь вспомнили, что для библиотеки нужна печать. А ее нет.

— Попросим пока в типографии отлить строку! — Сотрудницы вывели на листе бумаги каллиграфические образцы: «Библиотека «Правды».

Саша запахнула потуже пальто и с листом в руке побежала в типографию.

Линотипы стояли рядами. Лампочки под железными колпачками бросали яркий свет на текст. Наборщики, глядя в текст, как музыканты в ноты, печатали. Пальцы сновали по клавиатуре в плавном ритме. Так рождались ровные свинцовые строчки типографского набора.

Саша миновала ряд «Известий» и прошла в следующий, где сейчас набирали «Правду». Тотчас наборщики повернули головы вправо, в сторону Саши.

«Как солдаты в строю», — подумала она.

Навстречу ей уже шел заведующий наборным отделением, в погнутых очках, с карандашиком за ухом, с влажными оттисками в руке.

Саша протянула ему свой лист бумаги.

— Наберите вот это, пожалуйста.

— Что это? — Заведующий недоуменно поднял очки на лоб и вновь спустил их.

— Это для библиотеки, вместо печатки.

— Я думал, последние известия принесли. Сказали — телеграмм ждут.

— РОСТА еще не присылало. А у нас пока субботник, и нужна печатка для библиотеки.

— Для библиотеки? — недоумевал заведующий.

— Это в такую ночь? — Наборщик тоже усомнился.

— Да. И разбейте на шпоны.

— Ну, пройдем. — Заведующий хмуро пригласил Сашу к линотипу.

А наборщик пренебрежительно (не вовремя вздумали забавляться!) положил пальцы на клавиши и набрал, словно сыграл, типографскую строчку.

— Спасибо! Чудная печатка! — Саша бережно взяла узкую, тяжелую, еще теплую строку набора.

— Вот и мы на вашем субботнике поработали, — рассмехался неожиданно наборщик. — Отметьте в сводке.

— Отметим! — обещала Саша и побежала в редакцию.

Так началась библиотека «Правды».

Свинцовую типографскую строчку вонзили в лиловую мякоть штемпельной подушечки и штемпелевали

первую и семнадцатую страницы. Буквы отпечатывались глубоко, и хорошо проступали кавычки у слова «Правда».

Когда проштемпелевали все книги, задумались: как расставить их? По какому принципу?

Ни Ира, ни Саша не знали библиотечной работы.

— Давай по алфавиту, и дело с концом,— предложила Саша.

— Ни черта тогда не найдешь тут.— Ира отвергла предложение.

— Давай спросим ее.— Саша покосилась в сторону секретаря редакции.

Мария Ильинична, у ног которой на полу расположились сотрудницы со своими штабелями книг, пояснила, что все надо расставить по разделам—беллетристика, социально-экономические, технические... Потом завести картотеку...

У Саши вытянулось лицо.

Столько разделов? У нас полок не хватит...

Но Ира с присущей ей деловитостью живо принялась за классификацию и отправила «Первый календарь за 1919 год» на самую верхнюю полку.

Саша положила на колени две книги, изданные в серии «Кому пролетариат ставит памятники». Одна книга называлась: «Стенька Разин—вольный атаман». Другая— «Тиберий Гракх».

— Это в раздел истории. Но ставить ли рядом? Ведь «Стенька Разин»—это к России, а «Тиберий Гракх»— к Древнему Риму...

— Спросим...— Саша мотнула головой в сторону секретаря «Правды».

Мария Ильинична решила, что книги лучше расставить по странам, и Стенька Разин, вольный атаман, отделился от римлянина Тиберия Гракха и стал на другую полку.

— Карл Каутский «Предшественники новейшего социализма». Это об утопистах,—объявила Ира.

— Знаю... Читала немного...

— Это надо не читать, а шту-ди-ро-вать. И конспектировать...— заметила Ира.

Саша только вздохнула. Рядом с Ирой она ощущала все свое несовершенство.

— Степанов и Богданов «Курс политической экономики»,— объявила Ира.— Ставь к социально-политическим.

— Ох, никак не закончу этот курс. Как свободная минута, так я за историю. Вчера всю ночь читала записки шлиссельбуржцев.

— Надо какую-нибудь одну область выбрать. А ты разбрасываешься.

— А ты уже выбрала область?— встревожилась Саша.

— Конечно, выбрала. Моя область—экономические науки. Имей в виду: экономика—основа всего.

— А я еще не выбрала область! Меня очень привлекает история. Но литература тоже. А экономика—нет! История больше всего. Особенно история революций.

— Но без экономики все равно не обойдешься. «Капитал»—это основа основ...—уверенно говорила Ира.

— Ну конечно, мы даже на дежурствах ЧОН, пока нет тревоги и делать нечего, штудлируем «Капитал». Уже одолели первую главу.

— Это к истории! По твоей части!—Ира протянула Саше иллюстрированный сборник «Декабрьское восстание в Москве».

Саша пересмотрела снимки—все незнакомые лица—и, оглянувшись, не слушает ли секретарь «Правды», прошептала:

— Но увлекательнее всего поэзия! Особенно «Двенадцать».

И, сидя на полу с раскрытой книгой на коленях, Саша вдруг начала читать поэму—чуть подвывая, безостановочно, как в то время читали поэты:

Черный вечер.
Белый снег.

Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

— Так! Субботник сопровождают стихи...—засмеялась Мария Ильинична.

Саша умолкла.

— Продолжайте! Продолжайте! Это вместо песни.

— Да, на субботнике всегда поют песни.

— Вильгельм Либкнехт «Пауки и мухи»,—объявила Ира.

— Вильгельм? Это кто? Отец Карла Либкнехта?

— У Вильгельма замечательные воспоминания о Марксе.

— А Карл крупнее! Он вождь германского пролетариата.

— Герман Гортер «Исторический материализм». В двух экземплярах. Один беру себе. Пора заняться. Я бы с удовольствием вторые экземпляры сунула в печку. Я так замерзла, сил нет...

Зазвонил телефон. Мария Ильинична отвечала: нет! Все еще ничего нет!

Сотрудницы понимали, что это редакторы звонят из «Метрополя».

— Да, ничего. И утешительного ничего. Разве что,—неожиданно оживилась Мария Ильинична,— вот утешительное: девочки субботник затеяли. Да, субботник. Не пошли домой и устраивают библиотеку... Да, в такую ночь.

Мария Ильинична положила трубку, и снова потянулась эта ночь, казавшаяся бесконечной. РОСТА задерживало последние известия, и никто не знал, что происходит сейчас на фронте.

Вдруг зазвонили с «верхнего» коммутатора Кремля, и Мария Ильинична сорвалась со стула и легко-легко побежала к аппарату. Звонил Ленин.

— «Почему задержалась?» —повторяла она вопросы,

которые задавал брат.— «Почему не дома?» РОСТА жду. Последних известий еще нет. Да, велели дожждаться. А что там, не скажешь? Уточняют? Уже скоро? Ну и я скоро. Как получим, так поеду дормиршляфен. Нет, я тут не одна. Тут ночной субботник. Девочки библиотеку устраивают. Да, в такую ночь...

Мария Ильинична повесила на рычажок трубку, вернулась к своему столу и с нежностью поглядела на «девочек», которые, стоя на коленях, все еще разбирали книги. Они не смотрели в сторону секретаря «Правды» и не подавали виду, что слышали разговор по телефону, словно то, о чем говорили между собой сестра с братом, было чем-то сугубо семейным и к ним не относилось.

— «Бежин луг», «Дом с мезонином», «Сказка об Иванушке-дурачке»,— шептали они названия книг,— все к беллетристике. Вот еще Толстого..

— РОСТА! — Курьер хлопнул дверью.

Сотрудницы вскочили с пола, как от удара. Книги посыпались с колен. Мария Ильинична стремительно развернула желтоватый лист РОСТА и прочитала сначала про себя, а затем вслух три слова:

НАМИ ЗАНЯТА ГАТЧИНА.

Началось!

Курьерша помчалась в типографию. Мария Ильинична вызвала «Метрополь». Саша по телефону записала новую шапку для номера, которую ей диктовали из «Метрополя»:

ПИТЕРСКИЕ РАБОЧИЕ ВЕРНУЛИ ГАТЧИНУ.
РАБОЧИЕ РОССИИ!
ВЕРНИТЕ ВСЕ, ЧЕМ ЗАВЛАДЕЛИ
БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ!

Прибежал выпускающий и с ним метранпаж.

Мария Ильинична заново указывала, где что верстать, и, взяв записанное Сашей по телефону, сказала:

— А вот эту шапку победную наденем на первую полосу взамен прежней.

— Что же получается? — ужаснулся метранпаж. — Все полосы кувырком! А время — ночь, время — третий час!

— Но что же делать, раз такие дела? — виновато оправдывалась Мария Ильинична.

— Дела! Дела! — негодовал метранпаж. И вдруг, словно сообразив наконец, какие это дела, неожиданно рассмеялся.

И все тоже стали смеяться.

А сотрудницы быстро убрали все книги в шкафы, заперли их на ключ и стали собираться домой. На пороге появился ленинский шофер Гиль и, как всегда, кивнул головой: мол, здесь я, жду, пора ехать. И Мария Ильинична погасила настольную лампу под зеленым фарфоровым колпаком.

Так кончилось отступление красных войск и начались победы революции на всех фронтах сразу. Они длились всю зиму.

Было все это в октябрьскую ночь под воскресенье. Вот в такую ночь, когда кончилось отступление, и началась библиотека «Правды». Именно в такую ночь.

СЛАВА

Толстый синеглазый мальчик в очках жил в Петербурге на Знаменской, а его отец, польский революционер, жил в Сибири, в ссылке.

Прежде они проживали в старинном городе Вильно. Но когда отца сослали, мать уехала к нему в Сибирь, а Веслава оставила в Петербурге, у тети Юлии, которая очень напоминала ему папу,— такая же полная, невысокая, синеглазая, добрая. Только тетя Юлия не была революционеркой. Она была зубным врачом. Но если нужно, тетя становилась вдруг решительной и смелой, как папа.

В тот год, когда сослали отца, началась война с немцами. По улицам Петербурга маршировали солдаты, и Веслав в соломенном картузике и коротких штанишках вместе с ватагой мальчишек бегал вслед за ними и пел солдатские песни.

Однажды, когда деревья в столице уже золотились, как в старом Вильно, тетя вернулась из города и сказала племяннику:

— Веслав, сядь, мне нужно с тобой поговорить по серьезному делу.

Она сняла соломенную шляпу с большими полями, на которых синели васильки, поправила перед зеркалом высокую прическу и тоже села на диван.

— Веслав, сегодня мне удалось определить тебя в частную гимназию Лентовской. Завтра ты опять на-

чнешь посещать занятия. Вот в связи с этим важным событием нам с тобой нужно условиться...

Тут синие, всегда ласковые глаза тети Юлии стали почти черными и такими решительными, словно она вооружилась своими щипцами и собралась удалять пациенту зуб.

Веслав напряженно ждал, что будет дальше.

— Ты в гимназии не говори, что папа был арестован. Никто не должен знать, что он сослан. Это большая тайна. Если ты ее выдашь, плохо придется мне и тебе, а папе ты причинишь ужасное огорчение. И маме тоже.

Уже значительно мягче и на этот раз по-польски тетя Юлия спросила:

— Дáешь слово, слово гонóру?

— Власьне! — не глядя на тетю, глухо выговорил Веслав. Над крутым мальчишеским лбом упрямо встал жесткий белесый вихорок, выжженный летним солнцем.

— И еще, Веслав,— уже на ходу проговорила тетя,— если тебя спросят, скажи, что ты уехал из Вильно недавно, уехал потому, что началась война...

С того дня Веслав носил в себе невероятную, как он понимал, тайну.

Однажды в приемную к тете пришел пациент, он морщился от острой зубной боли и рукой держался за щеку. Тетя спокойно, равнодушно пропустила его в кабинет. Но в тот день уже никого больше не принимала. А наутро Веслав обнаружил, что пациент ночевал на диване, за шкафом, который перегородил комнату пополам.

После завтрака, когда Веслав укладывал учебники в ранец, тетя Юлия сказала:

— Веслав, у нас сегодня никто не ночевал. Вообще никто из посторонних у нас никогда не ночует. Да?

При этом ее синий глаз стал вдруг острым и стальным, как сверло бормашины...

— Конечно! — торопливо отвечал мальчик и убежал в гимназию, а его синие глаза под очками стали хмурыми,

как небо над городом, в котором проходило такое недетское детство Веслава.

Иногда мальчика неожиданно посылали на улицу: «Постой минут десять у подъезда». Когда он возвращался, его ни о чем не спрашивали. И он тоже ничего не спрашивал.

Так прошло три года. Наконец все это кончилось. Весной в России свергли царя. По прямым великолепным улицам столицы потекли бурные людские реки. Все в империи тронулось, как в ледоход. Из Сибири вернулся отец Веслава, и с ним мама. Семья соединилась.

Сняли квартиру недалеко от тети Юлии. В новую квартиру люди приходили не таясь. Все приходившие были товарищами. Товарищами папы. «Товарищами по партии» — как говорила тетя Юлия.

Веслав расспрашивал о Сибири, слушал политические споры, бегал на уличные митинги и вместе со всеми пел:

Вихри враждебные веют над нами...

Дивясь перемене, происшедшей в сыне за годы разлуки, отец заметил как-то:

— Веслав очень начитан и не по летам развит. Сказалось влияние Юлии.

— Нет, Мечислав.— Тетя покачала головой.— Это жизнь сделала его таким. Что ты хочешь,— замкнутая жизнь в явочной квартире!

Так вот оно что! У тети Юлии была, оказывается, явка! Это революционеры приходили к ней под видом пациентов... И тот, который ночевал... Но где же он теперь? Почему не приходит?

А старшие, вспомнив о явке, стали сразу очень веселыми.

— Кончилось, кончилось наваждение, все эти аресты, ссылки, обыски... Революция!

Так началась вторая жизнь маленького Веслава, сына революционера. И в этой новой жизни у мальчика появи-

лись новые, важные дела, а затем неожиданно и новые тайны.

Уже на третий день после возвращения из Сибири отец сказал:

— Слава, завтра чуть свет беги на Невский и купи у газетчика «Правду». Снова начинает выходить газета нашей партии.

Утром, когда отец еще не просыпался, Веслав уже бежал по улице. На углу Невского газетчики выкрикивали названия газет.

— Мне «Правду»,— просил Веслав.— Мне нужна газета «Правда». У вас есть такая газета? «Правда»!

Да, такая газета оказалась у одного газетчика. Уплатив пятак, Веслав помчался домой с добычей.

— Татусю, пшинес!— закричал он по-польски, как всегда, когда волновался.— Патш, татусю! Тó есть «Правда»! Перши номер!¹

Отец развернул газетный лист и приник близорукими глазами к мелким строчкам типографского набора. Он читал вслух столбец за столбцом:

— «Пролетариат Петрограда и России помнит газету «Правда». Высоко держала пролетарское знамя наша рабочая газета два года».

Отец читал, а семья собралась вокруг него и слушала голос «Правды», который умолк почти три года назад.

С того памятного воскресенья Веслав бегал каждое утро за газетой. Если ее не было на Невском, он отправлялся на поиски. Его встречали и на далеких заставах, где рабочую газету легче было найти, нежели в центре, населенном богачами.

Отец наспех прочитывал телеграммы, извещения и уходил в Петроградский Совет, а сыну наказывал:

— Слава, сбереги номер. Ночью вернусь, дочитаю.

После его ухода газету читал Веслав. Чего только не узнавал он!.. Призывают жертвовать на «Правду».

¹ Папа, принес! Смотри, папа! Это «Правда»! Первый номер!

У редакции нет своей типографии, нужны средства... В правительство вошли десять министров-капиталистов. Долой их!.. Долой империалистическую войну!.. Товарищи, читайте газету вслух своим товарищам!

— Это правильно! — соглашался Веслав.

Газет не хватает, и надо, чтобы рабочие передавали друг другу правду, которую рассказывает «Правда». Он решил, что и ему надо читать мальчикам в гимназии на перемене газеты.

Прочитав «Правду», Веслав складывал ее на бамбуковую этажерку и садился за уроки. К двум часам он должен быть в гимназии, на вечерних занятиях. Хотя какие там занятия! В классе у них все идет ходуном, как на митинге.

Теперь, после революции, время мчалось, казалось Веславу, с быстротой аэроплана. И он, ученик частной гимназии Лентовской, тоже мчался вслед за этим невероятным временем, за великими событиями семнадцатого года.

Однажды, то было в праздничный, пасхальный вечер апреля, приехали вдруг к отцу на двух извозчиках товарищи. («Товарищи по партии» — как говорила обычно тетя Юлия.) И сразу в доме началось такое! Каждый «товарищ по партии» приколот себе на грудь красный бант. Мама и тетя металась в поисках красных цветов. «Неприменно красных». Веславу тоже приколотли к его курточке красный бант и дали цветок — держи!

— То твуй червоный квяток!¹

Веслав волновался больше всех. Он мастерил факел — строгал палку, наматывал на нее вату и бинт — и ужасно боялся, что опоздает.

Когда наконец все были готовы и покинули квартиру, по улицам уже двигались колонны. Чем ближе к вокзалу, тем гуще толпа, теснее строй. Шли заводы. Шли полки. Шли гвардейские экипажи.

¹ Это твой красный цветок!

В эту пасхальную апрельскую ночь Петроград встречал Ленина.

На всю жизнь запомнил мальчик все, что произошло там, на привокзальной площади. Два броневика, как два стража, у Финляндского. Команда: «На кра-ул!» Затем «Ура-а-а!», словно расколовшее площадь. Медный гром ударил из труб и тарелок. И факелы, как молнии, сразу озарили ночь. Веслав увидел океан людей. А посреди океана человек на броневике. И волны людские шумят у его бортов.

Вот какая была тогда весна! Но позже, когда уже наступило лето, все омрачилось. Тревожно становилось в доме. И тревожней стали страницы «Правды». Веслав по-прежнему читал газету и складывал на бамбуковую этажерку. Но однажды он прибежал домой, потрясенный неудачей.

— Папа, нет газеты! Совсем нет! — выкрикивал он. — Нигде...

— «Правда» не вышла, — мрачно сказал отец. — Напрасно бегал. Нашу редакцию разгромили вчера юнкера.

— Юнкера? Разгромили? — В детском мозгу Веслава вмиг все пришло в связь: недавняя летняя демонстрация в Петрограде, на которую его не пустили; угроза, что его исключат из гимназии, если он еще раз будет читать в классе большевистскую газету...

Вскоре появился товарищ Феликс. Так рано он никогда не приходил. И папа тут же стал рвать какие-то бумаги. А товарищ Феликс все звонил по телефону и все повторял одно и то же:

— Пора! Пора, пока не поздно!

Он был так печален, что Веслав сразу догадался, на кого похож сегодня товарищ Феликс: на рыцаря из книги Сервантеса!

Кончив разбирать бумаги, папа дал какой-то пакет маме:

— Сохрани во что бы то ни стало!

Мама, высокая, тонкая, красивая, как-то сразу постарела, стала ниже, словно сгорбилась.

Веслав с ужасом смотрел на происходящее: все так похоже на то, что уже было однажды там, в Вильно, перед тем как арестовали папу.

Мама вздохнула и завернула пакет в наволочку.

— Думаю, на чердак... Там, кстати, белье висит...

— Мамочка, я, я это сделаю. Я пойду на чердак,— вызвался Веслав.

Товарищ Феликс посмотрел на него:

— Это правильно. Лучше, чтобы мальчик. Не так заметно...

— А «Правда»? — вспомнил Веслав. Он посмотрел на бамбуковую этажерку, и его словно резануло по сердцу.

Прежде чем старшие ответили ему, он сгреб с полка все газеты и запихал в наволочку.

Когда Веслав спустился с чердака, у подъезда дома заскрежетали тормоза грузовой машины. В квартиру вошли люди в военном. Они искали, выпрашивали, писали, потом ушли. А папу и товарища Феликса увели с собой.

То, что, казалось, никогда больше не повторится, произошло.

— Мама, но ведь теперь революция... Как же это? Ведь нет жандармов... Кто же эти?

Но мама только сжимала голову руками:

— Не успели!.. Не успели скрыться! Ни папа, ни Феликс... Что-то роковое... А Ленин?

Мама стала звонить по телефону...

А на другой день мама месила тесто. Веслав стоял в длинной очереди к фирменному магазину «Жорж Борман». Он достал две плитки шоколаду. Мать положила их вместе с испеченным хлебом в узелок. В тюрьму поехали на трамвае. Когда «сделали отцу передачу», Веслав отпросился у матери в магазин «Прибой» — может быть, уже вышла «Правда»?

Домой он вернулся с добычей: вытащил из-за пазухи «Листок «Правды» и прочитал маме вслух:

— «Не имея возможности выпустить сегодня очередной номер «Правды», мы выпускаем «Листок «Правды». Завтра мы надеемся выпустить очередной номер «Правды».

«Листок» призывал:

«Товарищи рабочие, солдаты! Не поддавайтесь на провокацию».

Веслав прочитал все до конца и спрятал «Листок» в мешочек с мукой, из которой мама пекла для отца хлеб.

Наутро Веслав снова был на своем посту. Надо было достать «Правду» и спрятать — для папы. Когда он вернется, будет читать.

Но сколько ни ездил Веслав к далеким заставам Петрограда, все было напрасно. «Правда» не выходила...

Некоторые газетчики уже знали в лицо коренастого синеглазого паренька в очках, коротких летних штанишках и распахнутой курточке с хлястиком. То, что однажды сунул ему в руку газетчик — это опять было в воскресенье, — никак не походило на прежнюю, так хорошо знакомую Веславу газету партии. Ни по виду, ни по названию... Веслав нерешительно топтался на месте.

— Мне «Правду», — просил он. — Только «Правду»...

Но тут газетчик так подмигнул ему: «Она и есть. Го-ни гривенник и катись!» — что Веслав поверил ему.

Да, газетчик сказал правду. Это была прежняя «Правда». Но теперь она скрылась под названием «Рабочий и солдат».

Потом газета опять исчезла, и, казалось, бесследно. Прошел день, другой, и вдруг Веслав напал на ее след. Она появилась под названием «Пролетарий». Недолго жила газета — и пропала. Опять Веслав брел домой понурый, растерянный, с пустыми руками.

А затем «Правда» вновь всплыла. Уже спустя два дня газетчик закричал:

— Вышла новая газета «Рабочий». Кому газету «Рабочий»?

И опять оказалось, что это «Правда».

Так миновало лето и наступила осень. Большевики вырвались из тюрьмы. За отца Веслава внесли залог — две тысячи рублей керенками¹. Он приехал домой на извозчике вместе с товарищем Феликсом, который так исхудал в тюрьме, что еще больше стал походить на рыцаря из книги Сервантеса. Но печальным Веслав его уже не видел.

А газета партии выходила в это время без перерыва целых два месяца. Теперь она называлась «Рабочий путь».

И опять словно вернулась весна и начался ледоход (хотя стояла петроградская осень) — все вокруг пошло грохотать, крушить, ломать. Но теперь крушили уже не империю Романовых, не царя сбрасывали с российского престола, а Временное правительство. Пролетариат свергал буржуазию.

— В Смольном Ленин! — сообщил по телефону отец, который вот уже несколько дней как не был дома — он все время пропадал в Петроградском Совете. — Ленин в Смольном! Поняла?! — переспросил он.

И мама взволнованно повторила:

— Ленин в Смольном!

— Арестовано Временное правительство! — сообщил под утро по телефону папа. — Сегодня ночью арестовали всех в Зимнем...

Веслав тотчас вскочил с постели. Бежать! Бежать за газетой! Не упустить!

Было 25 октября 1917 года. Поздний петроградский рассвет... Мальчик бежал по пустынной улице, смутно ощущая значение этого дня. Он вернулся домой с газетой.

— «Открылся Второй съезд Советов!» — прочитал Веслав. И по привычке спрятал газету, еще не сознавая, что отныне ничего не надо прятать.

В следующий раз он принес уже «Правду».

¹ Так назывались деньги правительства Керенского.

«ПРАВДА»
(«Рабочий путь»)

Так называлась теперь газета партии.

Вернулась! Вернулась «Правда»! Четыре месяца скрывалась, таилась под разными именами и вот снова вышла и на весь мир объявила, что в России свершилась Октябрьская революция. Во всю ширь первой полосы было напечатано:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО!
РАБОЧИЕ, СОЛДАТЫ, КРЕСТЬЯНЕ,
ВСЕ, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК,
СТОЙТЕ ЗА ЭТУ НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ!

— Свершилось! — сказала мама. И все повторяла: —
Свершилось! Свершилось!

— Я сейчас пойду туда, наверх. Теперь ведь уже можно? — нетерпеливо спрашивал Веслав.

Он побежал на чердак, где с июльских дней вместе с отцовским архивом хранилась «Правда».

На следующий день домой пришел отец. Веслав сидел на полу и сосредоточенно разбирал революционные листовки, воззвания, газеты и складывал их — по названиям, числам. Последний номер «Правды» был от 10 ноября 1917 года по новому стилю.

Уже три дня существовала на земле власть Советов.
— Да у тебя тут настоящий партийный архив, Слава! — вскричал отец.

— Нет, он неполный... — огорченно заметил мальчик. — Газеты я собрал все. А листовок и воззваний не хватает. Ты, папа, помоги мне их достать...

— Помогу, непременно помогу! — горячо обещал отец и по-мужски, как равному, пожал сыну руку.

Весной восемнадцатого года молодое Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Веслав с папой и мамой поселился в Кавалерском корпусе Кремля, на третьем этаже. Там жили народные комиссары, сотрудники секретариата Ленина. Отец Веслава, польский революционер Озовский, работал в Народном комиссариате юстиции. А Веслав с осени стал учиться в Опытно-показательной школе имени старого большевика Пантелеймона Лепешинского, в Обыденском переулке, у Москвы-реки.

Как и все мальчики, ученики этой школы увлекались коллекционированием: кто собирал марки, кто монеты, кто бумажные деньги — керенки, карбованцы, царские ассигнации... Но Веслав Озовский по-прежнему собирал газеты, листовки, революционные рисунки.

Свой архив Веслав хранил теперь в отцовском книжном шкафу. Заходили иногда товарищи отца, перелистывали газеты, делали выписки, и каждый хвалил Веслава:

— Как ты все это сохранил! В каком образцовом порядке!

Вот однажды в связи с этим архивом и случилось в маленькой жизни Веслава большое событие.

Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину понадобились как-то номера «Правды», выходявшие до Октябрьской революции. И тогда лишь выяснилось, что нигде — ни в Румянцевской государственной библиотеке, ни в самой редакции «Правды» — такого комплекта нет.

Ленин был озадачен. На очередном заседании Совнаркома он спросил:

— Товарищи, нет ли у кого-нибудь из вас комплекта «Правды» семнадцатого года? Не могу достать. А мне очень нужно для работы.

Все молчали. Вдруг с дальнего конца зала отозвался народный комиссар юстиции:

— Владимир Ильич, такой комплект есть.
— Где же?
— Да тут, в Кремле...
— Даже в Кремле! — обрадовался Ленин. — А мы ищем, ищем... У кого же, Петр Иванович?
— В Кавалерском корпусе. У одного мальчика.
— У мальчика?! — удивился Ленин.
— Да, Владимир Ильич, у сынишки Озовского. Это мой маленький друг. Я часто пользуюсь его архивом.
— Но откуда у мальчика архив? — все более дивился Ленин.

— Собирал с самого начала революции, когда жил в Петрограде. Целый клад накопил: и газеты, и листовки, и брошюры. Все сохранил, представьте себе, и притащил с собой, когда в Москву переезжали. Не мальчик, а ученый-архивист...

— Это поразительно! — восхитился Владимир Ильич. — А можно у него попросить комплект? Одолжит он мне свой клад?

— Ну разумеется! — рассмеялся народный комиссар. — Дает же он мне. А уж вам, Владимир Ильич...

Ленин записал имя юного владельца комплекта «Правды», и в тот же день в квартире старого большевика Озовского появилась сотрудница секретариата Ленина.

Анна Петровна Кизас жила в том же коридоре, что и Веслав. Часто поздним вечером заходила она к его матери «покурить».

Веслав сидел за отцовским столом и готовил уроки, когда вошла белобровая, с пронзительно светлыми глазами Анна Петровна.

— Слава, а ведь я к тебе пришла...

И Анна Петровна помахала перед лицом Веслава сложенной вчетверо запиской.

— Пожалуйста, Анна Петровна! — Веслав вежливо встал, отложил географическую карту, которую он сри-

совывал, и сквозь очки следил за движением мелькавшей у его глаз бумажки.

— Читай, «товарищ Веслав»! К тебе обращаются, «товарищ Веслав»! — словно затеявая игру, чеканила Анна Петровна слова. — Один товарищ просит тебя, «товарищ Веслав»... — И Анна Петровна развернула сложенный вчетверо листок, ухватила кончиками пальцев за его края, поднесла к Веславиным очкам близко-близко: — Читай!

И Веслав Озовский прочитал записку товарища Ленина. Председатель Совнаркома просил товарища Веслава одолжить ему комплект «Правды» за 1917 год и обещал вернуть в целости и сохранности по первому требованию.

— Ну, я пошла к маме, покурю... — Анна Петровна вышла, то ли в самом деле потому, что ей хотелось курить, то ли для того, чтобы оставить Славу наедине с его волнением.

Когда она вернулась, Веслав уже достал из отцовского шкафа заветные комплекты, свернутые в трубки.

Зажав мундштук в зубах, щурясь от дыма, Анна Петровна стала складывать комплекты вместе. Веслав с опаской следил за дымящимся мундштуком. Он знал, что именно эта женщина стирала в тазу окровавленные бинты Ленина в ту страшную первую ночь после ранения. И потому мальчик всегда испытывал к Анне Петровне особое, трепетное чувство.

Но тут он решился и сказал:

— Анна Петровна, если искра попадет на газету... Вы не можете пока не курить?..

— Резонное замечание! — Анна Петровна вытряхнула окурочек, сунула мундштук в карман жакета и ушла с газетами под мышкой.

К Ленину «Правда» попала в тот же вечер. Он обрадовался, оживился, тут же стал перелистывать старые страницы. Ни одного пропущенного номера! Хотя так часты были перерывы в выходе газеты, хотя так часто меняла «Правда» свои названия. Чудо! Чудо чудесное!

— Даже если бы газета выходила аккуратно, и то следовало бы удивляться мальчишечьей настойчивости в достижении цели,— заметил Ленин.— А ведь тогда в Петрограде черт-те что делалось. Свистопляска! Я и сам некоторых номеров не читал.

Обнаружив в комплекте экстренные вечерние выпуски — три исторических листка, отпечатанных лишь на одной стороне и выпущенных партией в дни, когда царский генерал Корнилов поднял против революции мятеж, Ленин даже руками всплеснул.

— Страда! Настоящая страда! Особенно для такого паренька. И это сделали не наши товарищи, взрослые, политически сознательные, политически опытные люди! Сделал мальчик! Слава Озовский. Подлинно слава ему!

А затем Ленин перешел к делу.

— Нельзя же, чтобы у Советского государства не было комплекта партийной газеты тех дней. Надо что-то предпринять.

Тут кто-то заметил, что сынишка Озовского отдаст, разумеется, Владимиру Ильичу свой комплект.

— Категорически протестую! — Ленин возмутился. — Лишать паренька такого сокровища! Уж раз мы оказались такими растяпами, что вовремя не подумали об этом, нечего пользоваться детским трудом. Да, да, не будем грабить политически сознательных ребят! — И Ленин спросил: — А нельзя ли сделать фотокопию с этого комплекта? Вот в Британском музее фотографируют документы, редкие издания. Я сам пользовался ими в свое время.

Но, увы, в те трудные для молодой Советской Республики времена невозможно было изготовить у нас фотокопии газет.

— А если заказать за границей? — Ленин прищурил глаз. — Но где? В какой стране? Мы одиноки в мире, мы со всех сторон окружены врагами, враждебными государствами.

Выход был все же найден. Проживал в то время в Австрии польский коммунист товарищ Бронский. С ним списались, и он взялся за дело.

— Но прежде чем отправлять единственный комплект за границу, в другую страну, надо все же получить разрешение у владельца, — заметил Ленин.

И вот школьник Веслав приглашен к народному комиссару юстиции Петру Ивановичу Стучке. Петр Иванович с женой проживают на третьем этаже Кавалерского корпуса, и комната их обставлена так же, как у Озовских: круглый стол, ширмы, пузатый, времен Екатерины, комод, белые, с золочеными ножками стулья, тусклые зеркала. А простенки заполнены книгами. Стеллажи поднимаются до потолка. Книги — единственное имущество, которое революционеры привезли с собой в Кремль. В этой комнате с невысокой перегородкой живет отважный сын латышского народа, седой великан Стучка, и его жена, спокойно-величавая Дора Христофоровна, сестра латышского поэта Райниса.

Когда бы Веслав ни заглянул к этим людям, они всегда за книгой. Вместе с ними мальчик погружается в этот увлекательный мир. Стучки руководят его чтением. Они явно равнодушны к серьезному не по летам мальчику. И так любовно помогают его духовному развитию.

Но сегодня разговор шел не о книгах.

— Слава, как ты посмотришь вот на какое дело, — обратился к нему нарком. — Нужно твой комплект, который ты одолжил Владимиру Ильичу, послать за границу, в Вену. Там его сфотографируют, и у Ленина тоже будет комплект — фотокопия с твоего. Владимир Ильич спросил меня: «Как вы полагаете, ваш маленький друг даст разрешение?»

«В Вену? Это — Австрия... Буржуазная страна. Там капитализм... А вернется все обратно?» — возникали в смятенном, встревоженном мозгу школьника вопросы. Но он не задавал их.

— Да, я разрешаю, Петр Иванович, — ответил Слава.

А потом, когда уже свыкся с мыслью, что не скоро вернется к нему его сокровище, Веслав стал расспрашивать:

— А как делают фотокопии? Каким способом фотографируют газеты? Так же, как человека? Ну, какой будет снимок? Маленький, как фотокарточка? Или такой же большой, как газета?

— Это будет микрофотография,— объяснил нарком.— Ее читают с помощью лупы.

— С помощью лупы? — удивился Слава.

После этого разговора прошло немало времени. Веслав ждал, не выдавая тайной тревоги, вернется ли когда-нибудь к нему комплект. И когда уже отчаялся, «Правда» вернулась. Она вернулась к своему маленькому хозяину. Но в каком виде!

Сначала на большой отцовский стол лег толстый том в тугом, новом переплете. Затем, поверх него, легли тома потоньше, поменьше. Все издания «Правды» семнадцатого года, выходявшие под различными названиями, были отлично переплетены — каждый выпуск отдельно.

— Владимир Ильич распорядился, чтобы твоё сокровище переплели. Вот и получай! — Анна Петровна хлопала рукой по новым, отливающим гляncем переплетам. И напоследок подала Веславу еще один том, поменьше размером. — Это тебе премия! За твои заслуги! — Анна Петровна заморгала загадочно своими белыми щетинистыми ресницами и занялась мундштуком.

Веслав раскрыл том — это оказались микрофотографии газетных страниц «Правды».

— Тут снимки наиболее интересных номеров,— пояснила Анна Петровна.— Вот посмотри первую фотокопию...

Веслав стал читать мелкий фотографический оттиск на толстом картоне: приезд Ленина в Петроград... И вспомнил апрельскую ночь и свой маленький факел, горевший там, на площади у Финляндского...

Потом к Веславу в квартиру прибежали товарищи — мальчики из Кавалерского и Офицерского корпусов Кремля, из Потешного дворца и Белого коридора... Все толпились за его спиной, стараясь прочесть фотографический текст.

Когда всё прочитали, всё осмотрели, то обнаружили на внутренней стороне переплета маленькую наклейку. Латинскими буквами там было обозначено: «Бухбиндерлей С. Вильскер, Вин 8. Альбертгассе, 26».

То был адрес переплетной мастерской в восьмом районе города Вены, на улице Альберта.

— А где же адрес фотографии?

Искали, искали... Его не было.

— Значит, «Правду» фотографировали секретно, — понял Веслав.

И его воображение было взволновано тайным путешествием «Правды» в капиталистическую страну. Прежде, еще до Советской власти, он скрывал ее на чердаке в Петрограде. А теперь, уж после революции, она опять скрывалась где-то в городе Вене... Может быть, тоже на каком-нибудь чердаке?

* * *

Но на этом не кончились замечательные события в жизни Веслава Озовского. Летом в Москве собрался конгресс Коммунистического Интернационала. Со всего мира съезжались в Кремль революционеры. Тайно, под чужими паспортами, под вымышленными именами, рискуя свободой и даже жизнью, пробирались они кружными путями в столицу Советской Республики.

— Папа, я так хочу их увидеть! — сказал Веслав. — Дostaнь мне билет на конгресс.

— Ты еще мальчик! — отмахнулся отец. — Конгресс Интернационала — не парад на Красной площади.

Веслав насупился. И отца — в который раз! — пора-

зило не по летам вдумчивое, сосредоточенное выражение сыновнего лица.

Веслав пошел к Стучкам.

— Петр Иванович, нельзя мне достать билет на конгресс? Только на одно заседание. Когда будет говорить Ленин... Пойти один раз...— смущенно говорил он.

— Ты еще не дорос...— отвечал Стучка словами папы.— Вот вырастешь, вступишь в партию— я сам дам тебе рекомендацию— и пойдешь на конгресс...

Веслав смутился и ушел.

«Не дорос!..— сам с собой по-мужски разговаривал он.— А когда газеты в Петрограде собирал, был еще меньше... Не дорос!»

Он достал из отцовского бюроара бумагу, конверт, сдвинул в сторону книги, взятые у Стучки (вот уж который день увлеченно читал он попеременно Туна «Историю революционного движения в России» и «Андрея Кожухова» Степняка-Кравчинского), раскрыл свой пенал и вооружился ручкой с пером «рондо».

«Не дорос»...— все еще повторяла в сердце Веслава обида, а рука уже вывела строчки столь важного и решающего письма: «Дорогой товарищ Владимир Ильич! Простите, что я вам мешаю, когда вы так заняты. Я очень хочу пойти на конгресс Коминтерна, чтобы услышать ваш доклад и увидеть революционеров из разных стран капитала. Я просил папу и товарища Стучку дать мне билет, но они отвечают, что я еще не дорос. Владимир Ильич, я ведь не виноват, что медленно расту. Мне уже 14 лет. Прошу вас дать мне билет. Ученик МОПШК Веслав Озовский».

Слава заклеил конверт и надписал:

*Председателю Совнаркома и вождю Третьего
Интернационала тов. ЛЕНИНУ.*

Раздумав сдать письмо в будку у Троицких ворот, где принимали почту для Ленина, Веслав рано утром поступился к Анне Петровне Кизас.

Сотрудница секретариата Ленина так заговорщически заморгала своими жесткими щетинистыми ресницами, что Веслав уверовал в удачу.

Но миновал день, за ним второй. Ленин не ответил. Был уже поздний вечер. Веслав лежал в постели за тяжелыми фрейлинскими ширмами с плотным, некогда зеленым и уже давно выцветшим кретоном, но уснуть не мог.

«...Неужели Ленин совсем не ответит? А папа говорит, что Ленин отвечает на все письма. Как же так? Значит, не хочет дать билет?..»

Такая мысль была невыносима.

А конгресс открывается завтра. Скоро полночь. Вот, как всегда в это время, уже пришел фельдъегерь, который доставляет правительственные пакеты. Из-за ширмы Славе видно, как отец, отложив бумаги, достал перо, чтобы расписаться в получении пакета.

Веслав лежит на спине, сцепив под головой пальцы рук. Упрямый вихорок над мальчишеским лбом отбросил на стену забавную тень. И вдруг рядом возникла другая, огромная тень. Прежде чем Веслав понял, что случилось, прежде чем он услышал недоумевающее восклицание отца: «Веславу? Славе?» — за ширму, к самой постели уже ступил самокатчик, кожаный гигант с мужественным лицом, обрамленным шлемом.

— Веслав Озовский? — справился гигант, сверился с конвертом и оторвал от пакета приклеенный листок. — Распишитесь!

От неожиданности мальчик никак не мог припомнить, куда положил очки. Он озирался вокруг себя растерянным взглядом близорукого, шарил под подушкой. Очки оказались на пузатом комодe, гигант увидел их, подал мальчику, получил расписку, и тень со стены исчезла вместе с гигантом.

В руках у Веслава остался конверт. В нем оказалась записка на бланке Председателя Совнаркома. Ленин просил секретариат конгресса Коминтерна выдать товарищу Веславу Озовскому, 14 лет, гостевой билет на все

заседания конгресса. Ленин отмечал, что, несмотря на очень молодые годы, Слава политически вполне сознательный и в свое время даже оказал ему большую услугу.

— Ты писал Ленину? — спросил папа.

— Ты нам ничего не сказал! — удивилась мама.

Сын молчал.

На следующий день Веслав стоял в большой комнате Большого Кремлевского Дворца перед высокой, худой, строгой женщиной с очень суровыми глазами. О ней говорили, что у нее в жизни насчитывается столько побегов из тюрем и ссылок, сколько лет она состоит в партии. Невольно робея перед таким товарищем, Веслав протянул конверт со штампом Предсовнаркома.

Женщина прочитала записку Ленина и гневно посмотрела на юного подателя.

— И не стыдно тебе отнять у Ленина время? С такими глупостями пристаешь... Пришел бы прямо ко мне, я бы дала тебе билет. Так нет же, пишет, Ленину пишет!..

Она отвернулась, негодуя, и коротко сказала молодой сотруднице:

— Гостевой, именной, постоянный.

Веслав ждал молча, потупившись. Но когда он, наконец, получил гостевой билет с яркой полосой наискось, в котором были проставлены четко — каждая буква отдельно — его фамилия и даже его имя-отчество, он не сдержался и высказал все-все, что так наболело в нем за эти дни:

— Простите, товарищ. Конечно, я не должен был писать Ленину и мешать ему. Но ведь... если бы я пришел к вам просить билет, то вы бы мне не дали. Вы бы сказали, что я еще не дорос...

— А пожалуй, и так! — неожиданно рассмеялась суровая женщина. — Пожалуй, прав! Не дала бы!

Вечером Веслав сидел в Тронном зале Кремлевского Дворца и слушал доклад Ленина на конгрессе III Интернационала. В перерыве Веслав стоял в конце белой дворцовой лестницы и, прижавшись к перилам, смотрел, как Ленин, окруженный революционерами разных стран, спускается по мраморным ступеням. Рядом с Лениным шла Крупская, спрятав руки в глубокие карманы очень длинного, до колен, жакета. Под вспышкой магния вдруг сверкнули ее глаза. Крупская зажмурилась и застенчиво отвернулась.

Среди революционеров, окружавших Ленина, Веслав вдруг узнал человека, лицо которого запомнил на всю жизнь. Того самого, который однажды там, в Петербурге, пришел к тете Юлии под видом пациента с острой зубной болью. Теперь этот человек прошел мимо Веслава, даже не скользнув по нему взглядом. В подростком мальчишке он не узнал того, в чьей комнате за шкафом нашел когда-то приют на одну ночь... И Веслав не знал, что это тот самый товарищ из Вены, который фотографировал его «Правду». А Ленин своим зорким глазом уже разглядел за головами отважных революционеров, собравшихся со всего света, невысокого, коренастого мальчишка в очках.

— Догадываюсь, это и есть наш славный архивист,— сказал он Надежде Константиновне.— Маленький владелец уникального комплекта.

Поравнявшись с Веславом, Ленин чуть наклонил голову:

— Здравствуй, Веслав! Как поживает твой архив? Ах, ты уже новый собираешь? Революционные рисунки? Замечательно! Такой интерес к документам характерен для ученого. Ты кем хочешь быть? Ученым?

— Я хочу быть революционером! — отвечал Веслав.

— Ну, это лучше всего! Это многих славный путь! — горячо откликнулся Ленин. И сочувственно, словно со-

общник, посмотрел на коренастого, крутолобого, светлого-лового мальчика.— Да, рано взрослеют дети в наше революционное время. Рано...

* * *

Прошли годы. Уже никого из тех, о ком рассказано здесь, не осталось в живых.

Но, спустя десятилетия, по следам исторических событий явились в скромную квартиру в одном из кривых московских переулков сотрудники Института Ленина и музея. Внучка двух польских революционеров (их прах давно покоится в Кремлевской стене и на Новодевичьем), очень молодая мать, пепельноволосая, синеглазая Ванда Веславовна раскрыла перед сотрудниками сокровища большого фибрового сундука. На свет были извлечены реликвии: письма, записки, фотографии...

На дне сундука хранились переплетенные комплекты — «Правда», «Рабочий путь», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», выходившие в Петрограде перед Октябрьской революцией и собранные некогда ее отцом, мальчиком Славой.

Том фотокопий самых замечательных страниц дооктябрьской «Правды» дочь Веслава Озовского хранила отдельно.

Страницы запечатлели приезд Ленина в Россию. Декрет о земле. Декрет о мире. Сохранилась даже наклейка — адрес австрийского переплетчика Вильскера на улице Альберта в восьмом квартале города Вены...

Пристально всматривались сотрудники Института Ленина и музея в пожелтевшие поля газетных полос. Нет ли на них пометок, сделанных ленинской рукой? Но нет, пометок Владимира Ильича не обнаружили. Да их, вероятно, и не было. Не станет Ленин делать пометки на полях такого редкого комплекта.

Но пристальный взгляд сотрудника все же обнаружи-

вал то на одной, то на другой полосе чуть заметные карандашные знаки. Здесь вот галочка, тут черточка, там точка. Кто их поставил? Кто так осторожно водил тонким карандашом? Ленин? Может быть...

В ДЕТСКИХ БОТИНКАХ

Есть в Москве, в Политехническом, лесенка. В коридорчике, под трибуной. На ней встречаются известных ораторов. Поджидают любимых поэтов. Приветствуют знаменитых актеров. Выпрашивают автографы. Заветная лесенка...

Там всегда толпится молодежь.

Там весной восемнадцатого года стоял юноша, стремительный и бурный, как весенняя река в половодье. Он стоял на самой нижней ступеньке и поджидал... Кого?

А неподалеку, прислонясь к стенке, стоял Филип Прайс, английский корреспондент. Стоял и наблюдал...

Русская революция была еще совсем молодой. Год, как в России свергли царя. Столицу пролетарской республики перенесли в Москву. Правительство Советов только-только приехало из Петрограда. Московские гостиницы спешно отводили под резиденцию. Ленин жил еще не в Кремле, а в номере гостиницы «Националь», которую позднее именовали «1-й Дом Советов». Таких «Домов» в Москве было пять.

12 марта, в первую годовщину свержения русской монархии, Ленин появился в Политехническом, на заседании Московского Совета. Москва впервые увидела вождя революции. Москва смотрела на Ленина и слушала.

Он шел к трибуне — невысокий, коренастый, лысова-

тый, с рыжеватой бородкой и сияющим куполом громадного светлого лба, под которым светились небольшие, острые, все замечающие глаза. Рядом с Лениным, очень легко, словно в беге, двигался низкорослый, худощавый, складный человек с антрацитово-мерцающими, словно лихорадочными глазами на худом, синевато-смуглом лице. Интеллигент в пенсне и черной кожанке, подбитой алой фланелью. Ленин и Свердлов. Председатель Совнаркома и Председатель ВЦИК. Руководители первого правительства первого государства Советов.

Они были знакомы не так давно. Ленин встретился со Свердловым впервые в Петрограде, уже после возвращения из эмиграции. До того годы и годы Ленин жил в изгнании, а Свердлов в неволе. О таких, как Свердлов, говорили, что они на воле квартируют, а в тюрьме и ссылке проживают, что у них прописка на воле временная, а в тюрьме и ссылке — постоянная. И еще говорили, что Свердлов знает подпольную партию большевиков лично, в лицо!

Теперь они были рядом: создатель самой революционной на земле партии — Ленин и профессиональный революционер — Свердлов.

Была годовщина Февральской революции. Одинокая, безоружная стояла молодая пролетарская республика перед миром империализма. Германская военщина диктовала в Бресте унижительные условия. Ленин впервые стоял на московской трибуне и горячо, пророчески убеждал, что революция преодолет все трудности и «не останется места ни для отчаяния, ни для уныния».

После заседания Ленин и рядом с ним Свердлов спускались с трибуны. Внизу, на самой последней ступеньке заветной лесенки, и подстерег Ленина юноша — высокий, тонкий, остролицый, восторженно-нервный, в гимназической шинели и барашковой папахе солдата русско-германской войны.

— Товарищ Ленин, я записал вашу речь и сейчас прочитаю вам, — смело обратился он к Председателю Сов-

наркома и, не дожидаясь разрешения, стал звонко читать свою запись.

— Вы кто? — остановил его Ленин.

— Репортер «Вечерней»...

— Вы знаете стенографию?

— Нет. Мне это не нужно.

— Как же вы записывали? Ведь это трудно без стенографии записывать речь...

— Вашу нетрудно. У вас, товарищ Ленин, все понятно. Только... — досада искривила юношеский, полудетский рот, — только у меня нет начала.

— Почему же речь без начала?

— Не успел записать.

— Опоздали?

— Нет, что вы, товарищ Ленин! Я пришел, еще никого не было, еще не впускали. Но я вас увидел сегодня в первый раз, я представлял себе вас совсем другим и так удивился, когда вы вышли, и все смотрел. Вы уже начали речь, а я все еще смотрел и забыл, что надо записать, а когда спохватился, было поздно, и начало я пропустил... А мне сегодня в газету сдавать отчет.

Свердлов захохотал, закашлялся и сочувственно положил руку на плечо юноши.

— Товарищ Ленин, — ничуть не смущаясь, продолжал репортер, — я сейчас прочитаю, что успел записать, а вы мне скажете, что надо в начало, — я немного пропустил...

И он снова звонко стал читать свою запись.

— Покажите, как вы записываете. — Ленин взял у парня его репортерский блокнот, взглянул на первую страницу.

— По чистописанию у вас была единица? — быстро спросил он. — Какие каракули! — И так же быстро, как спросил, Ленин оглядел парня, его солдатскую с барашком папаху, гимназическую шинель с тусклыми, до меди стертými пуговицами. — Вы учитесь?

— В пятом классе Ломоносовской гимназии. Но ушел. Сейчас не учусь.

- А почему? Почему не учитесь?
- Решил делать революцию.
- Ну, и как же вы ее делаете? — Ленин переглянулся со Свердловым, который не скрывал своего восхищения восторженным, энергичным парнем.
- Я секретарь подрайона пролетарской молодежной организации.
- Сколько в организации членов? — сразу заинтересовался Ленин.
- Было две тысячи! — гордо объявил, словно отрапортовал, репортер. — Но у меня в тетради галочки.
- Галочки? — не понял Ленин.
- Да, против фамилий выбывших. У меня в тетради списки всех членов организации. А кто выбыл, я ставлю галочку. Вот галочек очень много. В подрайоне уже многих нет...
- Где же они?
- Триста ребят вступили в Кремлевский артиллерийский полк! — рапортовал юноша.
- Так. Триста. А остальные?
- У нас в подрайоне есть студенты. Они пошли в школы. Преподавать математику. Вместо саботажников.
- Вот это замечательно! — восхитился Ленин. — Каково, Яков Михайлович, а? Студенты из молодежной организации заменили саботажников! Математику преподают! Сколько их?
- Двадцать!
- А вам, молодой товарищ, сколько лет? — неожиданно заинтересовался Ленин.
- Уже шестнадцать!
- И вы руководите пролетарской организацией молодежи?
- Нет, я секретарь подрайона. А председатель — ученик седьмого класса.
- Выходит, рабочей молодежью руководят ученики? Гимназисты? — Ленин прищурился, насторожился.
- У нас руководили рабочие ребята. Вот Егор Пи-

щаев с «Цинделя». Это очень большая текстильная фабрика, товарищ Ленин.

— Слышал, слышал про «Циндель». — Ленин улыбнулся.

— Еще у нас руководил Попов, и Лапин руководил. Когда наши брали Александровское училище, Лапин участвовал в бою. Это на Арбатской площади. Там в Октябрьские дни шли такие бои! Юнкера засели в училище. И Лапин дрался с юнкерами. Он был потом нашим руководителем. Вообще, товарищ Ленин, у нас в подрайоне очень много рабочих-подростков. Они уже по два года на производстве, мы же должны защищать их пролетарские интересы! Но у нас нет освобожденных секретарей. И председатель тоже не освобожденный, так что мы еще и работаем.

— Значит, средства к существованию вам дает репортерская работа? — Ленин все более подробно вникал в положение дел.

— Да. А все свободное время я на молодежной работе. В газете мы тоже должны защищать пролетарские интересы подростков на производстве...

— Совершенно верно! — согласился Председатель Совнаркома. — Но чтобы быть журналистом, надо много знать. А у вас тут вот, вижу, ошибки. — Он ткнул пальцем в репортерский блокнот, который все еще держал в руке. — С орфографией нелады! Вам еще надо учиться.

— Товарищ Ленин, когда мы закончим революцию, я пойду учиться.

— А революция закончится когда? Вы полагаете, через неделю? — Ленин хитро прищурился.

Юноша ничего не ответил.

— Полюбуйтесь, Яков Михайлович, какие у нас журналисты! — покачал головой Ленин. — В каких детских ботинках мы еще ходим!

Репортер невольно посмотрел на свои ботинки с обмотками.

— Нет, не об этих ботинках речь, — печально заметил

Ленин. И снова обратился к Свердлову: — Придется, Яков Михайлович, уделить немного средств молодежи. Пусть у них будет освобожденный работник. Прошу вас лично заняться этим.

— Уже! — выговорил своим глубоким низким басом Председатель ВЦИК, который обладал удивительной способностью предугадывать мысли Ленина и часто предвзял его распоряжения, встречая их кратким, успокаивающим: «Уже!»

Свердлов достал свою знаменитую записную книжечку, которая порой заменяла целый секретариат, учетный отдел и отдел партийных кадров, и, с нежностью глядя сквозь овал пенсне на юношу своими антрацитовыми глазами, спросил его фамилию, имя, быстро записал. Потом спрятал книжку во внутренний карман и застегнул на все пуговицы свою двубортную кожанку.

— Вашу запись, молодой товарищ, я возьму с собой, — сказал Ленин. — Зайдите за нею часа через два в «Националь». Внизу, в комендатуре, получите ее вместе с началом. До свидания!

Юноша тотчас ушел. Филипс Прайс, наблюдавший все происходившее, тоже куда-то отодвинулся. Но прежде чем он захлопнул свой блокнот, Ленин успел заметить рисунок, сделанный Прайсом. На белом листке три головы — Ленина, Свердлова и паренька в солдатской папаче... Вместе со Свердловым Ленин пошел к выходу и все покачивал головой:

— В каких детских ботинках мы еще шагаем... А шагать-то ведь далеко! Ох, как еще далеко!

И, взглянув вслед уходившему вперед репортеру, у которого размоталась обмотка — конец ее волочился по полу, Ленин вдруг повеселел:

— Но такие, как этот, хоть и в детских, невозможно детских ботинках, а, видать, шагнут далеко, очень далеко. Эти не останутся!

Революция была молода, шагала порой в детских ботинках и переобувалась на ходу.

РАССЫЛЬНЫЙ «БЕДНОТЫ»

Володя шел по Троицкому мосту в Кремль. Пропуск он держал в руке, а руку в кармане, где лежали письма для Ленина.

Под мостом, перекинутым между двумя кремлевскими башнями — Троицкой и Кутафьей, шумел Александровский сад... Заросшие аллеи тянулись направо, до Боровицких ворот, и поднимались налево, к угловой Арсенальной башне. За нею, там, в тесноте домов, соборов, арочек, часовенок, начиналась Красная площадь.

Высокие кроны деревьев достигали моста, и Володе казалось, он шагает по их зеленым вершинам. Шумно, словно их спугнули, срывались вдруг с ветвей птичьей стаи и уносились к высоким шпилям башен, где, зловеще растопырив черные крылья, вращались кованые орлы. Володе казалось, он тоже взлетает вслед за быстрыми птицами. Ведь он шел к Ленину.

Володе минуло пятнадцать лет. Он просился в Красную Армию. «Место мужчины в такое время на фронте. Надо бить контру, и никаких!»

Но Володю в армию не взяли.

— Рано. Еще мальчишка...

Этот оскорбительный ответ ранил его самолюбие.

Володя служил рассыльным в редакции «Бедноты». Редакция помещалась в тихом Ваганьковском переулке. В больших комнатах барского особняка, занятого под

редакцию,— канцелярские столы. В столах — бумага, рукописи, письма. Под столами, в проволочных корзинах,— рукописи, письма, бумага. В шкафах, на этажерках — бумага. Володю посылали в учреждения, он носил туда бумаги и приносил оттуда бумаги. И так каждый день...

«Бумага вместо оружия...— размышлял он над своей пятнадцатилетней судьбой.— Обидно...»

Но сегодня в жизни юного рассыльного произошло событие. Сегодня в «Бедноту» позвонил Ленин и просил срочно доставить к нему то письмо, о котором говорил ему вчера редактор.

Речь шла о письме владимирского крестьянина Чекунова. Он сообщал в «Бедноту», что в его деревне кулаки пролезли в сельсовет и землю между крестьянами поделили несправедливо.

— Ильич интересуется также другими письмами крестьян о земле,— проговорил своим скрипучим голосом сутулый, в очках, с каштановой бородкой, уже немолодой редактор, которого Ленин хорошо знал по эмиграции.— Отберите, Маргарита Владимировна, интересное...

Маргарита Владимировна Ямщикова, известная писательница, прибыла в Москву вместе с группой работников военной организации. Теперь эта чрезмерно полная женщина, с оплывшим лицом, но молодыми, очень ласковыми глазами и живыми, несмотря на полноту, движениями, ведала в редакции отделом крестьянских писем. Она положила на стол сложенное треугольничком письмо крестьянина Чекунова для Ленина. Затем она порылась в папках и показала редактору несколько писем, написанных вкривь и вкось, мусоленным карандашом, водянистыми чернилами, на оберточной бумаге, тетрадных листках и на оборотной стороне конторских счетов.

Так выглядели тогда письма из русской деревни.

Пока редактор просматривал все это, Маргарита Владимировна вызвала рассыльного, показала ему на треугольничек письма Чекунова и просила подождать, пока

редактор просмотрит остальные письма. А сама занялась важным делом. Ямщикова вкалывала очередной флажок в огромную карту России с ее прежним административным делением на уезды, губернии...

С первого взгляда казалось, что это карта военных действий. На самом деле флажки наглядно показывали, из каких губерний и уездов прибывают в «Бедноту» письма.

Молодого рассыльного просто смешила возня с флажками, которую затеяла Маргарита Владимировна. Володя преклонялся перед этой женщиной, работавшей в дни Октября в «Военке» (как именовали коротко Военную организацию большевиков) и писавшей романы под мужским именем «Ал. Алтаев». Он зачитывался ее книгой «Под знаменем башмака» и никак не мог взять в толк, почему писательница, которая умеет сочинять такие чертовски интересные истории, корпит над письмами, разбирая каракули, правит их. А в этих письмах, он уже знает, все одно и то же — про землю, семена, лошадей...

Эх, вздыхал Володя, дали бы вот ему лошадь да пустили бы на фронт, он бы с фронта такие письма писал... Вот тогда было бы что вкалывать в карту! Потому что флажок надо вкалывать там, где побили белых. Все другое — чепуха!

Так рассуждал обычно Володя, у которого по всякому поводу было свое особое мнение. Он не мог примириться со своей пятнадцатилетней судьбой, которая сложилась так, что он все еще не на фронте и корпит в редакции.

— Мыслит паренек самостоятельно, — замечали старшие сотрудники редакции, — но в корень еще не смотрит.

Вдруг сегодня обычные вот эти мысли Володи осеклись. Оказалось, Ленин потребовал крестьянские письма, и сейчас Володю пошлют с этими письмами к Ленину...

— Как жаль, что мы не имеем возможности все это перепечатать на машинке... — сокрушалась Ямщикова. — Приходится посылать Владимиру Ильичу письма вот в таком виде...

Она сложила старательно все, что редактор отобрал для Ленина, и отдала Володе:

— Живее! Пропуск уже заказан!

Рассыльный вскинул мятый картуз на кудрявую голову, сунул письма в карман ветхой солдатской шинели с чужого плеча и помчался в Кремль через Ваганьковский, Воздвиженку и дальше, мимо зеленой чащи боярской усадьбы, еще таившейся за белокаменной оградой. Ветер развевал Володину шинель, как плащ.

В Троицкую башню Кремля Володя вошел через калитку, вделанную в чугунные ворота. Темный свод уходил высоко вверх, в мрак. Пахло сыростью, тленом. Все было древним, погруженным в века. Только два курсанта были совсем молодыми, с ясными лицами, светлым взглядом. Один шагал вдоль стены, другой проверял пропуска.

«Черт возьми! — досадовал молодой рассыльный. — Ненамного меня старше, а уже курсант и при винтовочке, Кремль сторожишь, меня проверяешь...»

Володе очень хотелось поменяться с курсантом судьбой: ведь шагать тут с винтовкой в руке (пусть и не на фронте) все же лучше, чем разносить бумаги. Но, сообразив, что сейчас он, рассыльный, войдет к Ленину, а не этот курсант, Володя уже раздумал меняться.

Часовой вернул пропуск, и рассыльный ступил из мрачной башни на солнечный плац Кремля. Слева, вдоль желтых, осыпающихся стен арсенала, выстроились пушки, пушечки, пушчонки, отбитые у Наполеона. Лафеты заросли травой, стволы длинными хоботами уткнулись в землю. Орудия словно отвешивали Володе земной поклон. А он шагал мимо них старательным строевым шагом.

Отовсюду мчались машины с обшарпанными боками, брезентовым верхом, слюдяными окошечками; они возникли у Спасской, у Чудова, у жилых корпусов — Кавалерского, Потешного — и пропадали где-то за аркадой Белого коридора.

Справа толпились дворцы, терема, палаты, соборы,

колокольни с тускнеющими куполами. Особняком, в отделении, как и подобает, стояли «цари»: нестреляющая пушка, незвонящий колокол и мозаичные, словно отрубленные, головы «монархов» в гранитной галерее над кремлевским откосом.

Там, на площади, где запад, застыла история.

Рассыльный шел прямо на восток, к высоким зданиям, где история творилась. Он достиг светлого корпуса ВЦИК и Совнаркома. Огромный красный флаг на куполе боролся с ветром. Снова часовые проверяли пропуск. А впереди юного рассыльного на всем его пути по длинным коридорам шагала девочка с портфелем в руке. Володя различал белый воротничок на черном платье, косы, уложенные на затылке... И ему непонятна и досадна была быстрота, с какой часовые пропускали эту девочку, почти не заглядывая в ее пропуск, и на тщательность, с какой они проверяли пропуск рассыльного «Бедноты», посланного к Ленину с важными письмами русских крестьян.

Девочка уже исчезла за поворотом, а Володя все еще шагал под узкими сводами коридора. На полу, по которому он ступал, извивались змеями провода. У стен стояли конторки, столики, ящики, аппараты... Все походило скорей на военный штаб, чем на резиденцию правительства. И это волновало пятнадцатилетнее сердце рассыльного.

Наконец Володе показали нужную ему дверь, и он собрал все свое мужество, чтобы спокойно отворить ее. Ведь за этой дверью работает Ленин. Сейчас Володя увидит его и скажет: «Товарищ Ленин, я принес письмо Чекунова и другие письма крестьян о ходе аграрной революции в деревне».

Хорошо бы все так сразу и выговорить!..

Рассыльный открыл дверь. Прежде чем он понял свое заблуждение, у него уже отобрали письма и унесли к Ленину. А ему велели подождать.

Большая комната, в которой ждал Володя, была не

кабинетом Ленина, а его секретариатом. Когда Володя вошел сюда, кто-то громко, на всю комнату, сказал: «Мария Игнатьевна, пришли из «Бедноты»!» Его поразило, что та, которую звали Марией Игнатьевной и которая молча, ни о чем не спрашивая, забрала у него письма и унесла к Ленину, оказалась той самой девочкой с портфелем. Володя узнал и косы на затылке, и белый воротничок на платье. Но это была не девочка, а очень взрослая девушка в пенсне, намного старше Володи. Тяжелая болезнь остановила ее рост.

Но еще больше, чем это, его поразило лицо Марии Гляссер. Володя думал, что такие лица существуют только на страницах романов. Прозрачное, с тонко выточенными чертами и страдальческими глазами. Высокий лоб прорезала ранняя борозда. Рот сжат в немой печали. Лицо подвижницы.

Да, не он, а девушка с таким лицом должна входить к Ленину вон в ту заветную дверь, решил Володя.

Вдруг та дверь открылась, оттуда вышла Мария Гляссер, а вслед за нею Ленин.

— Это вы товарищ из «Бедноты»? А где же письмо Чекунова?

Низкие лучи закатного солнца уже прорезали комнату. К молодому рассыльному подошел Председатель Совнаркома.

— Письмо Чекунова? — ужаснулся Володя. — Разве я не отдал его?

— Письма Чекунова я тут не вижу. — Ленин разжал руку и показал всю пачку писем.

Володя полез рукой в карман ветхой шинели, нащупал там бумагу и вынул ее. То оказался пропуск в Кремль. Он снова сунул руку в карман, в другой — письма не было. Он распахнул шинель — может быть, оно в кармане брюк?

— Вы почему там ищете? — Ленин показал рукой на карманы. — В чем вы носите письма?

— В кармане...

— Просто в кармане? — удивился Ленин. — А почему не в сумке?

— Это женщины ходят с сумками...

— Женщины? — повторил Ленин. — А солдаты? Вот у нас, в Совнаркоме, самокатчики развозят правительственные пакеты только в сумках.

Володя молчал, напряженно ожидая, что будет дальше.

— Вас как зовут? — неожиданно заинтересовался Ленин.

— Володя...

— Гм-м... — Ленин искоса посмотрел на рассыльного-тезку, словно примерял к нему подходящую форму обращения, и справился: — Скажите, молодой товарищ, а сколько всего писем послала ко мне редакция?

— Я не считал... Сколько дали, я все принес.

— А там, у себя, когда взяли письма, вы расписались?

— Я никогда не расписываюсь, — сказал Володя. И пояснил: — Мне доверяют...

— Доверяют? — переспросил Ленин. — Так, так. — И, словно стараясь вникнуть в положение дела, все повторял на все лады: — Доверяют... Доверяют, значит... Они вам доверяют, и вы не расписались. Вы им доверяете и не сосчитали, сколько писем взяли. Мне вы тоже доверяете?

— Конечно! — горячо отозвался рассыльный.

— Ну, а ежели я оставлю письма у себя, вы расписку у меня потребуете?

— У вас, товарищ Ленин? — не понял Володя вопроса. — Расписку? — И он робко улыбнулся: «Ленин, конечно, говорит это в шутку».

Поймав выжидательный ленинский взгляд, рассыльный уже смело проговорил:

— У вас, товарищ Ленин, расписку не требуют, вам, товарищ Ленин, все доверяют.

— Доверяют... — печально повторил Ленин. — Все...

А доверяет ли нам крестьянин Чекунов? Если так обращаться с ним...

— Я с ним не обращался! — с отчаянием выкрикнул Володя. — Я сейчас побегу, письмо там, оно лежало отдельно. Я сейчас принесу его...

— Сейчас не надо, — остановил рассыльного Ленин. — Сегодня уже поздно. Принесете завтра. А сейчас внесем в наше дело маленький порядок. — И, обратившись к сотруднице, стоявшей рядом, Ленин попросил: — Мария Игнатьевна, дайте мне, пожалуйста, тетрадь. Да, да, обыкновенную, школьную.

Девушка в пенсне принесла тоненькую тетрадку с девизом на голубой обложке: «Сейте разумное, доброе, вечное!»

Ленин раскрыл тетрадь.

— Страницу надо сначала разграфить, — пояснил он и справился у рассыльного: — А разграфить сами можете? Хорошо. Значит, на три графы. И в каждую вписывать: от кого получено письмо — в первой графе; кому направлено — в середине; а здесь расписывается получатель. То есть я. Но за меня будет расписываться товарищ Гляссер. — Ленин чуть заметно улыбнулся. — Ей я доверяю.

С настороженным недоумением слушал ленинские объяснения рассыльный.

— Вам все понятно? — спросил Ленин. И повторил: — Каждое письмо записывать сюда и приносить вместе с тетрадью. А там, в редакции, надо завести вторую тетрадь, в которой вы будете расписываться.

— Товарищ Ленин, ведь вы против бюрократизма... Зачем же такой бюрократизм! — искренне ужаснулся молодой рассыльный.

— Бюрократизм? Молодой товарищ, а вы понимаете значение той работы, которую вам поручили? А? Ведь эти письма связывают нас с массой российских крестьян...

В остром взгляде Председателя Совнаркома Володя увидел вспышку. Там сверкнули маленькие молнии.

А Председатель Совнаркома увидел в глазах рассыльного слезы. Перед ним был худенький, остролицый паренек в потертой шинели явно с чужого плеча, и в глазах паренька стояли слезы.

— Это не бюрократизм, молодой человек.—Голос Ленина стал мягче.—Это порядок. Отчетность. Такой вот бюрократизм нам даже необходим. Это нужный бюрократизм...

Володя взволнованно теребил в руках тетрадь.

— Что же вы так ее терзаете? — уже совсем добродушно спросил Ленин.—Или тетрадь—это тоже бюрократизм?

Председатель Совнаркома нагнулся над столом сотрудницы, написал несколько слов на страничке блокнота, вырвал ее:

— Товарищ Гляссер, вот записка, чтобы этого молодого товарища накормили обедом. И дайте ему расписку, что вы приняли для меня восемь писем. Укажите фамилии—чьи письма. А расписку эту,—Ленин снова обратился к рассыльному,—вы сдадите в редакцию. Не смущайтесь, такой бюрократизм полезен. Но... только такой!

Председатель Совнаркома ушел к себе.

А Володя бежал из Кремля. Он не стал обедать. Он бежал за пропавшим письмом.

Снова курсанты проверяли пропуск. Снова кланялись до земли наполеоновские пушечки. Снова, как по тревоге, носились над Александровским садом птичьи стаи. Но Володя уже не взлетал вслед за ними к высоким башням. Теперь Троицкий мост шел на спуск. Он падал наклонно от Кремля к Кутафьей башне. И Володе казалось, он тоже падает. Он слышал над собой взмахи птичьих крыл. Это о его позоре кричали черные птицы...

— Володя! — всплеснула руками Ямщикова.—Володя! — кричало сразу много голосов.—Ты же забыл письмо Чекунова!

— Дайте! — прохрипел Володя.—Дайте сумку для

этого письма. Я сейчас понесу!..— Он глотнул воздух и головой мотнул туда, где Кремль.

Ямщикова все поняла и, мигом выбросив на стол ключи, монеты, носовой платочек, вытряхнула все из своей зеленой замшевой сумочки с перламутровой застежкой:

— На!

— Нет! — отверг Володя. — Не такую!

Он оглянулся вокруг, потянул со стола папку, вышвырнул из нее рукописи, вложил чекуновское письмо и устремился к выходу. Но вдруг остановился (что-то вспомнил), вытащил из кармана расписку секретариата Совнаркома и тетрадь с девизом «Сейте разумное, доброе, вечное!» на голубой обложке.

Володя сел за стол, раскрыл тетрадь и провел на первой странице сверху черту. Затем повернул тетрадь и провел поперек еще две черты. И снова повернул тетрадь. И начал заполнять первую графу.

— Что ты делаешь? Рабочий день кончается. Ты же опоздаешь, — торопили его сотрудники. — Что ты затеял?

Рассылный посмотрел на них с сожалением и продолжал свое. Он старательно вписывал в тетрадь все, что велел Ленин. Когда он кончил, было поздно идти в Кремль.

— Черт знает что! — возмущались сотрудники. — Из-за писанины какой-то опоздал в Кремль...

— Это не писанина! — вскричал Володя. — Вы еще, может, скажете: «Бюрократизм»! А нам такой вот бюрократизм нужен. Но... только такой!

Наутро он отнес Ленину письмо. Оно было вложено в папку. Там же лежала тетрадь. И рассылный попросил получателя расписаться в последней графе.

ЖИВАЯ ГАЗЕТА

Марии Ильиничне нездоровилось, и она поехала домой задолго до обеда. Отдала Саше всякие распоряжения, а под конец сказала:

— Поеду отлежусь. Но если что очень-очень, звоните.

Ну, разумеется. Время такое, что каждый час может случиться это «очень-очень» и придется вызывать Марию Ильиничну. Все дни — с самых Октябрьских праздников — в таком напряжении, ожидании, предчувствии и неистовой надежде...

Но еще никто не знает, что именно вот этот день и станет самым изумительным в отсчете дней гражданской войны.

Первая телеграмма пришла в пять часов, и Сашу ударило в самое сердце. Какая толстая, тугая телеграмма! Сколько бланков! И на каждом узкие полоски телеграфных строчек, бумажные ленточки, наклеенные наспех, кривь и вкось.

Телеграмма оттуда! Она оттуда, куда вот уже сколько дней и ночей глядит революция, народ, вся вздыбленная Октябрем Россия.

Глаза Саши бегут по волнистым строчкам телеграммы. Какие слова! Каждое слово — огонь! Каждое слово — ликование! Каждое слово — боль!

«После страшного небывалого кровопролитного штурма наши войска ворвались в Крым... Считаю долгом солдата и революционера рассказать рабочему и крестьянину об этом деле... Первой бросилась на перекопские позиции стрелковая дивизия Блюхера... Наступила ночь... Небо озарялось вспышками выстрелов и светом прожекторов... Войска залегли... Этот критический момент я и товарищ Фрунзе переживали в штабе дивизии... Пространство, по которому прошли некоторые дивизии, начинало заливаться водой... Положение создавалось отчаянное... Мы приказали наступать и решить дело ночным штурмом... К 9 часам утра бой был окончен... Победа одержана, но обошлась нам очень дорого... Более десяти тысяч верных сынов революции легло за дело Советской власти и всемирной революции... В этом бою погибли лучшие части нашей армии... Порыв оказался сильнее сооружений техники и убийственного огня... Древние греки под Фермопилами, Леонид с тремястами спартанцев лег за Грецию в бою против персов... У Крымских перешейков 10 тысяч русских красноармейцев легло за дело революции в России. Перед останками погибших бойцов стою с обнаженной головой...».

— Ох! — Саша пробовала представить себе командующего, которого помнила в белых бурках и гимнастерке, с его характерным ежиком над ясным лбом, с таким подкупающе умным взглядом, представить там, в крымскую ночь, когда сообщили, что ветер переменялся и гонит гнилые воды Сиваша на наши дивизии... Она пробовала представить себе нескончаемую братскую могилу, в которую зароят десять тысяч защитников революции...

Всхлипнула милолицая сердечная курьерша Ксения. А Саша вскрыла вторую телеграмму:

«Сегодня наши части вступили в Севастополь раздавлена окончательно южнорусская контрреволюция...»

Это сообщает уже сам командующий Фрунзе.

Свершилось! Лицо Саши словно обожжено огнем телеграмм, которые вот уже второй день шлют в «Правду» с далекого Юга командующий и его соратники по жаркому полю брани — члены военных советов фронта, Республики...

На больших стенных часах черные стрелы показывали пять часов и пять минут. Саша сорвала с рычажка трубку, вызвала по «верхнему» кремлевскому Марию Ильиничну. И, как все в этот невероятный час, у телефона — Ленин. Почему?

— Можно Марию Ильиничну?

— Нет, нельзя, — ответил Владимир Ильич. — Сейчас нельзя...

— Позвонить позже? — осторожно справилась Саша. — Очень, очень нужно...

— А что? Случилось что? — спросил Ленин.

— Телеграммы... О Перекопе...

— Да, Крым наш, — как-то вразяжку произнес Ленин. И вдруг быстро спросил: — А у вас от кого телеграммы?

— А я-то соснула... А потом врач, а тут такое... — Это уже голос Марии Ильиничны, простуженный, хриплый. — Кто там в редакции? Нет еще? Ну, сейчас буду. Еду.

Пока Мария Ильинична ехала из Кремля в редакцию, Саша уже помчалась в дальнюю комнату диктовать машинистке телеграммы воинов революции:

«Леонид с тремястами спартанцев лег за Грецию точка у Крымских перешейков 10 тысяч красноармейцев легло за дело революции...»

Три экземпляра готовы. Марии Ильиничны еще нет. Тихо. И в этой, кажущейся сейчас невероятной, тишине к Саше вдруг приходит удивительно четкое ощущение: все самое грозное, тревожное уже позади.

Позади московское лето с взрывами снарядов на Хорошевских военных складах, с лесными пожарами вокруг города. Как звенели стекла, выбиваемые взрывами! Как зловеще стояло над столицей багровое солнце, застланное дымом пожаров! И как прояснилось оно вдруг, когда пошла Москва встречать Бела Куна. Казалось, неминуемой была смерть руководителя правительства Венгерской Коммуны. Но Бела Кун вырвался из застенков и вернулся живым.

«Блестящей была его звезда, и смерть не могла сломать его крепких костей»,— писала «Правда» в день возвращения своего блистательного сотрудника. Вот он снова в редакции, окруженный правдистами, наш Бела, с широким разворотом плеч, с глазами навывкате и уходящим вверх лбом.

Далеко вперед вынося свою трость, покидает он редакцию и идет большим, широким шагом по Тверской. А затем всю осень шли с врангелевского фронта письма и телеграммы корреспондента «Правды», члена Военного совета Южфронта Бела Куна.

Всю осень глядит Россия в крымскую даль глазами военных корреспондентов, комиссаров, одетых в солдатские шинели.

Всю осень собирает Россия теплые вещи и шьет белье защитникам революции. Московский Совет выдал домоуправлениям керосин. Женщины по вечерам в неровном желтом свете керосиновых ламп шьют белье защитникам революции.

И Саша вместе со всеми сотрудницами «Правды» спешит после работы на швейную фабрику. Там из грубой кремовой бязи шьют красноармейцам рубахи. Шьют под резвое стрекотание закрытых ножниц, под протяжное пение народной демьяновской:

Как родная меня мать
Провожа-а-ла,
Как тут вся моя родня
Набежа-а-ла:
«Ах, куда ты, паренек?
Ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Во солда-ты!
В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся,
Без тебя большевики обойдутся».

Кажется, поет, склонившись над иглой, вся женская Россия. А над головами плакаты, лозунги:

КАЖДАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ РУБАХА
УДЛИНЯЕТ САВАН ВРАНГЕЛЮ!

ИГОЛКА В РУКАХ ТРУЖЕНИЦЫ — УКОЛ В СЕРДЦЕ БАРОНА!

Правдистки шьют. А в «Правде» хмурится Мария Ильинична. И ей охота шить, внести свою лепту в дело народное, но не уйти из редакции. Секретарь «Правды» всегда на посту. Секретарю «Правды» смены нет.

А над Россией осень, осень. Последняя осень военной страды. И над Москвой осень. В «Правде» зажигают огни чуть не после полудня. Шлют в набор некрологи о погибших и призывы к сражающимся, корреспонденции Бела Куна и оперативные сводки начштаба. На фронт устремились агитаторы, агитвагоны, агитпоезда. Все на колесах — кино, типографии, библиотеки.

В эту осень сошло с полос «Правды» и устремилось листовкой на Юг знаменитое демьяновское стихотворение «Врангелевский манифест». Миллион листовок, стихотворный ураган, обрушили на головы белого войска. Ими засыпали позиции врага у Перекопа, Сиваша, на Чонгарском мосту.

Вот после того и вошел Демьян Бедный в редакцию медлительной, нарочито важной походкой, как бы говоря: «Поэт доволен самим собой». Он провел пальцами по

жесткой щеточке усов, поклонился полуземным поклоном: «Привет, бояре!»— и положил на стол листовку. Саша глянула и всплеснула руками: сверху орел. Под ним поцарски: «М а н и ф е с т». А ниже демьяновские стихи:

Их фанге ан. Я нашаю.
Эс ист для всех советски мест,
Для русский люд из края в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Их бин фон Врангель, герр барон...

— Здорово изготовили!— восхищались в редакции.

— Семен прислал!— сказал поэт, успевший в это лето познакомиться с Буденным.— «Помогаешь, говорит, Демьян, воевать!»

Так перо поэта «Правды» воины приравняли к штыку.

И вот настал день, и переступила Красная Армия крымский порог... Пришел белым конец. А теперь что?

Саша и подумать не успела, а порог «Правды» уже переступила Мария Ильинична и сразу:

— Срочно вызывайте Сергеева!

«Сергеева? Почему Сергеева?» Саша ожидала совсем других распоряжений сегодня, когда пришли такие телеграммы и от таких корреспондентов. При чем тут Сергеев?

«А. Сергеев»— это подпись под «Впечатлениями». Литературный труженик, глазастый, в очках, в бекеше, перешитой из солдатской шинели, горбун в лихо заломленной генеральской папахе. Самая мирная, рабочая, можно сказать, ломовая лошадь в редакции двадцатого года. Это он под видом просителя проник в приемную Калинина, подсмотрел и на себе самом испытал, а затем описал, как «всероссийский староста» с народом разговаривает.

«Все это хорошо! Но разве такое перо нужно для номера о Перекопе? Тут фанфары нужны!»— сокрушалась Саша, занятая поисками Сергеева.

Уже собрались редакторы, прочитали телеграммы, шу-

мели, обнимались, решали, кому писать передовую, кому — шапку. А когда чуть успокоились, Мария Ильинична вдруг сказала:

— Ильич советует обязательно дать устный «Гудок».

— Устный? — переспросили редакторы.

— Да! Именно устный. Уж так Ильичу понравилось, что у железнодорожников устроили. Говорит — это лучше всякой прямой агитации...

«Так вот оно что! — поняла Саша. — Вот зачем Сергеев! Он был там, Ильич уже знает про устную газету...»

* * *

...Устная газета. Вначале ее называли живой газетой. Возникла она где-то на юго-западе, в красноармейской части летом 1920-го. Там комиссар прочитал вслух военную сводку, потом про международные дела.

А после того, уже осенью, на станции Харцызской, в водовороте людей, ожидающих поезда, разнесся слух, что вечером будет показана «живая газета про Совроссию». Так называли на Юге, где часто менялись власти, молодую Советскую Россию. Казалось тогда — Россия эта далеко, далеко. Газеты оттуда шли до Харцызской целый месяц!

И собралось на станции народу тьма! Даже мужики из деревень понаехали смотреть «живую», узнать про красную Москву.

Началась живая газета. Вышли двое, рассказывают, почему Советская власть лучше всех. Это, говорят, мы вам передовую статью читали. Затем один карту повесил и показывает — как дела на фронте, куда какая армия движется. Другой вышел — про международное дело поговорил. Потом опять первый — какие новые декреты в Кремле подписали.

Народ слушает, не шелохнется, только цигарки дымят.

Потом эти двое пошли с украинским говорком да юморком рассказывать про дела местные, харцызские.

Что тут было! Смех такой, что само небо харцызское аж колыхнулось. Уж солнце село, но никто не спешил домой. Понравилась «живая». Вот так докатилась она от Харцызской до Москвы и объявилась на Александровской дороге.

...Это случилось вчера. Позвонил с утра редактор «Гудка», приятель Марии Ильиничны, пригласил ее на устный номер в железнодорожные мастерские.

— Спасибо, Николай Иванович,— сказала она.— Пришлю сотрудника.

— А мы там Ильича на устной покажем,— посулил Смирнов. И сразу заинтриговал.

— Как это в устной газете Ильича «покажут»? Может, поехать посмотреть, чего там Николай Иванович придумал?

Поехала Мария Ильинична, а сегодня утром как пришла на работу, так и начала, хоть и простужена, рассказывать и показывать, как было все на устной. Как ребятишки, завидя волшебный фонарь, набежали, не уходят. «Кина ждем!»— кричат. Как набилось народу из всех цехов, и все спрашивают: «Что за устный? Митинг? Лекция? Спектакль?» Все поняли, когда вышел генштабист в островерхой шапке русского витязя с красной звездой на лбу. Начертил на глазах у всех мелом карту на кровельном листе и стал рассказывать, что у Перекопа делается. Рабочие руки загремели, «ура» кричат. Погас потом свет, на экран вышел Ленин и давай спорить с Клемансо. Карикатуры штриховые: кажется, что премьер французский в лохмотьях. А когда артист крымского буржуа представлял, как он «Правду» в Крыму читает, ребяшня думала, буржуй настоящий, язык ему показывала. Под конец показали на экране хронику рабочей жизни. Задело за живое. Штампует мастер гайки вручную—80 штук в день, а на Казанской станок работает за это же время 9 тысяч. А дезертиры труда зажигалками заняты... Потом показали стариков. Героев труда. Задумались все. Лица такие серьезные. Что-то новое показали...

Так рассказывала Мария Ильинична в редакции. Значит, рассказала и дома? Так вот что привлекло внимание Ленина! Снова железнодорожники! Тогда, в девятнадцатом, на Казанской слесарь Буранов — зачинатель коммунистической субботы, теперь на Александровской — производственная пропаганда устного «Гудка». Зоркий взгляд Ильича вбирает все новое, небывалое. И в день, когда бежит из России Врангель, советует Ленин, пусть «Правда» напишет вот об этой живой газете устного «Гудка».

Но, как назло, Сергеев исчез, сидит себе в каком-нибудь детском очаге, где живут беспризорные...

— Ну, это уже из рук вон! Сергеева не можете найти? — негодует Мария Ильинична. — Так работать невозможно!

Она насупилась. Все пошло кувырком. И так обидно омрачен для Саши день, который никогда уже не повторится и на всю жизнь врежется в сердце.

Наутро Саша снова сидела в редакции, жадно смотрела, как выглядит «Правда» в день победы. Обычно. Как всегда. Сероватая бумага, верстка подряд. А телеграммы, подписанные именами, которые легендой войдут в историю, подверстаны так скромно, почти незаметно, под оперативной сводкой, в рубрике «Оборона Советской России». И только шапка поверх всей первой полосы венчает невероятный день.

В этой шапке — похоронный гимн над павшими там, у крымского порога. В этой шапке — салют, который ни разу не гремел в годы гражданской войны. В этой шапке — фейерверк, который не озарял неба над столицей молодой Республики.

Появилась Мария Ильинична и следом за ней Сергеев. Он еще ничего не подозревает, но, как всегда, в боевой готовности. Бекеша застегнута на все крючки, папаха лихо заломлена. Где пропал? Колесил за Москвой-матушкой, собирал впечатления деревенские...

— Впечатления? А живая газета — не впечатления

разве? Почему же до сих пор не написали? — не выдержала Мария Ильинична.

— А, разговорный «Гудок», на Александровской? Хорошие впечатления, — соглашается Сергеев. — Не успел, Мария Ильинична.

— Но ведь прошло почти два дня!

Она выговаривает «два дня», словно «два года».

У Сергеева на лбу сразу взмокла прядь. Он протирает очки и, высоко подняв плечи, уходит срочно писать «Впечатления».

И, словно не было на свете вчерашнего дня и нет на свете сегодняшнего номера «Правды», в секретариате уже идет обычная редакционная работа. Готовят завтрашний номер. Почтальоны еще приносят запоздалые телеграммы с Южного фронта.

«Врангеля больше нет... В течение трех дней с 13 и до 15 ноября его царство разлетелось как карточный домик...»

Телеграфные строчки еще рассказывают, как давалась народу победа:

«...Плохо одетые трое суток без сна под открытым небом без топлива недоедая только легкая полевая артиллерия осыпаемые бомбами с аэропланов терпя огромный урон красные части преодолели мосты и проволочные заграждения возведенные французскими инженерами и ворвались в Крым такой героизм в истории редок».

Это уже последняя телеграмма, которую сдадут в набор.

Еще звонят в редакцию, спрашивают: «Кто такой Фрунзе? Кем был до революции?»

«Правда» отвечает: «Фрунзе Михаил командовал прежде Восточным и Туркестанским фронтами. До революции — большевик. В партии — с четвертого года. Военный опыт — с восемнадцатого».

И это все.

То, что свершилось там, у крымских твердынь Перекопа, о чем будут писать и читать поколения, рассказано в одном номере «Правды». Некогда! Некогда! Сдают

сергеевские «Впечатления». Редактор «Гудка», узнав, как понравилось Ильичу все это, перепечатывает «Впечатления» из «Правды» у себя в газете и выпускает следующий устный номер. В Александровских мастерских славили героев труда, дарили им часы.

Демьян Бедный уже вывел новую строфу:

А в Москве лукаво тоже
Кто-то щурит острый глаз,
Все внимательней и строже
Озираясь на Кавказ...

Все сразу узнают в демьяновской строфе Ильича. Все заговорили о Кавказе — скоро ли? И никто не оглядывался назад.

Так кончился ноябрь и с ним гражданская война на Юге.

В декабре в редакции, на диване, рядом с Марией Ильиничной, сидел редкий посетитель. Невысокий, утонченный, с руками аристократа, глазами поэта и лбом мыслителя. Кустились пучки бровей над прозрачными глазами. Пальцы деловито перебирали страницы рукописи. Потом застыли у виска. И тогда у железной «буржуйки» на старом кожаном диване с его откидывающимися валиками, высоченной спинкой и дубовой полочкой начался тот спешащий отрывочный разговор, который был понятен только им одним... Разговор семейный...

— Зина, я сказал бы...

— Да, и Надя, к сожалению...

— Я как-то сказал Ильичу...

Не петербургская ли заря партии осветила вдруг московскую редакцию? Не оттуда ли пришли эти женские имена? Ведь о Невзоровой, о Крупской, дружных некогда петербургских курсистках, работающих и поныне бок о бок в Наркомпросе, говорят между собой двое в декабрьский день двадцатого года.

— Спасибо, Глеб Максимилианович! — просталась Мария Ильинична. — Спасибо, что написали для нас... —

Она положила на ходу статью в проволочную корзиночку на столе и пошла провожать до дверей.

Кржижановский уходил мелким шагом, надев палку на руку, чуть сощутив на свет прозрачные глаза. Его несомерно высокий лоб жил, казалось, своей особой жизнью от остальной части небольшого тонкого лица. Жизнью мыслителя, преобразователя, инженера.

В корреспондентской сети газеты командующего фронтами сменил инженер. На суровых, все еще без рисунков и карикатур, полосах «Правды» было написано: «Мы начинаем Эпоху Великих Работ».

Все смотрели в светящуюся электричеством карту России.

ПОРУЧЕНИЕ ИЛЬИЧА

— Сашенька, не в службу, а в дружбу. Со всех ног, бегом, вот с этим ко мне домой, отдайте Надежде Константиновне,— торопила Мария Ильинична свою помощницу.— Только условие — одна нога тут, другая в Кремле. А то она не дождетя и сбежит. С нее станется!

И Мария Ильинична сунула Саше под мышку папку, в которую были уложены материалы.

— Одна нога тут,— пропела Саша, срывая с вешалки жакетку,— другая там! — И Саша скрылась.

— Пропуск! Пропуск! — кричала вслед Мария Ильинична.

Но Саша неслась вниз по лестнице, вися на перилах, минуя ступени. Больше всего на свете боялась она сейчас опоздать с порученным делом.

А дело, как объяснила второпях Мария Ильинична, было в том, что Крупская прихварывала. Но, несмотря на это, собралась сегодня на работу. Владимир Ильич, наблюдая ее сборы, молча хмурился. А Надежда Константиновна уверяла, что ничего с нею на работе не станется, да и Главполитпросвет недалеко.

Тогда Мария Ильинична, которая в таких случаях становилась весьма находчивой, придумала, как удержать невестку дома. Она упросила ее написать для «Странички женщины-работницы» статью о помощи детям красноармейцев. И обещала сейчас же прислать из редакции письма работниц, крестьянок по этому вопросу. Крупская со-

гласилась. Но, хорошо изучив характер невестки-непоседы, Мария Ильинична опасалась, что та все же не усидит дома. Потому-то и торопила она Сашу.

В квартиру Ленина Саша вошла с черного хода. Парадного она избегала, чтобы не встретить там Ленина.

Дверь открыла домашняя работница.

— Товарищ Вешнева? Вот хорошо, что успели. Надежда Константиновна совсем собрались. Ладно, Мария Ильинична звонили, что вы уж поехали...

Саша вошла в кухню. В шерстяном платке, повязанном на груди крест-накрест, у окна, спиной к столу, стояла Крупская и, тщательно дуя на горячее молоко, отпивала его осторожными глотками из кружечки с новым, уже революционным рисунком: кубическая женщина в кумачовой косыночке и вокруг ее головы буквы: «Восьмое марта».

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! — поздоровалась Саша. — Я принесла от Марии Ильиничны...

Но Крупская даже не ответила на приветствие и не обернулась. Только торопливо поставила кружечку на стол, а сама прильнула к оконному стеклу.

— Ох, как будто уезжают! Позовите, скорей зовите его сюда, пусть к нам поднимется. Скажите, на минутку, — торопила она работницу. И пальцем оттирала запотевшее стекло. — Может, уже на фронт? — волновалась она.

Работница посмотрела в окно и заспешила во двор. А Саша, поддавшись общему волнению, тоже подошла к окну.

Внизу, во дворе, у высокого крыльца с ротондой, ведущего в здание ВЦИК, стояла правительственная машина с брезентовым верхом и слюдяными окошками. А с крыльца спускался известный литератор. Его диспуты о культуре всегда собирали огромную аудиторию. Ленин очень ценил его дарование, но, несмотря на это, часто критиковал за отклонения от марксизма. Было это еще до революции, продолжалось и потом, после Октября.

За ним-то и послала сейчас Крупская, которой Ленин дал одно поручение. А поручение было вот какое.

В ту осень белые рвались к Москве. Положение красных войск было критическим. Они непрерывно отступали. Революция была в опасности. И тогда вот литератор предложил чрезвычайную меру для спасения положения.

— Обычные меры тут не помогут,— говорил он.— Чтобы победить, нужны сверхмеры. Поголовная мобилизация всех членов партии. Собрать всех в коммунистические батальоны. Батальоны большевиков со знаменами в руках и пением «Интернационала» пойдут впереди наших войск прямо на пулеметы белых. Они падут, погибнут, но прорвут белый фронт, и в воронку, которую они образуют, ворвутся красноармейцы, увлеченные порывом коммунистов. И белые будут опрокинуты. Так, только так можно спасти положение. Батальоны коммунистов под огонь! И мы победим! Победим силой высшего революционного духа!

— Вряд ли такое предложение разумно,— заметил Ленин.— Но чтоб поднять дух наших войск, действительно нужны отличные агитаторы. Вот вы и поезжайте. Пошлем вас к нашим войскам.

Дома Ленин рассказал об этом родным и попросил их позаботиться о товарище, уезжающем на фронт, чтобы не заразился сыпным тифом.

Пока работница бегала вниз, Надежда Константиновна достала из шкафа бутылку из-под минеральной воды, наполненную какой-то темной жидкостью.

На пороге квартиры уже появился литератор. Крупская по-детски обрадовалась ему:

— Вот хорошо!

Поздоровавшись правой рукой и держа бутылку в левой, она тотчас принялась исполнять поручение Ленина.

— Пожалуйста, расстегнитесь немного,— попросила Крупская ничего не понимающего товарища. И, заметив его недоумение, пояснила: — Грудь откройте, мне нужно вот этим смазать.

При этом она сделала рукой плавное круговое движение, показывая, как она будет натирать грудь агитатора, отправляющегося на фронт.

Он отпрянул от нее в веселом недоумении.

Несколько конфузясь, она повторила свою просьбу:
— Пожалуйста, прошу, это очень важно, просто необходимо. Ну, только грудь...

— Да в чем дело, объясните бога ради! Зачем понадобилась моя грудь?

Очень спокойно и терпеливо, словно непонятливому ученику, Надежда Константиновна рассказала, что эту жидкость изготовил какой-то добрый старичок провизор и прислал в подарок Ленину, чтобы он уберегся от сыпного тифа.

— Вот просил Ильич, чтобы вас перед отправкой на фронт помазать этим...

Тут литератор захохотал, замахал руками и поклялся, что он охотней подставит свою грудь под пули белых, чем потерпит, чтобы его смазывали какой-то черной дрянью...

— Да что же это такое? Да куда вы убегаете? — восклицала Крупская. — Мне же Владимир Ильич поручил!

Но тот все отмахивался и не давался в руки.

— Не звать же Ильича на помощь!.. — пробормотала беспомощно Крупская. — Ну что за ребячество?

Тут Саша, ставшая свидетелем разыгрывающихся событий и пораженная, казалось, в самое сердце тем, что поручение Ленина встречает сопротивление, проговорила тихо:

— А мне если бы товарищ Ленин велел даже это выпить, я бы выпила!

— Устами младенцев глаголет истина! — Литератор деланно-торжественно поднял палец вверх, рванул ворот френча вместе с пуговицей и крючком. — Сдаюсь! Мажьте!

Надежда Константиновна озабоченно принялась за дело. Подставила под горлышко бутылки сложенную ладонь, налила немножко темноватой жидкости и стала вти-

рать ее, осторожно водя по груди литератора. Она повторила эту операцию раза четыре, затем попросила:

— А теперь еще голову. Чуть, чуть! Пожалуйста, нагните!

— Ну, голову так голову. Ильич мне не раз головной устроивал...

Крупская провела смоченной ладонью по вискам, темени, затылку.

— А теперь надо бы шею,—пробормотала она уже совсем робко.—Шею, и все. Право, все...

— Шею Ильич мне часто мылит.—Литератор повернулся.—Вот, покорно сгибаю выю свою...

— Ну, все! — вздохнула Крупская.

Литератор поспешно застегнулся, пригладил на висках влажные волосы, под которыми уже слегка просвечивали залысинки, и, явно смущенный проделанной над ним процедурой, ушел.

А Надежда Константиновна, проводив его до дверей, высоко подняла руку, поглядела бутылку на свет и обрадовалась:

— Еще осталось немного.

И она осторожно поставила бутылку на место, в шкафчик.

Теперь Саша наконец отдала ей папку с материалами для «Странички женщины-работницы» и, простившись, пошла опять черным ходом. Она миновала площадь Кремля, Троицкие ворота, Кутафью башню и вышла на мокрую, крытую булыжником площадь перед Манежем. Она шла, спеша по осенним улицам Москвы, очень довольная, что не опоздала, выполнила поручение секретаря редакции и заодно была свидетелем, как выполняли поручение Ленина.

ЮБИЛЯР

Наступила третья весна революции. В ту весну Ленину исполнилось пятьдесят лет. Уже два года, как он жил в Москве. И московские большевики хотели отпраздновать день его рождения, встретиться с ним в этот день, провести с ним вечер.

Сообщили об этом Ленину. Но юбиляр наотрез отказался от юбилея. Так и ответил, что ни за что не придет, что юбилей — это глупость и нечего такими глупостями заниматься.

— Володя ни в какую! — сообщила по телефону Мария Ильинична старшей сестре. — Да, Анечка, ни в какую! И слышать о юбилее не хочет! Товарищи пробуют теперь через Надю повлиять — может, ей удастся?..

— Ну, раз Владимир Ильич «ни в какую», то юбилею не быть! — огорчилась сотрудница «Правды» Саша, слышавшая разговор по телефону двух сестер Ильича.

— Придется нам объявить «Неделю уговаривания Ильича», — шутили в редакции.

— Киш! Киш-киш отсюда! — смешно взмахивала руками Мария Ильинична и, словно кур, гнала шутников.

— Все же Владимир Ильич должен понять товарищей, — сказала Саша. — Жить с Ильичем в одном городе и даже не повидать его в такой день... Вы сами как считаете, а, Мария Ильинична?

— Пошла тянуть из меня душу...

— Мария Ильинична, ведь я серьезно спрашиваю. Сейчас у всех товарищей такое настроение хорошее. Белых разбили. И как раз Ильичу пятьдесят лет! Как же не отпраздновать? Ведь пятьдесят лет!

— Ну, деточка, я понимаю. Но Ильич совершенно не выносит ничего такого юбилейного, торжественного. Ему это не по душе.— Мария Ильинична поморщилась, пошевелила кончиками пальцев, собранных в щепотку, словно пощупала что-то липкое.— «Смешно, неприятно и просто глупо сидеть и слушать, как тебя расхваливают»,— говорит Ильич. Вот товарищам и надо с ним считаться. Ведь Ильич скучать будет...

— Разве Владимир Ильич когда-нибудь скучает?— удивилась Саша.

— Вообще-то ему некогда скучать.— Мария Ильинична улыбнулась наивности Сашиного вопроса.— Но всякие пустые разговоры, «о том да о сем», «никчемушные», как говорит Ильич, он терпеть не может. Владимир Ильич любит слушать, когда ему рассказывают что-то новое, чего он не знает...

Отвернувшись к окну, уставившись по привычке в какую-то ей одной видимую точку, Мария Ильинична проговорила глухо:

— Так было всегда. И дома братья не любили болтовни, безделья, бестолочи.

Саша замерла. Уже второй раз Мария Ильинична упоминает при ней о братьях. И каждый раз у Саши обрывалось дыхание.

Казалось, нельзя, невозможно говорить об этом. Братья... Александр... Владимир...

А Мария Ильинична уже повернула к Саше лицо, словно вернулась издалека, из своего детства, в котором жила с братьями. Вытянув шею, потеревив кончик носа, она прошептала:

— У Ильича даже есть поговорка: «Мне болтать неохота. Лучше я на охоту!» Вот сойдутся иногда в свободный час товарищи, начнется разговор о том о сем, а Иль-

ич берет ружье, возится с затвором и все приговаривает: «Болтать неохота, уж лучше на охоту».

Потом вспомнила:

— А с Горьким Ильич никогда не скучает. Когда он с Алексеем Максимычем, ему времени не жаль.

— Ленин и Горький! Подумать только! — наивно-мечтательно вздохнула Саша. — Боже мой, как бы мне хотелось хоть один раз послушать, о чем они между собой разговаривают. Наверно, все о литературе?

— И о литературе... Но не только...

— Вот бы записать их разговоры. А, Мария Ильинична? Все, все записать!

— Ну, еще чего придумала! — усмехнулась Мария Ильинична. — Мы дома с Надей стараемся оставить их одних, чтобы вволю наговорились. Зачем же мешать? Горький много всякого рассказывает — кто там, за границей, живет, что пишут о нас, чем тут у нас ученые заняты... Он еще только входит в дом, еще пальто не снял, а Ильич уж спешит навстречу, ведет к себе, усаживает и весело так, с подковыркой спрашивает: «Ну, Алексей Максимович, что теперь говорят о нас свергнутые классы?»

— А Горький?

— А Горький усмехается: «Сейчас доложу, Володимир Ильич!»

— Ха-ха-ха! — залилась Саша частым, дробным смехом.

— Ну, пошла смеяться, как на швейной машине стучит! — спохватилась Мария Ильинична. — Заговорила тут меня, тянет душу.

Она отставила пустой стакан из-под чая и стала читать статью, но выражение нежности и любви к тому, о ком она только что рассказывала, не сходило с обычно сухого, всегда несколько настороженного лица младшей сестры Владимира Ильича.

А спустя три дня, вскрывая почту, Саша обнаружила в большом белом конверте тугую пачку билетов. Московский Комитет партии приглашал на вечер, посвященный пятидесятилетию Владимира Ильича Ленина.

— Мария Ильинична! — вскричала Саша. — Билеты! На юбилей! Значит, состоится! А вы говорили Анне Ильиничне: «Ни в какую!» Ведь вот! Прислали!..

Но Мария Ильинична почему-то не удивилась, только сосчитала билеты — четыре, записала что-то в откидном календаре и отдала Саше один билет — подите!

К четырем часам, как всегда, Мария Ильинична уехала в старом черном, тарантасообразном, с подножкой автомобиле в Кремль обедать. Но, против обыкновения, почему-то на этот раз долго не возвращалась. Сидя в секретариате в полном одиночестве, Саша так и не знала — стоит идти на юбилей или нет?.. Будет там Ленин?..

Вернулась Мария Ильинична в час, уже близившийся к вечеру. Она увидела растерянно вопрошающие глаза помощницы и, ничего не говоря, стала подталкивать Сашу к выходу. Этот безмолвно обнадеживающий жест означал: «Иди!»

— Уж, наверно, опоздала, — вздохнула Саша.

Но Мария Ильинична только загадочно улыбнулась.

Ничего не спрашивая, уже научившись понимать секретаря «Правды» по одному лишь выражению живых, горячих глаз, Саша рывком сорвала с вешалки пальто и шапочку, помахала на прощанье руками, выскочила из кабинета и с ощущением великого счастья в сердце пронеслась на своих быстрых ногах вниз по лестнице, по узкому, забитому телегами и грузовиками типографскому двору. В типографию прибыла бумага.

Очутившись за воротами, она побежала по улице, разбрызгивая высокими каблуками весеннюю воду, заливавшую разбитые тротуары узкой, изогнутой Тверской, тесно уставленной невысокими домами.

Оглушительно дребезжали, раскачивались и хлопали на ветру старые, ржавые, покоробившиеся, еще дореволюционные вывески.

Добежав до угловой аптеки, Саша вдруг остановилась. В окнах сверкали, как встарь, два огромных стеклянных шара с яркой, ядовито-яркой жидкостью — оранжевой и зеленой. Словно в причудливых зеркалах, увидела Саша свое странное, расплывшееся отражение и тут лишь вспомнила, что не переделалась. Ведь она идет на ленинский вечер!.. Но, опасалась Саша, пока добежишь домой, можно опоздать. А вдруг Ленин уже там?

Она решительно запахнула пальто, спрыгнула с тротуара и стала пересекать Советскую площадь.

Прямо перед Сашей, прислонясь спиной к высокому обелиску, стояла посреди площади гранитная женщина в свободной античной тунике со множеством складок и во фригийской шапочке... Женщина — образ Революции. Она простирала руку к венецианским окнам Московского Совета, освещенным в этот час изнутри огнями хрустальных люстр. В их свете видны были изящные очертания женской руки с тонкими изгибами каменных пальцев.

Внизу, у цоколя, в трех полукружиях под гранями обелиска, на бронзовых листах были выбиты буквы Советской Конституции. Здесь всегда толпился народ. Здесь повторяли вслух: «Кто не работает, да не ест».

Обелиск открыли ко второй годовщине Октябрьской революции. А вон с того маленького балкона над подножием обелиска выступал однажды Ленин...

Уже давно Саша воспринимала здания и улицы Москвы как бы двойным зрением, словно она одновременно видела и то, что было здесь прежде, и то, что находится теперь. В этом городе все менялось на ее глазах. Вот здание генерал-губернатора. Теперь оно уже стало историческим — в 1917 году в нем находился штаб восстания. Отсюда большевики руководили октябрьскими боями на улицах Москвы.

Обелиск на Советской площади с величавым образом

женщины-Свободы напоминал Саше о конной статуе — царский генерал Скобелев верхом на коне угрожает саблей. Статуя стояла на этом месте, и площадь тогда называлась Скобелевской. После октябрьских боев чугунного генерала свалили вместе с конем. Он долго валялся в соседнем дворе, угрожая саблей, пока его не потащили в печь на переплавку...

Пройдя мимо обелиска, Саша стала поспешно спускаться Столешниковым переулком к арке пожарной каланчи. Сердце ее билось учащенно. Ей все казалось, что она опаздывает, что Ленин уже выступает... Но почему так загадочно улыбнулась Мария Ильинична? Тут что-то кроется...

За поворотом, на Большой Дмитровке, она достигла, наконец, роскошного особняка с узорной чугунной оградой. Это было новое помещение Московского Комитета партии. Прежнее здание в Леонтьевском переулке взорвано — враги бросили туда адскую машину. Тогда погиб мужественный секретарь Московского Комитета товарищ Загорский, который пытался выбросить бомбу в окно. Взрывом убило и ранило много товарищей...

Теперь в новое помещение пришли большевики Москвы, чтобы в этот весенний вечер встретиться с Лениным, поздравить его. Зал Московского Комитета, узкий, длинный, был уже полон. Но народ все прибывал.

Саша присела на краешек приставного стула, который уступил ей товарищ Матвей, рабочий-швейник из городского комитета партии.

— Садись, садись! — уговаривал он, повернув к ней свое квадратное, словно из камня вытесанное лицо с глубокими впадинами щек и большими тяжелыми глазами. — Садись, больше мест нет!

Саша, смущенная и одновременно счастливая оттого, что очутилась так близко от трибуны, кивнула благодарно головой. Опершись о стену, она внимательно наблюдала за тем, что происходит.

Ленина не видно было ни у трибуны, ни в креслах.

Уже объявили вечер открытым. Уже ораторы произносили речи. Но того, о ком они говорили, ради которого все собрались сегодня, не было.

«Что ж это Мария Ильинична? — расстроилась Саша. — Неужели подшутила надо мной?»

На сцену вышел Горький. Длинная, худощавая фигура писателя горбилась, ежилась, словно ему было зябко. Голова, совершенно остриженная под машинку, наклонена вниз, в сторону. Топорщатся моржовые усы, медлителен взгляд синих глаз. По-прежнему глядя не в зал, а куда-то в сторону, вниз, где кусочек паркета свободен от кресел, от людей, Максим Горький говорил, выкидывая вперед крепкие, костистые руки с длинными вытянутыми прямыми пальцами.

— Есть люди, о которых говорить трудно, значение их как-то не охватишь одним словом. Они, как бы это сказать, играют гигантским таким рычагом, поворачивают историю. В свою сторону.

Писатель обернулся и поглядел через плечо назад, словно опасался, не появился ли там, в президиуме, тот, о ком он говорит и который в свою сторону поворачивает историю.

— Я, как это принято говорить, художник слова, сознаюсь, не найду слов изобразить его фигуру, — продолжал Горький медленно, словно ища и с трудом находя нужные слова. — Ленин — это что-то такое вот огромное, земное...

При этом руки Горького, сильно развитые рабочие руки с вытянутыми пальцами, двигались по кругу, как бы пытаясь охватить что-то огромное, земное, коренастое...

Вдруг он поднял стремительно голову, обратил прямо к залу просветлевшее лицо и стал припоминать:

— В Лондоне, когда съезд партии был, приехал Ленин в номер ко мне, простыни щупал — не сырые ли? Город Лондон туманный. Так вот беспокоился, чтобы не расхворался я. Вот какого Ленина я знаю! Совершенно неожиданного!

Зал изумленно слушал писателя.

— А когда Владимир Ленин был у меня на Капри,— все дальше уходил Максим Горький в свои воспоминания,— то рыбу удил с пальца, и так, бывало, хохочет, как только он один и умеет! Ну, и когда в «тетку» играл — это в карты,— хохотал...

И зал тоже захохотал.

Затем Горький подался вперед всей своей длинной фигурой и, вытянув остриженную голову, сидевшую на очень худой шее, выговорил почти таинственно:

— Владимир Ленин, знаете, занят теперь планетарной работой, и мне, уверяю вас, того, жутковато с ним рядом.

А Ленина не было. Председатель Совнаркома сидел в это время в своем кабинете в Кремле и не слышал горьковских слов о Ленине, простом, милом, душевном, смеющемся великолепным смехом русском человеке, который так велик умом, планетарными делами, что даже Горькому и то жутковато с ним рядом...

После Горького выступили поэты.

Потомки не забудут звон
Стального имени наркома...—

читал молодой Александровский.

Вслед за поэтами вышел на трибуну известный большевик Ольминский.

Саша хорошо знала Михаила Степановича — он водил ее в кремлевские терема, показывал ей Оружейную палату, рассказывал историю большевистской партии, которую еще никто тогда не написал.

Розовое, нежное лицо Ольминского с правдивыми голубыми глазами, излучавшими ясность и тихий свет, было как бы в серебряной рамке совершенно седых волос и бороды. Это лицо революционера пленяло всех и навсегда.

Ольминский обратился с приветствием к женщине, которая сидела в этот вечер в зале всех незаметней, всех скромней. То была верная спутница ленинской жизни — Надежда Константиновна Крупская.

Нарядная, против обыкновения, причесанная ради такого события очень старательно, так что ни одна прядь не выбивалась, Надежда Константиновна прятала застенчиво свое лицо, когда весь зал обратился к ней. Смущенная овациями, она недовольно, сконфуженно бормотала сквозь счастливую улыбку, плывшую по ее милому лицу с такими добрыми, мягкими припухлостями вокруг выпуклых зеленоватых глаз:

— Ну, уж я-то тут при чем? Уж меня-то хоть не трогайте! Ну, к чему это? Прошу! Ну, не надо!..

Затем огласили телеграмму: «Реввоенсовет Туркестанского фронта посылает в распоряжение Ленина по случаю дня его рождения двадцать вагонов хлеба».

Тут же сообщили распоряжение Ленина: хлеб распределить между детьми Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска.

А самого Ленина все не было...

Объявили перерыв. Всех пригласили в буфет. Там на длинных плоских блюдах возвышались чудесной горкой свежие бутерброды с настоящим кавказским сыром, украинским салом, астраханским белорыбьим балыком. Это фронты-победители прислали пролетарской столице. В толстых, грубо граненных, зеленоватых стаканах дымился настоящий чай. Пили его с ядовито-яркими прозрачными леденцами.

— Пьем чай с удовольствием и леденцами,— повторяли все ходячую шутку.

— А мы чего это в сторонке стоим, ничего не едим? — удивился рабочий Матвей и показал Саше на свой внушительный бутерброд с влажным салом.— Бери и ты. Москва ради такого хорошего случая угощает товарищей.

— Не только Москва. И Кремль кое-что сюда подкинул,— говорил, сияя круглым лицом, добродушный рыжий, светлоглазый грузин-великан, секретарь ВЦИК Абель Енукидзе, которого звали «Добрейший». Он ведал всем хозяйством Кремля.

— Оставьте этот спор славян между собою! — разда-лось рядом, и Саша увидела Ломова.

Высокий, изящный, тонкий, с ежиком волос над нежным лбом, с ямочкой на подбородке, с милым, очень интеллигентным лицом и чуть насмешливым взглядом блестящих глаз, Ломов был душой Октябрьского восстания в Москве. Его настоящее имя было Георгий Ипполитович Оппоков, но, как большинство революционеров, он сохранил и после революции свой подпольный псевдоним. И как водилось между революционерами, он и в этот торжественный вечер был в своем обычном костюме — в длинных черных брюках и вышитой крестом сорочке, подпоясанный ярко-синим крученым шнурком с шелковыми кистями.

Оглядев Сашу своим насмешливым взглядом, Георгий Ипполитович добродушно пробурчал:

— А Саша слушает и не ест. Не то что кот Васька. Оттого так худа.

Он переломил надвое свой ломоть хлеба и кусок сунул Саше прямо в рот.

Тут подошел еще один москвич, огромный, грузный Обух, лицом схожий с Мусоргским — такие же навывкате стремительные глаза и курчавая, лопатой борода.

Врач-большевик, личный друг Владимира Ильича, Владимир Александрович провел у постели Ленина первую после ранения, самую страшную ночь на 31 августа 1918 года, когда Ленин боролся со смертью. (Его именем была потом названа улица в Москве и научный институт.)

В этот апрельский вечер рождения Ленина Обух был, как всегда, остроумен, общителен и оглушительно хохотал. Раздвинув широким жестом заросли своей темной бородки, он отправил в рот кусочек сухого овечьего сыру, пососал золотистый леденец, отпил глоток чая из грубого стакана и, подняв его, как драгоценную винную чашу, продекламировал из «Евгения Онегина»:

И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым...

Все хохотали, а пуще всех заливался в могучем смехе Обух.

* * *

— А Ильич все еще упрямится! — рассказывали товарищи, слушавшие переговоры с Лениным по телефону. — Условились, уговорили его, что приедет он только к концерту, послушать любимую музыку. Вот ему звонят — ораторы уже кончили говорить, приезжайте, Владимир Ильич, а он все не едет. Нам старик не верит... Сейчас Надежда Константиновна ему звонит... Ну, ей Ильич поверит...

Перерыв все затягивался. Вдруг все зашумели, заволновались, затолкались на одном месте. Потом, словно вихрь смел людей, сразу опустел буфет. В зале, сдвигая и вновь раздвигая кресла, расстраивая и вновь восстанавливая их строй, спешно, кое-как, где попало, рассаживались товарищи. Неистово хлопали сиденья. Все суетились, ужасно волновались. Саша очутилась теперь далеко от трибуны, в самом конце зала. Вскочив на стул, она увидела, как в дверях замерла вдруг толпа, стоит на месте и никуда не двигается.

На трибуне появился Ленин.

— Приехал! Приехал! — ликовал зал.

Когда затем наступила тишина, Саше казалось, что она слышит стук своего сердца и сердец всех, кто рядом с нею.

В глубь зала донесся голос Ленина. Он благодарил за приветствия, которые получил в этот день. Ленин благодарил также товарищей за то, что они избавили его от обязанности «слушать такую скучную вещь, как юбилейные речи».

Эти слова потонули в смехе, криках, аплодисментах.

Ленин тут же рассек воздух рукой, чтобы прекратить аплодисменты. Но это лишь усилило их. Ленин опять махнул рукой — прекратите! В зале захлопали еще сильнее. Ленин, не обращая больше внимания на аплодисменты, продолжал говорить. Но товарищи продолжали свое — стояли всем залом и рукоплескали.

Началось единоборство — кто кого. Ни одна сторона не уступала. Ленин говорил, а зал шумел — все хлопали, кричали, смеялись. Тогда Ленин подступил вдруг к самому краю трибуны и вскинул над головой какой-то рисунок. Все сразу умолкли, и Саше стал слышен голос Ильича.

— Вот одна из карикатур, нарисованная художником и посвященная подобному юбилею! — прокричал он. — Я получил ее сегодня... — И Ленин оглядел товарищей с лукаво-победным видом. Победил он!

Больше никто не аплодировал, все слушали и смотрели. А Ленин бегал по сцене и все выше поднимал рисунок, который подарила ему сегодня Стасова...

— Я передаю эту карикатуру на рассмотрение всем, с тем чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств! — Ленин отдал рисунок Луначарскому.

Народный комиссар просвещения схватил рисунок, опять загремели рукоплескания, и так сильно, что казалось, хлынул внезапно ливень и шумит, ударяя листву.

— Такого еще не было! Такого юбилея еще не было! — кричали товарищи и хохотали.

Ленин бегал по сцене, зацепившись пальцами за проймы жилета, и высмеивал, вышучивал страсть ко всяким юбилеям, журил товарищей, занимающихся «такой глупостью». Вдруг он заговорил о зазнайстве. Ильич предупреждал партийцев, чтобы не зазнавались.

— Человек, который зазнался, попадает в положение глупое, позорное, смешное... — сказал Ильич.

— Вот так юбилейная речь! Прочесал нам Ленин мозги! Всем, всем прочесал!

Товарищи качали головой, смеялись, вскакивали с мест, хлопали. Это продолжалось долго, казалось, этому не будет конца. Казалось, в том и радость, чтобы вот так, стоя, смотреть на Ленина в этот неповторимый вечер его пятьдесят первой весны, когда он так отечески журит, и вышучивает, и предупреждает своих товарищей, и вместе с ними острит и смеется, и весел.

Затем начался концерт. На эстраду вышли музыканты. Маленький толстый скрипач задел на ходу Ленина смычком. Ленин мило извинился и уступил скрипачу дорогу. Трио приготовилось играть. Ленин сел влево от музыкантов, вполоборота к залу, рядом с любимым пианистом Добровейном. Он сложил на груди руки, откинулся на спинку стула и, чуть наклонясь к печально-вдохновенному лицу Добровейна, слушал музыку Чайковского. Временами Ленин ронял неслышное слово, пианист отвечал ему, и Ленин снова сидел неподвижно, покоя руки на груди. Глаза Ленина были задумчивы и сосредоточены, словно он обдумывал важную мысль.

Потом они стали напряженными. Казалось, Ленин вслушивается во что-то, пытается разобрать невнятное, расслышать неслышимое в разговоре смычков и клавишей.

Вот Ленин разнял руки, словно уронил их. Лицо его успокоилось, черты теряли твердость, смягчались, расслаблялись, и казалось Саше, легкое дуновение чего-то беспредельно нежного ласкает его лицо, глаза. Звуки ли Чайковского? Свое ли воспоминание?

Ленин все больше откидывал голову назад. Одна рука уже повисла вдоль спинки стула. Губы чуть шевелились...

Так слушал Ленин сначала трио, затем квартет скрипок Страдивариуса. Так, вероятно, слушал он музыку всегда, везде — в детстве, дома, когда играла мать; в Казани и Петербурге, когда ходил с сестрой Ольгой в оперу; на чужбине, в эмиграции, когда на рояле играли товарищи по партии — Инесса Арманд, Лидия Фотиева; на Капри у Горького, где пели итальянские рыбаки; в Париже — на концертах народных певцов...

Отзвучали скрипки Страдивариуса. К роялю пошел Добровейн. Под белыми, вдруг взмывавшими, как птицы в полете, руками пианиста зазвучал Бетховен. А из узкого, длинного зала товарищи смотрели, как слушает Патетическую сонату Ленин.

Так в третью весну революции отмечали в Москве пятьдесят лет ленинской жизни.

— Возможно ли все это? Неужели я здесь сегодня и все это вижу? — изумлялась Саша и бежала вместе с товарищами к выходу провожать Ленина.

Уже садясь в машину, он все повторял:

— Спасибо, товарищи! Спасибо. Прекрасная музыка! Не знаю, как речи, не слышал, слава богу. Но музыка была прелестна. А лучше всех Добровейн. Прелестней! Отличней! Чудесней!

Апрель был на исходе.

Машина миновала чугунные ворота, повернула по Дмитровке и направилась в Кремль.

А в мае республика вновь отбивала очередной поход Антанты.

НА ВСЕХ ПАРУСАХ

Было за полдень. Около часу. Саша, одетая еще позимнему, вышла из широких ворот, скрывавших Офицерский корпус, на Коммунистическую улицу Московского Кремля.

Небольшая улочка с булыжной мостовой, обочинами и приподнятыми тротуарами начиналась у Троицкой башни и обрывалась под аркадой, соединяющей Оружейную палату с большим дворцом. Улочка эта вобрала в себя почти все основное население Кремля. Именно здесь, в длинном Кавалерском корпусе, в игрушечно-пестром Потешном дворце, в маленьких флигелях и Фрейлинском коридоре, да еще в Офицерском и Синодальном жили члены и сотрудники Советского правительства.

Только квартира Ленина находилась отдельно.

Вот за полдень, когда улица пустынна — все на работе,— Саша ступила из широких каменных ворот на узкий тротуар. И сразу увидела — прямо на нее идет человек. Нет, не идет, несется! Пальто его нараспашку, полы разлетелись, ветер надувает каждую полу, как парус. И кажется — человек несется на всех парусах.

Это Ленин!

В руках у него большой белый лист бумаги. Он держит его обеими руками, прямо перед собой и на ходу читает. Лицо у него широкое, ликующее и лукавое.

Вот так, читая и ликуя, мчался по тихой пустынной улице Ленин.

Он шел, ничего вокруг не замечая. Шел прямо на Сашу. Вот-вот налетит, сшибет, сметет! Расстояние между ними катастрофически убывало. Оно совсем уже сжалось, оно почти сомкнулось перед крыльцом кремлевской комендатуры. Здесь ступени крыльца выпирают на тротуар. Саше некуда податься. И Саша сбежала на мостовую, уступив Ленину дорогу.

Ленин повернул на миг голову.

Приметил ее? Или боковым зрением уловил, как что-то метнулось в сторону? Или подол ее меховой кухлянки, расшитый ярким чукотским орнаментом, мелькнул у краешка его глаза?

— Здравствуйте! — успела выдохнуть Саша.

— Здравствуйте! — едва кивнул Ленин и промчался мимо Саши, словно ее здесь и не было.

Он промчался, а Саша остановилась, как будто вросла валенками в этот кремлевский булыжник, и смотрела Ленину вслед.

Куда он? К кому? Поднимется в Кавалерский? Или пересечет улицу и войдет в Потешный?

Было хорошо известно, кто где живет. По утрам члены правительства спешили из своих квартир в наркоматы, комитеты, Советы. По вечерам в освещенных, еще не завершенных, по-петербургски высоких окнах мелькали силуэты — шевелюры, бородки, пенсне...

Их так легко различали. Силуэты великой революции. Профили неистовых ораторов...

К кому из них спешит Ленин?

Саша все стояла и смотрела. Ленин пронесся вперед и под аркой скрылся из глаз.

«В Белый коридор!» — решила Саша, поднялась на тротуар и пошла своей дорогой.

Все еще пораженная этой невозможной, казалось ей, встречей, Саша вновь и вновь видела перед собой все, что только что произошло вот тут, у крутых ступеней

комендантского крыльца, и затем исчезло там, в пролете белой аркады.

У Троицкой башни Саша вдруг обернулась и снова посмотрела. Но уже не Ленину вслед, не туда, куда он ушел, а туда, откуда он пришел.

Прямо перед нею, за срезанной ромбом высокой стеной, была школа кремлевских курсантов с высокими лафетами наполеоновских пушек у крыльца. Саша сразу представила себе, как вышел из дому Ленин, спустился с чугунного крыльца под навесом на витых столбиках, пересек по косо́й Арсенальную, прошел мимо наполеоновских пушек с их огромными колесами, свернул налево. И там сразу открылась перед ним Коммунистическая улица.

Ленин, вероятно, охватил ее взглядом сразу всю целиком — недлинную улочку с длинным корпусом кавалергардов, веселой стеной Потешного и высокими пролетами белой аркады в конце. И вероятно, сразу, вместе с корпусами, вобрал эту пустынность, безлюдность, тишину рабочего полуденного часа.

Поняв, что сейчас он на этой улочке один, что его никто не видит, расстегнул, наверно, пальто, достал из внутреннего кармана бумагу, расправил ее и стал читать на ходу, все ускоряя шаг, пока не помчал — читая бумагу и ничего вокруг не замечая.

Тогда-то, вынырнув из ворот, Саша неожиданно и увидела Ленина таким вот — несущимся на всех парусах, пальто нараспашку и глаза нараспашку.

Придя в «Правду», Саша сказала:

— Мария Ильинична, что сейчас было!..

И рассказала, как держали ленинские руки лист бумаги, и как ликовало его лицо, и как странно ступал он — с каблука на носок, словно переваливал с волны на волну.

— Да-а-а,— протяжно сказала сестра Ленина и отвернулась, словно задумалась или припоминала что-то. Затем принялась за работу.

И больше об этом не было разговора.

А Саша решила, что она видела Ленина таким, каким его, быть может, никто не видел. Таким он, вероятно, бывает только наедине с собой, в комнате или в лесу... Таким его можно увидеть лишь случайно, нечаянно.

* * *

У каждого, кто видел Ленина, запечатлелся в душе свой Ленин. И у Саши вот с того полуденного часа врезался в сердце свой Ленин! Несущийся на всех парусах, с волны на волну...

1962 г.

Л. РАДИЩЕВ
ДВА ДНЯ

Рассказы

НЕ ТЕРЯЙТЕ МИНУТЫ!

НОВЫЙ ГОД

НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

С Выборгской стороной у Ленина было связано многое: от первой его встречи в апреле 1917 года у Финляндского вокзала до последнего дня подполья на Сердобольской улице.

Уже в первые месяцы после свержения самодержавия Выборгскую сторону стали называть крепостью большевизма. Сюда боялись показываться ищейки Керенского. Красногвардейцы Выборгской стороны охраняли дом на Широкой улице, где жил Ленин после приезда из-за границы.

Выборгская сторона надежно укрыла вождя пролетарской революции, когда банды озверевших юнкеров и офицера разыскивали повсюду «государственного преступника Ульянова-Ленина».

На Выборгской стороне, в глубоком подполье, Ленин руководил историческим заседанием Центрального Комитета партии, вынесшим решение о вооруженном восстании.

«У выборгцев я как дома!»— не раз вспоминал Владимир Ильич.

В конце декабря тысяча девятьсот семнадцатого года на одном из заседаний Выборгского районного Совета обсуждался вопрос, который в те напряженно-суровые дни выглядел не совсем обычно.

Слушали: о встрече первого советского Нового года.

Постановили: 1) организовать встречу так, как это достойно великой исторической даты; 2) местом встречи избрать актовъ зал бывшего Михайловского юнкерского училища; 3) послать приглашение товарищам Ленину и Крупской; 4) казначею райсовета И. Гордиенко отпустить необходимые средства; 5) составление программы поручить председателю культкомиссии райсовета К. Лебедеву и поставить его отчет на ближайшем заседании.

Председатель культкомиссии был очень молодой и очень пылкий товарищ, страстный театрал, поклонник всех искусств. Даже в официальных бумагах его запросто именовали товарищем Костей.

Уже через несколько дней товарищ Костя представил проект новогоднего вечера, который нельзя было не признать грандиозным: опера «Сорочинская ярмарка» в концертном исполнении артистов бывших императорских театров, инсценировка «Прощание со старым годом», праздничная елка, танцы под духовой оркестр.

Программу одобрили, но елку единодушно решили не устраивать, ибо этот обычай связан с религиозным праздником бывшего рождества Христова.

В связи с танцами на заседании вспыхнула горячая дискуссия. Одни доказывали, что танцы являются наследием недавно свергнутого буржуазно-помещичьего строя. Другие доказывали, что и народ тоже любит потанцевать.

Эта точка зрения нашла поддержку большинства, но тут один из присутствующих выступил с заявлением: если товарищи Ленин и Крупская смогут откликнуться на приглашение выборжцев и будут присутствовать на

вечере, то как взглянется им на все эти вальсы, польки и краковяки?

— Очень хорошо взглянется! — решительно заявил Иван Чугурин, старый партиец, встречавшийся с Лениным еще в парижской эмиграции. — Ильич любит жизнь, и этим все сказано. Пусть молодежь танцует!

Так решился этот вопрос, который особенно волновал товарища Костю, защищавшего интересы молодежи. Теперь ему можно было вплотную взяться за выполнение порученной задачи.

Нам, жителям шестидесятих годов, почти невозможно представить, как трудна была эта задача. В городе, объявленном на военном положении, голодном и промерзшем, с наглухо заколоченными витринами магазинов, почти не имеющем света, воды, топлива и средств передвижения, требовалось сотворить чудо: надо было из-под земли раздобыть доски, гвозди, краски, сценический реквизит, материал для занавеса, дрова, чтобы хоть немного отопить огромный концертный зал. И для типографии надо было достать топливо — иначе не напечатают пригласительные билеты. А ведь Костя хотел устроить все по-настоящему, широко, празднично.

И еще нужно было найти плотников и полотеров, электриков и музыкантов, художника и настройщика и вести сложные переговоры с артистами бывших императорских театров. Быть и дипломатом, и агитатором, и расчетливым хозяйственником. Деньги почти ничего не значили в ту пору, а возможности для вознаграждения продуктами были у товарища Кости весьма ограничены.

КВАДРАТНОЕ СОЛНЦЕ

Наиболее легко и благополучно разрешилось дело с музыкантами. Выручили боевые товарищи из Московского пулеметного полка, расквартированного на Выборгской стороне, — обещали прислать духовой оркестр. И с художником на редкость повезло: нашелся художник, представитель нового, революционного искусства, как его отрекомендовали. Мрачный юноша с дикой шевелюрой в блузе из мешковины согласился совершенно безвозмездно украсить и зал, и сцену.

Единственное его условие было такое: он рисует при закрытых дверях, иначе говоря, никто не должен видеть его труды до их полного завершения. Товарищ Костя с готовностью согласился. Лично ему было дозволено заглядывать изредка в зал и на сцену.

Остальные товарищи из культкомиссии проявляли законный интерес к тому, как продвигается художественное оформление. Особый интерес проявлял казначей Илья Митрофанович Гордиенко, он же Батько — так его прозвали еще в подполье за черные запорожские усы.

Дело тут было, конечно, не в каком-то недоверии к товарищу Косте, но все же Гордиенко хотел знать, как расходуются государственные средства.

Всем этим любопытным товарищам председатель культкомиссии со значительным видом объяснял:

— Художнику необходима спокойная, творческая обстановка. Понимать надо. Нельзя вторгаться. Но зато уж

рисует, доложу я вам... Ох, и рисует!..—Костя начал задыхаться от восторга, ему не хватало слов, и он убежал.

Вот так и случилось, что культкомиссия смогла заглянуть в зал чуть ли не за полчаса до начала вечера. Когда члены культкомиссии вошли в зал, разом вспыхнули все источники света (особая договоренность с электростанцией). Глазам присутствующих открылось «ужасающее зрелище». Занавес представлял собой нечто похожее на серую глухую стену, на которой выступили разноцветные разводы плесени.

В центре большого полотнища, которое надо было укрепить над занавесом, был густо намалеван малиново-красный квадрат. От него во все стороны расходились лучи, похожие на оглобли. По бокам квадрата лежали два человекоподобных существа в синих робах.

Дико перекошенные физиономии этих странных существ походили на отражения в кривых зеркалах Народного дома — излюбленного развлечения петроградцев.

Но там это было смешно и весело, а здесь...

— Здесь мы видим перед собой произведение нового, революционного искусства,— заговорил Костя тоном музейного экскурсовода.— Идея, заложенная в нем, такая: для нас всё так же солнце станет... Вот здесь вы видите это самое солнце с лучами... К сожалению, художник не успел оформить колонны.

Потрясенная культкомиссия безмолвствовала. Первым заговорил батько Гордиенко, как всегда, в минуты волнения вмешивая в свою речь украинские слова.

— Это сонце? — подступил он к Косте.— Да ты что, смеешься? Ты бачил такое сонце на небе? Бачил, я тебя спрашиваю?

— Не надо всё понимать так буквально! — нервно ответил Костя.— Это называется футуризм! Происходит от слова «футурум», что означает будущее... И конечно, тут требуется известная подготовка...

— А ты, значит, подготовился! — нахмурился Бать-

ко.— Теперь понятно, почему тот хвутурист от людей ховался.— Он обернулся к членам культкомиссии.— Скажите, други, что теперь будем делать?!

Но делать что-либо было поздно. Уже заняли свои места контролеры, и до начала вечера оставались считанные минуты...

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Последний вечер старого года ничем не отличался от других декабрьских вечеров. Так же темно и пусто было на улицах Петрограда. Пронзительный ветер свистел в прямых строгих набережных, сдувал колючий снег с ледяной поверхности Невы. И странным, неправдоподобным выглядело в этой бескрайней тьме огромное здание с ярко освещенными окнами, с зажженными фонарями у подъезда.

В бывшее Михайловское юнкерское училище пришли невиданные прежде гости: металлисты со старого «Леснера», рабочие с «Айваза», «Нобеля», «Парвйайнена», ткачихи с «Большой Сампсониевской мануфактуры». Рядом с солдатскими гимнастерками, обмотками, рабочими блузами, грубыми сапогами — давно не надеванные костюмы, воротнички, галстуки-бабочки, прически, туфли на каблучках.

Сегодня здесь не только встреча Нового года. Сегодня выборжцы провожают своих земляков, уезжающих на Западный фронт. Первые рабочие-агитаторы понесут в окопы и землянки волнующий призыв Великой Октябрьской революции: «Долой империалистическую войну!»

* * *

Белоколонный зал сверкает огнями и чистотой. Зрители нетерпеливо поглядывают на свежесколоченную дощатую сцену, где музыканты настраивают инструменты.

Всюду — в фойе, в зале, на сцене, за кулисами — мелькает фигура Кости Лебедева в наутюженной черной паре.

Начинается праздничный концерт. Все идет отлично, замечательно, но организаторы праздника в напряженном волнении. То один, то другой спускаются они вниз и, открыв тяжелую дверь, выходят на набережную.

Набережная все так же пустынна. Квадраты света лежат на снегу, но достаточно отойти немного в сторону — и сразу погружаешься в темноту. Только на том берегу Невы, за Литейным мостом, видно шевелящееся огненно-рыжее пятно — это красногвардейский пост разжег костер.

Отзвучала «Сорочинская ярмарка». На сцене появляется «Старый год» — в зипуне, в мохнатой шапке, с клюшкой — и произносит прощальную речь: да, прошло его время, пора уходить, но он надеется, что не зря пожил на свете и что будет чем помянуть его в грядущих веках...

* * *

В зале раздвигают стулья, освобождают место для танцев, на сцене размещаются музыканты. Взмахнул палочкой капельмейстер, и первые пары заскользили по натертому паркетному полу...

А время летит... Нет, наверное, не смогут приехать сегодня дорогие гости из Смольного.

Батько Гордиенко собрался уходить. Чтобы не пробираться одетым через зал, не мешать танцующим, он решает пройти черным ходом.

Здесь, на узкой полутемной лестнице, тускло светит угольная лампочка. Навстречу ему поднимаются двое. Шапки, воротники у них запорошены снегом. Кто бы это мог быть в такой поздний час?

И вдруг сердце у него начинает стучать гораздо сильнее, чем ему положено.

— Владимир Ильич! Надежда Константиновна!

Почему здесь? Мы ждали вашу машину с набережной!

— Извините, что так запоздали. Раньше не могли... Да еще заехали как-то неудачно, не с той стороны... еле нашли эту лестницу.— Ленин стряхивает снег с воротника, здоровается.

У Гордиенко дрожат руки от радости: вот счастье-то, что не успел уйти! Он выводит гостей в коридор. Их встречают мощные раскаты духового оркестра, дружное притоптывание каблуков.

Вспомнив дискуссию о танцах, Гордиенко осторожно поглядывает на Ленина.

— Весело у вас! — одобрительно улыбается Владимир Ильич.— А нельзя ли пройти как-нибудь этак понезаметнее?

— Понезаметнее? — Батько задумывается.— Разве что через сцену?

Они идут к лесенке, ведущей на сцену. Навстречу попадает товарищ Костя, одновременно и сияющий и страшно озабоченный. Гордиенко тянет его за рукав, говорит на ухо коротко, быстро, точно диктует телеграмму:

— Оркестру — «Интернационал»!

Костя бросает молниеносный взгляд на гостей, круто поворачивается и взбегает по лесенке.

Вдруг смолкает оркестр. Танцующие пары недоуменно останавливаются: что такое? Ведь танец еще не закончился!

Неожиданно на полную мощь гремит меднотрубный «Интернационал». Короткое замешательство — и точно прибой устремился к сцене.

Ленин!

Теперь уже никуда не укрыться дорогим гостям. Владимир Ильич покачивает головой, улыбается уголками глаз. Перехитрили все-таки! На воротнике у него еще поблескивают нарастаявшие снежинки.

А шквал аплодисментов грохочет все сильнее.

Ленин подходит к краю сцены, вынимает часы, показывает на них.

Наконец все стихает. Люди слушают Ленина.

Владимир Ильич поздравляет выборжцев с Новым годом. Говорит о трудном и необыкновенном счастье строить новое, еще невиданное в истории государство трудящихся. Он говорит о том, что молодой Советской Республике придется отстаивать себя в тяжелой борьбе, но что народ, который создал Советскую власть, не может быть побежден.

В ответ ему гремят такие аплодисменты, которых никогда не слыхивал этот зал,—такие, что закачались подвесные хрусталики в массивных люстрах под высоким потолком.

НА ТУР ВАЛЬСА!

Комнату, расположенную сбоку от сцены, устроители вечера постановили считать буфетом. Здесь имеются стулья, столы и на одном из них — небольшой кипящий самовар. Угощение по тем временам поставлено богатое — чай настоящей заварки, ржаные сухари, липкие конфеты-подушечки.

Много знакомых оказалось здесь у Владимира Ильича и Надежды Константиновны, много нашлось общих воспоминаний. Были среди приглашенных и те самые выборгские красногвардейцы со старого «Парвизайнена», которые летом несли охрану Ленина, когда он жил на Петроградской стороне, на Широкой улице. Сейчас они напомнили ему об одном чаепитии, которое было там однажды.

— Помню, помню! — засмеялся Владимир Ильич.

Охранять Ленина приходилось незаметно — очень уж он не любил этого.

Как-то, воспользовавшись отсутствием брата, Мария Ильинична позвала красногвардейцев попить чайку. Только уселись они за стол, как неожиданно вернулся Ленин. «А, товарищи выборгцы! Очень приятно!» И тоже присел выпить стакан чаю. Глаза у него хитро шурились: «Так, так! Из вашего разговора я вижу, что пришли вы не ко мне, да и не к Марии Ильиничне. Уж не занимаетесь ли вы охраной моей персоны?»

Разумеется, выборгцы отнекивались, кстати сказать,

очень неумело — и, конечно, были «разоблачены» вместе с Марией Ильиничной.

— Маша, не отпирайся! Ты вместе с ними в заговоре. Я же знаю!..

Сейчас, вспомнив об этом случае, посмеялись, а потом один из красногвардейцев сказал:

— Слыхали мы, товарищ Ленин, что вы по-прежнему пренебрегаете охраной, а бываете везде и всюду!

— Вы что же, хотите, чтобы меня держали в коробочке, — отшутился Ленин, а потом добавил уже серьезно: — Мы не имеем права отсиживаться и прятаться. Мы обязаны постоянно встречаться с народом! Иначе не может быть и не должно быть!

А рядом, за дверью буфета, гремел оркестр, танцы следовали один за другим.

Дорогие гости вышли посидеть в зал, посмотреть на танцующих.

Не сговариваясь, десятки рук бережно подняли их вместе со стульями и стали «качать». Таков уж был тогда обычай, когда люди хотели выразить свои хорошие чувства.

— Товарищи, товарищи, — шутил Владимир Ильич, — не слишком ли высоко вы меня возносите?! С Надеждой Константиновной полегче... как бы голова у нее не закружилась...

Тем временем дирижер танцев — молодой человек с безукоризненным пробором, с пышным бантом в петлице — громко объявил вальс «Березку».

Молоденькая ткачиха подошла к Ленину.

— Владимир Ильич! Разрешите вас пригласить?!

— Надя, ты слышишь, меня приглашают на тур вальса! — Ленин повернулся к смущенной девушке: — К сожалению, не могу принять ваше приглашение. Не умею! Но сейчас мы это поправим!

Придерживая девушку под руку, он подвел ее к распорядителю танцев:

— Вот вам кавалер для вальса!

ТРИ ЧАСА ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ В НОВОМ ГОДУ

Около трех часов ночи Ленин и Крупская собрались уезжать. Об этом Владимир Ильич потихоньку сообщил кое-кому из выборжцев.

— Только уж теперь без оркестра, прошу вас. А то начнем прощаться и всех спугнем! Думаю, на нас не обидятся за такой уход.

Так и сделали. Сопровождаемые Гордиенко, Костей Лебедевым и еще несколькими товарищами, гости незаметно ушли тем же черным ходом.

Погода переломилась. Потеплело, падал мягкий снег, и от него ночь сделалась светлее. У видавшего виды лимузина, на котором ездил Председатель Совнаркома, возился шофер.

— Хороший был у вас вечер, товарищи выборжцы, очень хороший,— сказал Ленин,— но немножко, по правде говоря, вы и обмишурились. Не объясните ли вы мне, что это за чудовища развешаны у вас над сценой?

Товарищи выборжцы молчали.

Много лет спустя, когда черные запорожские усы у Гордиенко стали уже белыми, он рассказывал нам, людям другого поколения, об этом коротком разговоре с Владимиром Ильичем.

— Поглядел я на Костю,— рассказывал Гордиенко,— и чую, как тот хлопец сварился— вот-вот дым с него

пойдет! Хотел я его «выдать», чтоб он высказал Ильичу про эту самую «хватуризм», да пожалел: уж больно растерялся парень!.. Хорошо еще, думаю, что Ильич занавеса не видел, он был поднятый весь вечер! Да и колонны не успел футурист обработать — тоже удача...

— Мои собеседники молчат?! — Ленин подождал секунду. — Ну что ж, я бы на вашем месте тоже затруднился ответить, что означает сия многокрасочная пачкотня. А ведь мы, товарищи выборжцы, великое русское искусство не отменяли. Оно для нас остается образцом. Хорошая картина приносит человеку радость, согласны? А тут? Если по-честному...

— Ошибочка вышла, Владимир Ильич! — пробасил Гордиенко.

— Ошибочка, говорите? — быстро повернулся к нему Ленин. — Тогда следует ее немедленно исправить. Знаете, что я бы сделал на вашем месте? Быстрехонько убрал бы эту, с позволения сказать, живопись, пока рабочие не рассмотрели ее как следует. Они вас освищут, ей-ей! Очень советую... А все остальное было хорошо! Отличный, отличный вечер!

Приглушенно постукивающий мотор громко затарахтел. Ленин сердечно попрощался с провожающими. С трудом преодолевая снежные завалы, машина выбралась на набережную.

За Литейным мостом, на повороте, от ярко пылавшего костра отделилась фигура в тулупе, опоясанная солдатским ремнем, с винтовкой на плече. Шофер затормозил, протянул удостоверение.

Пожилой красногвардеец долго рассматривал книжечку в матерчатом переплетике, потом обернулся к товарищам и сказал вполголоса:

— Ребята! Ильич!

Красногвардейцы, сидевшие у костра, поднялись. И, точно в ответ на их невысказанное желание, отворилась дверь машины.

— С Новым годом, товарищи! — звучно произнес Ленин. — И с новым счастьем!

— И вас также, товарищ Ленин! — ответил за всех пожилой красногвардеец. — Дай бог и вам... — Он запнулся, крякнул с досады и сконфуженно пробормотал: — Оговорился... по старой привычке...

Владимир Ильич улыбочиво сощурился:

— А костер у вас богатый, товарищи! Вы, кажется, отапливаете его железнодорожными шпалами?!

Пожилой красногвардеец шагнул к машине.

— Шпалы эти бракованные, Владимир Ильич! — взволнованно заговорил он. — В дело уже не годны! Они свое отслужили... Вот мы их и жгем понемногу...

— Понятно! — улыбнулся Ленин. — Но какое освещение! Прямо хоть газету читай! — Он расстегнул пальто, достал часы на ремешке. — Мы с вами прожили в Новом году уже три часа и пятнадцать минут... Надо спешить. До свиданья, товарищи!

Красногвардейцы молча смотрели вслед отъехавшей машине. Вот она, нечаянная и такая волнующая новогодняя радость — минутка с Лениным. И как замечательно, что мы знаем о ней. На всю жизнь сохранил ее в памяти один из красногвардейцев — теперь уже пожилой и заслуженный генерал. Но глаза его блестят совсем молодо, когда он рассказывает о той далекой минутке.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ДИНАМО

Только близкие Владимира Ильича и товарищи по работе, да еще солдаты и красногвардейцы, стоявшие на посту у его кабинета, знали, что непомерно длинный день Председателя Совнаркома неизменно переходит в рабочую ночь.

Эту нечеловеческую нагрузку Ленин нес как будто легко, подтрунивал над собой, когда путал «доброе утро» с «доброй ночью».

Со свойственной ему обстоятельностью он все время старался выработать для себя такой режим, который помог бы при наименьшей затрате времени на сон работать возможно больше.

«Режим, самое главное — режим», — неоднократно повторял Владимир Ильич. У него уже сложились навыки, которых он придерживался: когда бы ни пришлось лечь, вставать в одно и то же время; если работа продолжалась всю ночь, вообще не ложиться. Иногда он оставлял своим домашним такие записки:

*«Марии Ильиничне и Надежде Константиновне.
Прошу меня разбудить не позже 10 часов утра.
Сейчас 4¹/₄ я спать не могу, вполне здоров.
Иначе потеряю зря завтрашний день и останусь
без налаженного режима».*

С Нового года Владимир Ильич еще круче подтягивает свой режим. Недаром он частенько называет его

«прижим», а слово «устал» превращает в «переустал». («Ты опять, наверно, очень переустала?»— спрашивает он в записке Надежду Константиновну.)

С природой нельзя договориться о том, чтобы она прибавила часов, минут и секунд, но зато историческая емкость ленинских дней такова, что иные годы не могут с ними сравниться.

После новогодней встречи Ленин, как и всегда, появляется в своем кабинете в девять часов утра.

Начинается первый день нового, тысяча девятьсот восемнадцатого года. Как и другие, день первый складывается из того, что намечено, назначено, и того, что вторгается неожиданно, сейчас, сию минуту и нередко требует мгновенного отклика, ответа, решения.

Ближе к вечеру, как договорено с Н. И. Подвойским, Ленин должен выступать в Михайловском манеже на митинге, посвященном отправке на Западный фронт сводных отрядов социалистической армии.

В этот же день, по просьбе иностранных дипломатов, Председатель Совнаркома назначил им прием.

И еще одно обязательное: посетители. Это Владимир Ильич считает делом высокой государственной важности. Ежедневно приходят солдатские делегаты с фронта, ходоки-крестьяне, рабочие, впервые взявшие в свои руки контроль над производством... Всем нужен Ленин, все хотят его видеть.

А поздним вечером — заседание Совнаркома, и это уже до глубокой ночи.

«...Чудом были все эти годы неслыханного труда...— писала газета «Известия»,— гаснут к утру и вечером зажигаются белые огни. Сменяются часовые. Приходят и уходят люди... А Ленин работает всегда, во всякое время, никогда не выключает удивительное динамо — свой мозг...»

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Во второй половине дня Ленину принесли телефонограмму, принятую из комендатуры Николаевского вокзала. Прочитав ее, он попросил разыскать по телефону Александру Михайловну Коллонтай.

Казалось бы, несложное поручение для секретаря, но бывало и так, что оно становилось мучительно трудным. И здесь прикладывали руку саботажники: переговоры по телефону неожиданно обрывались, возникали какие-то непонятные помехи, порча сети. Вдруг менялись привычные номера абонентов и вместо комиссариата на проводе оказывался бывший ресторан «Медведь».

На этот раз дозвонились быстро, и Ленин сообщил Александре Михайловне содержание телефонограммы: из-за границы прибыла группа эмигрантов-большевиков, сопровождает ее Фриц Платтен («Помните большого Фрица?»). Кому же, как не народному комиссару государственного обеспечения, взять под свою опеку приехавших товарищей, помочь им где-то разместиться, устроиться на первых порах...

Время — два часа дня. У Владимира Ильича — обеденный перерыв. Он подбирает газеты, которые будет просматривать дома, прихватывает папку с бумагами и письмами. Сегодня, а это бывает редко, маленькая семья Ульяновых оказывается в сборе.

Надежда Константиновна уже давно махнула рукой на

«переусталость»—с утра и до поздней ночи она занята в Наркомпросе. Случается, что в течение суток она видит Владимира Ильича мельком. И Мария Ильинична перегружена множеством всяких дел и обязанностей.

В квартире Председателя Совнаркома, а точнее — в комнате с перегородкой и ходом через умывальную, постоянно бывает и товарищ Желтышев — солдат того самого Московского пулеметного полка с Выборгской стороны, который в июльские дни выступил против Временного правительства. Он здесь как бы представитель выборжцев и вместе с тем помощник по хозяйственной части.

У Надежды Константиновны, в ее чудесной книге о Ленине, можно найти теплые строки, посвященные Желтышеву:

«Ильича он очень любил, относился к нему с большой заботой, обслуживал его, носил хлеб и обед из столовой, которая была в то время в Смольном,— то, что полагалось по пайку...»

И сегодня, вооружившись котелками, Желтышев сходил в столовую за обедом. Сегодня как раз тот редкий случай, когда «Ильичи» (так называют товарищи со времен эмиграции Ленина и Крупскую) и Мария Ильинична сидят вместе за обеденным столом.

ОЧЕНЬ ВКУСНЫЙ ОБЕД

Беспримерная нагрузка первого рабочего аппарата Смольного, его малочисленность, работа одного за десятирых не позволяла записывать все, чем жил тогда Смольный. Не всегда велись протоколы, даже не все выступления Ленина учтены, не все его речи записаны.

И в этот день у Владимира Ильича было много посетителей, а среди них — двое питерских рабочих. Они пришли в Смольный от имени рабочих своего завода просить о помощи.

На заводе с октября не выдают заработной платы. Саботажники еще занимали места в управлениях, банках, конторах. Они старались задержать выдачу денег, вызвать недовольство среди рабочих.

Когда завкомовцы обратились в банк, чиновники издевательски вежливо объяснили им, что сначала надо научиться составить заявление, а уж потом просить деньги. Они требовали всё новых справок, подписей, резолюций, посылали из отдела в отдел, из учреждения в учреждение.

Наконец удалось получить ассигновку. И хотя все советские предприятия и учреждения в этот день работали как всегда, банковское начальство заявило, что операции в банке не производятся: «Сегодня Новый год, приходите завтра».

Как быть? Ведь рабочие всех смен собрались на заводе и ждут денег. Завкомовцы были в отчаянии.

И тогда решили идти к Ленину.

В комендатуре Смольного им сразу выдали пропуск. В приемной их внимательно выслушал секретарь Совнаркома Николай Петрович Горбунов. Да, дело серьезное. Сейчас он доложит Владимиру Ильичу.

Скоро завкомовцев позвали к Ленину в кабинет. Они очень волновались, да и могло ли быть иначе? Но ленинская внимательность, простота сразу рассеяли их волнение.

Закончив рассказ, завкомовцы обратились к Владимиру Ильичу с просьбой: ассигновка, которая у них на руках, подлежит оплате только на другой день, а рабочие ждут деньги сегодня. Нельзя ли обменять эту ассигновку на деньги из средств Совнаркома?

Ленин задумался. Саботажники в банках держатся, как коралловый риф. Они прячут ключи от сейфов, где хранятся «дензнаки», запутывают и уничтожают отчетность, стремятся оставить без денег «проклятых большевиков». Положение пока еще очень трудное, но рабочим надо помочь.

Владимир Ильич просит вызвать товарищей Свердлова и Бонч-Бруевича. Тут же организуется комиссия под председательством Ленина, и через пятнадцать минут счастливым просителям вручают постановление о выдаче денег.

Остается подождать кассира. А пока что завкомовцы ходят по смольнинским коридорам. Внимание их привлекает дверь, где на клочке бумаги написано карандашом: «Столовая».

Время как раз обеденное, пустой желудок дает о себе знать, да и кто же не готов нынче пообедать в любое время дня и ночи?

У дежурного они получают талончики на вход.

Столовая ничем не отличается от заводской: такие же простые столы, скамейки, алюминиевые миски и ложки. Но уж зато обед, конечно, наркомовский.

В обмен на талончики они получают по кусочку хлеба,

по миске щей из переквашенной капусты с селедочными головами, а на второе — по черпаку каши-размазни. Очень знакомые блюда — такие же они едят и у себя в столовой.

Рабочие недоуменно переглядываются. Тут что-то не так! Очевидно, они попали не в совнаркомовскую, а в какую-то другую столовую!

Этот вопрос занимает их так сильно, что они решают еще раз побеспокоить секретаря Совнаркома.

— В Смольном одна столовая на всех! — отвечает Горбунов.

— Значит, и наркомы тут обедают?

— И наркомы!

— И Ленин тоже?

— Да, и Ленин! А как же может быть иначе?!

«После этого съеденный обед показался нам очень вкусным», — вспоминал потом один из завкомовцев.

ГОСПОДА ДИПЛОМАТЫ

Послы, посланники, чрезвычайные и полномочные министры, поверенные в делах и прочие дипломатические представители иностранных держав достались молодой Советской Республике «по наследству» от Николая Второго и Керенского.

Господа дипломаты не покинули красный Петроград, хотя их правительства не признают Советскую власть и отказываются вести с ней какие бы то ни было переговоры.

А сегодня, в первый новогодний день, весь дипломатический корпус во главе со своим старейшиной — американским послом мистером Френсисом — является в Смольный. Но это не визит вежливости, как говорят на дипломатическом языке. Господа дипломаты пришли выразить протест против действий Советского правительства в связи с тем, что в Петрограде арестован румынский посланник.

Протест зачитывает мистер Френсис. В гладких фразах — намеки, полускрытые угрозы. Дипломат — особа неприкосновенная. Он должен быть немедленно освобожден.

Мистеру Френсису и другим хорошо известно, что Ленин свободно владеет английским, но с господами дипломатами он предпочитает разговаривать через переводчика.

Ленин в безукоризненно вежливой и спокойной форме

объясняет господам дипломатам, что Советское правительство обратилось ко всем воюющим странам с предложением мира. Старая царская армия демобилизована. Военные действия прекращены.

Однако, невзирая на это, румынское командование разоружило и содержит в плену русских солдат, стремящихся вернуться на Родину. По существу, это открытие военных действий без объявления войны. Поэтому арест румынского дипломата не может быть признан недопустимым. Нужно разумно договориться, устранить причину, вызвавшую сегодняшней протест.

«Для социалиста жизнь тысяч солдат дороже спокойствия одного дипломата,— твердо говорит Ленин.— Сейчас наступает время, когда народы, войны не желающие, сумеют всеми мерами войну предупредить».

Господа дипломаты заметно теряют свое «дипломатическое спокойствие». Они понимают, что это первое и последнее слово Ленина, его единственный ответ на их протест. Ультимативные требования, скрытые угрозы — все эти испытанные средства не помогли.

Господа дипломаты покидают приемную Совнаркома. И уже через несколько часов от имени старейшины дипломатического корпуса, мистера Френсиса, в Смольный сообщают, что правительству Румынии рекомендовано устранить препятствия для возвращения русских солдат на Родину.

Совнарком дает распоряжение за подписью Ленина: «Освободить».

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ЖИТЕЛЬ ГОРОДА ЦЮРИХА

Так называли Фрица Платтена его друзья и знакомые. С высоты своего роста он первым увидел людей, переходивших заснеженное железнодорожное полотно. Что-то удивительно знакомое было в энергичной походке мужчины, во всей его невысокой, коренастой фигуре. Он шел, придерживая под руку спутницу, умеряя свой быстрый шаг, чтобы не обгонять ее.

Да это же — Ленин, а рядом с ним — Мария Ильинична!

Так встретила Россия — теперь уже советская — большевиков, которые вернулись из долгой и тяжелой эмиграции. И для Фрица Платтена, сопровождавшего их, Советская Республика отныне вторая родина. Уже давно близка ему Россия. Здесь он получил свое настоящее боевое, революционное крещение.

В пятом году молодой революционер Платтен труднейшим конспиративным путем доставил в Ригу оружие для восставших рабочих. Его выследила царская полиция, и ему довелось познакомиться со знаменитым рижским централом. Прибалтийские губернии были тогда на осадном положении. За доставку оружия «бунтовщикам» полагалась смертная казнь, а в самом наилучшем случае — каторга.

Русские революционеры устроили Платтену дерзкий

и замечательно удавшийся побег. На глазах у конвоя его выхватили из партии арестованных, которую вели по одной из оживленных улиц Риги, и так искусно упрятали, что сбившаяся с ног полиция не смогла его обнаружить.

А тем временем Фриц Платтен уже плыл в Гамбург на пароходе. Конечно, и здесь по всем закоулкам шныряли полицейские шпики, но Платтен их перехитрил — он ехал в... паровой трубе.

Это всего лишь маленькая страничка из жизни бесстрашного и стойкого революционера, одного из основателей Швейцарской коммунистической партии.

Весною семнадцатого года Платтен, которого Владимир Ильич избрал своим доверенным лицом, взял на себя исключительно сложное и ответственное дело. Он организовал проезд группы большевиков во главе с Лениным через территорию враждебной Германии.

Другой возможности вернуться на родину у Ленина тогда не было. Рассчитывать на содействие Англии и Франции, воевавших вместе с Россией против Германии, не приходилось. Человек, который открыто выступил против войны, назвал ее преступной и грабительской, представлял для них большую опасность.

По этим же причинам был он опасен и для Временного правительства, оказавшегося у власти после свержения русского самодержавия: ведь оно торжественно заявило о «верности союзникам», о войне «до победного конца».

А Ленин рвался в Россию. Возникали один за другим всевозможные планы — иногда на грани фантастики, — вроде перелета через воюющую Европу на аэроплане.

Поездка через страну, где стены вокзалов, стекла вагонов были испещрены надписями «Jedem Russ ein schuss» («Каждого русского пристрели»), была более чем рискованной.

К счастью, она закончилась благополучно. Но Платтена в Россию не пустили: придрались к тому, что у него нет русского подданства. Ленин протестовал, указывая на заслуги Платтена перед русским революционным движе-

нием, но ничего нельзя было добиться. Платтена под конвоем отправили обратно на шведскую границу.

— Революция еще только начинается,— сказал ему на прощанье Владимир Ильич.— Мы еще увидимся, товарищ Платтен!

Предсказание Ленина исполнилось.

Великий Октябрь победил, и в день первого января 1918 года, крепко пожимая руку Фрица Платтена, Владимир Ильич говорит:

— Революция продолжается.

Когда Платтен узнал, что Ленин и Мария Ильинична едут на митинг, он попросил, чтобы его взяли с собой.

Усталость? Ничего, еще успеет отдохнуть с дороги!

Владимир Ильич улыбается: ему понятно это нетерпение.

КАК ПОЮТ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ» В РОССИИ

Пронзительный холод громадного, месяцами не топленного Михайловского манежа не пугает тех, кто собрался здесь на митинг. Это народ закаленный, воистину прошедший «огонь, и воду, и медные трубы»: солдаты, матросы, рабочие с оружием всех видов и образцов.

Чтобы согреться, они поют частушки, прыгают, борются друг с другом. Сизый махорочный дым плавает в воздухе сплошными облаками. С треском вспыхивают смолистые факелы. Так освещался тогда манеж, если не считать единственной лампы, висевшей посредине потолка. Свет от нее падает на броневик — признанную трибуну Октябрьской революции.

Внезапно у входа возникает какой-то неясный гул и, разрастаясь, волнами докатывается до самых отдаленных уголков манежа.

Приехал Ленин!

Люди расступаются, образуя узкий проход. Вместе с Лениным Мария Ильинична и Фриц Платтен. Ильич подходит к броневику, и человек двадцать протягивают ему руки, пытаясь помочь. Он опирается на чье-то плечо, легко всходит на бронированную площадку.

— Все же у меня есть некоторый опыт по части броневиков! — шутит он.

Кажется, никогда не утихнет шквал, вызванный сотнями крепких ладоней. Владимир Ильич поднимает руку, как бы говоря: «А не хватит ли, товарищи?»

Наконец устанавливается тишина — полная, глубокая; слышится только потрескивание факелов. И в этой тишине с необыкновенной отчетливостью звучит хриловатый от утомления голос Ленина.

Мы, живущие сегодня, с неизъяснимым волнением вглядываемся в скупые кадры кинохроники, сохранившиеся от тех неповторимых лет. Какое-то общее выражение видим мы на суровых, исхудавших лицах людей, которые шагают с винтовками, слушают оратора, ворочают остовы разбитых машин и таскают бревна на субботниках. На них отсвет великого времени, слитность своей личной судьбы с судьбой революции.

Далеко не все из этих людей умеют читать и писать, произнести без запинки недавно пришедшее к ним трудное слово «империализм», но они первые нанесли ему сокрушительный удар.

И вот частица этой могучей, гневной силы, один из первых ее отрядов, перед отправкой на фронт слушает напутствие Ленина.

В том, что он говорит, — жесткая правда о сегодняшнем дне и бесконечная уверенность в победе. И заканчивает он свою речь словами, которые и сейчас звучат всюду, где народ поднимается против своих душителей:

— Победа или смерть!

Огромный митинг отвечает залпами мощных хлопков. Ленин сходит с броневика, становится немного в сторонке, рядом с сестрой и Платтенном.

Очередь за следующим оратором. На трибуне солдат в старой, обтершейся шинели. В руках у него винтовка, походный мешок. Он волнуется; видно, как шевелятся желваки скул на небритых щеках.

— Товарищи! Я три года сидел в могиле, которая называется окопом. Хотел пробираться домой, да вот,

оказывается, еще рановато! Винтовку свою я не бросил, вот она, винтовочка-то!.. Скажу вам, как фронтовик, видевший своими глазами,—крепко мы напугали германцев и австрияков и ихнее высокое начальство. Страшнее им, чем всякие снаряды, два слова: «Совет!», «Ленин!».— Солдат с веселым торжеством огляделся по сторонам.— А сейчас, товарищи, обращаюсь к вам с просьбой: еще когда я сидел в окопах, то составил собственное стихотворение. Конечно, как умел! Прошу разрешить мне огласить его перед вами!..

Он замолкает на несколько секунд, потом громко произносит:

— Посвящается товарищу Ульянову-Ленину!

Полная неожиданность для Владимира Ильича. Он даже чуть отходит назад, точно хочет укрыться за своими соседями.

Звонким, окрепшим голосом солдат начинает:

Привет тебе, наш вождь народный,
Защитник права и идей,
Кристалльно чистый, благородный,
Гроза богатых и царей!

Семья трудящихся, голодных
В твоих рядах, в борьбе — твой щит!
И легион сынов народных
На страже,— верит, победит!¹

Солдатскому поэту выражают бурное одобрение. Очень к месту пришлись его стихи. И Владимир Ильич, который так не любит, когда о нем говорят или пишут что-то хвалебное, аплодирует вместе со всеми: он понимает, какими чувствами продиктованы эти безыскусственные строчки.

— Слово предоставляется социалисту из Америки, товарищу Вильямсу! — говорит председатель митинга Н. И. Подвойский.

¹ Подлинное стихотворение солдата И. Ганцева, напечатанное летом 1917 года.

На броневик взбирается высокий молодой человек в русском овчинном тулупе, в шапке-ушанке.

Митинг шумно приветствует американского товарища. С этой Америкой Владимир Ильич с удовольствием разговаривает по-английски и даже предлагает себя в качестве переводчика.

— Прекрасно, прекрасно! — оживленно говорит он Вильямсу. — Выступайте, а я буду вас переводить!

Но Вильямс храбро отвечает, что выступать будет по-русски. В глазах у Владимира Ильича зажигаются веселые искорки: ну что ж, посмотрим, что из этого получится!

«Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными, — с сердечным юмором и теплотой вспоминал потом Альберт Рис Вильямс об этом выступлении. — Они умеют ценить если не умение, то, во всяком случае, старание начинающего! Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска...»

Но все-таки их не хватало, этих трудных русских слов. Остановки, перебои в речи оратора делаются всё чаще, и когда он хочет высказать самую главную свою мысль, наступает мучительная пауза...

И тут сразу же приходит «скорая помощь».

— Какого слова вам не хватает? — быстро спрашивает по-английски Владимир Ильич.

— Enlist!

— Вступить!

— О, вступить! — бодро подхватывает оратор. — Я имею вступить... армия... Советов!

Дружные аплодисменты. Разгоряченный Вильямс сходит с трибуны. Оказывается, одно из самых лучших средств для согревания — это произносить речи на языке, который плохо знаешь.

— Во всяком случае, начало положено! — весело го-

ворит Владимир Ильич.— Читайте, пишите, разговаривайте только по-русски! — улыбается он.— Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую...

Митинг окончен. И с удивительной стройностью, точно под управлением дирижера, сотни голосов запевают «Интернационал». Вместе со всеми поют и Ленин, и Мария Ильинична. Поют Фриц Платтен и Альберт Рис Вильямс — по-немецки и по-английски.

— Обратите внимание, в Европе иначе поют,— говорит Платтену Владимир Ильич, выходя из манежа.— Там поют: «это будет последний и решительный бой», а у нас народ внес поправку: «это есть наш последний и решительный бой»... Да, для нас решительный бой уже есть, уже наступил, но последний ли он?

ВЫСТРЕЛЫ В ТУМАНЕ

На улицах туман — такой белый и плотный, что кажется, его можно взять руками и скатать, как снежок.

— Как в Лондоне! — говорит Ленин, пропуская впереди себя Марию Ильиничну и Платтена.

Тарас Гороховик, возивший в тот день Председателя Совнаркома, озабоченно хмурится: погода хуже не надо.

Самый короткий путь к Смольному ему хорошо известен. Но город забит неубранным снегом, панели и мостовые покрыты сугробами, а тут еще этот проклятый туман — в двух шагах не разобрать, где стена, где человек, где трамвайный столб.

Машина движется медленно, шофер со страшным напряжением вглядывается в туманную пелену перед стеклом. И вдруг очень близко — короткие, сухие хлопки, один за другим.

— Стреляют! — громко говорит Мария Ильинична.

В ту же секунду Платтен, сидящий рядом с Лениным, пригибает Владимиру Ильичу голову. Машина дергается, подпрыгивает и на самой большой скорости, какую только можно выжать из нее, мчится по мосту через Фонтанку.

Миновав его, она задерживается на мгновенье, затем стремительно несется по снежным ухабам. Наконец, свернув в боковую улицу, шофер сбавляет скорость и оборачивается к пассажирам:

— Все живы?

— А что, в самом деле стреляли? — спрашивает Ленин.

— Ого! — Шофер так задыхается, будто он бежал не останавливаясь все это расстояние от манежа. — Боялся обернуться. Думал, что уже нет никого в живых... Если бы попали в шину, ни за что бы не уехать...

Даже в туманном полусвете видна меловая бледность на лице Марии Ильиничны. Рука, втиснутая в сумочку, еще сжимает маленький браунинг.

— Они стреляли в тебя! — произносит она с дрожью в голосе.

Ленин положил ладонь на ее руку:

— Маняша, не волнуйся! Если даже и стреляли, то все, как видишь, обошлось благополучно! А как вы чувствуете себя, геноссе Платтен? Ну и ручища у вас! У меня чуть шея не хрустнула! Признавайтесь, что вы хотели запихать меня под сиденье!

Но Платтен, так легко и охотно отзывавшийся на шутки, тоже бледен и еще не пришел в себя.

— Покушались на вашу жизнь... на вашу жизнь, — повторяет он. — Это ужасно, ужасно...

Знакомая площадь перед Смольным. Горят костры. Кажется, что они так и не гасли с тех октябрьских ночей.

Машина круто останавливается у подъезда, где сидят наготове солдаты у пулеметов. Мария Ильинична первая замечает, что рука Фрица Платтена обернута носовым платком.

— Что это у вас, товарищ Платтен? Что с вашей рукой?

Платтен молча разматывает платок с выступившими пятнами крови. Медики называют такое ранение касательным: пуля содрала кусок кожи на руке — той самой, которая наклонила голову Ленина.

Владимир Ильич быстро взглянул на сестру:

— Прошу тебя, Маняша, перестань волноваться! Мы же все целы и невредимы. Иди, пожалуйста, быстрее к

Наде. Если она в Наркомпросе, обязательно дозвонись... А то ведь сейчас же потекут слухи, преувеличения... Надо их опередить, чтобы она не тревожилась понапрасну.

Осмотрели машину. Стекло в кабине шофера зияет зловещим отверстием. Кузов пробит в нескольких местах навывлет. Вот это и есть «на волоске от смерти»...

Все, кто собрался вокруг машины, стоят в оцепенении. Владимир Ильич спокоен. Ничего нельзя прочесть на его лице о том, что было каких-нибудь полчаса назад.

— На войне — как на войне! — говорит он. — Если солдат будет оглядываться на каждую пулю, которая просвистела рядом, ему не хватит времени воевать!

Он осторожно берет под руку Фрица Платтена и ведет его в медпункт. Потом забегает на минутку домой — показаться, перехватить стакан чаю — и снова к себе в кабинет.

Работа не ждет!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ ИДЕТ К КОНЦУ

Заседание Совнаркома назначено на одиннадцать часов вечера.

Приходят товарищи, члены Центрального Комитета, народные комиссары — взволнованные, потрясенные. Все уже знает о чудовищном преступлении, о машине, пробитой пулями, о том, что Ленин чудом остался жив.

Покушение организовали контрреволюционеры-террористы. Они давно угрожают. В городе упорные слухи, что в день открытия Учредительного собрания готовится вооруженное выступление против Советской власти.

— Это им дорого обойдется! — говорит бледный, осунувшийся Урицкий (вскоре, на посту председателя петроградской ЧК, он стальной рукой возьмет контрреволюцию за горло и сам падет от руки эсеровского убийцы). — Мы с ними благородничали, отпускали на честное слово, но теперь пускай пеняют на себя...

— Что же, путь вполне законный! Сначала наемные лжецы, клеветники, прихлебатели буржуазии, а теперь — наемные убийцы! — В голосе Ленина звучит отвращение. — У них не осталось никаких доводов, кроме стрельбы из-за угла... Жалкий конец!..

Всё. Окружающим понятно, что для Ленина эта тема исчерпана.

До начала заседания осталось несколько минут — тех самых минут, которые — по выражению Владимира Ильича — отпускаются «un quart d'heure de grase» («на сбор неаккуратных»).

Немало причин для опоздания может возникнуть в эти небывалые дни и ночи, но только абсолютно уважительная причина принимается во внимание — иначе опоздавшего встретит укоризненный взгляд Председателя Совнаркома, неодобрительное покачивание головы, а это хуже всякого выговора.

Одиннадцать.

Владимир Ильич достает из жилетного кармана свои испытанные часы-хронометр, кладет их на левую ладонь и пристегивает ремешком.

Многим ораторам знаком этот жест, и, выступая, они с опаской поглядывают на ремешок.

Ни малейшего ненужного словоговорения не допускается. Только дело: точно, ясно, коротко. Председатель Совнаркома безжалостно изгоняет «беллетристику» из выступлений, докладов, речей, даже из реплик по ходу заседания.

А за окнами Смольного сгущается синяя тьма.

День первый идет к концу.

ЩЕДРОЕ СОЛНЦЕ ИЮЛЯ

ГОРОД ЖДЕТ

Был жаркий июль двадцатого года. Еще повсюду видны были следы недавней боевой тревоги. Еще попадались на улицах баррикады и не везде убрали колючую проволоку.

Но война уже откатилась от стен Петрограда далеко на запад, к польской границе, и в газетах рядом с военными сводками стали появляться сводки с другого фронта, где главным словом был труд.

Еще требовалось держать в руках винтовку, но прославленная Седьмая армия, дважды разгромившая войска Юденича, уже приняла иное имя — Петроградская революционная армия труда.

На вооружение ее поступили кирки и ломы, пилы и топоры. И так же, как во времена боев, на трудовом фронте остались неразделимы армия и рабочий Петроград.

Скромными были сводки этого фронта, помеченные двадцатым годом, но каждая их строка была утверждением, ростом, созиданием.

И не очень искусные стихи, которые печатались вместе со сводками, говорили о том же:

Фонари давно потушены,
А в мозгу сверлит, сверлит,
Семь домов еще разрушено,
Девять нужно остеклить.

Один за другим шли субботники. На окраинах, на пустырях зазеленели огороды. Ожил Ботанический сад. Впервые после тяжелых годин в теплицах начали выращивать цветы, приводить в порядок скверы.

По домам ходили школьники — с тетрадкой, с огрызком карандаша — брали на заметку тех, кто ставит крестики вместо подписи, сообщали адрес ближайших курсов ликбеза.

А в начале июня в Петроград пришла из Москвы волнующая весть: Второй конгресс Коммунистического Интернационала, созываемый в столице, начнет свою работу в городе Октябрьской революции.

Так было решено по предложению Ленина. Девятнадцатое июля объявлялось в Петрограде праздником, красным числом.

«Петроградская правда» в особой рубрике ежедневно сообщала о ходе подготовки к конгрессу. И даже сегодня, сквозь толщу десятилетий, эта подготовка кажется грандиозной.

Лучшие художники, архитекторы, скульпторы отдают ей свое вдохновение. По их эскизам, проектам украшаются улицы, проспекты, набережные, Таврический и Смольный, Дворцовая площадь и Марсово поле.

Воздвигаются трибуны и торжественные арки, устанавливаются скульптуры, плакаты, лозунги. Садоводы готовят букеты, и самое большое место занимает среди них красная гвоздика — цветков революции.

На ступенях Фондовой биржи выросла исполинская эстрада. Здесь репетируют постановку-феерию «Два мира», в которой участвует три тысячи исполнителей и тысячетрубный оркестр.

Лето двадцатого года — первое лето, когда враг не угрожал Петрограду, — было настоящим подарком не

очень ласкового севера. «Щедрое солнце июля» — так поэтически была названа в газете репортерская заметка об этой редкостной петроградской погоде.

В эти жаркие дни петроградцы часто встречались с человеком, которого нельзя было не заметить: высокий рост, на лице глубокие, точно высеченные морщины, густые соломенные усы. Его сразу узнавали: «Горький, Горький!»

Петросовет поставил Горького во главе армии искусств — той, что украшала город. И вот он неутомимо шагает по улицам и площадям, постукивая суковатой палкой, поглядывая внимательным, хозяйским глазом на его праздничное убранство.

ПУТИ-ДОРОГИ НА КОНГРЕСС

Двадцатый год принес страшные потрясения господам во фраках и лоснящихся цилиндрах — той самой «мировой буржуазии», которую так хлестко изображали советские карикатуристы.

Провалились все пророчества и предсказания о близкой гибели большевиков. Были выбиты самые главные тузы-козыри, которыми Антанта пошла на Советскую Республику, — Деникин, Юденич, Колчак.

Новый козырь — пан Пилсудский — к июлю двадцатого года уже с явным трудом вел игру. Вся Польша была объявлена на осадном положении. Красная Армия заняла Барановичи, Вильно, Дубно, Гродно, приближалась к Варшаве.

Бесконечно трудными были пути-дороги в Советскую Россию. Только о немногих делегатах можно было сказать, что они ПРИЕХАЛИ на конгресс. Для всех остальных требовались другие слова: ПРОБИВАЛИСЬ, ПРОРЫВАЛИСЬ.

Они пробивались и прорывались сквозь немыслимые препятствия. Пользовались всеми возможными и невозможными способами передвижения. Меряли пешком многоверстные расстояния. Пересекали линии фронтов, обходили посты, заставы и кордоны.

И эти мужественные люди, выдавшие смерть, эти герои, которых трудно было заподозрить в излишней чувст-

вительности, часто не могли сдержать волнения при виде красного флага и пятиконечной звезды на шлеме советского пограничника.

Они сами рассказывали и писали об этом.

Разными путями-дорогами добирались они к нам в Советскую Россию. Одни попали в Москву, другие оказались в Петрограде.

В июльские дни, предшествовавшие конгрессу, на улицах Петрограда можно было видеть темные, оливковые, шафранные лица делегатов Африки и Азии, их дружелюбные, ослепительные улыбки. Они радовались тому, что и здесь, на севере, бывает такое жаркое, щедрое солнце. Были среди делегатов и скандинавы, и немцы, и англичане, и чехи.

И все они с ненасытной жадностью всматривались в черты великого города, воспетого поэтами и писателями, запечатленного на полотнах художников, в бронзе и мраморе. Города, заново прославленного самой великой революцией, которая родилась здесь.

Этот город терпел жестокие невзгоды, был лишен многих благ и удобств, которые предоставлял людям двадцатый век, но он боролся за будущее и жил им.

Плакаты на стенах его домов еще кричали о войне с Пилсудским и сыпным тифом, разрухой и безграмотностью. И в то же время бережно охраняемые народом театры и музеи были переполнены. В библиотеках стояли очереди за книгами.

Делегаты, уже считавшие себя петроградцами, вместе со всеми ждали открытия конгресса, приезда Ленина и всех остальных товарищей-интернационалистов.

* * *

Коминтерновскому поезду из Москвы была открыта небывалая по тем временам «зеленая улица». Он мчался сквозь ночь почти без остановок.

Это был бессонный поезд. Никто в нем и не помыш-

лял об отдыхе. Здесь велись нескончаемые разговоры, здесь жарко спорили, смеялись, пели песни.

Происходили удивительные встречи: люди, знавшие друг друга по подпольной работе, впервые называли свои настоящие фамилии и как бы знакомились второй раз.

Теперь, когда уже были преодолены опасные пути-дороги, можно было вспомнить их даже шутя.

Делегат Австрийской компартии имел немалый опыт по части таких поездок. Он был участником Первого конгресса и добирался из Вены в Москву на крышах вагонов, в «собачьих ящиках» под ними, на буферах, паровозных тендерах.

На обратном пути ему удалось воспользоваться редчайшим тогда воздушным транспортом, но румынские орудия сбили аэроплан. Летчик и пассажир случайно остались живы. Делегата обвинили в шпионаже, отправили в лагерь смертников. Товарищи считали его погибшим. Через год он сумел убежать из лагеря.

— И опять еду на конгресс! Ага, что?! — задорно восклицал он.

Джону Риду, автору недавно вышедшей в Америке книги «Десять дней, которые потрясли мир», сразу ставшей знаменитой, тоже пришлось испытать до дна горькую чашу чудовищных мытарств.

Он ехал в паровозных трюмах, в вагонах для скота. Он замерзал, попадал в железнодорожные катастрофы, а последние три месяца своего странствования сидел в тюрьме, где его кормили сырой рыбой.

К счастью, сведения о нем дошли до Москвы, до Ленина.

Начались переговоры с правительством Финляндии. Рида обменяли на двух финских профессоров, арестованных в Петрограде за контрреволюцию.

Есть что порассказать и болгарскому делегату. Вместе с товарищем он пустился в плавание на рыбацкой лодке из Варны в Одессу. Черноморский шторм разбил их су-

деньшко. С трудом возвратились они обратно на болгарский берег. Тут они снова раздобыли лодку, соорудили парус. И все-таки доплыли до советской границы, проскочив мимо румынской морской охраны и разбойничьих судов Врангеля.

Да, в коминтерновском поезде можно было услышать десятки историй, перед которыми бледной выдумкой казались повести и романы из библиотеки «Путешествия и приключения на суше и на море». А впереди было еще возвращение «по домам»...

Замечательный поезд везет делегатов в Петроград.

Через весь состав протянуто полотнище с четкой надписью: «Отремонтирован в честь Второго конгресса Коминтерна на коммунистическом субботнике».

На груди паровоза выгравировано четверостишие:

В бою с врагами не забудь —
Тебе мы дали имя «Ленин».
Пусть будет прям и неизменен
К коммуне твой победный путь.

В одном из вагонов едет Михаил Иванович Калинин, советский президент. Иностранцам не сразу удастся привыкнуть к мысли, что перед ними — глава огромного государства. Но вскоре смущение проходит... Президент — рабочий, так и должно быть в Республике Советов.

Калинин, что называется, ведет непрерывную пресс-конференцию, которая больше похожа на товарищеское собеседование. Его ответы тут же переводит старая большевичка — Елена Дмитриевна Стасова, которую Ленин называет «язычницей» за превосходное знание многих европейских языков.

А где сам Ленин? Известно, что в этом поезде его нет. Говорят, что он приедет позже. Неотложные государственные дела задерживают его...

Все население поезда прикикло к окнам. Уже проносятся мимо петроградские пригороды. На станциях, полу-

станках люди машут руками, шапками, кепками, флажками. Висят приветственные лозунги собственного изготовления — вперемежку печатные и прописные буквы, неровные строчки, и это выглядит особенно трогательно.

Питерцы ждут гостей на площади Восстания. Щедрое солнце июля не изменило. Оно плавится в серебре и меди труб, выхватывает из многотысячной толпы знамена, красные платочки, улыбающиеся, радостные лица.

Автомобилей в городе считанное число. Мобилизован весь трамвайный парк. Трамваи украшены цветными лампочками. Под гул приветствий делегаты рассаживаются по вагонам и едут в Смольный. Встречавшие их колонны сворачивают с площади на Старо-Невский, затопляют Суворовский проспект. Кажется, весь Петроград движется к Смольному.

ЛЕНИН ПРИЕХАЛ В ПЕТРОГРАД

На платформе вокзала ожидают следующего поезда. Тут старые партийцы, работники Петроградского комитета, заводские и фабричные делегации. Все напряженно вглядываются в легкие дымки на дальних путях.

Поезд, который приближается к Петрограду, не праздничный, а обыкновенный, пассажирский. Люди спят, закусывают, беседуют о том о сем. Привычная дорожная жизнь. Из вагона в вагон переходит контролер, старательно шелкая компостером.

Вот он заглянул в купе, где оживленно разговаривает группа пассажиров самого скромного вида. Один из них протягивает контролеру удостоверение на право проезда по всем железным дорогам Республики.

«Предъявитель сего,— читает контролер,— Председатель Совета Народных Комиссаров тов. Ульянов-Ленин В. И. ...»

Ленин приехал в Петроград.

* * *

Среди ожидавших на платформе находился и оркестр. Все поглядывали на него с улыбками. Оркестр и в самом деле был не совсем обыкновенный. Старшему из музыкантов, трубачу, исполнилось, вероятно, лет четырнадцать. Младшим тут считался, наверное, барабанщик, который

был одного роста с барабаном. Впрочем, надо заметить, что барабан этот был вполне приличных размеров.

Как и все на платформе, музыканты тоже посматривали, когда появится поезд, и было очень заметно, что они волнуются, ожидая своей минуты. Иногда, будто случайно, тихо звякали медные тарелки, хрипло вздыхала труба, погромыхивал, точно дальний гром, барабан. Дирижер — единственный взрослый человек в оркестре — грозил пальцем: «Тихо! Не баловаться!»

Как-то неожиданно вынырнул паровоз. Все бросились к вагонам. В этой сутолоке оркестранты немного растерялись, но почти сразу к ним подскочил какой-то военный: «Ребятки, за мной!» Ребятки побежали по деревянной платформе. «Стой здесь!» — скомандовал военный.

Оркестр тотчас же построился, музыканты вскинули трубы, ожидая дирижерского знака. И тут они увидели, как из вагона вышел человек, которого с таким нетерпением ожидал праздничный город.

Надо было немедленно грянуть «Интернационал», но оркестранты, вместе с дирижером, засмотрелись, упустили момент. И разве можно было обвинять их в этом?

К Ленину подошли работницы в красных кумачовых платочках и протянули огромный яркий букет. Видно было, как Владимир Ильич развел руками, точно не решаясь взять такую громадину. Вокруг него сомкнулась толпа встречающих.

Дирижер спохватился, поспешно взмахнул рукой, и звуки «Интернационала» заглушили вокзальный шум. Оркестр играл стройно, слаженно. Пожалуй, только барабанщик старался чуть больше, чем следует, но и это не портило музыки.

Некоторое время музыканты ничего не видели сквозь тесную толпу, но вот она заколебалась, раздвинулась. С букетом в руках Ленин шел вдоль поезда. Он был без пальто, в кепке, похожий и непохожий на свои портреты.

Дирижер подал знак и трубы дружно закончили мелодию.

— Это путиловцы, Владимир Ильич! — сказал кто-то из сопровождавших Ленина.— У них своя музыкальная школа...

* * *

Путиловская школа уже имела свою недолгую, но замечательную историю. Это о ней говорили с Лениным путиловцы в ноябре семнадцатого года. Сначала они обратились в губернский отдел народного образования, который назывался сокращенно «губоно»: «Помогите открыть художественную школу, где дети рабочих будут учиться музыке, рисованию и всяким иным искусствам!»

В губоно путиловцам объяснили, что идея, конечно, прекрасная, заслуживающая всякого одобрения, но время сейчас не такое: придется обождать до лучших дней...

И тогда путиловцы пошли к Ленину.

Выслушав их, Ленин сказал, обращаясь ко всем, кто находился у него в кабинете:

— Слышите, что хотят путиловцы? Они хотят, чтобы их дети стали культурными людьми, а им доказывают, что сейчас не такое время, надо ждать... Нет, ждать не надо! Время сейчас такое, именно такое!

* * *

Так, несмотря на все тяготы тогдашней питерской жизни, была создана первая в Советской стране рабочая художественная школа. И сейчас, в июле двадцатого года, собственный оркестр этой школы встречал Владимира Ильича.

Проходя мимо оркестра, он чуть задержался, протянул дирижеру свой тяжелый пышный букет и

широко провел рукой, как бы желая сказать: «Это на всех».

Он спешил. Его всюду ждали: и в Смольном, и в Таврическом, и на Марсовом поле, и на Дворцовой площади.

Приветственно помахав оркестру, Владимир Ильич пошел дальше, а вслед ему катились волны веселого, громкого марша.

«ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ»

Площадь перед Смольным кипит, волнуется, ждет. Все уже знают, что Ленин приехал, что он сейчас в актовом зале вместе с делегатами. Отсюда конгресс перейдет в Таврический дворец, где откроется его первое заседание.

А с боковых улиц вступают на площадь всё новые и новые колонны. Распорядители, с широкими красными лентами через плечо, указывают, где встать, чтобы остался свободным широкий проход. Нестройно пробуют голоса трубы оркестров. Кажется, что сам воздух празднично звенит.

Небо над площадью вдруг темнеет, все смотрят вверх — что там? В Питере случаются такие оказии: только что просвечивал бирюзой небесный купол — и вот уже всё охвачено серыми лохматыми тучами.

Так и сейчас. Грозно насупились небеса. Лишь одно окошечко голубеет в них минуту, другую; в него сунулся лучик, как робкий проситель, но окошечко захлопнулось. На землю упали первые капли дождя. Что ж, если покапает и пройдет, это даже неплохо, но если всерьез...

И, словно понимая, что такой день бывает один раз в жизни и его нельзя омрачать, тучи убираются так же быстро, как и появились. Снова победно светит июльское солнце.

Много было волнующе-незабываемого в этот день, но почему-то у всех, кто был тогда на площади перед

Смольным, остался в памяти этот короткий июльский дождь. О нем писали в газетах, вспоминали много лет спустя...

Неожиданно, разом заставив всех повернуться, у ступеней Смольного зазвучали трубы, и музыка, точно пламя, стала перекидываться от оркестра к оркестру. Глаза еще ничего не различают в отсветах красных полотнищ, в трепетании солнечных бликов, потом становится видно, как проходят люди сквозь первую арку. Резко выделяются халаты необычайных расцветок, снежно-белые чалмы, бурнусы.

И где-то среди этой расточительно пестрой толпы идет невысокий человек в скромном костюме, в кепке, с красным бантом в петлице. Тысячи жадных, восторженных взглядов скрещиваются на нем, дождем сыплются гвоздички. Одна из них повисает у Ленина на плече. Он бережно снимает ее, несет в руке.

На всем пути от Смольного до Таврического рядами стоят школьники, красноармейцы, краснофлотцы, а за ними теснится народ Петрограда. Шумные приветствия заглушают музыку оркестров.

Ленин идет по этому живому коридору, улыбочиво щурясь, разговаривая на ходу, пожимая десятки рук, а кругом него возникают всё новые и новые спутники. В этом же кругу шагает и Джон Рид с блокнотом и карандашом в руках...

В литературном наследии Рида сохранился этот блокнот с мгновенными записями того июльского дня:

«...Ленин. Очень разный и в то же время всегда именно он... Разговаривает с Кабакчиевым, глубокое уважение... Быстрые движения, не суетлив: быстрота создается экономной точностью жеста... Весь обращен ко всем, всем, всем... Удивительные глаза: добродушно-лукавые, прежде всего умные, на солнце кажутся золотыми... Когда он говорит, он действует...»

Шествие двигается по улице Воинова, которая тогда называлась Шпалерной. Осенью семнадцатого года Вла-

дими́р Ильи́ч шел по ней в Смольный из своего последнего подполья — в парике, с повязанной щекой. Сейчас он оживленно разговаривает с окружающими, ласково поглядывая на сестру свою Марию Ильиничну, идущую рядом с Горьким.

За оградой, у подъезда Таврического дворца, стоит плотная толпа. Тут и питерцы, и делегаты конгресса, школьницы, школьники. Немного в сторонке пристроился с киноаппаратом Эдуард Тиссе — тот, что позже вместе с Эйзенштейном создаст знаменитый фильм «Потемкин».

Сейчас Тиссе очень обеспокоен. В прошлом году он уже снимал Ленина в Москве. Тогда на Красной площади с трибуны-грузовика Владимир Ильич негромко, но отчетливо сказал кинооператору:

— Вы, товарищ, не меня снимайте, а вот их, вооруженных рабочих. Это гораздо важнее...

И сегодня предстоит нелегкая задача: оставаться, по возможности, незаметным.

Те, что ждут Ленина у подъезда Таврического дворца, тоже озабочены: как-то получится с приветствием? Известно, что Владимир Ильич всего этого не любит.

Кто-то придумывает «военную хитрость». Приветственные слова скажет вот эта золотоволосая девочка, она же вручит и букет. Все знают, как любит детей Владимир Ильич.

Едва успевает составиться этот «план действий», как на аллее, ведущей к дворцу, показывается Ленин с группой делегатов. Подойдя ближе, он задерживает шаг. Опять, наверное, придумали что-нибудь высокопарное.

И в эту минуту к нему подходит девочка с букетом.

— Как? Опять букет?! — восклицает Владимир Ильич, но глаза у него сразу смягчаются при взгляде на золотоволосую девочку.

Она говорит чуть дрожащим голосом:

— Товарищ Ленин... примите наш петроградский привет... от школ и детских домов...

Владимир Ильич бережно берет протянутый букет. «Военная хитрость» удалась как нельзя лучше. И у Тиссе дело в полном порядке. Он даже продвинулся ближе и беспрепятственно вертит ручку аппарата.

Навсегда остались эти кадры. Улыбающийся Ленин с букетом роз. Товарищ, стоявший рядом, хочет ему откозырять. Ленин отводит его руку вниз — не надо, для чего?! Шутливо отмахивается от приветствий.

А вокруг — радостные лица, щедрый июльский день.

ВЕРШИНА ДНЯ

В бумагах Ленина осталась незаконченная и неозаглавленная статья. В ней имеются такие строки:

«Тяжелый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца... вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света...»

И тут же, рядом, упоминается Смольный, где кипит «живая, настоящая, советская работа».

Строки эти относятся к пятому января восемнадцатого года, когда в Таврическом дворце первый и последний раз заседало так называемое Учредительное собрание, на котором присутствовал Ленин.

С той поры все изменилось в этом дворце, ставшем собратом Смольного. В нем заседает Петроградский Совет, созываются митинги, собрания.

А сегодня здесь открывается Второй конгресс Коминтерна.

О Первом конгрессе Ленин сказал, что на нем было водружено лишь знамя Коминтерна. И вот спустя пятнадцать месяцев под этим знаменем уже сошлись тысячи и тысячи революционных бойцов.

В зале Таврического дворца заняли места делегации из сорока стран Старого и Нового Света. И этому залу довелось услышать такие овации, каких здесь еще никогда не бывало.

Первая овация разразилась как буря, когда Ленин устремился по центральному проходу в президиум.

Вторая грянула с новой силой через несколько минут, когда Ленин неожиданно спустился по ступеням президиума и подошел к пожилому седобородому человеку. Это был Шелгунов, старый большевик, друг Владимира Ильича.

Они обнялись, и весь зал от души аплодировал этому искреннему проявлению дружеских чувств.

Третью овацию — самую пламенную — Владимиру Ильичу пришлось испытать, когда председатель объявил, что слово имеет товарищ Ленин. Сотни людей поднялись с мест, приветствуя великого коммуниста, чье имя стало легендой уже при жизни.

Не было такого уголка на планете, куда не дошло бы оно — ясное, звонкое, одинаково звучащее на всех языках.

Его давали детям Италии и Аргентины, Индии и Египта.

Его писали на стенах казарм и тюрем, где томились борцы за свободу, даже на дверях Ватикана. Полиция смывала его, но оно появлялось снова.

И то, что этот сказочный человек, признанный вождь трудового человечества, был так прост, скромен и сердечен, делало овацию еще громче и восторженнее.

Она ширится, вырастает, гремит орудийными залпами.

Докладчик вопросительно смотрит на председателя, вынимает часы, выразительно показывает их залу, снова поворачивается к президиуму, как бы желая сказать: «Примите же какие-нибудь меры!»

Стенографистки получили непредвиденный отдых. Можно не торопясь записывать в отчете:

«Шумная овация. Весь зал встает. Оратор пытается говорить, но аплодисменты и возгласы на всех языках продолжают. Овация длится долго».

Невозможно остановить этот мощный поток, пока он сам себя не исчерпает. Наконец такой момент наступает, и докладчик может начать говорить.

Он говорит, почти не заглядывая в свои записки. Шутка, ирония часто вплетаются в его речь.

Вот он сообщает слушателям, что в Англии вышла книга, где перечислены государства, торжественно обещающие завоевать Москву и Петроград. Английское правительство отпускало им кругленькие суммы на это мероприятие, а теперь горестно подсчитывает свои неоправдавшиеся расходы...

Зал грохочет смехом. Что и говорить, Советы имеют право посмеяться над незадачливыми буржуазными политиками!

В середине доклада в левой части зала вдруг что-то взрывается.

Все вскакивают. Бомба? Покушение?

Ленин останавливается на полупhrазе, спокойно ждет, пока выяснят, что произошло. Оказывается, один из кинооператоров уронил большую электролампу. Зал успокаивается, и докладчик продолжает с того же слова, на котором остановился.

Только в самом конце доклада, когда Ленин произносит слова о неизбежной победе многомиллионных трудовых масс, у него прорывается широкий призывный жест. Он высоко поднимает руки, голос звучит громко, торжественно.

Снова могучая овация, точно лавина срывается с высокой горы. Но теперь у докладчика есть возможность покинуть трибуну, доклад закончен.

Ленин быстро усаживается где-то в задних рядах президиума.

Председатель объявляет перерыв.

Доклад Ленина на Втором конгрессе Коминтерна был огромен по охвату.

Это — и обзор международной обстановки, и критика ошибок молодых компартий, и опыт Октябрьской революции, и то, что достигнуто в мировом коммунистическом движении, и его задачи на будущее.

И сейчас, когда перечитываешь этот доклад, кажется

невероятным, что выступление Ленина продолжалось всего один час.

Постоянно требуя от окружающих, чтобы они учились кратко и точно выражать свои мысли, Ленин и на этот раз дал изумительный урок, уложив в шестьдесят минут доклад всемирного значения.

АЛЬБОМ В КОЖАНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Этот альбом хранится как драгоценная реликвия. На обложке надпись: «Делегаты конгресса о товарище Ленине. 19 июля 1920 года».

Кто первый подал мысль о нем? Или она пришла в голову многим?

Это осталось неизвестным. Лишь одно бесспорно: такой документ не мог не появиться, он должен был появиться!

Слишком яркими и волнующими были впечатления этого дня, встреча с человеком, который был его блистающей вершиной, чтобы не вспыхнуло неодолимое желание тут же, не медля, сказать, написать хоть несколько слов...

Так возник этот альбом, где запечатлены взволнованные голоса участников конгресса.

На его страницах — латинские буквы, китайские и японские иероглифы, арабская вязь.

Здесь есть короткие записи, похожие на изречения.

Есть слова о том, что запало в душу сегодня. Есть размышления о будущем, которое открывает Ленин народам мира.

Есть попытки выразить чувство в стихах и четкие словесные рисунки, изображающие Ленина — человека и вождя.

На первом листе альбома — слова Джона Рида:

«Ленин — такой простой, такой гуманный и в то же время такой дальновидный. Ленин — локомотив истории».

Ирландский делегат пишет о том, что пережил совсем недавно: *«Я нагнал Ленина и прошел вместе с ним от Смольного до Таврического дворца. Этот обладающий величайшей властью коммунист оказался исключительно сердечным и симпатичным товарищем, какого только можно представить!»*

Кратки, точно телеграмма, слова англичанина:

«Ленин далеко смотрит. Знает, что требует и как этого добиться».

Французские делегаты свидетельствуют:

«Произнесение его имени на собраниях вызывает восторженные крики «браво». Да, Ленин символизирует революцию, и этим объясняется тот факт, что даже те, которые знают его только по имени, всей душой любят его и восхищаются им...»

Клятвой звучат слова чешских делегатов:

«Через все препятствия, в борьбе не на жизнь, а на смерть — за Лениным!»

Замечательные штрихи к ленинскому портрету добавляет делегат из Шотландии:

«...Ленин — человек, которого в настоящее время больше всего любят и больше всего ненавидят на всем земном шаре. То, что его ненавидят капиталисты всех стран, — это естественно. То, что он достоин любви, ясно для всех, кто его видел...»

Фотографии не дают правильного представления о нем. Они не могут передать доброту, которая светится в его глазах, они не могут отразить его богатейшее чувство юмора. Поистине удивительно, что человек, вся жизнь которого прошла в борьбе, смог сохранить способность так ценить хорошую шутку или остроумный ответ... Да, рабочий класс может считать себя счастливым, что его глав-

ным вождем является столь великий и столь гуманный человек. Мы чтим, мы любим его. Как говорят шотландцы: «Пусть долго дымится труба его дома!»

В ленинском докладе не раз упомянуты народы, которым еще предстоит сбросить гнет колонизаторов.

Далеким, таинственным был тогда для нас Восток, но и его посланцы были участниками конгресса, и вот их мысли в альбоме:

«Сильный человек, который пробудил новые надежды также и в сердцах народов Востока и жизнь которого — осуществление на практике изречения: «Смелый, потому что справедливый».

«Ленин — самый благородный представитель человечества! Возвышенные идеалы он бесстрашно претворяет в жизнь. Деяния его чисты».

Сказали свои слова и советские делегаты:

«Ильич — тот революционер, о котором так горячо и убедительно писал незабвенный Чернышевский: «Не тот революционер, который работает только до совершения революции, а потом поживает на лаврах, а тот, который после революции не знает ни отдыха, ни сроку». Сметая с пути весь отживший свой век старый хлам, Ильич трудится над созданием нового, светлого и общечеловеческого».

И, точно собрав воедино то, что думают о Ленине миллионы, что они желают ему, написал рабочий-бакинец, присутствовавший на конгрессе:

Слух о тебе слышен далеко,
Но сегодня мы тебя близко узнали...

Бедные люди во всем мире
Начали следовать твоему слову...

Живи, наш Ленин, так,
Как желает тебе наше сердце!

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА

Ровно за месяц до открытия Второго конгресса Петроград отметил одно событие, которое не имело такого планетарного размаха, как конгресс Коминтерна, но значение его было очень велико.

Впервые в истории открылись дома отдыха для рабочих. Приглашение на это торжество было послано Владимиру Ильичу, и никто не сомневался, что Председатель Совнаркома откликнется на него при малейшей возможности.

Открытие первых домов отдыха состоялось двадцатого июня на Каменном острове. Петроградские газеты на самых видных местах печатали программу празднества:

«Митинг на открытом воздухе.

Театральное зрелище «Блокада Советской России» с участием артистов драмы, комедии, балета и красноармейских частей. Выступление хора.

Состязание в гребном спорте.

Играют флотский и военный оркестры.

Вход свободный для всех».

И в самом конце — добавление, которое сразу переносит нас в двадцатый год:

«Обратный проезд обеспечен на паровозах и пароходиках по Неве...»

Ленин не смог из Москвы приехать тогда на этот замечательный праздник. Но теперь он все же выкроил

время из своего неимоверно уплотненного дня, чтобы посетить первые дома отдыха рабочих.

Еще задолго до Октября Владимир Ильич мечтал о таких домах. Даже в подполье, скрываясь у сестрорецкого рабочего Емельянова, он говорил: «Когда возьмем власть, обязательно устроим дома́, где будут отдыхать те, кто трудится».

И вот «жемчужное ожерелье Северной Пальмиры», как именовали знаменитые петербургские Острова дореволюционные справочники, стало таким местом отдыха. В великолепных особняках и дворцах, которые строила для себя придворная знать, банкиры и фабриканты, поселились питерские рабочие и работницы.

Среди спутников Ленина был товарищ Анцелович, председатель Петроградского Совета профессиональных союзов. Ленин попросил его возглавить их группу — тем более, что профсоюзы являются хозяевами этого острова отдыха. Анцеловича знали многие из отдыхающих, и группу, в которой затерялась скромная фигура Ленина, принимали за одну из профсоюзных комиссий, которые бывали здесь не раз.

Так были осмотрены ближайшие дома.

Вот особняк, который отстроил себе бывший «резиновый король» Недшеллер — один из владельцев фабрики «Треугольник». В семнадцатом году «резиновый король» удрал за границу, фабрика стала называться «Красный треугольник», а среди отдыхающих на бывшей вилле «короля» немало рабочих и работниц этой фабрики...

В гостиной девушка в ситцевом платье тихонечко подбирает на рояле по слуху какой-то мотив. Несколько пожилых рабочих дремлют с газетами в креслах-качалках.

На расчищенной площадке сражаются в городки. Слышны азартные выкрики: «Эх ты, мазила!»

Владимир Ильич — сам большой любитель этой игры. Очень интересно понаблюдать за играющими, но хочется успеть осмотреть еще несколько домов, и «профсоюзная комиссия» отправляется дальше.

Еще недавно все эти роскошные дворцы и дачи были в запущенном, нежилом состоянии. Пустовавшие в первые годы революции, они подвергались разрушению.

Но у новых хозяев этих домов есть в руках уже проверенное и испытанное средство, о котором один иностранный журналист писал так:

«Какой маховик труда — эти ваши удивительные субботники!»

Новые хозяева восстановили разрушенное, привели в порядок пустовавшие дворцы и дачи. Всюду прибрано, подметено, окрашено, отремонтировано. Ухожены клумбы, благоухают цветы. В стеклянных садовых шарах отражается голубой и зеленый мир Каменного острова.

В одном из домов «комиссия» заглянула на кухню. Ленин с интересом читал меню. «Решающее» блюдо в нем, разумеется, крупа. Но она представлена в самых разнообразных формах: пшениные биточки, овсяный пудинг, перловая запеканка и даже манные пирожные.

Владимиру Ильичу шепнули, что здешний главный повар работал до революции у графа, бывшего владельца особняка, мог уехать с ним в Париж, но отказался. Видно было, что Владимир Ильич доволен и поступком бывшего графского повара, и тем, что скудный пищевой рацион подают здесь как можно привлекательнее.

Главный повар охотно рассказывал:

— Трудно с продуктами, но стараемся. Сегодня так изловчишься, завтра этак. Супец варим с солонинкой, с крупкой, и больше ничего нет. А если сочинить какую-нибудь приправу, то другой и цвет, и вкус. Из солонины делаем котлеты с подливкой. Едят — похваляют, не хвастаюсь!

...Алексей Максимович Горький рассказывал, что у него вышел однажды с Лениным такой разговор:

«...Как-то в Москве прихожу к нему, спрашивает:

— Обедали?

— Да.

— Не сочиняете?

— Свидетели есть — обедал в кремлевской столовой.

— Я слышал — скверно готовят там?

— Не скверно, а могли бы лучше!

Он тотчас же допросил: почему плохо, может ли быть лучше? И начал сердито ворчать: «Что же они там умелого повара не могут найти... Я знаю, что продуктов мало и плохи они — тут нужен искусный повар». И процитировал рассуждения какого-то гигиениста о роли вкусных приправ в процессе питания и пищеварения. Я спросил:

— Как же это вы успеваете думать о таких вещах?

Он тоже спросил:

— О рациональном питании?

И тоном своих слов дал мне понять, что мой вопрос неуместен».

Да, для Ленина не было неуместных вопросов, когда речь шла о здоровье тех, кто трудится. Он успевал думать обо всем...

Уходя, Владимир Ильич сказал главному повару:

— Вы и других обучайте, делитесь своим умением!

— А тут все мои ученики, — не без гордости ответил повар...

По дороге в библиотеку Ленин говорил спутникам:

— Если к делу прикладываются руки, а к рукам еще и ум — всегда можно ожидать дельного результата.

В библиотеке он молча какими-то особенно бережными движениями перебирал книги — вечные спутники его жизни.

Книг было много, в комнатах лежали еще не разобранные пачки.

— Интересно, какие книги больше спрашивают?

— Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, — отвечает библиотекарьша.

Владимир Ильич доволен. Особенно понравилось ему, что в домах отдыха постоянно устраиваются громкие читки: есть люди, еще непривычные к книге, есть и просто не умеющие читать.

После библиотеки пошли к лодочной станции. Жара начинала спадать, с Невы потянуло прохладой. Всегда серо-свинцовая, она точно повеселела, отражая безупречную голубизну неба.

Десятки лодок скользили по ней. Расправив легкие паруса, медленно уплывали в залив яхты.

Владимир Ильич присел на прогретые солнцем сходи. Спутники расположились здесь же. Почти неслышно плескалась вода у берега, поскрипывала пристань.

Но конечно, не мог Владимир Ильич так долго оставаться неузнанным. К пристани потянулся народ.

Еще здравствуют поныне несколько человек, которые отдыхали тогда на Каменном острове. Память их до мелочей сохранила эту неожиданную радостную встречу.

«Видно было,— вспоминают они,— что Ленин ничуть не огорчился тем, что его «открыли». Сразу же завязался доверительный, дружеский, откровенный разговор. Говорили о войне с Польшей, о Коминтерне и о сапогах, которые частенько «просят каши», а новые добыть нелегко.

Какой-то парень сказал, что нигде нынче не достать гармони или баяна, а ведь и это нужный предмет.

Владимир Ильич улыбнулся, ответил, что, конечно, нужный. Вот поубавится работы у тульских оружейников — Тула будет делать прославленные «тальянки» и самовары; Вязьма — пряники; Иваново-Вознесенск — ткать больше ситца и миткаля. И недалеко то время, когда русские города вернут себе былую мирную славу.

Ленин не только отвечал на вопросы, но и сам о многом спрашивал. И все сошлись на том, что как ни тяжела еще жизнь, а ясно видно движение вперед, к лучшему. Взять хотя бы эти дома, в которых отдыхает сейчас почти что тысяча рабочих и работниц.

А потом все пошли провожать Ленина к машине. Владимир Ильич с сожалением посмотрел на часы. По расписанию дня — время ехать на Марсово поле, где соберутся делегаты конгресса, чтобы почтить память погибших и возложить венок на могилы павших бойцов.

КОРОТКАЯ ОСТАНОВКА

С Каменного острова машина идет по главной магистрали Петроградской стороны — Каменноостровскому, ныне Кировскому, проспекту. После Октября у него появилось новое имя, придуманное поэтами: улица Красных Зорь. А вокруг, куда ни кинешь взгляд, — знакомые дома, знакомые улицы, очень близко знакомые.

И наверное, первый раз за весь этот напряженный, до краев переполненный день Владимир Ильич отдает несколько минут только себе — себе и Марии Ильиничне, которая сидит рядом в машине.

Он просит шофера проехать по Широкой улице. Она близко, чуть в сторону от прямого пути.

Машина довозит своих пассажиров до угла Широкой и Газовой, где высится дом необыкновенного вида, и останавливается возле него.

Две стены этого затейливого дома поставлены под острым углом и образуют как бы нос огромного океанского парохода. Балкончики-шлюпки довершают сходство. Дом так и называют: пароход.

Здесь незадолго до Февральской революции жила с дочерьми Мария Александровна, мать Владимира Ильича. Только года не дожила она до возвращения сына из эмиграции.

Сестры Ильича еще оставались в этом доме некоторое время после свержения самодержавия, сохраняя комнату матери такой, как при ее жизни.

Сюда, на Широкую улицу, которая стала потом улицей Ленина, и приехали в апреле семнадцатого года Ленин и Крупская. Здесь они и прописались после долгой разлуки с родиной.

Пришел старший дворник с домовою книгой, чтобы опросить новых жильцов. Среди вопросов, необходимых для прописки, имелся и такой: где служите и на какие средства живете?

Пришлось призадуматься.

— А как у вас пишутся те господа, которые не служат? — спросил Владимир Ильич. — Ведь таких много?

— А как же! — ответил дворник. — Которые господа почтенные и неслужащие, те живут на капитал.

— Ага, отлично. Значит, так и запишите: живет на капитал, а жена состоит при муже.

Так Владимир Ильич стал «капиталистом», и домашние немало шутили по этому поводу.

Три месяца — апрель, май, июнь — прожил он в доме на Широкой улице. Отсюда он уходил или уезжал на съезды, совещания, собрания, фабрики, заводы, в редакцию «Правды». Писал здесь статьи. Встречался с товарищами.

А в начале июля, как и при царе, пришлось уходить в подполье. Озверелые юнкера Керенского, нагрянувшие сюда, всё перетрясли и перевернули, заглядывали даже в шкафы, сундуки, чуланы, разыскивая «государственного преступника Ульянова-Ленина»...

В первые годы революции движение по Широкой улице не было особенно оживленным. Тут царила почти сельская тишина. Сквозь булыжники мостовой проросла густая ярко-зеленая трава. Дом-пароход пооблез и казался необитаемым.

Владимир Ильич и Мария Ильинична не заходили на свою квартиру. Постояли возле дома молча, потом Ленин сказал шоферу:

— Ну что ж, поехали!

МАРСОВО ПОЛЕ

После революции Марсово поле стало излюбленным местом для митингов, демонстраций и празднеств победившего народа. Здесь был воздвигнут памятник из суровых гранитных плит. Но вокруг памятника, как и раньше, оставалось безликое песчаное поле.

Первомай двадцатого года был днем его нового рождения. На Марсовом поле состоялся огромный субботник. Тысячи петроградцев пришли сюда, шумно разобрали заступы, ломы, лопаты, кирки — и зазвенела под дружными ударами кремнево-упорная земля.

Тысячи рук неустанно дробили слежавшийся вековой пласт. Грузовики привозили черную влажную землю с окраин — новый покров для площади Жертв Революции. Садовники показывали, как сажать деревья, цветы.

А в июле площадь Жертв Революции — так стали называть Марсово поле — уже была сплошным зеленым садом...

Ленин и его спутники приехали сюда немного раньше манифестации, которая выходила в это время из Таврического дворца. Старое Марсово поле Владимир Ильич знал хорошо, несколько раз выступал тут с наскоку сколоченных трибун в первые месяцы семнадцатого года.

Площади Жертв Революции он еще не видел и с интересом осматривал ее. Как прекрасно разместился этот

новый сад среди привычных глазу старых петербургских зданий!

И кажется, что давно уже растут здесь эти деревья и кусты сирени, и празднично яркие цветы на клумбах.

Народу на поле еще немного. Шеренги моряков растянулись от Троицкого моста до Инженерного замка. Немало тут людей с фотоаппаратами: допотопные «киношарманки», громоздкие ящики на треногах.

Нельзя не помянуть благодарным словом этих фотолетописцев первых советских лет. Многого не увидели бы мы без их самоотверженного труда. А сейчас, спустя десятилетия, мы видим Марсово поле двадцатого года, Ленина внутри гранитного квадрата у могил товарищей, погибших в боях за революцию.

Вот он стоит в своей характерной позе, заложив пальцы в проймы жилета, оглядывая знакомое поле, ставшее незнакомым.

Вот он идет по центральной дорожке, щурясь от солнца, кепка надвинута, пиджак расстегнут.

Художник Бродский уже давно мечтал нарисовать Ленина с натуры. Сегодня, находясь в зале конгресса, близко от трибуны, с которой говорил Ленин, художнику удалось сделать его карандашный портрет.

А сейчас появилась еще одна счастливая возможность — попросить у Владимира Ильича автограф.

— По-моему, я здесь на себя не похож, — заметил Ленин, взглянув на рисунок.

Но окружающие не согласились с такой оценкой: сходство схвачено. Портрет безусловно удачный.

Ставя свою подпись, Владимир Ильич усмехнулся:

— Первый раз в жизни подписываю то, с чем не согласен.

Величественная манифестация пришла на Марсово поле. Впереди нее делегаты конгресса несут саженный траурный венок из дубовых листьев и роз. Гремят пушечные салюты с верков Петропавловской крепости. Когда

возлагают венок, над полем рокочет траурный марш. Тысячи рук единым движением обнажают головы.

Делегаты бережно возлагают венок на братские могилы. Мгновение длится минута молчания.

А потом человеческая река с оркестрами и знаменами течет дальше, на Дворцовую площадь.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Здесь все осталось по-старому, таким же, как тогда, в ночь штурма. Угрюмые багрово-красные стены Зимнего еще хранят следы пуль. Только трибуны и флаги оживляют сегодня площадь.

Неутомимый Тиссе на посту. И, как в прошлом году, в Москве, поднимаясь по ступенькам трибуны, Ленин бросает быстрый взгляд на его «шарманку».

— Опять будете снимать?

На этот раз вопрос звучит добродушно.

— Непременно буду, Владимир Ильич,— весело отвечает Тиссе.

* * *

...О митинге на Дворцовой площади есть немало воспоминаний, но, пожалуй, самое выразительное принадлежит редактору «Роте Фане»—газеты коммунистической партии Германии.

Написанное много лет назад, оно с замечательной яркостью воскрешает тот далекий день на площади перед Зимним дворцом:

«...Вот на трибуне появился Ленин. Вся площадь задрожала от аплодисментов. Возгласы ста тысяч людей слились воедино.

Буря оваций поднялась навстречу незаметному челове-

ку, который вертел в руках свою кепку и ждал, пока утихнет эта буря любви и преданности.

Затем Ленин начал свою речь. Ясно и без всякого пафоса, без жестов приветствовал он в лице петроградских рабочих победоносную революцию.

Широкая площадь залита горячим солнцем. У ног Ленина стоят крестьяне в мужицких одеждах, пришедшие из окружающих деревень. Вся их масса — одно очарованное молчание. Все слегка запрокинули головы назад и как бы утоляют жажду, упиваются речью Ленина.

...Внезапно Ленин заканчивает свою речь. Без всякого пафоса и заключительных эффектов он исчезает среди толпы своих друзей. Толпа на площади все еще сохраняет благоговейное молчание, но вот вторично рождается буря. Руки поднимаются вверх, отдельные возгласы — «Ленин!», «Товарищ Ленин!» — мало-помалу растут и сливаются в один стотысячный голос, ритмически повторяющийся: «Ленин!», «Товарищ Ленин!».

* * *

Интернациональный митинг продолжается. Выступают венгр, англичанин, француз, индус, немец, араб.

Часовая стрелка придвинулась к десяти, но еще совсем светло. Многие делегаты впервые видят это северное чудо — белую ночь, легкие прозрачные сумерки, почти не затемняющие воздух. Только силуэт дворца и очертания статуй на нем выступают с особенной четкостью, точно обведенные тушью.

* * *

Митинг перед Зимним окончен. Делегатов конгресса ждут на другой площади. Еще недавно она именовалась Биржевой. Это наименование досталось ей от Фондовой биржи — огромного белокаменного здания, похожего на

греческий храм. Но поклонялись здесь только одному богу — злату, хрустящим денежным бумажкам, скачущим биржевым акциям.

Вместе со всей нечистью старого мира Октябрь вымел отсюда алчное племя финансовых воротил, маклеров, дельцов, спекулянтов, назвал по-другому одно из красивейших мест великого города, дал ему другое назначение.

Теперь это площадь Театров, где устраиваются народные представления, спектакли под открытым небом. А сегодня, в честь Второго конгресса Коминтерна, как известили газеты и листовки, здесь будет показана постановка «Два мира».

Для делегатов приготовлены специально выстроенные деревянные трибуны.

В небольшом отдалении высится огромный деревянный помост, за ним — высоко идущие вверх ступени лестницы во всю ширину здания. Это сцена небывалого театра, видимая со всех сторон. Под стать ей и все остальное: участников постановки — три тысячи, в оркестре — тысяча труб. Тут все настоящее, всамделишное: кони и всадники, грузовики с матросами, пушки и знамена, красногвардейцы с винтовками, рабочие с молотами.

На Неве стоят корабли Балтийского флота, и среди них — подлинная, уже тогда легендарная «Аврора».

И только царям и царицам, придворным и банкирам, министрам и генералам, духовным особам всех рангов понадобились порфиры, мантии, расшитые золотом мундиры, фраки, белые жилеты, рясы. Чтобы облачить их в соответствующие одеяния, раскрыли свои склады и запасники костюмерные и реквизитные цеха всех питерских театров.

А зрительный зал ждет.

Как же выглядит он в этом необыкновенном театре?

Он занял всю площадь, гранитные набережные, обе

стороны Невы. Четверть миллиона зрителей заполнили его...

И вот зажглись великанские глаза юпитеров, появились на белых конях глашатаи, протрубили в фанфары, возвещая начало представления.

И на помосте, на ступенях лестницы ожили события истории — далекие и близкие: борьба и гибель французских коммунаров, огненные слова Коммунистического Манифеста, пробуждение пролетарского гнева, фигуры социал-предателей, подтолкнувших мировую бойню, плачущие женщины, инвалиды войны на костылях, братание на фронте, разбитые в щепу троны...

Точно в гигантском кинематографе разворачивается действие, картина сменяет картину, все приближаясь к тем дням, которые свежи еще в памяти всех, кто смотрит сейчас «Два мира».

Гремят пушки Петропавловской крепости, мчатся грузовики, ошестиненные штыками, вздымаются алые знамена Октября. «Аврора» повторяет свой исторический выстрел.

Настоящий пороховой дым окутывает площадь и невские воды. А в небо взлетают фейерверки, рассыпаясь тысячами красных звезд. Под звуки исполинского оркестра двести пятьдесят тысяч вдохновенно поют «Интернационал».

«Все было изумительно, непередаваемо-прекрасно, — торопливо записывает потрясенный делегат из далекой Америки, — и знаменитая белая ночь, и это великолепное зрелище на берегу Невы — чудесное завершение величественного дня, который мы прожили в красном Петрограде вместе с товарищем Лениным».

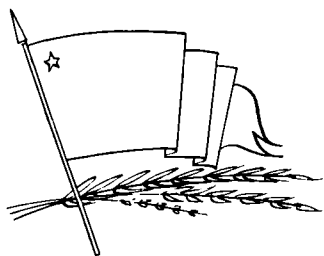
* * *

А у Ленина время уже исчерпано. Он не присутствовал на грандиозном празднике на площади Театров. Ему надо было возвращаться в Москву, поспеть на восьмича-

совой. Для делегатов формируются поезда, которые отойдут позже.

Автомобиль, где рядом с шофером сидит Председатель Совнаркома, мчится по праздничному Невскому, прямо-му, как луч прожектора.

1970 г.

Н. ПОГОДИН
ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ
КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ
ТРЕТЬЯ,
ПАТЕТИЧЕСКАЯ

Пьеса

ИЛЬИЧ ВЗВЕШИВАЕТ КАЖДОЕ СЛОВО СОБЕСЕДНИКА.

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

*Пьеса в трех действиях,
тринадцати картинах,
с финалом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Владимир Ильич Ленин
Иван Шадрин, *солдат с фронта*
Николай Чибисов, *питерский рабочий*
Надя, *жена Шадрина*
Катя, *сестра Шадрина*
Стамескин
Евтушенко
Лопухов
Первый солдат
Второй солдат
Капитан
Сибирцев Захар Захарович
Варвара Ивановна, *его жена*
Бабушка Лиза
Виталик, *сын Сибирцева*
Генерал
Кадет
Волжанин
Западник
Господин в шубе
Иностранец
Ефим
Савелий
Мисс Фиш
Старуха приживалка
Камердинер
Швейцар

} *солдаты
на фронте*

} *прислуга
в доме Сибирцева*

Шеф-повар
Официант
Швейка
Судомойка
Полотер
Истопник

} прислуга
в доме Сибирцева

Матрос Дымов
Молодой солдат
Солдат с хлебом
Солдат
Первый рабочий
Второй рабочий
Солдат у костра
Самсонов, моряк с фронта
Володя, матрос-связист
Никанор
Комиссар по топливу
Военный
Военный человек в кожаном
Бывший прапорщик, начальник Пулковского участка*
Рабочий-агитатор
Меньшевик
Студент
Связист
Красногвардеец
Матрос, сопровождающий Ленина
Капитан Карнаухов
Крестьянин
Пленный солдат Макушкин
Пожилой солдат
Солдат с нашивками
Переодетый офицер
Прислуга в доме Сибирцева,
господа в доме Сибирцева,
солдаты, матросы,
красногвардейцы,
штатские, крестьяне, рабочие,
работницы, меньшевики,
офицеры, юнкера, деятели
эсеров-меньшевистского толка,
делегаты заводов

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Русско-германский фронт мировой войны. Укрепленный окоп. Середина октября. Вечер. В окопе находятся солдаты: Иван Шадрин, Стамескин, Евтушенко, первый солдат, второй солдат.

Стамескин. Тишина... Слышите, защитники, я вам говорю — тишина.

Евтушенко. Стамескин, шо ты все гавкаешь? Скажывся бы ты... Гавкает, гавкает без толку.

Стамескин. Что вы мне ни говорите, а немец — дурак. Шлепни они сейчас по нашему флангу — и все рассыплется, как труха.

Первый солдат. Молись богу, что жив.

Стамескин. Я от бога отделился. Бог мужику не пара. Мы с ним теперь не разговариваем.

Шадрин. Ты, Стамескин, мужиком не прикидывайся. Какой ты, к черту, мужик? Мужик — который на земле живет, а ты — город, мастеровщина.

Стамескин. Это верно, Ваня, титулы у нас с тобой разные, только вши одинаковые.

Шадрин. Умная порода — мастеровые.

Замолчали. Неподвижно сидит контуженный, кутается больной.
Далеко, не переставая, звучит канонада.

Евтушенко. Хлопцы, не ругайтесь, це ж месяц молодой... побачьте. Братцы, а братцы, до чего ж я вышни

хочу... нашей вышни, шо у нас дома в саду... Ой, бог ты мой, за шо ж оця мука чоловіку? Хочь бы горсточку той вышни, тоди б вмер.

Шадрин. Бесплезно по сердцу скребешь, Евтушенко.

Первый солдат. Взирая на мучения Христа-спасителя, я незлобен есмь.

Стамескин. Твой спаситель помучился и воскрес, а я не воскресну. Солдаты не воскресают. Солдаты гниют.

Входит Лопухов.

Лопухов. Почему это вы такие унылые? С утра не воевали — соскучились?

Шадрин. Кому весело, пускай танцует.

Лопухов. Подметки жалко, а у господина Керенского* вся обувь вышла. Зима начинается, если не ошибаюсь. Стрелки, наш полк с позиций завтра снимают для особых операций в тылу. Понятно? Молчок! А про тебя, Шадрин, связисты говорили, что отпуск получишь. Ты, Ваня, у капитана в холуях не служил?

Шадрин. Кто в холуях? Я в холуях? Ты, Лопухов, меня все время на особом виду держишь. За что? Чем я виноват, что командир меня по сестре знает? Сестра моя у них в горничных служит.

Лопухов. То-то я дивлюсь: почему бы Шадрину отпуск?

Шадрин. Какой ты человек, Лопухов... Я третий год без выходу в окопах... Мои товарищи давно... царство небесное... в отпуск ходили, а я все еще тут.

Лопухов. Полк для особых операций на Питер посылают. Интересно знать, чью команду будет слушать Иван Шадрин.

Шадрин. Ничью.

Лопухов. Не выйдет, Ваня.

Шадрин. Ко двору!.. Если меня опять не пустят ко двору, я не знаю, чего наделаю.

Лопухов. Люди говорят, будто я тоже мужик, — или это брехня?

Евтушенко (*Лопухову*). Отчепись от хлопца. Шадрин — гарный чоловик. Слухай, Лопухов, газетки нема?

Лопухов. Есть.

Стамескин. «Солдатская правда»?*

Лопухов. Других не ношу. Тут есть слова Ленина, мы со связистами читали статью, да вот — смерклось.

Шадрин. Давай посвечу. У меня фонарик живет.

Стамескин. Свети.

Лопухов. Вот. (*Читает.*) «Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на энтузиазм...»

Шадрин. Это как же понимать? Нельзя солдат морить?

Стамескин. Нельзя.

Шадрин. Вот это окопы чувствуют.

Лопухов (*читает*). «Передовой класс России, революционный пролетариат, все яснее осознает преступность войны...»

Второй солдат (*со стороны*). Ребята... голос полкового.

Шадрин. Лопухов, дай мне газетку... Ты в свой взвод пойдешь, а мы дочитаем.

Лопухов. Ладно, но береги.

Шадрин спрятал газету на груди под шинелью. Все заняли свои места.

Входит капитан.

Капитан. Сидите, ребята. Последнюю ночь сидим с вами в окопах. С рассветом выходим в глубокий тыл. Я, как вы знаете, не люблю от солдат скрывать ход наших военных дел. «Язык» нам перенес, что надо ждать атаки. Атаки я сегодня не жду: у противника на нашем участке очень мало живой силы, но приготовиться надо. Как вы думаете?

Лопухов и другие. Так точно, господин капитан.

Капитан. Это вы, Лопухов? Я вас очень часто встречаю в полку, гражданин Лопухов.

Лопухов. Я в своей роте, господин капитан.

Капитан. Да, но не в своем взводе.

Лопухов. Взводы стали маленькие, господин капитан, не разберешь, где кончаются.

Капитан. Дерзкая речь не дает понятия о большом уме. Я лучше вашего знаю потери своего полка, ибо ни одного боя не провел в стороне от моих бойцов.

Лопухов. Я ведь только правду сказал, господин капитан.

Капитан. А я без вас знаю, какие у меня взводы.

Лопухов. Виноват... не буду.

Капитан (*увидел Шадрина*). А-а, Шадрин... Тебе вышел отпуск домой на побывку. Мною подписан приказ...

Шадрин. Покорнейше благодарю, господин капитан. (*Вытянулся. Под ноги ему из-под шинели упала газета, он этого не заметил, но заметил капитан.*)

Капитан. Подымай газету!

Шадрин поднял.

Дай мне.

Шадрин дает.

У кого есть фонарь? Ни у кого нет фонаря? (*Подав Шадрину фонарь.*) Зажги мой.

Шадрин зажег.

Посвети. (*Читает.*) Так... в моем полку большевистская зараза? (*Шадрину.*) Отвечать!

Шадрин. Так точно.

Капитан. А ты знаешь, что Ленин куплен немцами.

Шадрин. Не могу знать.

Капитан. Кто ты такой, Шадрин?

Шадрин. Я есть рядовой солдат доблестной русской армии.

Капитан. И ты перед лицом врага читаешь эту крамолу?

Шадрин. Так точно.

Капитан. Был тебе отпуск, Шадрин, а теперь я его отставляю.

Удар снаряда в окоп. Огонь. Тьма. Черный дым. Тишина. Обломки окопа. Из-под обломков выбирается Шадрин.

Второй солдат. Капитана убило. Наповал.
Шадрин. Ну что, отменил, господин капитан?

Канонада.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В петербургском доме миллионера Сибирцева в канун первого дня Великой пролетарской революции. Гостиная. Катя и Надя ищут кота.

Катя. Где же этот дьявол Японец? Все в доме ходуном ходит. Может, он на проспект убежал?

Надя. Тебе горя мало, а меня за этого кота старуха из дому выгонит. Он ведь кот не наш — турецкий. Ищи!

Катя. Коты, иконы... одурели все!

Входит Варвара Ивановна.

Варвара Ивановна. Катя, приведи сюда дворника.

Катя. Слушаюсь. (Уходит.)

Варвара Ивановна (Наде). Вы что здесь, милая, ходите?

Надя. Кота ищу.

Варвара Ивановна. Плохо отвечаете, милая. Вы шестой месяц в доме, пора очиститься от деревенщины. Что же вы молчите?

Надя. А я уж не знаю, что мне говорить. Мне Елизавета Никитишна приказала кота им...

Варвара Ивановна. Как вы не понимаете, это же отвратительное слово — «кот»... Что же вы молчите?

Надя. Я уж и не знаю, как их назвать. Они не кошки... Японцем их Елизавета Никитишна кличет.

Варвара Ивановна. Елизавета Никитишна — старая дура, и вы ее стоите. Дайте отдохнуть. Что же вы стоите?

Надя уходит.

Ничего не понимаю. Когда это все пройдет?

Входит Катя.

Катя. Я его сюда привела.

Варвара Ивановна. Кого?

Катя. Дворника.

Варвара Ивановна. Пусть подождет. Пойдите, Катя... Ваша эта родственница... кто она вам?

Катя. Свойственница, братнина жена.

Варвара Ивановна. Она очень глупая?

Катя. Не знаю, барыня... Незаметно было.

Варвара Ивановна. Мы ее взяли для бабушки Лизы из человеколюбия, по вашей просьбе...

Катя. Век будем вас благодарить, милая барыня.

Варвара Ивановна. Муж на фронте. Брат мой Василий тоже страдает на передовых позициях.

Катя. У них в полку и служит наш Иван... солдат Шадрин. Помните, как он по мобилизации в Гатчину прибыл и тоже по моей просьбе был взят в полк вашим братом.

Варвара Ивановна. А я это даже забыла. Вот видите сами, сколько мы сделали для вас.

Катя. Век будем благодарить.

Варвара Ивановна. Но она... эта ваша... жена вашего солдата, очень глупа. Вы не думаете?

Катя. Темновата она, правда... серая еще...

Варвара Ивановна. Вспомнила. Ведите дворника скорее.

Катя. Сию минуту. (Уходит.)

Немедленно входят Ефим и Катя.

Катя. Я свободна?

Варвара Ивановна. Да, милая.

Катя уходит.

Здравствуй, Ефим. Закрой дверь. Ты узнал, кто у Кати бывает?

Ефим. Узнал, ваше степенство.

Варвара Ивановна. Кто?

Ефим. Социал-демократ.

Варвара Ивановна. Глупо отвечаешь. Я в этом ничего не понимаю. Он висельник?

Ефим. Вполне подходит. Социал-демократ, большевик, ваше степенство.

Варвара Ивановна. Как же ты, Ефим, пускаешь к нам в дом большевика?

Ефим. Он за Катериной ухаживание имеет, ваше степенство. Ухажер он ей, хоть и большевик.

Варвара Ивановна. Ефим, тебе нужны деньги? Скажи, тебе говорил Захар Захарович: «Бери безработных полицейских»?

Ефим. Теперь, ваше степенство, шар земной из оси вышел. Полицейские, ваше степенство, его в ось вправить не смогут.

Варвара Ивановна. Ефим, ты пьян?

Ефим. Никогда, ваше степенство. Готов положить голову за своих благодетелей, но умом своим, какой бог послал, располагаю так, что теперь ни деньги, ни полицейские не помогут.

Входит Виталик.

Виталик. Мама, какой ужас! Мы не едем в балет! Сегодня дают «Дочь фараона»*, и мы не можем ехать. (Дворнику.) Слушайте, Тимофей, почему нельзя ехать?

Ефим. Я не Тимофей, а Ефим.

Виталик. Это все равно. Почему нельзя ехать, спрашиваю?

Ефим. На мостах чья власть? Неизвестно. На мостах всех перенимают. Автомобиль отнять могут, очень просто.

Варвара Ивановна. Спасибо, Ефим. Тебе я верю, ступай... но если тебе будут нужны деньги — сколько угодно, — отпущу сама.

Ефим. Соображу, ваше степенство. Растроган доверием вашим. *(Кланяется и уходит.)*

Виталик. Мама, чем вы удручены? Я понимаю — папа... В конце концов, он миллионер, ему принадлежит часть России.

Варвара Ивановна. Виталик, ты все еще мальчик.

Виталик. Мама, поймите, что революция — это болезнь. Под влиянием солнечных пятен заболевает масса людей, и они начинают делать революцию. Потом пятна на солнце исчезают, и революция проходит. Неужели вы этого не знаете? Это знает даже Керенский. Но он молчит, потому что хочет сделаться Наполеоном.

Варвара Ивановна. Но почему на нас не влияют солнечные пятна?

Виталик. Потому что мы лучше питаемся. Это же физика.

Входит бабушка Лиза, затем — Катя и Надя.

Бабушка Лиза, мы все ищем Японца. Его ищут Катя, Надя, Савелий, мисс Фиш, мой Фортунато.

Бабушка. Благодарю тебя, Витенька... Ты добрый мальчик, хотя достаточно ветреный... Не так вас воспитали, не так... *(Варваре Ивановне.)* Вы, Варенька, конечно, предпочли бы не внимать голосу отвратительной, больной, забытой старухи. Я вас понимаю, у меня тоже была свекровь, я ее тоже презирала, но что делать! Я все еще дышу, и немалая часть моего состояния сделала благополучие нашей фамилии.

Варвара Ивановна. Елизавета Никитишна...

Бабушка. Вы можете гнать мою горничную из ваших комнат, это ваше право, но преследовать моих кошек я не позволю, как хотите...

Варвара Ивановна. Это несправедливо, Елизавета Никитишна... я тоже ищу его... этого Японца.

Бабушка. Так что же вы стоите, Катя, Надя? Его нет с утра. Обыщите весь дом.

Виталик. А я прикажу дворникам обыскать двор.

Все, кроме Кати и Нади, уходят.

Катя. Тут он сидит, проклятый. Тут где-то мыши скреблись. Он мышей под мебелью караулит.

Надя. Опять я Ивана во сне видела. И знаешь как? Будто он у нас в деревне. Домой под окна наши пришел... милостыню просит. Я хочу с ним заговорить, а он немой.

Катя. Кота ищи.

Надя (*громко, нараспев*). Кис... кис... кис... Ох и вредный этот кот! А старуху до ужаста не любит. Как за-видит ее, так хвост чубуком — и вон. Ох и вредная эта старуха!

Катя. Тебе все вредные! Поаккуратнее себя вести надо. Барыня тобой недовольна.

Надя. Барыня большевиков стала бояться. Теперь она на всех нападает. А на улицах, говорят, стреляют. Судомойки на угол бегали, матросов видели... Твой женишок, поди, теперь тоже стрелять пошел.

Катя. Не сватай... Где же он сидит? Ищи, ради Христа.

Надя. Ищу... Все я вижу, не слепая, только не ко времени это...

Катя. Что?

Надя. Любовь ваша.

Катя. Какая любовь?.. Бредишь ты... (*Нашла кота.*) Вот он. Беги за салфеткой... Без салфетки его подавать нельзя.

Надя. Сей минут. (*Уходит.*)

Катя. Любовь... Видит... Пускай. Теперь и он, наверное, пошел стрелять. Хоть бы зашел на минутку!

Входит Виталик.

Виталик. Нашли!.. Катя, отдайте мне Японца и скажите, что я нашел. Так надо, Катя. Бабушка скоро умрет. Вы ничего не понимаете?

К а т я. Все понимаю... Подождите, покрывало ему дадут.

Входит На д я.

На д я. Ну, слава богу, Елизавета Никитишна сюда идут.

Входят Варвара Ивановна и бабушка.

В и т а л и к (*Кате и Наде*). Скажите бабушке, кто нашел Японца. Это я нашел Японца! Он оказался на балконе второго этажа и плакал слезами... (*Почтительно передает бабушке kota.*) Он до сих пор всхлипывает...

Бабушка. Спасибо тебе, Витенька... Дай, поцелую. (*Целует в лоб.*)

Входит молодой, блестящий генерал. На д я уходит.

Генерал. Прошу извинить меня за самовольное вторжение. (*Здоровается, как свой человек, с бабушкой и Варварой Ивановной.*) Ужасный день! С городских окраин двинулась вооруженная чернь, солдаты перестали повиноваться своим начальникам, преступная рука направляет удар бунтующих толп в самое сердце государственного организма.

Бабушка. Ересь...

Генерал. Господа, я же вам говорю, большевики выступили.

Бабушка. Не так резко, ваше превосходительство. Здесь солдат нет, кричать не следует.

Генерал. Елизавета Никитишна, мои солдаты ищут меня для расправы. Петроград находится в состоянии безумия. На улице вышел великий русский хам.

Бабушка. Слушать не хочу! Ересь! Правительство вызовет казаков — и все разбегутся...

Генерал. Но мы не знаем, есть ли у нас теперь правительство.

Бабушка. Скажите лучше, что вы перепугались каких-то хулиганов. У нас, на Урале, были беспорядки, мы вызвали казаков, и они всех разогнали по домам. Стыдно,

очень стыдно, сударь, мне, старухе, говорить такие вещи генералам.

Генерал. Елизавета Никитишна, теперь не то время...

Бабушка. Конечно, если вы будете прятаться, они, чего доброго, пойдут бить стекла...

Генерал. Если бы стекла...

Бабушка. А что же, вы думаете, еще? Они придут к нам в дом?

Генерал. Нет, конечно, до этого никогда не дойдет... дело не в этом... Извините меня, Елизавета Никитишна, я вызван по телефону Захаром Захаровичем.

Бабушка. Вот и хорошо. Ваше мужское дело заниматься политикой, а мне мой Японец дороже всей вашей ереси.

Генерал уходит, бабушка уходит в другие двери.

Варвара Ивановна (*Кате*). Захар Захарович у себя?

Катя. Они в кабинете. (*Уходит.*)

Варвара Ивановна. Стреляют... опять стали стрелять...

Входит Надя.

Господи, помоги нам, грешным рабам твоим, помоги, господи, и защити детей моих от скорби и печали... Кто здесь? Ах, это опять вы, милая... Подойдите сюда... Что это, стреляют под окнами у нас? Спустите шторы.

Виталик. Мама, не волнуйся. Папа идет сюда, он получил известие с фронта.

Входит Захар Захарович.

Захар Захарович. Варя, пойдём поговорим.

Варвара Ивановна. Что такое?.. Захар, что у нас случилось?

Захар Захарович. С фронта приехал друг твоего брата... он все знает.

Варвара Ивановна. Что он знает? Василий?! Убит?

Захар Захарович. Десять дней тому назад пал смертью героя.

Варвара Ивановна плачет. Входит Катя.

Надя (*бросается на колени*). Барин, милый, вы извещены... Мой муж, Иван Шадрин, в полку ихнем воевал... Про Ивана Шадрина вам не прописали?

Захар Захарович. Катя, кто это? Уберите ее... Что это такое?

Катя (*Наде*). Ой, уйди ты... Извините, барин, она так... Она ничего. Надежда, что ты, ополоумела? Разве можно?

Входит генерал.

Генерал. Штаб не отвечает. Керенского нет нигде.

Захар Захарович. Что это будет так, я знал еще вчера, но что будет завтра — я не знаю.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Парадный ход питерского особняка, какие строились миллионерами, и ворота во двор. У ворот стоит Шадрин. За решеткой ворот — дворник Ефим.

Шадрин. Господин дворник, вы же меня видели здесь у сестренки. Я брат Катерины. Иван Шадрин... Я с фронта пришел по законному отпуску. Скажите Катерине, а я уж вас бы отблагодарил.

Ефим. Глупый ты солдат. Ему толкуют — с утра приходи, а он свое. Ежели у тебя на хлеб у самого нету, я тебе займу, только отчаливай, ради бога!

Шадрин. Почему с утра можно, а сейчас нельзя?

Ефим. Потому что утро вечера мудренее. Ну, прощай, милый, не стучи больше, пожалуйста.

Шадрин. Слушаюсь.

Ефим скрылся.

Куда же теперь направиться? На базар бы сходить?.. Пожалуй, поздно. И чайных у них тут не видно... Глухой какой-то город. (*Осматривает дом.*) Неужто спать легли? Кажись, стреляют где-то за речкой... Вот беда! Ведь так на улице изморозишься до утра. (*Сумрачно стоит, опершись на винтовку.*)

Входит красногвардеец Николай Чибисов. Смотрит на Шадрин подозрительно.

Чибисов. Ты чего тут стоишь?

Шадрин. Так.

Чибисов. Так ничего не бывает. Часовой, что ли?

Шадрин. Нет, я посторонний.

Чибисов. Посторонних теперь не бывает. Говори, почему ты здесь находишься?

Шадрин. Потому что у тебя не спросился, где мне находиться.

Чибисов. Плохо сделал.

Шадрин. Авось не потужу.

Чибисов. Это видно. Ты не из робких.

Шадрин. Не гладь, не дамся!

Чибисов. Вижу, наш.

Шадрин. Чей это?

Чибисов. А ты чей?

Шадрин. Сам себе родня.

Чибисов. А мне?

Шадрин. Характерами не сойдемся.

Чибисов. Потарахтели, хватит. Откуда, солдат?

Шадрин. С фронта... окопный... По отпуску.

Чибисов. Чего же ты тут скучаешь?

Шадрин. Здесь сестренка у господ в прислугах живет... прибыл к ней, на ночь не пускают...

Чибисов. А ты с неба, случайно, не упал?

Шадрин. Меня на небо старались отослать, не дался.

Чибисов. Это так... А ты слышал, что теперь власть наша?

Шадрин. К чему-нибудь такому я винтовку никому не дал. Солдата с ружьем тоже понимать надо.

Чибисов. А еще что-нибудь такое ты слышал?

Шадрин. Всего пока не разберешь.

Чибисов. Попроси дядю, расскажет.

Шадрин. Не тебя ли?

Чибисов. А почему? Пишу, читаю.

Шадрин. Я тоже по-малому обхожусь.

Чибисов. Ну вот, я да ты да мы с тобой весь мир завоюем.

Шадрин. Завоевал один такой.

Чибисов. Нам, кроме цепей, терять нечего.

Шадрин. Это, пожалуй, правда. Но, черт тебя знает, чего ты ко мне привязался? Закурить бы дал. Оно веселей брехать будет.

Чибисов. Извини. *(Подает папиросы.)* А как твою сестру зовут?

Шадрин. Вот ты куда!

Чибисов. Зря, солдат, я по делу спрашиваю.

Шадрин. Ладно. Сестру зовут Катерина.

Чибисов. Вот это так.

Шадрин. А что?

Чибисов. Выходит, мы с тобой давно знакомы.

Шадрин. Лей, да не через край.

Чибисов. Увидишь.

Шадрин. Интересный ты человек, а ведь не пьяный.

Чибисов. Ты чего тут околачиваешься?

Шадрин *(с раздражением)*. Говорю же тебе, к сестренке я... деньжонок занять на коровенку... год, как скотина пала, шестой месяц письма перестали... жива ли там жена дома, не знаю.

Чибисов. «Деньжонок на коровенку»... Лапоть!

Шадрин. Ты меня не конфузь... «Лапоть»... Ты меня еще не знаешь!

Чибисов. Какая теперь коровенка... дура!

Шадрин. А я тебе говорю, ты меня не конфузь, я тебе не родственник.

Чиби́сов. А я у тебя спрашиваю: какого черта ты тут огинаешься, как нищий?

Ша́дрин. Не твое дело.

Чиби́сов. Нет, мое.

Ша́дрин. Нет, не твое! И отвязжись от меня, если так.

Пауза.

Чиби́сов. Иван Ша́дрин, если не ошибаюсь?

Ша́дрин. Ишь ты... знает ведь... А ты кто?

Чиби́сов. Николай Чиби́сов.

Ша́дрин. Слушай, Николай Чиби́сов, чего тебе надо?

Чиби́сов. Пойдем со мной.

Ша́дрин. Куда идти-то?

Чиби́сов. Недалеко. Сюда вот. *(Указывает на парадное.)*

Ша́дрин. Ты, бывает, не очумел?

Чиби́сов. Боишься, что ли?

Ша́дрин. Ты всерьез?

Чиби́сов. Кстати, и сестренку увидишь.

Ша́дрин. Да нет...

Чиби́сов *(подводит его к двери)*. Не «нет», а «да». Звони, солдат, приучайся.

Ша́дрин. Ох, попадешь с вами в переплет.

Чиби́сов. С нами? Обязательно попадешь. Кнопку хорошо нажал?

Ша́дрин. Нажал.

Чиби́сов. Ну как?

Ша́дрин. Мне что? Ты отвечать будешь.

Чиби́сов. Ладно, отвечу.

Дверь приоткрылась.

Узнаешь, Савельич, знакомого?

Человек в дверях. Узнаю, но не велено.

Чиби́сов. Теперь это силы не имеет. Я с приказом от ревкома пришел... Снимай цепочку... Не беспокойся, тебе отвечать не придется...

Дверь открыли.

Вот это правильно. Иди вперед, товарищ Шадрин. Ноги вытри. Правильно. Вот видишь, как у нас хорошо выходит.

За ними закрылась парадная дверь.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Деловой кабинет хозяина в доме Сибирцева. Здесь находятся представители различных категорий капиталистического мира: промышленник с Волги — волжанин, капиталист западного стиля — западник и один из руководителей кадетской партии — кадет.

К а д е т (ч и т а е т). «ЦК партии народной свободы призывает не признавать власти насильников. Законная и преемственная власть, созданная революцией, должна быть восстановлена. Мы приветствуем все учреждения и организации, объединяющиеся в борьбе против большевистского захвата, и призываем членов партии всеми силами содействовать этой борьбе». (Волжанину.) Вам не нравится? Исправьте, пожалуйста.

В о л ж а н и н. Я, кроме телеграмм, никогда ничего не писал и писать не стану. Какая партия? Не ясно. Кадетская, что ли?

К а д е т. Я полагал, что вы являетесь нашим соратником.

В о л ж а н и н. Напротив, сударь, напротив. Всем партиям и союзам предпочитаю союз честных людей.

К а д е т. Вы хотите сказать — «Союз русского народа»? * Монархистов?

В о л ж а н и н. Царю не молимся, бога тоже не жалею, а насчет русского народа могу сказать лишь, что хуже, глупее, вороватее и отвратительнее нет другого народа на земле, хоть сам прихожусь земляком этому народу.

З а п а д н и к. Надо скорее печатать это воззвание, пока большевики не закрыли наших газет. Если Захар Захарович прочел, то обращение следует разослать телеграфом по всей России.

Кадет. Мы отправим также послам великих держав. (Уходит.)

Волжанин. И вы, друг мой, с вашим умом и образованностью, всерьез принимаете власть Смольного? Как это они прикроют наши газеты? А если их просто по шее?

Западник. Кто? Я, вы, Захар Сибирцев, Рябушинский* пойдет и даст по шее? У нас нет штыков, а вы это забываете.

Входит господин в шубе с бумагами в руках, за ним следуют
трое подобных ему господ.

Господин в шубе. Мое почтение, господа, мы с потрясающими новостями. Слушайте, это точно, это сущая правда. Керенский взял Гатчину и находится на пути к Царскому Селу.

Волжанин. Вот они, штыки.

Господин в шубе. Генерал Краснов* пишет в своем первом приказе (читает): «Временное правительство не свергнуто, но насильно удалено из своего помещения и собируется превеликой армией с фронта».

Волжанин. Прошу повторить эти исторические слова. Армия войдет в Питер, и конец этой музыке.

Западник (иронически). А известно ли вам, что в июльские дни в Питер также были введены войска?*

Волжанин. Вошли и разгромили гнездо большевиков во дворце Кшесинской*.

Западник. Совершенно точно, разгромили, а солдаты в этом дворце прочли большевистские газеты и потом, дорогой Борис Никитич, эти же самые солдаты устроили нам революцию и разгромили тех, кто их признал. В Питер солдат пускать нельзя. Это отравленный город. Весь кошмар идет из Питера.

Волжанин. Вот идет хозяин. Захар должен знать настоящее дело. У меня без привычки в такой кутерьме да еще на голодный желудок, натурально, трещит голова.

Входят Захар Захарович и еще несколько лиц того же положения, почтительно следующих за ним.

Господин в шубе. Захар Захарович, знаете?

Захар Захарович. Знаю. Керенский взял Гатчину.

Господин в шубе. А приказ генерала Краснова?

Захар Захарович. Читал. Господа, без вводных речей я приступаю к делу. Враг теперь в нашем доме, враг всюду. В единой цели уничтожения большевизма примиряются интересы течений и партий в нашем обществе. Кадет протягивает руку монархисту, и монархист пойдет с любым социалистом, ибо у нас и у них единственный смертельный враг — большевики. Так передовые люди всех партий понимают нынешнее положение. Наступление Краснова, несмотря на свой триумф, лично мне не дает радужных перспектив. Смольный наэлектризован; по моим сведениям, Ленин действует с невероятной, бешеной энергией. Этого человека действительно обожают солдаты и матросы. О рабочих не говорю, вы отлично знаете, какую силу имеет имя Ленина на заводах.

Господин в шубе. Неужели вы считаете, что верные правительству войска не будут в столице?

Захар Захарович. Я хочу, чтоб они были здесь сейчас, хочу!.. Но что толку от наших прекрасных надежд? Краснов займет столицу, но я не могу положиться на его казаков, ибо не знаю, как долго они будут повиноваться своим офицерам.

Волжанин. Подождем — увидим.

Захар Захарович (возбужденно). Я не могу ждать, когда у меня на заводах делают снаряды по приказу Ленина. Я не буду ждать, пока меня повесят. И не поверю ни одной сволочи с винтовкой. Мы не собрали реальной военной опоры внутри страны. Нет народа, нет армии, есть сброд, отребье, бандиты, и Петербург не что иное, как клоака бандитов, убийц, насильников. Хотите мое мнение — нате. Исходом русской смуты будет удар немцев по Питеру.

Волжанин. Сдать столицу Вильгельму?*

Захар Захарович. Или потерять Россию.

Пауза.

Волжанин. Дожили, дошли, пали во прах.

Западник. Эмоциональная сторона вопроса сейчас неинтересна. Что немцы прекрасно расправятся с «товарищами», я в этом ни минуты не сомневаюсь, но где они, как с ними говорить?

Господин в шубе. Господа... а союзники?

Захар Захарович. Каким образом вы получите союзный десант в Финском заливе?

Западник. Здесь много щекотливых и неприличных вопросов с точки зрения международных отношений.

Захар Захарович. А с большевиками жить прилично? Если прилично, живите, а я не буду. Имейте перед глазами одну проблему — большевизм, и тогда все сделается приличным. Без фиговых листочков и сознательно мы должны сдать Питер немцам, установить немецкую власть, немецкую политику, перевешать «товарищей» и дать России крепкое правительство. Будем разговаривать еще или приступим к делу?

Волжанин. Что мы можем сделать сейчас?

Захар Захарович. Это уж мы сумели подготовить. Сейчас я вам представляю лицо, облеченное доверием некоего правительства. Впрочем, я спрошу, пожелает ли оно оставаться инкогнито, или его беседа с нами будет открытой. (Уходит.)

Волжанин. Большим разумом одарил бог Сибирицева: страшного действия ум. Боюсь я его, черта.

Западник. Кайзер запросит много выгод для себя.

Волжанин. И дадим.

Господин в шубе. Легко, если ваше состояние на Волге. Что скажут люди из столицы?

Западник. Мои интересы, как вы знаете, сосредоточены только в Петрограде. Я иду на жертвы.

Волжанин. Какие там жертвы! Чего бога гневить. Весь хлеб, который лежит у меня про запас от Кинешмы до Астрахани, сумею отдать в подарок и ни на копейку

беднее не стану. С тех же немцев потом свое получу. Сочтемся.

Входит Захар Захарович, и с ним — иностранец.

Захар Захарович. Господа, перед вами лицо, уполномоченное императором Германии, его величеством Вильгельмом Вторым, на ведение переговоров с кругами, прямо заинтересованными в спасении Российской державы. Мы приветствуем в нашей стране посланца его величества. *(Отходит от иностранца и аплодирует.)*

Все делают то же. Дверь открывается, на пороге появляются Чибисов и Шадрин с винтовками. Аплодисменты медленно прекращаются. Замешательство, оцепенение. Волжанин, торопливо и улыбаясь, наливает две рюмки вина и несет их вошедшим.

Почему вы здесь?

Чибисов. Это помещение надо освободить по приказу Военно-революционного комитета для военных нужд.

Захар Захарович. Кто вам дал право на это?

Чибисов. Права нам никто не давал, мы его сами взяли. Давайте оставим споры. Уходите отсюда.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В том же особняке. Зал. Сходится прислуга дома, человек двадцать: мисс Фиш, истопник, горничные, официанты, шеф-повар, швейцар, швейка, старуха приживалка, поваренок, судомойка, камердинер, полотер, пришедший прямо с работы.

Полотер. У подъезда караул поставили.

Истопник. Видел. Знакомого встретил — Никиша Носков, и с оружием.

Официант. Кому сельтерскую нести?

Камердинер. Неси Елизавете Никитишне. Старой барыне.

Входит горничная.

Старуха приживалка. Кто помер? Кого хоронят?

Швейка. Большевики на улицах шастают.

Швейцар. Вас-то, вас-то что потревожили?!

Старуха приживалка. Молебен? Помолимся...

Камердинер. Хулиганы в доме безобразничают, и пожаловаться некому. Окончилось государство Российское.

Шеф-повар. По какой причине сбор? Кто приказал?

Истопник. Большевики власть захватили. Новое правительство России объявлено.

Полотер. А ты все котлеты печешь.

Шеф-повар. Вам мой образ мыслей известен. Я от трудящихся не отказываюсь.

Входят Шадрин и Чибисов.

Судомойка (*увидев входящих*). Батюшки! Солдат с ружьем наступает.

Шадрин. Как тебя звать, забыл я... Товарищ дорогой, это скажи дома... никто не поверит. Это ведь сказка.

Чибисов. Не удивляйся, затвори рот, Ваня. Я пойду с бывшим владельцем побеседую, а ты отбери тройку людей понадежнее. (*Прислуге.*) Все в сборе?

Полотер. Почти все.

Чибисов. Отбери трех людей. Шевели шариками, Шадрин. (*Уходит.*)

Шадрин (*собравшимся*). Граждане, а ну-ка, постройтесь в одну шеренгу... в ряд, говорю, да поскорее... по первой линейке ковра. Становись справа по одному. Прошу соблюдать тишину.

Собравшиеся строятся. Входит Катя.

Катя (*удивленно смотрит на солдата, узнает, бросается к Шадрину*). Ваня!.. Братец!.. Откуда ты взялся?!

Шадрин (*смена чувств, неловкость*). Катерина, опосля.

Катя. Ваня, милый!

Шадрин. Опосля, говорю. Стань в строй.

Катя испуганно отходит.

Подравняйся.

Люди, как умеют, равняются.

Смирно! (*Увидел старуху приживалку.*) Паренек, дай-ка табуретку. Отставить «смирно». Стойте вольно. (*Рассматривая людей, подходит к шеф-повару.*) Вы кто же будете?

Шеф-повар. Шеф-повар.

Шадрин. Шеф... (*Обходит шеренгу.*) Катерина, кто у вас тут сознательный?

Катя. Как я могу тебе сказать, Ваня?

Шадрин. Опосля будем «Ваня». Не в своей избе, кажется. (*Его интересуется монокль мисс Фиш.*) У вас, видеть, зрение слабое?

Мисс Фиш. Я прошу прекратить эти издевательства. Я не русская и буду жаловаться консулу Великобритании.

Шадрин. Зачем же шуметь? Я вас не обижаю. За неловкое слово — извините.

Мисс Фиш. Вы есть грубый русский хам! Я не желаю на вас смотреть. Вы должны меня отпустить.

Шадрин. Вон ты какая!.. Вали, мадам, пока я не осерчал...

Мисс Фиш стоит.

Можете быть свободными.

Мисс Фиш гордо поворачивается, уходит.

Понятно. (*Вдруг.*) Смирно! Кто из вас сознательный, кто стоит за нас, два шага вперед. (*Покосился.*) Катерина!

Катя. Митрейкин, что же ты?

Полотер. Не я один такой. (*Выходит, истопнику.*) Топка, чего же ты стоишь, выходи.

Молча выходит истопник.

Шеф-повар (*выходит*). Присоединяюсь.

Шадрин. Отставить, дорогой, отставить. Отойдите назад.

Катя. Ты его ведь не знаешь, Иван Родионович.

Шеф-повар. Полная комплекция не доказательство для политики. Кухня мой образ мыслей знает.

Шадрин. Кончаем митинг.

Выступает Ефим.

Ефим. Присоединяюсь.

Шадрин (*строго*). Налево кругом!

Ефим. Это почему?

Шадрин. Ростом не вышел, освободи помещение.

Ефим уходит. Входит Чибисов.

Чибисов (*озабоченно*). Товарищ Шадрин, у тебя все готово?

Шадрин. Почти разобрались.

Чибисов. Дом этот предназначается к лазарету. Ковры, картины, все ценные вещи к утру надо упаковать. Комнаты очистить... Из прислуги выделим ответственных людей, остальных освободим. Пойдемте подписать акт. Катя, пойдемте с нами. (*Уходит.*)

Уходят все, кроме Шадрина и Кати.

Катя (*вслед Чибисову*). Сейчас. (*Шадрину.*) Ваня!

Шадрин. Видишь, жив. Здравствуй.

Поцеловались три раза.

Дома что?

Катя. Одни беды... Надежда ведь тут, у нас.

Шадрин. Как же так? А дома кто с ребятишками?

Катя. Старики.

Шадрин. Разорилось все... Лошадь пала?

Катя. Цела.

Шадрин. А корова?

К а т я. Пала... Надежду пришлось в город на заработки позвать... Я хозяев упросила — взяли.

Ш а д р и н. И жалованье ей было?

К а т я. Да уж мы теперь на корову пособрали... чаевыми, тем, сем...

Ш а д р и н. Где жена? Почему прячется?

К а т я. У старухи. Старуха с вашего прихода легла умирать. Ведь это ужасу подобно, что произошло сразу, Ваня, что это? Как ты сюда с Николаем взошел?

Ш а д р и н. Взошел — значит, взошел. Жених, что ли? Смотри, Катерина.

К а т я. Не маленькая, чай.

Ш а д р и н. Ишь ты... Однако ты видная стала. Я не против. Только бы человек хороший.

К а т я. И не думаю... Вы уж сразу — сватать... Мы только знакомые. Но ты его полюби, он человек хороший.

Ш а д р и н. Любить бабам полагается. «Знакомые»... Зови жену. Пора повидать как-никак.

Входит Н а д я.

Н а д я. Иван! (Бросается на шею.)

Ш а д р и н. Не плачь... Жив, здоров, плакать нечего... Дай хоть взглянуть, где ты там?.. (Отстраняет.) Ах ты, курносая... (Кате.) Иди, бессовестная.

К а т я. Не чужая будто.

Ш а д р и н. Иди акт подписывать.

К а т я уходит.

Ну, Надежда, как жилось-былось без мужа? Лицо у тебя чистое. Дружка не приобрела на воле?

Н а д я. Пустое говорить не нужно. Думать на меня грех. Катя все знает.

Ш а д р и н. Пустое пустым останется. Ты у меня самая лучшая. О чем же говорить будем? Говори.

Н а д я. Ты, никак, комиссар?

Ш а д р и н. Произвели... Я так, с краю.

Н а д я. Большевик уж, наверное?

Шадрин. Боишься?

Надя. Я ведь тут в доме, как в тюрьме, ничего не знаю.

Шадрин. Не бойся, беспартийный.

Надя. Что же делать? Домой подаваться надо.

Шадрин. Домой? Конечно, домой. Деньги все-таки у вас имеются?

Надя. У Кати. Ее часть больше.

Шадрин. Займет, я думаю.

Надя. Обещала.

Входят Катя и Чибисов.

Чибисов. Я вашего брата сразу узнал, что он ваш брат.

Катя. Почему же это такое?

Чибисов. Страшно на вас похож.

Катя. Где же он похож? Посмотрите лучше... Стараетесь приятно говорить, я вижу.

Чибисов. Никогда, видно, мы с вами не сговоримся. Вечно вы будете меня обрывать.

Катя. По делу пришли, а увлекаетесь.

Чибисов. Но все равно, ваш брат мне очень понравился.

Катя. Он у нас, конечно, проворный.

Шадрин. Я не девка. Давай это оставим. Скажи вот, что же теперь делать мне?

Чибисов. Поезжай в деревню коровенку справлять.

Шадрин. Соображаю вот.

Чибисов. Тебе же в деревню надо. Вали в деревню, ко двору.

Катя. Ваня, я наши деньги тебе принесла. Бери.

Шадрин (смотрит на Чибисова). Ну и возьму.

Чибисов (отвернулся). Ну и бери.

Шадрин. А что ж... и возьму.

Чибисов. А я и говорю — бери.

Шадрин стоит в нерешительности.

Бери, Иван, бери деньжонки на коровенку.

Шадрин. Вот ведь черт, а не человек на мою голову навязался.

Надя. Иван, или ты что-то задумал?

Шадрин. Молчи, Надежда!

Надя. Хозяина ждали, бога упрашивали. Ваня, милый, что же это такое? Старики прописывают — разор в доме.

Шадрин. Знаю сам. У самого душа истлела. (*Помолчав.*) Это как альфа и омега получается.

Надя. Значит, ты в деревню не поедешь?

Шадрин. Потом скажу.

Надя. А деньги?

Шадрин. Потом возьму.

Чибисов. Ты, брат, как хочешь, а у меня нет времени. Мне надо идти в ревком.

Шадрин. Надежда, слушай мужа... Слезы эти зря.

Надя. Господи, сколько не видались!

Шадрин. А ты слушай, что я тебе толкую. Деревню денька на три отставить придется. Не сторит. (*Иной тон.*) Кто больше намучился — ты или я?

Надя. Ваня, милый, ведь я тебя жалею.

Шадрин (*Чибисову и Кате*). Ну-ка, вы, молодые, отойдите. (*Наде.*) Я вернусь. Я пойду с ним, погляжу, что к чему, — и все. (*Поцеловал.*) Дурочка ты. Тебе ли не знать, до чего соскучился! Ты ведь у меня самая лучшая.

Надя. Ну вот, хоть слово сказал.

Шадрин. Я схожу с ним, посмотрю только, что делается в столице, и через часок буду...

Надя. Иди уж.

Шадрин (*Чибисову*). Пойдем, извини, сам видишь... женщины... Куда идти-то нам?

Чибисов. В Смольный.

Шадрин. Это что ж такое?

Чибисов. Это штаб революции.

Шадрин. Слышишь, Надежда, как человек говорит? Как же я туда не пойду? Пойдем.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

В глубине сцены, в дымке ноябрьского вечера, огни Смольного. Солдатские костры. Броневики. Отдаленный гул напряженной жизни, выливающейся на улицу. Беспреостанное движение. Входят Чибисов и Шадрин.

Чибисов. Вот он. Смотри, помни — Смольный. Здесь теперь Ленин, он глава Совета Народных Комиссаров. Власть наша. Чувствуешь ты это, солдат?

Шадрин. Боюсь.

Чибисов. Эх ты, раб! Нельзя быть вечным рабом.

Шадрин. Не спорю — раб. А ты кто — князь?

Чибисов. Довольно тарыхтеть, пойдем.

Шадрин. Постой.

Чибисов. Чего еще?

Шадрин. Ты у них свой... а я?

Чибисов. «У них»... Они — это мы с тобой. Понимаешь?

Шадрин. Но ты все-таки большевик?

Чибисов. А ты?

Шадрин. А я около.

Чибисов. Особняк у буржуев отнимал?

Шадрин. Это так... под руку пришлось.

Чибисов. Нет, брат, теперь кончено. Если власть переменится, они из-под земли достанут Шадрина.

Шадрин. Это, пожалуй, верно. *(Истово.)* Зарок перед собой давал ни в какую партию не заступать, но чем вы людей берете? Ленина я ведь даже на картинке не видел, а чувствую. На фронте и в бога перестал верить, но ему верю. Пойдем. Скажи, а Ленина мы там не увидим ли? Но ты все-таки мне его покажешь, если будет случай?

Чибисов. Покажу, конечно.

Шадрин. Постой.

Чибисов. Ваня, милый, мне пришла охота тебя по голове постучать. Идешь ты или не идешь, в самом деле?

Шадрин. Говорю, иду — значит, иду! Только ты скажи, что же я буду делать?

Чиби сов. Что ты будешь делать?

Ша д р и н. Да.

Чиби сов. Революцию будешь делать. Понятно?..
Социалистическую революцию.

Ша д р и н (*постоял секунду, поправил пояс, взял винтовку на ремень*). В кои-то веки, да в первый раз... Пойдем, дружба...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большая комната в Смольном, служившая до этого времени классом. Отдыхают, спят, едят, читают солдаты. Многие вооружены. На первом плане молодой солдат осматривает винтовку.

Молодой солдат. Чье ружье? Хозяина нету, что ли? Или заснул?

Солдат. Это мое оружие.

Молодой солдат. Оружие надо чистым держать... Просмотрите винтовочки, нет ли там грязи, масла. Оружие может нам потребоваться, товарищи.

Входят Чибисов и Шадрин.

Чибисов. Побудь пока тут. Никуда не уходи. Я скоро. *(Уходит.)*

Шадрин *(осмотрелся)*. Вы кто же такие тут собрались?

Молодой солдат. А ты что за гусь?

Шадрин. Спрашиваю, каких частей народ?

Молодой солдат. Тут, брат, одна часть... серые гусары.

Шадрин. Это я по запаху чую...

Солдат с хлебом. Приставай к берегу, наш будешь.

Шадрин. На приглашении спасибо. Который день на ногах толкусь, посидеть с вами не грех.

Молодой солдат. Ты тоже на Зимний ходил?
Шадрин. На какой это Зимний?

Молодой солдат. Вот тебе — «на какой»... Ты где был?

Шадрин. Где был. На свете.

Молодой солдат. Ты куму из себя не строй. Тут народ понятливый. Говори толком: откуда ты взялся?

Шадрин. А ты что, за кондуктора здесь, билеты проверяешь?

Молодой солдат. Я у тебя спрашиваю от имени...

Шадрин. От какого такого имени?

Молодой солдат. От имени революции.

Шадрин. Высоко тянешься. Штаны лопнут.

Молодой солдат. Товарищи, этот солдат не наш.

Многие заинтересовались. Недоброе внимание.

Шадрин. А что такое «наш»?

Молодой солдат. Слышите, люди? Не от них ли он сюда подослан? Нет, этого солдата обыскать надо.

Шадрин. Потихе... «обыскать»! Я те так обыщу, что не охнешь.

Шадрин и молодой солдат в полуколье.

Один из солдат (*Шадрину*). Ты не огрызайся, хуже будет... Ты знаешь, куда залетел? Обыскать его... Узнать, кто и зачем.

Солдат с хлебом. Давайте его отведем к коменданту, там разберутся.

Голоса. Правильно!

— Арестовать его!

Входят три моряка во главе с матросом Дымовым.

Дымов. Пехота, пять добровольцев отсчитать надо!

Молодой солдат. Товарищи матросы, мы тут провокатора поймали.

Дымов. Провокаторов расстреливают на месте.

Шадрин. Ты, с ленточками, не стражай.

Дымов. Этот, что ли? Документы.

Шадрин. Крепко действуешь, морской, только я, видишь ли, сам не пугливый. Почему я тебе должен документы показывать?

Дымов. Потому что я представитель власти рабочих и крестьян.

Шадрин. А я кто же?

Дымов. А ты еще неизвестно кто.

Шадрин. Значит, я еще неизвестно кто? (*Выхватывает серый сверток.*) Нате... Они — представители, а я — неизвестно кто.

Дымов. Помолчи... мешаешь выяснить личность. (*Читает бумажку Шадрина.*)

Сумрачное ожидание людей.

Какой же это провокатор? Это будет рядовой солдат... Шадрин... Давно с фронта?

Шадрин. Сегодня прибыл.

Дымов. Недоразумение считать недоразумением, за провокатора перед товарищем извиниться, пятерых бойцов дать в мое распоряжение!

Шадрин сердито прячет бумаги. К матросам выходят солдаты.

Не десять, а пять... Прихвати, товарищи, по ломтю хлеба... Неизвестно, когда вернетесь. Товарищу окопнику разъяснить внутреннее и международное положение. Отряд, за мной!.. Всего хорошего, братья!

Уходят.

Молодой солдат (*подходит к Шадрину*). Извиняюсь.

Шадрин. Не барин, кажется, нечего извиняться.

Молодой солдат. Матрос приказал.

Шадрин. А у тебя своего ума нету?

Молодой солдат. Отчего ты такой злой?

Шадрин (*солдату, который ест хлеб с луком*). Земляки, хлеба не дадите?

Солдат с хлебом. Дадим.

Молодой солдат. Ты бы нам сразу сказал, что есть хочешь, а то серчает. Погоди-ка, вот тебе одну бумажку дам, ты сразу добрее будешь. *(Подает листовку.)*

Шадрин. Что тут?

Молодой солдат. Грамотный? Или помочь?

Шадрин. Обойдусь сам.

Молодой солдат. Прочти вслух.

Шадрин. Опять ты привязался... *(Читает.)* «Декрет о земле». Что это такое — декрет?

Молодой солдат. Это закон.

Шадрин. О земле... «Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов... принят на заседании двадцать шестого октября в два часа ночи». Три дня как будто?

Молодой солдат. Читай.

Шадрин. «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа». *(Пауза.)* «...Немедленно без всякого выкупа».

Молодой солдат. Читай дальше.

Шадрин. Не мешай... «без всякого выкупа»... Мужики, у вас чайку нет? Чайку бы теперь достать.

Солдат с хлебом. Разве отказываем. Пойди достань.

Шадрин *(все больше оживляясь)*. Право слово. А где?

Солдат с хлебом. Мы сами тут недавно. Пойди поищи.

Шадрин. А что ж... Я сейчас обделаю... Вы эту бумажку никуда не девайте... Я сейчас... Нет уж, я ее возьму... Сейчас мы чаю заварим... Гуляй, мое почтение.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Шадрин идет коридором Смольного. На нем винтовка на ремне, вещевой мешок, в руках старый, битый жестяной чайник. Прочитал на дверях: «Учительская». Прошел, опять остановился и решитель-

но раскрыл одну из дверей. Там в табачном дыму сидят, стоят, лежат на полу люди. Матрос стучит на пишущей машинке; молодая женщина в пенсне ему что-то диктует. Трое штатских разворачивают карту, на полу у порога спит солдат. На Шадрину никто не обратил внимания. Он бережно закрыл дверь.

Шадрин. Оперируют... *(Стоит в раздумье.)*

По коридору непрерывно снуют люди. Проходит отряд вооруженных солдат, матросы. Навстречу Шадрину идет человек в военной форме.

(Приготовился заговорить с ним.) Уважаемый!..

Военный проходит, точно влекомый посторонней силой.

Как на фронте... *(Идет.)*

Из дальних дверей коридора появляется Ленин и идет по направлению к Шадрину.

Шадрин *(немного присмотрелся к встречному и чуть посторонился оттого, что тот шел напористо и быстро).* Уважаемый, где бы тут чайку мне?

Ленин прямо посмотрел в лицо Шадрину.

(Смутился.) Извините, уважаемый, мы издаля.

Ленин. Соскучились по чаю... а?

Шадрин. Ох, и не говорите, уважаемый.

Ленин. Ну пойдете, укажу... Вы давно, товарищ, воюете?

Шадрин *(вздыхнув).* Третий год без выходу.

Ленин *(остановился).* окопы оставили давно?

Вошел и встал поодаль матрос.

Шадрин. Дней десять—двенадцать, как живой выскочил.

Ленин. Плохо дело?

Шадрин. Беда.

Ленин. Во всем этом сидите на позициях?

Шадрин. Это еще хорошо.

Ленин. А у немцев как? Ничего не замечали?

Шадрин. По нашим заметкам судим, тоже не сладко им. Солдату везде не сладко.

Ленин. А какие у вас были заметки? Это очень важно.

Шадрин. Кофием таким... знаете? Цикорием пахнет... Пленного приведут... не тот стал немец.

Ленин. Не тот? Устал немец?

Шадрин. Что и говорить.

Ленин. Пойдет с нами на мировую?

Шадрин. За это не скажу... то ись по солдату ежели судить, по их боям — всем осточертела война, но ведь у них царь.

Ленин. Наши генералы тоже мира не хотят.

Шадрин. Это правда.

Ленин. Как же быть?

Шадрин. Этого я сказать не могу.

Ленин. А если Советская власть скажет солдатам: берите дело мира в свои руки... Вы, например, возьмете руку Советской власти?

Шадрин. Дорогой товарищ... пусть только скажет это Советская власть.

Ленин. Не оробеете?

Шадрин. Кто? Я?

Ленин. Хоть вы... Возьмите себя, теперь приходится каждому солдату за судьбу всей России отвечать.

Шадрин. Страшновато, не спору.

Ленин. Вы женаты?

Шадрин. Женат.

Ленин. Дети остались?

Шадрин. Трое.

Ленин. Земли много?

Шадрин. Где там...

Ленин. Лошадь есть?

Шадрин. Цела.

Ленин. Корова?

Шадрин. Пала. *(Стоит в грустной задумчивости.)*

Ленин (*вскинув голову, легко дотронулся до ремня винтовки Шадрина*). А винтовку бросать нельзя! Как, нельзя?

Шадрин. Боязно бросать, товарищ, не могу ее бросить.

Ленин. Керенский идет на нас с оружием.

Шадрин. Слышу теперь.

Ленин. Каледин* на Дону подымает казаков.

Шадрин. Ежели они первые подымутся на народ, то что же...

Ленин. Опять война? Солдат ведь устал?

Шадрин. За что и как воевать... За Дарданеллы воевать никто не будет.

Ленин. Советская власть чужих земель захватывать не собирается, но если царские генералы захотят посадить в России помещиков и капиталистов, то... как вы думаете? Вы сами как думаете?

Шадрин. Тогда пойдем воевать.

Ленин. Воевать надо сегодня... сейчас...

Шадрин. Тогда пойдем воевать сейчас... (*Пауза.*) Вы, может, мне не верите, уважаемый? За себя я вам от чистого сердца говорю.

Ленин (*за руку прощается с Шадриным*). До свидания, товарищ, извините, что я вас задержал.

Шадрин. Что вы... какое там...

Ленин. А чаю вы достанете наверху... вот там, по лестнице, у нас столовка. (*Уходит в те самые двери, что раскрывал Шадрин.*)

Шадрин. Вот ведь какие люди бывают... а? (*Увидел матроса.*) Браток, ты меня не бойся... я с фронта... я свой.

Матрос. А я тебя не боюсь.

Шадрин. Скажи, с кем я разговаривал? Кто это такой.

Матрос. Кто? Ленин.

Шадрин (*его качнуло*). Что же мне никто раньше не сказал... Ведь я бы ему... Я бы ему все поведал...

Матрос. А ты ему все и сказал.

Шадрин. Молчи, матрос. *(Бросил чайник.)* Какой теперь чай... Пойду солдатам скажу — я сейчас разговаривал с Лениным. Воевать надо сегодня, сейчас!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Смольный. Комната первого рабочего аппарата военного штаба. В штабе рядом идет совещание. У дверей два красногвардейца с винтовками — часовые, связисты, студент — молодой человек в солдатской шинели. Никанор — питерский рабочий лет сорока, бывший прапорщик, матрос Володя, который работает на пишущей машинке. Сейчас он говорит по телефону. Военный.

Володя. Слушай, связь, говорят из штаба Смольного. Слушай, связь, я спрашиваю у вас: командующий фронтом откуда-нибудь провода не просил?.. Чего же ты молчишь, голова?! *(Докладывает.)* Командующий сию минуту разговаривал с Центральным Комитетом. Приказывай, товарищ Никанор.

Никанор. Откуда?

Володя *(по телефону)*. Откуда говорил товарищ командующий фронтом?.. *(Докладывает.)* С точки военного коменданта Царскосельского вокзала. Приказывай, товарищ Никанор.

Никанор. Соображай самостоятельно, товарищ.

Володя. Есть соображать самостоятельно. *(По телефону.)* Соедините меня с точкой военного коменданта в Царском Селе... Военная комендатура в Царском Селе?.. Есть военная комендатура. Говорит штаб Смольного. Командующий фронтом у вас?.. Выехал на автомобиле... По направлению... *(Докладывает.)* Выехал на автомобиле в сопровождении двух матросов по направлению противника.

Прапорщик. Когда будет обратно, товарищ командующий фронтом сказал?

Володя. Нет, товарищ командующий фронтом с ними на данную тему не говорил.

Прапорщик. Пойду доложу. *(Уходит в комнату рядом.)*

Никанор *(Володе)*. Связывайся с Царскосельским Советом. Почему они молчат?

Володя. Сейчас я их добьюсь. *(По телефону.)* Связь... давай Совет в Царском. Шевелитесь... Связь.

Входит группа солдат и рабочих, нагруженных литературой и газетами, некоторые вооружены.

Рабочий-агитатор. Мы агитаторы, нас послали на фронт.

Никанор. Счастливого пути, товарищи агитаторы.

Рабочий-агитатор. Но ты нам дай средства передвижения, а потом — счастливого пути. Нам требуется только один грузовой автомобиль.

Входит красногвардеец.

Красногвардеец. Здесь товарищ Свердлов и товарищ Дзержинский? Мне нужно передать пакеты от комиссара Государственного банка.

Никанор. Давайте, я передам.

Красногвардеец. Мне приказано передать лично.

Никанор. Получите личную расписку. Студент, отнеси, пожалуйста.

Студент уходит.

(Володе.) Ну, что у тебя?

Володя *(по телефону)*. Сейчас... Эй вы, Совет... почему молчите? С вами говорят из штаба Смольного... Прошу без паники, товарищ... спокойно, по порядку... Вот это другое дело... А это точно?.. Понимаю... Доложим. *(Докладывает.)* Много говорить, товарищ Никанор, не приходится. По точным данным, казачьи разъезды сейчас были на окраинах Царского Села. *(По телефону.)* Доложим... Товарищ Ленин здесь. Извините, я ваш быстрый разговор принял за панику. *(Кладет трубку.)*

Никанор. Сейчас передадим. *(Идет в смежную)*

комнату и сталкивается с бывшим прапорщиком.) Ну что?

Прапорщик. Мне поручено найти командующего фронтом. Сегодня товарищ Ленин сам поедет на фронт.

Никанор. Как, сегодня? Ночью?

Прапорщик. Значит, ночью. Я еду в Царское.

Никанор. Там появились казаки.

Прапорщик. Разберемся. (Одевается, уходит.)

Никанор уходит в соседнюю комнату. Еще двое или трое проходят быстро и молча. Вслед за ними выбегает военный человек в кожаном пальто.

Человек в кожаном (Володе). Где достать мотоциклет?

Володя. Надолго?

Человек в кожаном. Не знаю, скоро не вернусь.

Володя. У выхода крикнуть надо: «Мотоцикл штабу!» По этой бумажке дадут. Сами правите?

Человек в кожаном. Сам. (Уходит.)

Входят деятели эсеров-меньшевистского толка, матрос к ним присматривается.

Деятель. Ленин здесь.

Володя. А вам зачем?

Деятель. Мы уполномочены высшими демократическими организациями революции... Впрочем, здесь он или нет?

Володя. Этого я вам сказать не могу.

Деятель. В таком случае мы сами это выясним. (Направляется к дверям.)

Володя. Товарищ, не сходите с ума, здесь стоят часовые.

Деятель. Что за тон! Как вы разговариваете?

Володя. А вы не бросайтесь на закрытые двери.

Возвращаются студент и Никанор. Студент отпускает связиста.

Никанор. Что такое?

Деятель. Мы делегированы к Ленину... вы, кажется, нас должны знать.

Никанор. Да, я вас знаю, но вряд ли...

Деятель. Что — вряд ли?

Никанор. Вряд ли Владимир Ильич будет с вами беседовать. Не надеюсь. Подождите.

Входит комиссар по топливу.

Комиссар. Товарищ Никанор...

Никанор. Здравствуй, товарищ Григорий.

Комиссар. Товарищ Ленин здесь?

Никанор. Да... но...

Комиссар. Понимаю. Меня назначили комиссаром по топливу, и я не знаю, что это такое, с чего начинать.

Деятель (*своим*). Вот видите... Безумие, ужас...

Никанор. Загляни. Сейчас должно кончиться совещание.

Деятель. Доложите о нас.

Никанор. Нет, с таким докладом я к нему не пойду. Тут штаб. Идите туда, где он всех принимает.

Деятель. Мы будем говорить именно здесь.

Никанор. Хорошо. Ждите.

Звонок телефона.

(*Берет трубку.*) Слушаю... Товарищ Ленин сейчас на военном совещании. Вызвать его не могу... А я по телефону вас не распознал. Извините, пожалуйста. Подождите минуту.

Деятели готовятся к беседе. Никанор уходит. Пауза. Входят Ленин и Никанор.

Ленин (*продолжает на ходу*). Имейте в виду, что Советская власть пришла проверить свой штаб, и всех, кто будет капризничать, обижаться, кто вздумает не

подчиняться высшим органам Советской власти, мы будем смещать и карать очень сурово, очень сурово, вплоть до расстрела! *(По телефону.)* Да, это я... Я по телефону не в состоянии договориться с товарищами из Балтфлота... *(Слушает.)* Заняли телефонную станцию?.. Порядок наводится?.. Прекрасно. Как идут дела у балтийцев?.. Сколько людей они дали на фронт?.. Как эти отряды обеспечиваются продовольствием?.. Идут ли боевые корабли к Неве?.. Вы лично беретесь проверить, точно?.. Очень хорошо. Выясните сами, понимают ли товарищи, что политическое положение теперь свелось к военному, как на деле, без идиотского прекраснотушения, подавляется контрреволюция... Да-да... Бейте без пощады, без сожаления по всем хлюпикам, трусам, штрейкбрехерам, нашим изящным парламентариям, которые умеют размахивать бумажными мечами, а от настоящего живого дела бегут в кусты. Звоните, посылайте курьеров, держите меня в курсе всех ваших дел. *(Положил трубку.)*

Деятель. Я уполномочен говорить с вами.

Ленин. Кем?

Деятель. Викжель* непримирим. Они угрожают остановить все железные дороги, если...

Ленин. Если что?

Деятель. Если большевики не пойдут на уступки. Да-да, на уступки.

Ленин. Кому на уступки?

Деятель. У нас волосы поднимаются, когда мы думаем о завтрашнем дне.

Ленин. Это не хорошо, когда волосы поднимаются. Голову надо держать в порядке.

Распахивается дверь, на пороге появляется моряк с фронта Самсонов; забрызган грязью, за спиной винчестер.

Самсонов. Простите, а где я найду Ленина?

Ленин. А что у вас, товарищ?

Самсонов. Простите, это, кажется, вы?

Ленин. Да.

Самсонов (*секунду смотрит на Ленина, широко улыбается и козыряет*). Простите, я теперь вас узнал. Меня прислали с фронта, из Царского Села. К утру мы окажемся без единого снаряда для артиллерии. Снаряды есть в Петропавловской крепости. Их надо срочно доставить на фронт.

Ленин. Вот это другое дело. Этот вопрос надо решить сейчас. Здравствуйте, товарищ.

Никанор. В районах нет ни одного грузового автомобиля... ночь... Автомобили возят людей на фронт.

Студент. А у Смольного стоят лишь два броневика охраны.

Ленин. Но ведь снаряды у них должны быть к утру, так ведь?

Самсонов. Так точно.

Никанор. Не знаю, что решить.

Ленин. Надо что-то изобретать. (*Прошелся по комнате.*) Какие виды транспорта существуют на свете?

Никанор. Железнодорожный.

Ленин. Не то.

Студент. Автомобильный.

Ленин. Но у вас нет ни одного автомобиля.

Самсонов. Морской, отчасти речной и прочий... Всякие извозчики.

Ленин. Извозчики — это ведь тоже транспорт?

Самсонов. Не спорю, Владимир Ильич.

Ленин. Пойдите с товарищем к управляющему делами Совета Народных Комиссаров.

Самсонов. Есть.

Ленин. Сейчас же добудьте список ломовых извозчиков Петрограда.

Самсонов. Понятно.

Ленин. Возьмите себе в помощь красногвардейцев, поезжайте, будите каждого ломовика и заставляйте его возить снаряды из Петропавловской крепости.

Самсонов. Мы их разбудим. Это прекрасно.

Ленин. Через час позвоните мне, что вы сделали.

Самсонов. Есть. Разрешите вопрос.

Ленин. Слушаю.

Самсонов. Я обязан дать ответ своему комиссару. Я пошлю донесение, что снаряды будут.

Ленин. Да, пошлите.

Самсонов. Не входя в подробности, я могу написать так: «Ленин сказал, что снаряды будут»?

Ленин. Ну, напишите так.

Самсонов. А я вас заверяю, что через полтора часа ломовики повезут снаряды.

Ленин. Есть.

Самсонов. Можно идти?

Ленин. Да.

Самсонов козыряет и уходит, за ним уходит студент. Ленин уходит в дверь направо, на заседание. Входят Чибисов и Шадрин.

Чибисов. Товарищ Никанор, я все задания выполнил. Теперь я прошу отправить мой отряд на фронт в Гатчину.

Никанор (*Шадрину*). Вы, товарищ, с ним?

Шадрин. Я не от себя... я от солдат... мы тоже решили идти на фронт против Керенского.

Никанор. Вы решили идти сейчас?

Шадрин. А чего ждать-то?

Никанор. Вот это и дорого — не ждать, а действовать.

Чибисов. Но мы новички в военном деле, дай нам хоть какого-нибудь командира...

Никанор. А вот вам и командир. (*Указывает на Шадрину.*) Не сробеет?

Шадрин. На роту ума хватит.

Чибисов. Я этого солдата знаю.

Никанор. Так чего же вы ждете?

Чибисов. Но ведь у него свои солдаты.

Никанор. Объедините солдат и рабочих в один отряд и выступайте. (*Военному за машинкой.*) Стучи им мандат на двоих.

Военный. Какой отряд?

Никанор. Рабоче-крестьянский.

Военный. Подпишет кто?

Никанор. Пиши: штаб революционного фронта.

Деятель (*продолжает волноваться*). Мы уполномочены демократией.

Никанор. Это какой же демократией? Меньшевиками, что ли?

Деятель. Мы уполномочены живыми силами демократии склонить верхи Смольного к предотвращению безумия... Завтра пушки загрохочут над Петроградом. Ставка отдает лучшие части генералу Краснову.

Чибисов. Неужели вы думали, что генералы обрежут погоны и сделаются социалистами? Нет, будет драка, будет война не на жизнь, а на смерть, но победим мы, как единственная партия, которая не боится драки и пойдет на любую войну с капиталистами.

Шадрин удивленно наблюдает за Чибисовым.

Деятель. Социализм через войну?

Чибисов. А что же вы думали: социализм вам подадут на блюдечке, в готовеньком платьице?

Деятель. Здесь своими руками вы превращаете великую страну в помпейские развалины, вы создаете вулкан, который сметет и вас и нас, похоронит все завоевания революции.

Входит Ленин.

Ленин. Повторяю, политическое положение теперь свелось к военному. Мы не можем потерпеть победы Керенского, тогда у нас не будет ни мира, ни свободы. Задача политики и военная задача — это организация штаба, сосредоточение материальных сил, обеспечение

солдат всем необходимым. Это надо делать, не теряя ни одного часа, ни одной минуты, чтобы дальше шло так же победоносно, как до сих пор. (*Никанору.*) Товарищ Никанор, сейчас мы отправляемся с товарищами на фронт.

Деятель. Товарищ Ленин...

Ленин. Лжете, сударь, не я у вас товарищ.

Деятель. Мы хотели бы говорить по кардинальным вопросам революции.

Ленин. Кардинальные вопросы революции решаются вооруженными массами.

Деятель. Но живые силы общества...

Ленин. Живые силы—это фраза, в которой нет никакого смысла, классовое понятие есть буржуазия, а вы трепещете перед ней... И... кроме того, пропуск на право входа в Смольный у вас есть?

Деятель. Не понимаю. (*Вынимает пропуск.*) Пожалуйста.

Ленин. Дайте сюда. (*Взял пропуск, посмотрел и порвал. Шадрину.*) Товарищ...

Шадрин. Я?

Ленин. Именно вы... Проводите этих уважаемых господ вниз на парадный выход и передайте комендантуре, чтобы их сюда никогда не пускали.

Деятель. Это чудовищно, это непостижимо...

Чибисов. Все будет сделано, Владимир Ильич.

Деятелей уводят.

Ленин. Очень хорошо. Вот так всегда с ними нужно поступать.

Никанор. Я пойду приготовлю вам машину.

Ленин. Хорошо.

Никанор уходит.

(*Комиссару.*) Здравствуйтесь, товарищ! Чем вы озабочены?

Комиссар. Я вас жду, извините... мне очень непонятно... Я назначен комиссаром... Что мне делать?

Ленин (весело). А я почему знаю?

Комиссар. Как же это так? Вы... и не знаете.

Ленин. Честное слово, не знаю. Я никогда не бывал комиссаром и совсем не знаю, что они делают.

Комиссар. Это очень трудно: делать что-нибудь, когда этого никто не знает.

Ленин. Очень, очень трудно. Невероятно трудно.

Комиссар. Но все-таки, Владимир Ильич, что же должен, например, делать большевистский комиссар?

Ленин. Все, все, все!

Комиссар. Вы меня совсем поставили в тупик.

Ленин. Вот это уж напрасно.

Входит связист.

Связист (Ленину). Я связист. Вам приказали доложить, что сделано в Гельсингфорсе* товарищами из Балтийского флота.

Ленин. Говорите.

Связист. Около пяти тысяч моряков погрузились в эшелоны и пошли в Гатчину. Линейный корабль «Республика» и миноносцы взяли курс на Петроград. Все ваши распоряжения товарищами балтийцами выполнены. Будут ли еще указания?

Ленин. О времени прибытия войск и кораблей скажете мне, где бы я ни был.

Связист. Слушаюсь.

Ленин. Можете идти.

Связист уходит.

А каким комиссаром вас сделали?

Комиссар. Меня сделали комиссаром по топливу.

Ленин. Так чем вы озадачены? Это же чудесно, что вас сделали таким комиссаром. И прежде всего не теряйтесь, дорогой товарищ, опирайтесь на рабочих...

Комиссар. Да.

Ленин (*продолжает*). Проверьте всех и каждого, никому не верьте на слово...

Комиссар. Так.

Ленин. Возьмите на строжайший учет каждый пуд угля, каждое полено дров. При соблюдении этих простых правил у вас все пойдет отлично, поверьте мне.

Комиссар. Так.

Ленин. У вас есть еще вопросы?

Комиссар. Пожалуй, у меня действительно нет вопросов.

Ленин. Теперь у меня есть вопросы.

Комиссар. Слушаю, Владимир Ильич.

Ленин. Когда вы приступаете к работе?

Комиссар. Завтра с утра.

Ленин. А почему не сегодня?

Комиссар. Сейчас ночь, Владимир Ильич.

Ленин. А разве ночью нельзя работать? Нет уж, вы, пожалуйста (*беспрекословная настойчивость*), идите к Свердлову, он вам даст настоящих людей, он знает Питер, как свои пять пальцев... Вы уж, пожалуйста, не дремлите. (*Улыбка.*)

Комиссар. Я не дремлю, я иду сейчас.

Входит Никанор.

Никанор. Владимир Ильич, машина готова.

Ленин. Едем, товарищи.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ленин один у себя в кабинете в Смольном.

Ленин (*говорит по телефону*). Соедините меня с редакцией «Правды»... Редакция «Правды»?.. С вами говорит Ленин. Кто у телефона?.. Здравствуйте, товарищ... А здесь никого не было, мы только что вернулись с фронта. Вот о чем я хотел поговорить с вами, товарищ. Мне бы хотелось, чтобы «Правда» писала о

героическом опыте простых, заурядных людей. Надо найти толковых работников, умных и чутких, которые смогли бы быстро, а главное, верно схватывать действительность; очень важно, например, поговорить с обыкновенным, простым солдатом, понять, о чем этот солдат думает, взять от него самое главное, нужное, решающее и толково, по-русски написать об этом в газете... Вот-вот. Мне тоже кажется, что это очень важно. Вот и все пока. До свидания, товарищ. *(Прохаживается по комнате, потом опять подходит к телефону. Снимает трубку.)* Не знаете ли вы, что Сталин — у себя или нет?.. А где он?.. Узнайте и сообщите мне. Только, пожалуйста, товарищ, не давайте продолжительного звонка, здесь спят.

Звонок телефона.

(По телефону.) В штабе?.. Соедините меня со штабом... Это штаб?.. Передайте товарищу Сталину, что его просит к телефону Ленин... *(Ждет.)* Я не оторвал вас от работы?.. Вот в чем дело. Я прочел ваш проект «Декларации прав народов». Отношусь к нему так: эта «Декларация прав народов» является началом уничтожения расового и национального неравенства на земле. И каждому понятна: и киргизу, и кабардинцу, и чувашу — каждому простому человеку она понятна. Этот документ подпишем вместе. Надо как можно скорее разослать по всей стране. Вы что сейчас делаете?.. Отправляете отряды?.. Как проводите людей, приходите ко мне... Нет-нет, не беспокойтесь, я не лягу. Нет смысла. Утро уже... Вот именно. Пропустили все сроки. *(Смотрит на часы.)* Половина седьмого. Ну вот видите... И кроме того, масса дел, а решать надо сейчас... Совершенно верно. Жду вас. *(Садится у стола, работает.)*

КАРТИНА ПЯТАЯ

Фасад Смольного. Решетка. Вход. Группа моряков во главе с Дымовым меняет караул. У костра греются сонные солдаты. Петербургский рассвет.

Солдат у костра. Балтика, который теперь час?

Дымов. Тридцать семь минут седьмого утра.

Солдат у костра. Спасибо за службу, Балтика.

Дымов. Служу трудовому народу, пехота.

Солдат у костра. Я не пехота, а кавалерия.

Дымов. Кавалерия обязана мчаться вперед.

Солдат у костра. Ждем приказа Военно-революционного комитета.

Дымов. В таком случае извините.

Солдат у костра. Будьте спокойными!

Проходит комиссар по топливу.

Пропуск?

Комиссар показывает пропуск.

Проходите, товарищ комиссар.

Комиссар проходит. Входят Надя и Катя.

Катя (*Наде*). Вот и пришли, а зачем шли, не знаю. Разговаривай сама с матросами, я не буду.

Надя. Что же ты, немая?

Катя. А ты какая?

Надя. Трудно тебе спросить? Так и так.

Катя. А тебе трудно?

Дымов. О ком тоскуете в такое раннее утро, ненаглядные мои?

Катя. Вы это оставьте, товарищ матрос, шутить завтра начнем.

Дымов. Могу подождать. Но скажите, а по какому делу вы пришли?

Входит группа рабочих.

Рабочий. Мы — Выборгская сторона.
Дымов. У вас на лбу не написано. Пропуск.

Рабочий дает пропуск.

Один на всех? Проходите, Выборгская.

Рабочие проходят.

Катя. Вот ее муж с вечера сюда к вам пришел и не вернулся.

Дымов. Очень странно. Ушел с вечера и не вернулся. Я вот пятый год из дому ушел и никак не могу вернуться. Сам поражаюсь, что такое!

Надя. Муж мой тоже два года девять месяцев на войне пропал.

Входят рабочие.

Рабочий (*показывая пропуск*). Союз кожевников.
Дымов. Проходи, союз кожевников.

Рабочие проходят.

(*Наде.*) Муж ваш... К сожалению, не слышал, незнаком с ним.

Надя. Дяденька, сам подумай, ведь он только с позиций явился и опять ушел.

Дымов. Это, конечно, неприлично.

Катя. Вот уж эти матросы. Все шутите.

Дымов. У меня мама ласковая была, с тех пор хожу веселый.

Голос. «Аврора» идет.

Проходит группа матросов с «Авроры».

Дымов. Проходи, «Аврора».

В это время появляется группа крестьян.

(*Останавливая матроса Володю.*) Папаше Володе сердечное почтение! Альбатросов своих узнавать не хотите?

Володя. Извини, товарищ Дымов, я, кажется, засыпать на ходу начинаю.

Входят меньшевики.

Дымов (останавливает меньшевиков). Пропуск. Предъявите пропуск, товарищ.

Меньшевик протягивает пропуск.

Никогда мы вас не пропустим.

Меньшевик. Мы сейчас уполномочены Вик-желем.

Дымов. Вы можете быть уполномоченными самим господом богом... и богоматерью... но мы вас не пропустим никогда.

Меньшевик. Ах так! Так передайте вашим верхам, что, пока они находятся у власти, не сдвинется с места ни один паровоз.

Дымов. Прения прекращаю. (Охране.) Проводите этих господ до их ландо.

Меньшевик. Я уйду, подчиняясь насилию.

Меньшевики уходят.

Дымов (Володе). Отчего у вас такой унылый вид, дядя Володя?

Володя. Говорил я: стреляйте юнкеров. Пожале-ли, на честное слово отпустили.

Дымов. А где вы видите юнкеров?

Володя. Не сегодня, так завтра они нам устроят представление... Полный город буржуев... Это кошмар, сколько в Питере буржуев...

Дымов. Володя, не делайте паники. Скоро подсчитаем всех буржуев. Вы будете главным счетоводом.

Общий смех. Матросы уходят в Смольный. Появляется Самсонов.

Ты куда, Самсонов?

Самсонов. Я по поручению Ленина отправлял на фронт снаряды и сейчас направляюсь туда же.

Дымов. Нам не суждено с вами расстаться, смеюсь — и тоже отправлюсь на фронт. До свидания.

Самсонов. Ты все такой же.

Дымов. Умру с улыбкой на устах. (Крестьянину.) Папаша, вы куда?

Крестьянин. Занятия еще не начинались?

Дымов. Занятия, папаша, с двадцать пятого октября не прекращаются.

Крестьянин. Денно и ночью?

Дымов. Денно и ночью, папаша... Говорите, куда вы идете?

Крестьянин. Мы новгородские.

Дымов. Депутаты, делегаты? Бумажки при вас есть?

Крестьянин. Как же... Ефим... Вот. (Достает бумагу.) Вот волостной приговор.

Дымов. Фу ты, какая реляция!

Крестьянин. Восемьсот и пять подписей. Мы к Ленину уполномоченные.

Дымов (возвращает бумагу). Прошу входить.

Крестьянин (Дымову). А Ленин здесь?

Дымов. Здесь.

Крестьянин. Мужики, идите сюда.

Крестьяне пошли.

Дымов (товарищам). Спозаранку мужик пошел! Сколько их идет сюда!.. Сама сыра земля подымается... (Увидел, что Катя и Надя стоят в стороне.) А вы все еще горюете? Ведь это вам революция рабочих и крестьян, а не что-нибудь такое из древней истории.

Надя. Милый человек, дай нам найти его.

Дымов. Кого?

Надя. Ивана Шадрина, солдата.

Дымов. А, Иван Шадрин... Что за человек! Такую хорошую даму заставляет убиваться. Милые мои, что же мне с вами делать? Тут Шадринных тысячи.

Надя. Мы его сразу увидим. Шадрин один. Ты только пусти нас.

Дымов. Со всем сердцем, но какой толк? Может быть, он службу где-нибудь несет, как я.

Катя. Нет, он в отпуску.

Дымов. Теперь вся Россия в отпуску... Как быть с вами? (*Товарищам.*) Пропустить, что ли? Пусть поищут...

Надя. Мы тихо пройдем, сторонкой.

Один из охраны. Вреда они не принесут, но не полагается.

Дымов. Идите... Жаль мне вас... Еще плакать будете тут. А на матроса соленая вода действует ошеломляюще.

Входят красногвардейцы, солдаты во главе
с Шадриным.

Надя (*увидела Шадрину*). Вот он сам... Вот он идет... Иван! Иван!

Дымов. Не надо шуметь. Порядочек.

Надя. Да вот он!

Дымов. А я его, оказывается, знаю. Шадрин, к тебе родня пришла.

Надя. Иван!

Шадрин. Вот тебе раз! Ты тут зачем?

Вбегают молодой солдат.

Молодой солдат (*Шадрину*). Товарищ командир, все собрались, вас ждут.

Шадрин уходит с молодым солдатом. Надя бросается вслед за ним, но ее не пускают. Появляется Чибисов. Катя бросается к Чибисову.

Катя. Николай, я знаю, вы на фронт уходите. Ну вот. Я плакать не стану, как Надежда... За нас не беспокойтесь. Не пропадем.

Чибисов. На заре человечества — и пропадать?

Нет, за наше будущее я спокоен. У меня сердце разрывается по другой причине.

Катя. Так уж оно и разрывается? По какой же причине?

Чиби́сов. Я не шучу.

Катя. И я без шуток спрашиваю — по какой?

Чиби́сов. Вот уйду я... и не услышу от вас другого слова.

Катя. Услышите, услышите. Я тоже вас преданно люблю.

Чиби́сов. Ну вот, теперь услышал, теперь другое дело, теперь со светлой душой пойду вместе с вашим братом. На прощанье разрешите поцеловать.

Проходит переодетый офицер.

Дымо́в. Предъявите пропуск, товарищ. (*Смотрит пропуск.*) В порядке... (*Осматривает человека, обратив внимание на офицерские калоши.*) Это не ваш пропуск.

Офице́р. Ложь. Это мой личный пропуск.

Дымо́в. Это я вижу ложь на вашем лице, на ваших калошах. В каком чине служите, господин офицер?

Столпились красногвардейцы, солдаты, матросы. Шум.

Без паники, прошу в комендатуру.

Офице́р. На каком основании? Я протестую.

Дымо́в. Объяснения прекращаю. Рекомендую не сопротивляться.

Возмущение толпы. Офице́ра уводят. Входит Ша́дрин. Надежда бросается к нему.

На́дя. Не пушу, все равно не пушу. Поперек дороги лягу. Не пушу!

Ша́дрин. Никогда не трогал, но, ей-богу, по затылку дам.

На́дя. Три года по позициям скитался и опять уходишь не повидавшись.

Шадрин (Чиби́сову). Николай, подь сюда.

Чи́сов подходит.

Товарищ Чи́сов, объясни ты ей, как старшой... Я не могу.

Чи́сов. Товарищ...

Шадрин. Надеждой ее кличут.

Чи́сов. Товарищ Надежда, рассудите сами...

Надя. Ты увел мужа и молчи уж... К своей иди рассуждать. Не лезь не в свое дело.

Чи́сов. Послушайте...

Надя. Не лезь не в свое дело.

Чи́сов. Я ничего... Это, конечно... Простите...

Входит Никанор.

Никанор. Чи́сов, тебя в штаб требуют.

Чи́сов уходит.

Шадрин. Надежда, откуда у тебя такой характер взялся?

Молодой солдат выстраивает солдат и красногвардейцев.

(Ласково.) Вот что, Надежда... Правду тебе скажу: с Лениным я разговаривал... Нету у нас времени, Надежда. После расскажу. Только наше мужицкое дело так повернулось — либо конец войне и земля наша, либо опять головой в хомут до самой смерти.

Надя. Это кто же говорит-то?

Шадрин. Он... Ленин.

Надя. Ленин! Ну иди уж, иди. Разве тебя теперь такого удержишь...

Шадрин. Становись! Равняйся! Смирно! Мужики, в прежнее время винтовку солдату без присяги не давали. Шапки долой! Присягаем нашей рабоче-крестьянской власти, что мы ее не выдадим. Это наше последнее слово.

Н и к а н о р. Хорошее слово, товарищ командир.

Ш а д р и н. Смирно! На плечо!

Н и к а н о р. Никакой пощады врагам трудового народа! Честь и слава бойцам революции!

Ш а д р и н. Шагом марш!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На пороге к Петрограду.

Шадрин. Кавалерия у них или пехота? Бинокля у нас нету.

Чибисов. А кто опаснее? Кавалерия или пехота?

Шадрин. Казаки, они опасные, ежели за ними не усмотришь; пехота, она тоже опасная.

Входит прапорщик, бывший в штабе.

Прапорщик. Товарищи командиры, здесь сводный полк Смольного?

Шадрин. Так точно, товарищ командир.

Прапорщик. Я назначен начальником Пулковского боевого участка. Ваш отряд в моем распоряжении. (Самсонову.) Обе батареи подтяните правее к мосту. Снарядов достаточно?

Самсонов. По сто двадцать на орудие.

Прапорщик. Действуйте. Ваш отряд, товарищ Дымов, расположите в прикрытии артиллерии.

Дымов. Будет исполнено, товарищ командир. (Уходит.)

Прапорщик (Шадрину и Чибисову). Товарищи командиры, попытайтесь прощупать солдат противника.

Шадрин. Как же это?

Прапорщик. Изобретайте, принимайте решения, не бойтесь. (Уходит.)

Шадрин. Вот ведь и Ленин так говорил — «не бойтесь».

Входят двое красногвардейцев, боевой вид — привели пленного.

Молодой солдат. Товарищ командир, пленного взяли.

Шадрин. Давай его сюда.

Пленный испуган до ужаса, стоит без шапки.

Фамилия?

Пленный. Макушкин.

Шадрин. Рядовой?

Пленный. Так точно.

Шадрин. Ты против кого идешь?

Пленный. Не могу знать.

Шадрин. Так что же ты, дура, воюешь? А?

Пленный молчит.

Дать бы тебе в морду, ты бы понял.

Чибисов. Шадрин, так не надо.

Шадрин. А что же, целовать их? Они ведь стреляют.

Чибисов. Человек несознательный.

Шадрин. А я сознательный? Авось одни университеты проходили. (Пленному.) Надень шапку, простудишься.

Пленный надевает шапку.

Пехота у вас или кавалерия?

Пленный. Мы пехота.

Шадрин. Тыловая часть или с фронта?

Пленный. С позиций нас сняли.

Шадрин. Вот сволочи, фронт открывают!

Пленный. Мы не виноваты, нас послали.

Шадрин. Не про тебя говорю... генералы ваши. Вот тебе и задача. Что с ним делать? Расстрелять его без разговора, раз он против народа пошел, или как, а? Упрашивать?

Пленный. Братцы, а зачем же такие слова?

Шадрин. А зачем полез? Что здесь потерял?

Пленный. На разведку нас послали.

Шадрин. А ты знаешь, что с разведчиками делают?

Пленный. Братцы... пожалейте.

Чибисов (пленному). Помолчи. (Шадрину.) Давай, товарищ Шадрин, посоветуемся. Есть у меня мнение...

Шадрин. Давай.

Они советуется в стороне, а пленный, не спуская с них глаз, переживает, как переживают пленные смерть и жизнь. Шадрин и Чибисов подходят к пленному.

Шадрин (берет у Чибисова записную книжку). Солдата у них по буквам узнают. Так и начну: «Дураки, черти, чего вы воюете?» (Чибисову.) Можно так начинать?

Чибисов. Начинай.

Шадрин. Какой тут знак поставить?

Чибисов. Ставь вопросительный.

Шадрин. Хорошо. (Пишет.) «Стрелять мы тоже умеем, но давайте сначала разберемся...» (Пишет молча.)

Чибисов (пленному). Кто вами командует?

Пленный. Полковник Собсович.

Чибисов. А Керенский где?

Пленный. Не знаю... Говорят, где-то во дворцах.

Шадрин. Дворцы защищаете?

Пленный. Мы сами не знаем, что защищаем.

Шадрин (передает бумагу пленному). На, отнеси своим, чтобы все прочли. Одна нога здесь, другая — там.

Пленный. И больше ничего?

Шадрин. Но, гляди, ежели вы хоть каплю нашей крови прольете, тогда... Беги. Рысью.

П л е н н ы й. Век буду...

Ш а д р и н. Рысью.

П л е н н ы й исчезает.

Ну, вот, хоть на дело похоже, переговоры начинаются. Ежели знак будет, вместе пойдем?

Ч и б и с о в. Конечно, вместе.

Ш а д р и н. Ты, я замечаю, смелый.

Ч и б и с о в. А ты за кого же меня держал?

Ш а д р и н. Все-таки вы, штатские... Нет, правда... с тобой у нас, видать, дело пойдет. Скажи, как будем вести переговоры?

Ч и б и с о в. Придем вместе, и потом я от тебя отделись, чтоб охватить больше массы. Так что тебе, Шадрин, придется выступать одному.

Ш а д р и н. Не... не-не... выступать я не согласен. Ты партийный, тебе и выступать, а я побуду так...

Ч и б и с о в. Скажи, ты какой губернии?

Ш а д р и н. Тамбовской, Лебедянского уезда, села Ракитина.

Ч и б и с о в. И все у вас там тихие?

Ш а д р и н. Все... все... Выступать не буду, как хочешь.

Ч и б и с о в. Значит, ты бессловесный, как пень.

Ш а д р и н. Пускай буду как пень, выступать не буду.

Ч и б и с о в. А я надеялся, что из тебя получится пламенный боец революции.

Ш а д р и н. Воевать — головы не пощажу, а выступать — нет, не могу.

Ч и б и с о в. Революцию добывают не одним оружием. Высокое слово бывает сильнее пулеметов и пушек. Стыдно на тебя после этого смотреть. Разочаровал ты меня, товарищ Иван.

Ш а д р и н. Какой ты въедливый! Ты меня прямо выворачиваешь. Чего тебе надо? Не могу я выступать...

Ч и б и с о в. Да почему, голова?

Ш а д р и н (с отчаянием). Боюсь... Стесняюсь... Язык

откажется служить, ноги подкосятся, потеряю и убегу. Поймите вы простого человека. Вы меня в море пускаете, а я ведь речки как следует не видел.

Чиби́сов. А ты оратора из себя не делай. Это тебе не идет.

Ша́дрин. Ага... А как же?

Чиби́сов. Вот мы с тобой придем... поздороваемся.

Ша́дрин. Это само собой.

Чиби́сов. Насчет Керенского прокатись.

Ша́дрин. Тоже можно.

Чиби́сов. Расспрашивать тебя станут...

Ша́дрин. Понятное дело, побеседуем.

Чиби́сов. И самое главное, Иван, расскажи им, как ты с Лениным беседовал.

Ша́дрин. Это я с удовольствием расскажу, это мне очень приятно поделиться. А ведь получится.

Молодой солдат. Товарищ командир, знак подают.

Ша́дрин (*передает оружие молодому солдату*). Если через час не вернемся, принимай меры и сообщи в штаб.

Молодой солдат. Слушаю. Приму меры.

Чиби́сов. Увидимся. Раскрывай паруса, Ша́дрин. Пошли.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В том же районе Пулковских высот. Расположение солдат Керенского. У всех погоны. Военная часть ждет делегатов. Похоже на привал. Многие смотрят в сторону.

Солдат с нашивками. У всех винтовки заряжены? Пулемет надо приготовить, по-моему. Кто их знает, этих советских! Слыхали, что командир читал?

Пленный. Я же вам говорю — очень простые люди.

Солдат с нашивками. А расстрелять тебя хотели?

П л е н н ы й. Само собой... Свободное дело: раз война, могли бы, могли.

С о л д а т с нашивками. Ну и молчи... Приготовьте пулемет. Следите за местностью.

С о л д а т ы. Идут.

— Вот они.

— Двое... один штатский.

Оживление.

— Без оружия идут... Смелые.

— Солдат суровый... По всему заметно — фронтовик.

— Гляди, штатский-то в сторону пошел...

— Ах, пропади ты пропадом — переговоры.

Ожидание. Входит Ш а д р и н.

Ш а д р и н. Ну, здорово, воины... керенские?

С о л д а т с нашивками. А вы советские?

Ш а д р и н. Керенского солдат попробовал. (*Подмигнул пожилому солдату.*) Как, вкусно, батя?

П о ж и л о й. Ты меня не агитируй... Начинай свои переговоры.

Ш а д р и н. У меня дело громадное. Рота у вас тут или полк?

С о л д а т с нашивками. Это военная тайна.

Ш а д р и н. Не к тому вопрос. Хотелось бы всему народу сказать.

С о л д а т с нашивками. Сбор играть для тебя не станем.

Ш а д р и н. Однако присядем, что ли? Закурить нету? Вас, поди, снабдили, раз против народа ведут. Не то, как на немца, а?

С о л д а т с нашивками. Востер, стерва.

Ш а д р и н. Из одного теста... натерели.

П о ж и л о й. Ты, однако, не рассиживайся. Не в гости

пришел. Ежели ты агитатор, то вали обратно, пока цел. С агитаторами у нас строго.

Солдат с нашивками. Сам пропадешь и нас подведешь.

Шадрин. Что это такое — агитатор? Не знаю. Я солдат, фронтовик, как все вы, и пришел с вами потолковать по нашему солдатскому делу.

Солдат с нашивками. Толковать тут нечего. Переходите на нашу сторону — и вся недолга...

Шадрин. А вот давайте вместе подумаем, кому куда переходить.

Солдат с нашивками. Капитан Карнаухов идет.

Пожилой. Довел до беды, сукин сын. Командир идет. Пропадешь с тобой.

Входит капитан Карнаухов.

Карнаухов (*крайне возбужденный*). Где, где агитатор? Где большевик? А, вижу... Взять. Где другой? Мне доложено, что их двое явилось со стороны красных.

Солдат с нашивками. Другой на правом фланге, господин капитан.

Карнаухов. Кто с ними собеседование учинил?

Солдат с нашивками. Никак нет, мы его...

Карнаухов. Вы его должны были арестовать и доставить в штаб к полковнику Собсовичу.

Солдат с нашивками. Слушаюсь, господин капитан.

Шадрин. Ведите, господин капитан, ведите.

Солдат с нашивками. Не разговаривать!

Карнаухов. До какой наглости дошли! За каждого красного головой отвечать будете. Немедленно доставьте к полковнику, он умеет с ними обходиться. Где другой? На правом фланге, говоришь?

Солдат с нашивками. Так точно.

Карнаухов уходит.

Пожилой. Слава те господи, хоть нас с ним не арестовали. Обыскать его, что ли?

Солдат с нашивками. Приказа не было. Там обыщут. (*Шадрину.*) Иди вперед... Стой, слушай. При побеге знаешь что делают?.. Ну вот... Пойдем.

Шадрин. На расстрел ведете?

Пожилой. Это нас не касается.

Шадрин. Ведите.

Солдат с нашивками. Знал, куда шел. Ну вот. Иди в штаб.

Пленный. Недостойно вышло. Меня они отпустили, как своего брата, а мы его в штаб. Погиб ведь человек, сами знаете.

Солдат с нашивками. Замолчи ты. Сам с ним захотел?

Пленный. Бери и меня! Я говорю — измена слову. Зачем звали людей? Позвали и начальству выдали?

Собираются солдаты.

Пожилой. Я за него под расстрел не пойду.

Солдат с нашивками. Приказываю не разговаривать. (*Шадрину.*) Шагом марш!

Шадрин. Чего торопишься, службист! Мало нашего брата постреляли? Успеют, не бойся.

Пожилой. Что же это, пропадать с ним? Ведь нас полковник в землю врет.

Солдат с нашивками. Арестованному два шага вперед! Остальным разойтись.

Пленный. Пусть хоть скажет человек, зачем он пришел.

Солдат с нашивками. Не могу я допустить...

Пожилой. Пропадем. Все пропадем.

Шадрин. Вот что, други мои. Намедни я сам с Лениным беседовал.

Солдат с нашивками (*удивленно*). Врешь!

Шадрин. Ей-богу!

Солдат с нашивками. Перекрестись.

Шадрин. На. (*Махнул крест.*)
Пожилой. Чудно. Какой же он?
Шадрин. Наш.
Пожилой. Из солдат?
Шадрин. Вона, сказал! Он вождь... великая голова. Весь мир его знает.
Солдат с нашивками. А как же его звать?
Шадрин. Владимир Ильич.
Пожилой (*мягко*). Ильич.
Кто-то из солдат. А про землю? Про землю как?
Шадрин. Вот это и есть самое главное дело... а то — в штаб. В штаб мы успеем.

Подходят солдаты.

Солдаты. Арестованный?
— За что?
Пожилой. Он с Лениным разговаривал.
Солдаты. Какой он есть?..
— Пускай расскажет.
Солдат с нашивками. Не могу. Нарушение долга службы. Что же это делается? Сам гибну и других тяну.
Шадрин. Что же, веди... пусть расстреливают.
Пленный. Нечего его слушать! Расскажи про Ленина.
Шадрин. Человек ведь за свою жизнь боится. Кому свою жизнь на чужую менять охота! Веди.
Пожилой. Стой... Расскажи, что он тебе говорил.
Шадрин. Кто?
Пожилой. Этот самый Ильич... Ленин.
Шадрин. Ладно. Отойдем немного.

И не они повели Шадрину, а Шадрин их. Присоединяются солдаты по двое, по трое, спрашивают шепотом, что такое. Звучит имя Ленина.

Солдат с нашивками. Ну, что же ты... говори. Скорей.

Шадрин. Встретил я его... (Указывая на первого вблизи солдата.) Встретил я его, как тебя, но разве это ты или я? Это ведь кто? Подумать только! Остановился он и на винтовку мою посмотрел. Внимательный у него взор такой... и веселый. А я, правду сказать, немного оробел. И что ж тут такого? Солдат с ружьем. Эка невидаль. А он как? Он — нет. Он сразу добился: почему ты за винтовку держишься, кто ты, чей ты, к чему у тебя душа лежит. Вот он как. А я ничего не знаю. Хлопаю себе глазами, как ворона. Мне бы чаю достать, да и только, а со мной — Ленин. И что же вы думаете, не только всю мою жизнь узнал, но и сказать вам не умею, что он сделал мне. Товарищи, верите, я забыл, где я, что я, с кем, только готов ему всю душу выложить: до того свой, до того знающий человек с тобой говорит. Знаем мы все, что Ленин — народный вождь. Но я не ждал, не гадал, чтобы так понимал он самого последнего солдата...

Стоят в задумчивости.

Вот и все, мужики. Ну, что же будем делать? Ведите в штаб.

Пожилой. А твой штаб где?

Шадрин. Мой штаб — это я сам.

Пожилой. Я думаю, солдаты, нам к его штабу примыкать надо.

Солдат с нашивками. Думаешь? Ты думалку свою проверил? Она у тебя с пружиной?

Пожилой. Я — как все... Но я в штаб его не поведу. (Шадрину.) Я тебя в штаб не поведу.

Шадрин. Товарищи, а я не оратор, а то я бы вам высказал. Постойте, вот наш человек бежит, к счастью.

Вбегает молодой солдат. Он страшно торопился, дышит тяжело, возбужден до забвения.

Молодой солдат. Эй, вы, керенские защитники, отвечайте, куда вы подевали наших народных коман-

диров? Даем вам пять минут для ответу и на случай опасности, угрожающей нашим народным командирам, открываем по вас шквальный огонь. Видите, на той вышке у нас два пулемета, за горкой две полевые батареи, на крышах восемь пулеметных гнезд и за линией горизонта пятьдесят тысяч пехоты в боевом порядке. Подавайте сюда наших командиров.

Шадрин. Не пугай их зря. Я — вот он.

Молодой солдат. Товарищ командир, войско в тревоге остается.

Солдат с нашивками (*своим*). Погодите, дивно это. Они ведь за него, как за Стеньку Разина, заступаются.

Шадрин (*молодому солдату*). Слушай, Ларион, у тебя декрета не осталось, что мне давал читать вчера?

Молодой солдат. Имеется, товарищ командир.

Шадрин. Раздай-ка для подбавки к своему разуму.

Молодой солдат. Слушаюсь, товарищ командир. (*Раздает листовки.*) Читайте наши законы... Смотрите, Лениным подписано... навечно. Пока вы перед генералами во фронт становитесь, а мы ихние поместья... того... этого самого... навечно.

Солдаты читают Декрет о земле.

Пожилой. Вот это Ильич! Вольному воля, а я к нему иду.

Солдат с нашивками. Кончаю навеки старый режим! (*Срывает с себя погону.*)

Шадрин. Это что за часть идет? Это не ваши? Вы не знаете?

Солдат с нашивками. Это какие-то чужие.

Шадрин. Ложись!.. В цепь!

Пожилой. Стрелять, что ли?

Шадрин. Погодите стрелять без команды. (*Кричит.*) Эй вы, люди! Вы чьи?

Голоса. А вы против кого?

Шадрин (кричит). Погодите воевать! Давайте сговоримся. Вышлите сюда делегатов. (Своим.) Ну и срезались. Нос к носу.

Входят Лопухов и Евтушенко.

Лопухов! Евтушенко! Братишки!

Евтушенко. Иван!.. Ах ты, собачий хвост!.. Ты шо тут робышь?

Шадрин. Вон, с вами воевать собрался...

Евтушенко. Чи ты сказывся... Мы ж наши.

Шадрин. И мы наши.

Лопухов. Постой, Шадрин. Смешки эти бросьте, не время. Мы прямо говорим: отказываемся от Керенского. Идем Советы поддерживать. Ежели не пропусти-те — будем биться как полагается.

Входит матрос Дымов. Шадрин обнимается с Евтушенко.

Дымов. Пехота, а я думал, что у вас здесь рукопашная схватка, а вы целуетесь и обнимаетесь! Довольно целоваться, пехота!

Лопухов. Как же так, Шадрин, а ко двору?

Шадрин. Двор-то видишь какой...

Лопухов. И чью команду слушает Шадрин?

Шадрин. Теперь я сам команду. Идем в штаб.

Входит Чибисов с солдатами.

Вы видите этого человека, мужики? За этого человека я всякую минуту жизни не пощажу.

Чибисов. Товарищи! Наш путь на Гатчину. За мир, за землю, за рабоче-крестьянскую власть!

ФИНАЛ

У Смольного. Солдаты, красногвардейцы, матросы, народ.

Ленин говорит речь.

Ленин. Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и старушкой. И вот какую мысль высказала эта старушка. Она сказала: «Теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился один человек с ружьем, и, вместо того чтобы отнять у меня мой хворост, он еще прибавил мне». Когда я это услышал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти социалистические и прочие, — пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: «диктаторы», «насильники» и прочие слова, — мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос. Они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров. Вот что народ почувствовал, вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, непобедима. Рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что они теперь господствующий класс. Этих качеств в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынужденных голодом и нуждой работать из-под палки, не мог создать переворот сразу. Но вот в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и необходимость Октябрьской революции, что она будит эти качества, ломает старые препоны, рвет обветшалые путы, выводит трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни. Пример Советской Республики будет стоять перед всем миром на долгое время. Наша социалистическая Республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала. Здесь — настоящая политика мира и социалистическая Республика Советов.

Занавес

КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ

*Пьеса в четырех действиях,
одиннадцати картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ленин
Дзержинский
Рыбаков, матрос
Забелин, старый инженер
Забелина, его жена
Маша, их дочь
Чуднов, крестьянин
Анна, жена Чуднова
Роман, их сын
Лиза, их сноха
Степка } их дети
Маруся }
Казанок, деревенский звонарь
Старший } рабочие
Бородатый }
Подручный }
Нищая старуха
Старушка с ребенком
Дама с вязаньем
Дама испуганная } гости Забелиных
Скептик }
Оптимист
Кухарка Забелиных
Председатель домкома
Военный
Секретарь у Ленина
Глаголев, эксперт
Машинистка
Часовщик

Английский писатель
Торговка куклами
Красноармеец
Прохожий
Духовное лицо
Спекулянт
Торговка салом
Женщина
Торговка
Человек в сапогах
Первый беспризорник
Второй беспризорник
Третий беспризорник
Прохожие, продавцы, курсанты

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Иверские ворота* в Москве. Часовня с негасимыми лампадами. Апрельский вечер. Толстая краснолицая женщина торгует куклами. Здесь же бегают взад и вперед человек в бекеше — спекулянт. Проходят москвичи. Они одеты пестро и бедно. Живут на голодном пайке.

Торговка куклами. Куклы атласные, шелковые, парчовые. Лучший подарок детям. Любая кукла — семьсот пятьдесят тысяч. Незаменимый подарок детям!

Проходит духовное лицо. Идет медленно, глаза опущены.

Духовный (*тихо, но внятно*). Кресты золотые, литые, старинные меняю на муку.

Прохожий. А колокола не меняешь?

Духовный. А что, разве есть покупатель?

Прохожий. Ты саму Иверскую божью мать продашь, ирод!

Торговка. Кружева, Брюссель, шантильи... Кружева, Брюссель, шантильи...

Спекулянт (*простуженный и пропитой голос*). Шрапнель... шрапнель, крупа приличная, заграничная, лучшая, приятная, ароматная... Только на вещи, только на вещи...

Прохожая женщина. Платок возьмешь?

Спекулянт. Смотря какой.

Женщина. Оренбургский, ненадеванный.

Спекулянт. А где у тебя платок?

Женщина. Где ж твоя крупа?

Спекулянт. Недалеко. Не бойся. Я тебя обманывать не стану. Я честный торговец.

Женщина и спекулянт уходят.

Торговка салом. Сало, сало, кому надо полтавского сала. Я с Полтавы сала привезла. Давайте сменяю сало на золото.

Голоса. Пояса, пояса!

— Сахарин, академические таблетки, вполне заменяют сахар, ароматные ощущения. Никаких расходов.

Торговка. Кружева, Брюссель, шантильи... Кружева, Брюссель, шантильи!

Появляется человек неопределенного возраста. На нем лакированные сапоги-дудки, клетчатый зимний френч и английское кепи.

Человек в сапогах. Кто интересуется новой антирелигиозной литературой? Посмертное произведение Достоевского: «Что делает жена, когда мужа дома нету!» Сто шуток и анекдотов из половой жизни графа Сологуба с иллюстрациями!

Первый беспризорник. Стой! У тебя туз из другой колоды.

Второй беспризорник. Клянусь свободой!..

Беспризорники дерутся.

Первый беспризорник. Положи деньги на место!

Второй беспризорник. Не дерись, положу.

Первый беспризорник. Будешь играть без обмана?

Второй беспризорник. Клянусь свободой!

Игра в карты.

Торговка. Кружева, Брюссель, шантильи!

Второй беспризорник. Иду на любую половину лимона.

Первый беспризорник. Голос слышу, денег не вижу. Покажите ответ.

Второй беспризорник. Есть ответ.

Третий беспризорник. Мальцы, смотри, инженер идет, который спичками торгует.

Голос Забелина: «Спички серные, безопасные, фабрики Лапшина*».

Первый беспризорник. Мы сейчас у него из кармана будем деньги брать, папиросы брать, а он за нас будет плакать.

Появляется Забелин. Он чисто выбрит. Седеющие виски и усы его тщательно подстрижены. На нем фуражка и форменная тужурка под старым пальто. Забелин носит крахмальные воротнички и дорогие старинные галстуки.

Здравствуй, инженер!

Забелин. Здравствуй!

Первый беспризорник. Как живешь?

Забелин. Как ты, плохо.

Первый беспризорник. Так ты же дома живешь, а я в котле для асфальта.

Забелин. И я скоро в котел переселюсь.

Первый беспризорник. Когда переселишься, тогда и говори. Много наторговал?

Забелин. Не знаю. Не считал.

Первый беспризорник. Мы сейчас посчитаем!

Забелин. Как же ты считаешь?

Первый беспризорник. Я в гимназии по арифметике был первый ученик. Во!.. Гляди! Торгуй, инженер, мы к тебе еще придем! Бежим, мальцы, на Тверскую в столовую, каши просить.

Беспризорники уходят с песней:

«На Дону пароход,
Вода кольцами,
Будем рыбу кормить
Добровольцами».

Забелин. Спички довоенные, серные, фабрики Лапшина.

Торговка куклами. Лучший подарок детям. Куклы атласные, шелковые, парчовые... Куклы, куклы...

Около торговли куклами останавливается красноармеец.

Красноармеец. Почему эти куклы?

Торговка куклами. Семьсот пятьдесят тысяч.

Красноармеец. Разор!.. За что деньги берешь? За куклу. Разве это вещь?

Торговка куклами. Вам не нужно — значит, и не интересуйтесь.

Красноармеец. Зачем — не нужно? Нужно. Говори делом, за сколько отдашь?

Торговка куклами. Семьсот пятьдесят.

Красноармеец. А любую половину не хочешь?

Торговка куклами. Если вы хотите шутить, то идите в другое место.

Красноармеец. Бери полмиллиона... Ну сама подумай, это не лошадь, а кукла... игрушка!

Торговка куклами. Если вы ничего не понимаете, то не говорите! Чего вы их лапаете? (*Рассердилась.*) Ну чего вы их лапаете?

Красноармеец (*мирно*). Ладно. Выбери сама какую побольше.

Забелин. Что же... вы их на вес покупаете?

Красноармеец. Эка... И не разберешь, за что деньги платил... (*Следит за торговкой куклами.*) Ты, кума, эту кривую мне не суй!

Торговка куклами. Глупый вы. Она не кривая, а с выражением лица.

Красноармеец. Раз торгуешь без скидки, то и товар подавай первый сорт. (*Забелину.*) Верно говорю?

Забелин. Зачем вам кукла?

Красноармеец. Скажут тоже — мне. Девчонке везу, дочери. С фронта еду в бессрочный отпуск. Подарок везу. Почем спички?

Забелин. Я торгую по обычным ценам.

Красноармеец. А они зажигаются?

Забелин. Я никогда людей не обманывал.

Красноармеец. Мало ли что... Я вчера ломоть хлеба купил. Откусил, а он горький. Собаке бросил, и та есть отказалась. Ежели с ручательством торгуете, то я на этот аршин денег возьму серничков про запас. А то в деревне на огонь тоже голод. Ох, теперь на все голод. *(Разматывает ленту денежных купонов.)* Зато богато живем... в сотнях, тысячах как сыр в масле купаемся!

Забелин. Долго воевали?

Красноармеец. С империалистической пошел на гражданскую.

Забелин. Так... Не много же завоевал, солдат! Куклу да пачку спичек!

Красноармеец. Какой ни есть, а подарок. Заговоришься с вами, а поезд уйдет. Время не знаете?

Забелин. Не знаю. На Кремле теперь часы не бьют.

Красноармеец. Что же они? Испортились?

Забелин. Да, братец, испортились главные часы в государстве. Молчат кремлевские куранты. Счастливого пути, солдат. Вези домой куклу.

Красноармеец. Меня не собьешь. Я тертый. А за такие намеки вас могут к стенке прислонить.

Забелин. Думаете, лучше будет? Лучше не будет.

Красноармеец. Не знаю — лучше, не знаю — нет, а к стенке вас поставить не мешало бы. Ну, до свидания. Мне некогда.

Забелин. Спички серные, довоенные, безопасные, фабрики Лапшина! *(Торговке.)* Молчат кремлевские куранты... Что вы думаете по этому поводу, сударыня?

Торговка куклами. У меня тоже с комода будильник упал и остановился. У кого починить, не знаю.

Забелин. Простите, вы сказали глупость.

Торговка куклами. Если вы умный, то и не лезьте к глупым... Лучший подарок детям, лучший подарок детям!

Забелин. Спички серные, довоенные, фабрики Лапшина!

Возвращается спекулянт.

Спекулянт. Шрапнель... шрапнель, самая питательная крупа! Только на вещи, только на вещи!

Забелин. Послушайте, торговец крупами!

Спекулянт. Слушаю, ваше сиятельство.

Забелин. Если бы в Лондоне на Вестминстерском аббатстве* замолчали куранты, то что бы сказал англичанин?

Спекулянт. Не могу знать, ваше сиятельство!

Забелин. Англичанин сказал бы, что Англия кончилась.

Спекулянт. Свободное дело, свободное дело!

Забелин. Это, торговец крупами, пароксизм сердца.

Спекулянт. Вы, ваше сиятельство, лучше дома с женой об этом беседуйте, а с нами не стоит.

Торговка куклами. Если вы хотите на Лубянку*, то туда вам и дорога, а мы совсем не хотим! Чего вы из себя на улице кадета выставяете? Чего вы моим покупателям подпускаете агитацию на Кремль? Если вы против режима встали, то катитесь к Врангелю* в Крым. Вы не честный советский спекулянт! Я вас брею, а вы молчите, гордость показываете. Тоже нашелся Иисус без апостолов! (Идет.) Лучший подарок детям!.. (Уходит.)

Забелин. Я всем говорю лишь то, что думаю, а вы боитесь.

Спекулянт. Ясное дело — боюсь. За такие беседы,

ваше сиятельство, могут заставить, простите, нужники вывозить. Вот вам и аббатство. (Уходит.)

Духовный (наблюдавший со стороны весь этот разговор). Смотрю я на вас и думаю — великий огонь в сердце носите!

Забелин. Простите, с попами никогда в сношения не вступал.

Духовный. Сие от заблуждения, друг мой! Ну вот, повергли в прах попов... А что вышло?

Забелин. А с вами тем более разговаривать, должно быть, очень противно.

Духовный. Своего берега не имеете. Утонете, милостивый государь.

Забелин. Повторяю, с попами и жуликами в сношения не вступаю.

Духовный. Вы бес... бес!

Забелин. Убирайся отсюда, старый мошенник!

Духовный. От мошенника слышу!

Забелин. Я вам по шее дам.

Духовный. Вы дьяволом одержимы, у вас повадки бешеные, уверяю вас!

В то время как духовное лицо уходит, появляется Забелина. Это женщина лет сорока. Выглядит моложе. Когда-то была очень хороша собой и теперь отнюдь не увяла и не опустилась. Одета хорошо, по-зимнему. На голове белый шерстяной платок.

Забелина. Антон Иванович, шел бы ты домой.

Забелин. Я живу на улице.

Забелина. Кто тебя заставляет жить на улице? Кто тебя гонит на улице? Никто.

Забелин. Советская власть. Это не вмещается в твои понятия. Мы поговорим с тобой в тот момент, когда твои понятия расширятся. Вообще я бы советовал тебе внимательнее смотреть за дочерью... А я в опеке не нуждаюсь.

Забелина. Ну, и Маша у нас не ребенок. Она начинает самостоятельную жизнь.

Забелин. Да, это правда. Если она завтра сделает-ся уличной девкой, я не буду удивлен.

Забелина. Антон Иванович, побойся бога. Ты это сказал о Маше, о нашей дочери.

Забелин. А ты знаешь, что час тому назад твоя дочь ушла в гостиницу «Метрополь» вдвоем с женщиной?

Забелина. «Метрополь» — не гостиница. Там устроили второй Дом Советов.

Забелин. Я не знаю, что это такое Дом Советов. «Метрополь» — гостиница. Твоя дочь ходит в гостиницу. Я сам видел.

Забелина. Ты мне муж, разведись со мной, но не смей говорить такие вещи!

Забелин. Если в течение трех дней этот господин не будет у нас, то я приму свои меры...

Забелина. Хорошо-хорошо... Тяжело мы стали жить, Антон Иванович... Горько!

Забелин. Теперь вся Россия живет тяжело и горько.

Человек в сапогах. Граф Калиостро*, есть полпосуды самогону, не желаете войти в пай? Пардон.

Забелина. Антон Иванович, у тебя руки застыли. Пойдем домой. Ты с утра ничего не ел. Пойдем.

Забелин. Я ежедневно ничего не ем с утра. Иди куда шла.

Забелина. Ах, как тяжело мы стали жить, как горько. (Уходит.)

Забелин. Спички серные, довоенные...

Общее оживление торгующих. За сценой пение красноармейцев.

Торговка салом. Схуйте мэнэ, бабы!.. У мэнэ пид юбкой сало... Кругом сало. (Убегает.)

Проходят с пением курсанты.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в гостинице «Метрополь». Комната эта давно потеряла гостиничный вид. Здесь великое множество газет и книг, разложенных в беспорядке. На столе спиртовка, черный хлеб, чайник, стакан и пачки с патронами. Над кроватью, на стене, карабин, сабля, револьвер в кобуре. Маша Забелина в пальто и шапочке стоит у двери. Рыбаков в глубине комнаты перелистывает какую-то книгу.

Маша долгое время с усмешкой наблюдает за ним.

Маша. Зачем вы заперли дверь?

Рыбаков. Затем, чтобы сюда никто не вошел.

Маша. Неправда...

Рыбаков молчит.

Откройте дверь. Я уйду.

Рыбаков. Не открою.

Маша. Вообще вы пытаетесь представить себе, что вы делаете?

Рыбаков молчит.

Какая гадость! Как жулик, заперли дверь и спрятали ключ. Вы улыбаетесь, и отвратительно улыбаетесь, уверяю вас... Я хочу уйти. Вы слышите?

Рыбаков. Слышу.

Маша. Так что же?

Рыбаков. Я дверь не открою.

Маша. Я выпрыгну из окна.

Рыбаков. Прыгайте.

Маша. В этом ничтожном поступке весь вы. Если к вам пришла знакомая девушка, то, по вашим понятиям, прежде всего надо запирать дверь.

Рыбаков. Это поступок не ничтожный.

Маша. Отвратительный!

Рыбаков. Наоборот!

Маша. Мерзкий поступок.

Рыбаков. Я решил с вами поговорить.

Маша. При закрытых дверях?

Рыбаков. А что мне делать?

Маша. И вы смеете говорить, что вы меня любите?

Рыбаков. Нет, вы скажите, что я должен делать? Сколько раз я собирался говорить с вами, а вы с насмешкой кланялись мне и уходили. Попробуйте теперь поклониться и уйти. Ничего не выйдет.

Маша. Значит, это ловушка?

Рыбаков. Совершенно верно, ловушка. Садитесь.

Маша. Откуда такой тон? Вы пытаетесь мне приказывать?

Рыбаков. Садитесь.

Маша. Не сяду.

Рыбаков. Ну, мне все равно, стойте хоть до утра.

Маша. То есть как это — до утра?

Рыбаков. До утра — значит до утра.

Маша. Рыбаков, вы не пьяны?

Рыбаков. Довольно с меня ваших фокусов, Мария Антоновна. Я вам не игрушка! А такой же, как вы, человек! Вы образованны лучше, чем я, и воспитание у вас никак моему не равняется, но почему-то со мной вы ведете себя страшно грубо. Хорошо. Как вы, так и я! Пока я не добьюсь от вас ответа, эти двери не откроются и вы отсюда не уйдете!

Маша. Хорошо! Говорите...

Рыбаков. Что же говорить... вы ведь отлично все знаете.

Маша. Вы же собирались говорить. Говорите, я вас слушаю!

Рыбаков. Нехорошо все это, Мария Антоновна!

Маша. В сотый раз я вас прошу — не называйте меня Марией Антоновной. Я вам давно разрешила называть меня Машей.

Рыбаков. Маша! Не о чем мне говорить. Все давно сказано.

Маша. Милый Рыбаков, я вашей женой не буду.

Рыбаков. Почему?

Маша. Не буду, и все. Успокойтесь. До свидания. Откройте дверь.

Рыбаков. Это не ответ. Так не говорят.

Маша. Это точный и окончательный ответ.

Рыбаков (*вдруг, с отчаянием*). Но почему у вас лицо не чужое? Когда человеку отказывают, то не могут же быть такие добрые, такие веселые глаза? Или же в самом деле есть такие девушки, у которых их нежность и красота ничего не доказывают? «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла!»*

Маша. Боже мой! А вы и не знали? Ну, конечно же, я демон... Я коварна и зла!

Рыбаков. Почему вам так весело?

Маша. Вы герой гражданской войны... Смешно... Стыдно...

Рыбаков. А, понимаю! Герой гражданской войны, по-вашему, не человек?

Маша. Я не так сказала.

Телефонный звонок.

Рыбаков (*по телефону*). Рыбаков слушает... Да... Из Совнаркома? Рыбаков слушает... Передайте Владимиру Ильичу, что задание выполнено... Да... Хорошо...

Маша. Вы подумайте, в какое время мы живем! Вы бываете у Ленина...

Рыбаков. Неправильно говорите, Мария... Неправильно говорите, Маша! Мы не пуритане...

Маша. Откуда вы знаете о пуританах?

Рыбаков. Для чего-нибудь я ведь читаю по целым ночам?

Маша. Что же вы читали прошедшей ночью?

Рыбаков. «Героя нашего времени».

Маша. А вчера?

Рыбаков. «Письма из далека»*.

Маша. Хотите, чтобы я руководила вашим чтением?

Рыбаков. Маша, сядьте хоть на минуту!

Маша. Откройте дверь.

Рыбаков. Не открою.

Маша. Это неприлично. Вы меня унижаете.

Рыбаков. А смеяться над человеком прилично?

Маша. Я не смеюсь над вами.

Рыбаков. Вы здесь просидите три дня и три ночи: пока не ответите мне серьезно, искренне, я вас не отпущу.

Маша. Я сказала.

Рыбаков. Это не ответ.

Маша. Потому что он вам не нравится?

Рыбаков. Не потому.

Маша. Другого не будет.

Рыбаков. Будете сидеть.

Маша. Хорошо, буду сидеть.

Рыбаков. Отлично.

Маша. Пожалуйста, меньше курите и откройте форточку.

Рыбаков. Извините.

Маша. Почему вы не пускаете в ход оружие? Возьмите маузер... попугайте меня!

Рыбаков. Я никого не хочу пугать.

Маша. Моей подруге ее начальник приказал в трехдневный срок выйти за него замуж. А если нет, то он сказал, что она и ее родители, как бывшие буржуи, будут сосланы.

Рыбаков. Такого подлеца надо расстрелять.

Маша. Но чем вы от него отличаетесь?

Рыбаков. Отличаюсь.

Маша. Чем же?

Рыбаков. Я вас люблю.

Маша. Что?

Рыбаков. Я люблю вас. Вы знаете.

Маша. Не смейте мне говорить о вашей любви. Мне противно вас слушать.

Рыбаков. Противно?

Маша. Да.

Рыбаков (открыл дверь и распахнул ее). Это настоящий ответ... искренне и честно.

Маша (*растерянно*). Что же обижаться?
Рыбаков. По крайней мере это по-человечески...
Уходите.

В дверях появляется Забелина.

Забелина. Можно войти?

Маша. Это мама. Как ты здесь?

Забелина. Я при входе в Дом Советов узнала, где живет гражданин Рыбаков.

Маша. Зачем ты пришла? Что случилось?

Забелина. Позвольте же мне войти...

Рыбаков. Да-да-да!.. Пожалуйста!..

Забелина (*войдя, Рыбакову*). Здравствуйте, молодой человек. Вот видите, какая у вас будет теща!

Маша. Мама, откуда ты это взяла?

Забелина. С твоих слов.

Маша. Ты же ничего не знаешь.

Забелина. Я все знаю. Иначе разве был бы возможен мой визит сюда? Как нехорошо у вас, молодой человек, сколько мусора! Потом — зачем такое множество газет? Прочли и выбросили. Плохо живете. Я знаю, что вас зовут Александр. А отчество?

Рыбаков. Михайлович.

Забелина. Я тоже Михайловна. Лидия Михайловна. Я все знаю, Александр Михайлович.

Рыбаков. Зато я ничего не знаю.

Маша. Мама, я умоляю тебя, ничего не говори!

Забелина. Я ничего не скажу. Вам, молодой человек, давно пора явиться к нам.

Рыбаков. Меня не приглашали.

Забелина. Я этого не знаю. Самому следовало настоять и давным-давно представиться у нас в доме. (*Маше.*) Антон Иванович видел тебя с Александром Михайловичем и знает, что ты здесь бываешь.

Маша. Не может этого быть...

Забелина. А откуда же я узнала, что ты здесь?

Маша. Боже мой! Что же он сказал?

Забелина. Нам, Машенька, надо торопиться домой. Я тебе по дороге скажу, на чем он настаивает. А вас, молодой человек, мы приглашаем быть у нас в субботу, часов в семь вечера. *(Еще раз осмотрелась.)* Комната хорошая, но как вы ее запустили! Плохо живете! До свидания! Маша, пойдём.

Рыбаков. Мария Антоновна, что же делать?
Маша. Делайте, что хотите.

Забелина и Маша уходят.

Рыбаков. Никогда так не уставал. Вот что значит полюбить девушку из другого класса. Эх, когда оно будет, бесклассовое общество!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Лес. На опушке у озера. Охотничий шалаш. Начало весны. Ночь, перед рассветом. У входа в шалаш висит фонарь. Рядом на огне греется вода в чайнике. У огня возится крестьянин-егерь Чуднов. Опираясь на старинное ружье, стоит деревенский звонарь Казанок.

Чуднов. Зорька, матушка, выдайся для нас погожей. Господи, я тебе помолюсь. Ей-богу, помолюсь.

Казанок. Чуднов, на заре будет туман. У меня приметы безоблыжные*.

Чуднов. А небо чистое, погода ясная... Откуда этот туман берется, не пойму. Опять у нас с товарищем Лениным охота не получится.

Казанок. Не получится. Помнишь, зимой, когда Ильич приехал охотиться на лису, тогда из-за вьюги тоже охота не вышла. Мы тогда с ним в лес на лыжах пошли. Вовек не забуду тех разговоров в лесу.

Чуднов. Я за свою жизнь перевидел множество всяких людей, ко мне, брат, знаменитые личности на охоту ездили, а отчего Ленин их всех превышает — не знаю.

Казанок. Простой он...

Чуднов. «Простой»... И простых мы видели! То, да не то.

Казанок. Который теперь час? Должно, пятый?

Чуднов. Пятый. Ну, Казанок, ты посматривай, а я погляжу, где Владимир Ильич. Посматривай. (Уходит.)

Казанок. Не маленький, знаю.

Слышна песня, затем появляется Рыбаков.

Кто там?

Рыбаков. Свои.

Казанок. Нет, не свои.

Рыбаков. Говорю, свои, — значит, свои.

Казанок. Стой!

Рыбаков. Стою.

Казанок. Ты не наш.

Рыбаков. А чей?

Казанок. Чужой.

Рыбаков. Старик, ты пушку отверни, может быть, она стреляет.

Казанок. Стреляет.

Рыбаков. Зачем же ты мне в котелок целишься?

Казанок. Кто ты такой?

Рыбаков. Главным образом человек.

Казанок. Откуда явился?

Рыбаков. Из Москвы.

Казанок. Ты арестованный.

Рыбаков. А дальше что?

Казанок. Руки вверх!

Появляется Чуднов.

Чуднов. Это свой... товарищ Рыбаков. Эй, да как же это ты опростоволосился, Казанок? Он же военный моряк, с Ильичем приехал...

Рыбаков. Мы с шофером около машины возились...

Чуднов. А ты его под арест...

Рыбаков. Более того, у меня маузер, а у него простой бердан. Но часовой есть часовой, к тому же не из пугливых.

Казанок. Свой так свой. Мое дело узнать. Ты не обижайся.

Рыбаков. А я на тебя не обижаюсь.

Казанок. Не обижаешься, а фыркал на меня.

Рыбаков. Как же не фыркать, если ты за грудки хватаешь.

Казанок. Такое дело. За что схватил, за то и держи. Я сейчас часовой, человек казенный. Прощевайте. Я в обход пошел, а вы тут посматривайте... (Уходит.)

Рыбаков. А где Ильич?

Чуднов. На озеро ушел.

Рыбаков. Один?

Чуднов. Не беспокойся, мы кругом охрану выставили. Садись. Сейчас чай поспеет. Только у меня заварка из морковки, чем она воняет — не поймешь. Эх ты, времечко, ничего нет: ни чаю, ни сахару, ни керосину.

Рыбаков. Чего жалуешься? Разве я не знаю?

Чуднов. Рыбаков, в Москве у вас ничего такого не случилось?

Рыбаков. Чего — такого?

Чуднов. Особенного чего-нибудь...

Рыбаков. Не знаю. По-моему, ничего особенного не случилось. А почему ты спрашиваешь?

Чуднов. Так... (Подумав.) Что-то товарищ Ленин приехал задумчивый... Пришли мы с ним сюда — молчит. Я фонарь засветил, он с патронами повозился и бросил. Встал, прошелся, а потом сказал: «Я на озеро пойду, вы меня не ищите. Я сам вас кликну» — и ушел. Я ведь понимаю, когда он задумчивый.

Рыбаков. Не знаю... Он всю дорогу рассказывал нам про деревню, про Россию. Ничего такого, сказать по правде, я никогда не слышал.

Чуднов. А много ли ты на свете живешь?

Рыбаков. Все-таки двадцать шесть лет. Ты не смейся, отец. Я ведь воевал, от Орла до Кавказа Россию прошел! Отчего же Ильич задумчивый? Ты пойдти туда, к озеру, и осторожно намекни ему — чай, мол, готов.

Чуднов. А по-моему, не надо.

Рыбаков. А по-моему, надо. Он забыл — и без чаю останется. Продрогнет. Приехали мы рано.

Чуднов. На ложку. Помешай чай, чтобы морковка в нем распространилась, а я, пожалуй, пойду. *(Уходит.)*

Рыбаков *(напевает какую-то песню, потом про себя припоминает стихи)*. «Русалка на ветвях сидит; там на неведомых дорожках...» О чем сейчас думает Ильич? Зачем я послал егеря? Не надо было посылать! Конечно, не надо... *(Тихо зовет.)* Чуднов, Чуднов! А если недаром он всю дорогу рисовал нам Россию. «И на неведомых дорожках следы невиданных зверей, Избушка там...» Чай из морковки — одно недомысле.

Возвращается Чуднов.

Звал?

Чуднов. Ежели тебе надо, иди зови сам. Я не решил. Я издалека его увидел. Сидит он там на чем-то, на пне ли, на камне ли, — не пойму, облокотился, на тот берег смотрит... Может быть, в эту минуту он планы какие составляет, а мы, дураки, этого не понимаем и тащим его чай пить.

Рыбаков. Хорошо. Давай ждать.

Слышатся паровозные гудки.

Паровоз надрывается.

Чуднов. Проголодался.

Рыбаков. Серьезное положение — не пускают. Послушай, как на озере шелестит, шепчет... Эх, ночка!.. Чуднов, а у вас тут русалок не бывает?

Чуднов. Русалок? Русалки в эту пору по избам дрыхнут.

Рыбаков. Я у тебя про тех русалок спрашиваю, которые на ветвях сидят.

Чуднов. Таких в нашей губернии не водится.

Рыбаков. Жалко.

Чуднов. Чем богаты, тем и рады.

Рыбаков. Я думаю, Тихон Иванович, сколько начудили мы всякого за революцию, а звезды как были, так и есть. Непостижимое дело — вечность.

Чуднов (от порога шалаша). А я думаю, Александра, жениться тебе пора.

Рыбаков. Наверно, пора...

Чуднов. То русалок просишь, то на небо глядишь... Приезжай после пасхи, мы тебе русалочку просватаем.

Рыбаков. У меня своя есть.

Чуднов. Есть, а ходишь без покоя.

Рыбаков. Любовь у меня получилась, Тихон Иванович.

Чуднов. Сочувствую. Такой геройский матрос, и попался, значит. Ты смотри, знаю я этих московских! С ними так, абы как — не сладишь!

Рыбаков. Не по себе дерево рубить хочу.

Чуднов. Тоже скажу, и бояться их нечего. В этом деле испуг, как на войне, — пропадешь! Пускай она тебя боится, а ты перед ней гоголем ходи.

Рыбаков. Нет, товарищ Чуднов, я серьезно говорю... Ты смотри... Ильичу не надо об этом...

Чуднов. А что — боишься?

Рыбаков. Ну, бояться...

Чуднов. Боишься.

Рыбаков. Так что же будем делать, чай наш остывает.

Чуднов. Тише, Рыбаков. Я его шаги слышу. Он сам идет сюда...

У Чуднова движение вперед по направлению к Ленину. Рыбаков поднимается.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В избе Чудновых. Чистая половина избы в три окна. В проходе, у сенец, русская печь. Лавки, стол, божница и на стене меж лубочными картинами и семейными фотографиями портрет Ленина, дешевая и плохая литография. Старуха Чуднова Анна и ее сноха Лиза прибирают избу. Дети Лизы, Маруся и Степка, восторженно перешептываются.

Анна (*Лизе*). Лиза, Лиза, вынеси сапоги. К чему у вас сапоги на лавке стоят и дегтем воняют? Вот-вот охотники придут, а у нас ералаш. (*Детям.*) Я вам пошпчусь! Марш по местам, на печку.

Лиза уносит сапоги, входит Казанок.

Казанок. С праздником тебя, Анна Власьевна. Анна. И тебя также.

Казанок. Пришел предупредить: сей минут Владимир Ильич будет.

Анна. Ах ты, батюшки! Казанок! Беги на колокольню!

Казанок. Вот тебе раз! Зачем?

Анна. «Зачем», «зачем»... Вот память-то! Не знаю.

Входит Лиза.

Лиза! Пошла и пропала. Лиза, скажи, зачем Казанку надо быть на колокольне?

Лиза. Роман велел на случай митинга в большой колокол ударить.

Казанок. Ударим! (*Пошел к двери.*)

Лиза. Постой... Ох, наделает он трезвону!

Анна. Постой, Казанок!

Казанок. Чего вам?

Анна. На колокольне надо быть тихо, благородно. Ты оттуда все время выглядывай на проулок. Мы к тебе Степку пошлем. Степка тебе с проулка жердью махнет — тогда ты бей в большой колокол. Постой! Ты не часто бей, а редко, как к заутрене вроде.

Казанок. Не вам учить меня. Знает Казанок, как

ему для товарища Ленина в колокол ударить. (Уходит.)

Анна (детям). Марш на печку!

Лиза. Зачем вы детей прячете?

Анна. Сама подумай: такому гостю и наших анчуток* выставить? На́ ключи. Вынай из сундука скатерть, бери мою, с бахромой...

Лиза. Не пугайтесь вы ради Христа, чего вы испугались?

Анна. Неси скатерть, ведь стол голый!

Лиза уходит.

(Детям.) А вы — на печку!

Степка. Бабушка, мы знаем...

Анна. На печку! И не выглядывать, не пересмеиваться, не кряхтеть!

Степка. Бабушка, а посмотреть на него можно, когда он нас видеть не будет?

Входит Лиза.

Анна. Я тебе посмотрю ремнем по заднице!

Лиза. Господи, чистые рубахи хотела на них надеть, глянула, их и чинить нельзя.

Анна. Лизавета, что ж ты прохлаждаешься? Не завесить ли нам иконы? А то пускай, к чему это при творство.

Лиза вышла было, но вернулась.

Лиза. Идут!

Анна. Кто да кто?

Лиза. Ленин и папаша!

Анна. Одни?

Лиза. Одни.

Анна. Значит, наши деревенские его не признали. Ты у дверей стань. Смотри, что подать, принять. Покройся платком, нехорошо!

Входят Ленин и Чуднов.

Чуднов (Ленину). Это моя старуха, Анна Власьевна.

Ленин. Здравствуйте.

Чуднов (Ленину). А то сноха — Лиза.

Ленин. Доброе утро.

Анна. С чем пришли с вашей охоты?

Ленин. Ни с чем, представьте себе. Мы такие знаменитые охотники, что на фунт дичи нам надо фунт пороху.

Чуднов. Зачем напраслину на себя возводить? Туману наволокло — чистая беда. Никогда я такого дуравьего туману и не видал... Как одеялом озеро накрыло.

Ленин (раздеваясь, у дверей). Чья это пятка? (Заметил детей на печке.)

Анна. Ну вот... сконфузили.

Ленин. Кто там? А ну-ка, товарищ, пожалуйста сюда! Позвольте, вас тут двое? Пожалуйста сюда двое!

Степка. Бабушка, слезать?

Анна. Слезайте... (Ленину.) Они у нас чумазые, как анчутки.

Ленин. Ничего. (Степке.) Как тебя зовут?

Степка. Степка.

Ленин. Степка... А почему не Степан?

Степка. И Степан и Степка.

Ленин (Марусе). А тебя?

Степка. А ее — Маруська.

Ленин (Степке). Почему ты за нее отвечаешь?

Степка. Она у нас боязливая.

Ленин (Марусе). Ты меня боишься?

Маруся (весело). Не.

Ленин. Не боишься, а на печку залезла?

Степка. Нас от Ленина спрятали.

Ленин. Ну? А вот и пришел Ленин.

Степка. Где?

Ленин. Вот он.

Степка. Ну да... Ты не Ленин.

Ленин. Неужели? А кто же я?

Маруся. Вы просто чужой мужик... пришел в гости.

Степка. Ленин как раз не такой.

Ленин. А какой?

Степка. Посмотри на его портрет, тогда увидишь.

Ленин (*подошел к своему портрету*). Этот важный, надутый господин ни капли на Ленина не похож.

Степка (*с иронией*). Может, ты похож?

Ленин. А вот я похож!

Анна. Степка!

Ленин. Нет, вы не мешайте нам довести спор до конца. (*Степке.*) Я утверждаю, что я похож.

Степка. Ты ни капли не похож, а там настоящий, раз его машиной напечатали.

Ленин. Нет, я настоящий, а он нет.

Степка. Нет, он.

Ленин. Нет, я.

Степка. Давай спорить.

Ленин. Давай.

Степка. На что?

Ленин. На что хочешь.

Степка. На кусок сахара.

Ленин. Хорошо. (*Снял шапку.*) Ну, теперь скажи, кто настоящий?

Степка смотрит на Ленина, потом на портрет его, отступает к взрослому. Маруся удивилась.

А теперь? (*Надел шапку.*)

Маруся. А теперь опять не похож.

Ленин (*снял шапку*). А снова?

Степка. Настоящий Ленин! Где же я возьму ему сахар? (*Вдруг, с большой решительностью.*) Бабка, бежать на колокольню? (*Убегает.*)

Ленин. Зачем на колокольню?

Анна. Так он, буровит*.

Ленин. Шустрый мальчик.

Чуднов. Баловной, беда.

Ленин. Я тоже в его пору шустрый был, кажется, и баловной. Мальчишки — загадочный народ, только мы еще не умеем с ними обходиться. Умения мало. А нам многое сейчас надо уметь. Нам не уметь нельзя... (*Увидел светец.*) Светец, настоящий старинный светец?

Чуднов. Неужто знаете, Владимир Ильич, как жгут лучину?

Ленин. Знать-то знаю... Но неужели и вам приходится зажигать эту штуковину?

Чуднов. Когда керосину не дают, то с ней обходимся.

Анна. Трещит. С ней и то веселей, чем впотьмах.

Ленин. Да, конечно, веселей.

Входит Роман. В руках мешок, до половины наполненный какими-то легкими вещами. Роман не ожидал в эту минуту найти дома Ленина.

Чуднов. А это мой сын Роман. Председатель Совета и еще... Вообще.

Ленин. Здравствуйте, председатель! Что это у вас в мешке?

Роман. Реквизит.

Ленин. Интересно, что за реквизит. Можно посмотреть?

Роман (*запинаясь*). Можно.

Ленин. Цилиндр... (*Взял, повертел, щелкнул пальцами по цилиндру.*) Атлас... Чудесная штука. Значит, у вас есть свой театр?

Роман. Пролеткульт.

Ленин. А что это такое — Пролеткульт?

Роман. Я сам хорошо не знаю. Это, как бы сказать, пролетарская культура.

Ленин. Откуда вы добыли цилиндр?

Роман. В Москве на Сухаревой* купили.

Ленин. Кто же будет играть в нем?

Роман. Я.

Ленин. Кого же вы будете представлять?

Роман. Банкира.

Ленин. Банкира? А трудно представлять банкира?

Роман. Нет.

Ленин. Я бы ни за что не взялся.

Чуднов (горячо). Чистая беда, Владимир Ильич.

Ленин. Отчего — беда?

Чуднов. Пришел из армии человек-человеком — и вдруг стал представлять! Дети растут, а отец — артист!

Ленин. И чудесно, что артист. Я, например, банкира не умею представлять, а он может. Мы с вами, товарищ Чуднов, старомодные люди.

Чуднов. Разве что... старомодные.

Вбегает Казанок.

Казанок. Во имя отца и сына и святого духа...

Ленин. Что-о?

Казанок. Ох, что же я понес... Это я, Пантелей Казанок, звонарь здешний и общественный пожарник. Помните, зимой в метель с вами в лес на лыжах ходил?

Ленин. Еще бы... конечно, помню!

Казанок. Помнит... Пришел показаться! Живой я... (Окружающим.) Я на своем месте буду, не сумлевайтесь! (Ленину.) Мы рады... весь народ! Я сейчас буду звонить не по уставу, а от всей души... Вот и весь Казанок, что на нем, то и в нем — весь наружу. Прощайте, извините, я спешу на место. (Убегает.)

Ленин. Почему же он убежал?

Анна. Простой он... бесхитростный...

Роман. Позвольте, Владимир Ильич... позвольте, товарищ Ленин, просить вас выступить у нас на митинге. А также просить вас в Пролеткульте откушать чаю.

Анна. Нет уж, Владимир Ильич, чай пить в Пролеткульт не ходите. У них там и самовара порядочно нет.

Ленин. А что? Может быть, не стоит идти в Пролеткульт? Мы и здесь чаю напьемся, а? Позвольте мне остаться здесь. И хорошо бы нам без митинга обойтись.

Вбегает Рыбаков.

Рыбаков. Подстрелил! Трех птиц подстрелил... (Показывает уток.) Я подождал ветерка с поля и не обманулся... под ветром все воды открылись. (Чуднов.) Вот тебе и туман.

Ленин (сокрушенно). Тихон Иванович...

Чуднов. Сознаю, Владимир Ильич...

Ленин. Утки... Настоящие дикие утки. Мы с вами философствовали о причинах туманов, непогод и прочих стихий, а он подстрелил...

Анна. Что же ты, егерь! Осрамился.

Чуднов. Не говори, мать! А вы, Владимир Ильич, как я понимать могу, нынче охотой совсем не занимались.

Ленин (удивленно). Неужели?

Чуднов. Мне так оно показалось.

Ленин. Неужели показалось? А может быть, и правда. Я сегодня был очень плохим охотником, товарищ Чуднов, но зато... (Не договорил, Рыбакову.) Зато вы молодец! А ведь не охотник — моряк.

Рыбаков. Так что же, я всех расстроил?

Ленин. Конечно, расстроил. Какой же охотник не расстроится? Ветерка подождал с поля и обштопал старых охотников. Цените, Тихон Иванович, прекрасные утки! Вы их спрячьте, чтобы кошка не утащила.

Слышен колокольный звон.

Набат? Набат.

Анна. Это ведь Казанок не стерпел.

Чуднов. Ах, леший, вот леший-то!

Роман (у окна). Ну, теперь ничего сделать нельзя. Вся деревня поднялась.

Ленин. Если так, то и мы пойдем. Ах, звонарь, раззвонил обо мне звонарь. На то он, конечно, и звонарь. Товарищ Чуднов... *(Остановился у дверей.)*

Чуднов. Ась?

Ленин. А ведь беспокойно жить с большевиками?

Чуднов. Беспокойно, Владимир Ильич.

Ленин. Кто их знает, что они завтра выдумают.

Чуднов. Верно говорите, Владимир Ильич.

Ленин. Надо, товарищ Чуднов, беспокоиться и беспокоить, иначе пропадем, съедят. Пойдемте, товарищи, на улицу, а то ведь он так от восторга всю колокольню разнесет.

Набат.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кремлевская набережная и бульвар. Ночь. Редкий, слабый свет фонарей. На скамейке под деревом сидит Рыбаков. Сначала он насвистывает, потом начинает петь.

Рыбаков *(старательно поет)*.

Не для меня придет весна
И соловей в садах зальется,
И сердце бедное забьется
Не для меня... Не для меня...

(Задумывается, встает.) Если без трубы найду Марс, тогда да... Если не найду, то нет... *(Долго смотрит на небо и напевает.)*

Появляется нищая старуха.

Нищая я. Кавалер, убогую, больную старуху угости папиросочкой.

Рыбаков. Пожалуйста.

Нищая я. Благодарю вас, молодой кавалер. *(Уходит.)*

Появляется Ленин. Узнает Рыбакова.

Рыбаков. Владимир Ильич?

Ленин. Саша Рыбаков, что вы здесь делаете?

Рыбаков (очнувшись). Почему вы один, без охраны?

Ленин. А я от них убежал.

Рыбаков. Как же вы от них убегаете?

Ленин. Этого я вам не скажу. Секрет старого конспиратора. У меня, видите ли, было очень длинное заседание, и я теперь скрылся, чтобы немного погулять. Часы забыл на столе. Мое появление здесь, так сказать, правомерно. А ваше? Почему вы один, в полночь... Звезды считаете?

Рыбаков. Считаю... не буду отнекиваться.

Ленин. Влюбились, товарищ Рыбаков?

Рыбаков. Влюбился.

Ленин. Пойдемте вместе гулять, товарищ Рыбаков.

Медленно идут.

Время у нас жестокое, страшное, теперь как будто и не до любви, но вы не бойтесь... Любите себе на здоровье, раз это случилось. Только я вам хочу дать один совет. Вы не старайтесь по-новому любить. Любите по-старому, товарищ Рыбаков. Слышал я про эти новые отношения. Пока что, кроме безобразия и распущенности, ничего не получается.

Рыбаков. Безобразия я сам видел.

Ленин (вдруг остановился, взял за локоть Рыбакова, тихо, интимно спросил). А ведь хорошо любить? Чувство-то удивительное?

Рыбаков. Да, Владимир Ильич, удивительное.

Ленин и Рыбаков уходят. Появляются трое трамвайных рабочих с тележкой: бородатый, подручный и старший.

Старший. Посвети! Посмотрим, какие тут у нас дела. Все в порядке... Поехали дальше.

Подручный. Видели? Ленин.

Бородатый. Без тебя видели. Узнал — и молчи. Осторожней надо быть.

Возвращаются Ленин и Рыбаков.

Ленин. Товарищи, скажите нам, который час?

Старший (подручному). Посвети. (Вынул часы с цепочкой.) Четверть третьего.

Ленин. Благодарю вас.

Старший. Прежде, бывало, кремлевские били. А теперь молчат.

Ленин. Это очень плохо. На Кремле никогда не должны молчать часы. Саша, найдите часовщика. Только тут нужен такой мастер, которому понятна старинная механика.

Рыбаков. Найдем, Владимир Ильич!

Ленин. Трудно найти. Многие часовщики брались пустить куранты и пасовали.

Рыбаков. Не может быть, чтобы не нашлось такого мастера.

Бородатый. Побудьте с рабочим классом, товарищ Ленин. Побеседуйте с нами.

Старший. Только он у нас шутник.

Ленин. А вам до шуток?

Бородатый. А чего тужить? Капитализм мы разбили.

Ленин. От разбитого капитализма сыт не будешь.

Бородатый. Теперь начнем социализм строить.

Ленин. А вы знаете, как его строить?

Бородатый. Свет не без добрых людей. Кто-нибудь скажет.

Ленин. Добрых людей много. Вы не всем верьте.

Бородатый. Мы с разбором. Кому вы поверите, тому и мы.

Ленин. А разве Ленин никогда в людях не ошибался? Тоже ошибался.

Бородатый. Зато мы в Ленине не ошиблись.

Ленин. Разрушить капитализм куда легче, нежели построить социализм!

Бородатый. Неужели, Владимир Ильич?

Ленин. Мы первые начинаем, перенять не у кого. К тому же мы пока что нищие люди.

Бородатый. Что правда — то правда. Обедняли.

Ленин. Строить придется... никто не поможет.

Бородатый. А чего Советская власть не сможет? Все сможет. Библейские жители хотели построить башню до небес в городе Вавилоне*, и ничего не вышло. Почему? Пишут, смешение языков. А я вам говорю, потому что тогда не было Советской власти.

Ленин. Это хорошо.

Бородатый. Без шуток, Владимир Ильич, Советская власть что захочет, то и сумеет.

Ленин. А почему вы так верите в могущество Советской власти?

Бородатый. Дайте я вам одну притчу обрисую. Вы не спешите?

Ленин. Не спешу. Присаживайтесь.

Бородатый. Вот перед вами трое людей. Московские трамвайщики, ночные рабочие. Пролетариат. Ни святые, ни грешные... народ. При какой другой власти эти люди станут по всей ночи работать за несчастный ломоть хлеба? (*Вынул хлеб.*) Ни при какой. А сейчас упадем, полежим, подыдемся и опять паяем... Поэтому и верю я в могущество Советской власти.

Старший. Поговорили — и честь надо знать. Пора. Поехали дальше, а то некогда.

Бородатый. Извините за длинный разговор. Как умею.

Старший. Спокойной ночи, товарищ Ленин.

Ленин. Спокойной ночи.

Рабочие уходят.

Любите русского человека, товарищ Рыбаков?

Рыбаков. Люблю, конечно.

Ленин. Поживите с мое, тогда полюбите! Если бы Толстой не придумал толстовства, то лучше его никто не представил бы нам русского человека. А вот рабочих старик не понимал... Не хочется домой. Вы влюблены... а мне почему не хочется? Не знаете? Ну так я вам по секрету скажу... иногда я мечтаю... Разгуливаю один и рисую перед собой невиданные вещи. Башню до небес мы строить не будем, но с нашими людьми можно дерзать, можно мечтать... (В сторону.) Кто-то идет...

Рыбаков. Кто идет?

Возвращается нищая старуха.

Нищая я. Я иду.

Ленин. А вы кто ж, простите?

Нищая я. Нищая. Подайте, барин, на пропитание печальной старухе.

Ленин. Саша, у вас что-нибудь найдется?

Рыбаков. У меня ничего нет.

Ленин. И у меня тоже ничего нет. (Нищей.) Извините!

Нищая я. А еще пальто хорошее носите... сами вы хуже нищих.

Рыбаков. Ну, бабка, иди-ка ты спать!

Нищая я. Я по ночам не сплю... я ночью работаю... Я по чайным да по вокзалам побираюсь.

Ленин. Вы это работой называете?

Нищая я. Моя работа не хуже всякой другой. Теперь все один черт — ходят голодные как собаки. Ты вот человек, видно, умственного труда, а много ли сегодня кусал?

Ленин. Как это — кусал?

Нищая я. Ел.

Рыбаков. Пойдемте дальше, Владимир Ильич...

Ленин (Рыбакову). Постойте! (Нищей.) А до революции вы чем занимались?

Нищая я. Тоже нищей была.

ИНТЕРЕСНАЯ МЫСЛЬ.

Ленин. Что же вы сердитесь? Вы ведь ничего не потеряли.

Нищая я. Нет, дорогой мой, наш нищий класс больше всего потерял.

Ленин. Почему же ваш класс потерял?

Нищая я. До революции я жила кум королю. В то время я юривой ходила. У меня в банке три с половиной тыщи лежало золотом.

Ленин. Откуда же вы их взяли?

Нищая я. У меня свои постоянные клиенты были. Я ведь ниже купеческих домов первой гильдии не спустилась! А теперь какой у меня профит? Кто теперь нам подает? Ленин всю Россию в трубу пустил и сам, говорят, впроголодь в Кремле живет. Сам не живет и другим не дает. Маячьте дальше, а я по своим делам пойду. (Уходит.)

Ленин. Что скажете, молодой человек?

Рыбаков. Нахальная старуха, и больше ничего.

Ленин. Суть не в старухе, товарищ Рыбаков, но она в чем-то права. Если сейчас сесть на воздухоплавательный аппарат и подняться над нашей землей, то под вами окажется черное без огней пространство, подобное огромной пустыне. Как разорена Россия! Деревня вернулась к началу девятнадцатого столетия, к лучине. На заводах Урала, в Златоусте, например, люди вынуждены ручным способом приводить в движение механизмы. Донбасс затоплен белогвардейцами. (Длительная пауза.) Вы умеете мечтать, товарищ Рыбаков?

Рыбаков (вначале невнятно). Я?.. Мечтать?

Ленин. Надо мечтать. Надо. Но имеет ли право мечтать большевик, марксист? А? По-моему, он имеет это прекрасное право, и он должен мечтать, если он понимает мечту как рост новых задач его партии, его народа... И еще, Саша Рыбаков, не надо бояться разлада между мечтой и действительностью, если вы серьезно верите в свою мечту, внимательно вглядываетесь в жизнь и работаете не покладая рук, страшно, адски работаете

над осуществлением своей мечты. Еще в девятисотых годах мы в нашей партии мечтали о будущем России и строили планы электрификации... Нам приходится урезывать пайки, проводить жестокую экономию во всем; жить бедно, скупо, тяжело, но мы будем проводить в жизнь электрификацию России. Иначе невозможно. Со-мнут, задавят, будет столетнее рабство, иностранное иго, позорная жизнь, гнет. Как по-вашему, Саша Рыбаков, пройдет теперь у нас электрификация?

Рыбаков. Владимир Ильич, вы за тысячу верст вперед видите, а что же я могу сказать?

Ленин. С нашим народом можно мечтать, можно дерзать!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бульвар, у памятника Гоголю. На скамейке сидит старушка, рядом детская коляска.

Старушка. Вот и уснул мой мальчик. Спи, спи, милый, спи, мой ангел! (*Успокоилась, задремала.*)

Вбегают Рыбаков. Осматривается вокруг и сник.

Рыбаков. Ушла. Вот тебе и Гоголь! (*Вынул часы.*) Гоголь остается Гоголем, а я опоздал на целых пятнадцать минут. При ее характере — это катастрофа. (*Быстро, старушке.*) Товарищ нянюшка!

Старушка (*обиделась*). Молодой человек, почему вы думаете, что я нянюшка?

Рыбаков. Простите, мне все равно.

Старушка. Вам все равно, а мне нет.

Рыбаков. Ну, вижу — люлечка, ребеночек... Я хотел у вас спросить...

Старушка. Не шумите, видите, он спит.

Рыбаков. Простите, не буду. Я хотел у вас спросить: до моего прихода здесь не прогуливалась ли одна молодая особа?

Старушка. Ступайте, ступайте, ничего не слышу, что вы там бормочете.

Рыбаков (*берет старушку за руку*). Я очень прошу вас дать мне ответ.

Старушка. Куда вы меня тянете? Я подыму крик!

Рыбаков (*увлекает старушку в сторону от коляски*). Кричать бесполезно. Я сыщик. Я спрашиваю у вас: вы здесь у памятника молодую особу сейчас не видели?

Старушка. Молодую особу? Да-да... Рядом со мной сидела одна девица и любовалась моим внуком...

Рыбаков. Ради Христа, какая она? Она должна быть очень приятная, просто красивая... Черные перчатки были?

Старушка. Были, клянусь вам! Черные.

Рыбаков. Давно она ушла?

Старушка. Сейчас, сию минуту.

Рыбаков. В какую сторону?

Старушка. В ту сторону.

Рыбаков. Если я ее найду, то буду помнить вас всю жизнь. Благодарю! (*Убегает.*)

Старушка (*пробует очнуться*). Сыщик! И в безумном состоянии. Вот так, по нашей слабости, с испугу и погубишь чужую душу. Какой ужасный человек! Коршуном налетел. (*Отдышалась, мысленно сотворила молитву, перекрестилась, села на свое место. Смотрит в ту сторону, куда убежал Рыбаков.*) Нагнал... ведет сюда... Подальше от греха... Спаси, господи, и помилуй! (*Уходит с коляской.*)

Появляются Маша и Рыбаков. Идут порознь.

Рыбаков. Я виноват, но вы хоть внимание на меня обратите, я с ног валюсь. Я тут одну старушку насмерть перепугал!

Маша. Довольно, Рыбаков, я знаю все ваши манеры, этот стиль Циклопа* может надоест. (*Садится.*)

Рыбаков. Циклоп... Пускай я Циклоп. А вы кто?

Маша. Вот уж не знаю, кто я в вашем представлении. Я много думала об этом. С того дня, как у нас в доме узнали о вас, я утратила равновесие в жизни, потеряла силы. Все равно, поймете вы или нет, но я должна вам сказать, что у меня надежда сменяется отчаянием,

я ждала вашей помощи, этой ночью не сомкнула глаз, а вам все равно! Великое дело — свидание с барышней! Да и барышня, кажется, раскисла: сама зовет на свидание. За эти пятнадцать минут я этот памятник возненавидела. Именно мне в насмешку его и поставили.

Рыбаков. Маша, вы не даете мне слова сказать.

Маша. Я вам говорю, а вы ничего не понимаете.

Рыбаков. Если я дуб, то нечего со мной и толковать.

Маша. Как вы могли не прийти в такой день?!

Рыбаков. Как же я не пришел, когда я пришел!

Маша. Поймите, что это не простое свидание. Там, у нас дома, отец, и вы должны к нему явиться, представиться, говорить с ним. Вы не знаете, что это значит. Он страшный человек, он может вас выгнать — и тогда конец.

Рыбаков. А я не уйду.

Маша. То есть как?

Рыбаков. Не уйду, и все.

Маша. Вот тебе и раз! С вами действительно рассыпаются все ужасы. Вам все легко, радостно. Вас ничто не тянет назад. Я же не все рассказала вам про моего отца. Он назло всем торгует спичками! Инженер Забелин ходит по Москве и продает спички!

Рыбаков. Чудак!

Маша. А мне он дорог, он мой отец, я его люблю. И если бы вы знали его, как я, то и вы полюбили бы.

Рыбаков. В чем же дело? Давайте его вместе любить и приводить в христианскую веру.

Маша. В том-то и горе, что на него страшно трудно влиять. Да что я говорю — влиять?! Он может высмеять вас зло, оскорбительно, и вообще я не знаю, что будет. Я думала, раз вы не пришли — значит, судьба.

Рыбаков. Я третий день на ногах. Я часовщика искал.

Маша. Так. Нашли причину! Лучше уж придума-

ли бы что-нибудь другое. У вас была одна забота — починить часы!

Рыбаков. Совершенно верно, одна.

Маша. Благодарю.

Рыбаков. Будет вам, Маша, сердиться на меня. Я сюда рвался через дикие препятствия. Сажусь в трамвай — остановка. Почему? Току нет. Прыгаю на грузовик — в Котлы* едут. Сажусь на пролетку, квартал проезжаю — свисток. Что такое? Извозчик без номера. В Трамоте не зарегистрирован.

Маша. Что вы говорите? «Трамот», «пролетка»...

Рыбаков. Трамот — это транспортный отдел, пролетка — транспорт. Поймите, Маша, что мне поручено найти часового мастера, чтобы пустить в ход кремлевские куранты...

Маша. Рыбаков, вы чудак. Неужели вы воображаете, что все люди должны знать об этом. Я же ничего не знаю!

Рыбаков. Ничего не знаете, а обиделись. За что же тут обижаться?

Маша. Ну хорошо, а мастера вы нашли?

Рыбаков. Нашел. Но если б вы знали, чего мне это стоило. Кому ни скажешь, какие часы требуют ремонта, — все пугаются... Один древний, неслыханной древности часовщик в колпаке сел на пол, накрыл голову руками и сказал: «Стреляйте, но я не пойду!» От Марьиной рощи до Пресни я прощупал старую Москву и наконец нашел такого часовщика, что сам прихожу в недоумение. Он сегодня будет в Кремле, но боюсь, волнуюсь...

Маша. Почему?

Рыбаков. Я скрыл от него, какие часы требуют ремонта. Он думает, это вот, а это во... а там — башня, стопудовые гири... цепи... Если бы вы знали, Маша, под каким впечатлением я хожу! Случайно ночью, когда Москва спит, я встретил Ильича. Я не могу постигнуть, откуда берутся у него такие мысли. Я хожу ка-

кой-то удивительный самому себе, будто и я куда-то далеко вперед залетел, где еще никто не бывал. И мне неловко. Это же ничуть не я, а Ленин. Теперь я знаю на всю жизнь, что есть люди, которым ничего не далеко, ничего не страшно, ничего не удивительно.

Маша. Саша! Милый... с вами очень легко. Почему, не знаю, но вся моя драма окончательно расплылась. Что же вы, помните, сегодня суббота? Вас ждут у нас. Придете?

Рыбаков. Обязательно.

Маша. А если на вас отец накинется, найдетесь?

Рыбаков. Найдусь!

Маша. Я накинулась, вы не сразу нашлись?

Рыбаков. С вами... с вами я ручной.

Маша. Так ли?

Рыбаков. Люблю я вас. Я вам по ночам письма пишу, а утром рву их на части!

Маша. А вы их не рвите. Вы бы их посылали по адресу.

Рыбаков. Слов не хватает. Я думаю о любви, чувствую, что истинно люблю вас... Понимаете, истинно, без единой посторонней мысли... А выразить это все настоящими словами не могу. Слов не хватает...

Маша. Вот вы и выразили. Я верю — и достаточно. Сегодня я почему-то особенно вам верю. Но пора домой.

Рыбаков. Маша, позвольте проводить вас?

Маша. Я бы рада, да боюсь, что нас встретит отец.

Рыбаков. Что у вас за отец такой? Неужели это такая неприступная твердыня?

Маша. Подождите, сами увидите. Ну, будь что будет! Не хочу думать. Берите меня под руку.

Рыбаков. Мерси.

Маша (хохочет). Рыбаков, не надо. Будьте таким, как есть, без «мерси».

Рыбаков. Хорошо. С удовольствием. Буду всегда таким, как есть. Без «мерси».

КАРТИНА ВТОРАЯ

В доме Забелиных. Рабочий кабинет Антона Ивановича, где давно уже никто не работает. Вечер. В кабинете сидят Забелина и ее гости: дама с вязаньем и ее муж — оптимист, дама испуганная и ее муж — скептик.

Забелина (*продолжая разговор*). Антон Иванович делается все более и более невозможным. На днях я видела, как он бранился с каким-то монахом, а вчера, стыдно сказать, подрался с одним знакомым господином.

Скептик. В доме подрался или публично?

Забелина. У Малого театра в семь часов вечера.

Скептик. И кто кого?

Забелина. Антон Иванович одолел, конечно. Но если подумать, на какой почве вышел поединок... Господин этот был в подчинении у Антона Ивановича, а теперь, проходя в театр, позволил себе неприличную выходку. Он потрепал по плечу Антона Ивановича и допустил по отношению к нему покровительственный тон.

Дама испуганная. А господин этот не большевик?

Забелина. Не большевик, но настроен современно.

Дама испуганная. Антон Иванович рискует быть посаженным в Чека.

Скептик. А кто теперь не сидел? Все сидели!

Дама испуганная. Но ты не сидел?

Скептик. Не сидел, так буду.

Дама испуганная. Замолчи, ради бога! Хоть здесь перестань пугать меня.

Забелина. А я, глядя на Антона Ивановича, держу узелок с бельем. Я начинаю верить, что его посадят.

Оптимист. Антон Иванович настроения свои выражает эмоционально, а за эмоцию не сажают.

Дама испуганная. Но он побил большевистски настроенного господина. Это террор!

Оптимист. При любом режиме бьют по морде, если это необходимо.

Скептик. Все равно посадят Антона. Вот увидите.

Дама испуганная. Этот человек может довести до слез...

Скептик. Пол-Москвы говорит, что Забелин пошел торговать спичками! Вы думаете, большевики — идиоты, ничего не понимают?

Дама с вязаньем. А наш Володька сделался футуристом. Теперь он целые дни читает какое-то ужасное «Облако в штанах»*.

Забелина. Что-о? Облако и... в штанах? Неужели могут быть такие стихи?

Дама с вязаньем. У них это называется поэмой. Володька всех уверяет, что это величайшее произведение. Я вам не могу передать, до какой степени оно неприлично! Там автор от первого лица предлагает женщине невозможные вещи.

Оптимист. А Пушкин не предлагает? Тоже предлагал.

Дама с вязаньем. Пушкин предлагал в рамках светского приличия, а Маяковский — бестактно.

Оптимист. Все они одним миром мазаны. Пускай Володька будет футуристом. Все-таки хлеб!

Забелина. Неужели у большевиков за стихи дают паек?

Дама с вязаньем. Я сама не верила, но правда, дают.

Скептик. Все равно посадят Антона, вот увидите.

Забелина. Дмитрий Дмитриевич, даже на правах родственника каркать нехорошо и неприлично.

Дама испуганная. Он меня доводит до слез. Морально он хуже инквизитора. Он всем обещает тюрьмы и расстрелы.

Входит Маша.

Забелина (Маше). До сих пор работала?

Маша. Работала.

Забелина. Иди скорее поешь.

Маша. Не хочу.

Забелина. У тебя нехороший вид. Надо подкрепиться.

Маша. Не надо. После подкреплюсь. (Здоровается с гостями.)

Оптимист. Вы где работаете, Маша?

Маша. В Помголе.

Оптимист. А это что же такое — Помгол?

Маша. Мы оказываем помощь голодающим.

Оптимист. Так ли уж печально обстоят у нас дела, как об этом говорят?

Маша. Очень печально. Голод развивается как всемирный потоп!

Скептик. Не всемирный, а всероссийский. За границей белыми булками кормят скотину, а у нас голод наполовину сокращает население. Докажи, что я преувеличиваю.

Входит Забелин.

Забелина. Прости, Антон Иванович, что мы расположились в твоём кабинете. Здесь теплее.

Забелин. Вижу. (Здоровается.) Был кабинет, а стал склеп. Нуте-с, о чем говорили?

Оптимист. О чем теперь говорят? Голод, смертность, аресты... Родные темы.

Забелин. Дикари захватили цивилизованное судно, перебили всех белых людей, команду выбросили за борт, сожрали все запасы... Нуте-с, а дальше что? Кораблем надо уметь управлять, а они не умеют. Социализм пообещали, а с какого конца его начинать — никто не знает. (Скептику.) Ты знаешь, Дмитрий Дмитриевич?

Скептик. Не знаю и знать не хочу!

Забелин. Я в юности летал на луну... теоретически, конечно, в мечтах. А вот дочь за большевиков го-

това в огонь и в воду. Все ее симпатии не на нашей стороне. Мы для нее контрреволюция, бурбоны*...

Стремительно входит кухарка.

Кухарка. Матрос пришел... Забелиных спрашивает.

Дама испуганная. Матрос? Зачем матрос?

Скептик. Не знаешь, что ли, зачем приходят матросы?

Забелина. Ах, не пугайтесь, пожалуйста! Это, наверное, не матрос.

Кухарка. Я не слепая... матрос как есть... сердитый...

Скептик. У меня при себе нет никаких документов. Не уйти ли нам с женой через черный ход?

Дама испуганная. Я боюсь уходить. Матросы нас могут поймать и заподозрить в бегстве.

Забелина. Не пугайтесь, пожалуйста... Он не матрос, в нашем смысле. (Маше.) Что же ты? Иди встречай!

Маша уходит. Молчаливое недоумение.

Оптимист. Антон Иванович, что же это такое, дорогой мой?

Забелин. По всей вероятности, это пришел поклонник нашей дочери. Герой «Авроры».

Скептик. Но почему же ты допускаешь, чтобы герои «Авроры» делались поклонниками твоей дочери?

Забелин. А почему вы, милейший мой кузен, сию минуту хотели удрать из моего дома?

Скептик. Удрать?

Забелин. Да, удрать. Еще недавно вы ведь не допустили бы такую дурацкую мысль, что из дома Забелиных надо удирать. Нам плакать надо, а вы иронизируете!

Входят Маша и Рыбаков.

Маша. Господа... (*Запнулась.*)

Забелин. Что же ты замолчала? Ты перепугалась, что при твоём госте назвала нас господами? погоди, я тебя научу, как надо говорить. Ты скажи «товарищи»... И твой гость не будет шокирован.

Маша (*Рыбакову*). Я вам говорила... папа всегда надо мной подтрунивает. (*Окружающим.*) Вот мой знакомый, Александр Михайлович Рыбаков... Он воевал... видел много интересного...

Скептик (*здороваясь с Рыбаковым*). Безмерно счастлив!

Дама испуганная (*рассматривая Рыбакова*). Я не понимаю, вы матрос или штатский?

Рыбаков. Был матросом, но воевал на материке. Теперь демобилизовался.

Дама испуганная. А зачем же вы носите матросский костюм? Мы думали, что к нам обыск, а это вы пришли в гости.

Рыбаков. Почему же обыск? Я никогда не подумал, что ко мне обыск.

Скептик. Это понятно. Вы завоевали материк.

Рыбаков. До полного завоевания ещё очень далеко.

Забелин. А когда придет полное завоевание?

Рыбаков. Очевидно, при социализме.

Забелин. В каком году?

Рыбаков. Простите, этого я вам сказать не могу.

Забелин. Не можете открыть вашу тайну?

Рыбаков. Просто не знаю.

Забелин. Ага!..

Забелина. Садитесь, Александр Михайлович... Вот пепельница. Хотите посмотреть наш семейный альбом? Посмотрите!

Дама испуганная. Зачем вы даете семейный альбом? Там скучные люди... (*Рыбакову.*) Вот посмотрите: это виды Италии... Рим, Колизей, Везувий...

Забелин. Бывали, сударь, в итальянских морях?

Рыбаков. Нет, кроме Балтики, ничего не видел.

Забелин. В партии коммунистов, сударь, состоять изволите?

Рыбаков. Состою. А что?

Забелин. Интересно знать, что может думать коммунист, очутившись среди нас?

Рыбаков. Что же тут думать? Тут думать нечего.

Забелин. Конечно. Что же вам думать? Мы для вас буржуи и прохвосты. А эти буржуи всю жизнь работали, как каторжники. Капитализм за наш труд давал нам достаток и комфорт, остаток которого вы видите в моем кабинете. А коммунизм мне может предложить пуд собачьей овсянки. Хорошо!.. Я готов получать пропитание дворовых псов, но и в нем мне отказывают!.. Я не нужен новому обществу, потому что я умею строить электростанции, а их теперь закрывают, дорогой мой! Я безработный. Нам теперь не до электричества. Бычий пар пришел на смену электрической энергии. И я, как Прометей, раздаю людям огонь. С утра до ночи стою у Иверской и торгую спичками.

Скептик. И тебя, как Прометея, посадят за это.

Забелин (Рыбакову). А вы что скажете, сударь?

Рыбаков. Я тоже не понимаю, почему вас до сих пор не посадили.

Скептик (восторженно). Слышали? Слушайте.

Забелин. Пойдите к телефону и доложите.

Рыбаков. Они не нуждаются в моих указаниях. Но не в этом дело. Вы раздражены против нас... а попусту! Я бы на вашем месте давно работал. Между нами говоря, вы ведь не Прометей, а просто саботажник!

Забелин. А, каково? Человек, в первый раз посетивший мой дом, удивляется, что меня не посадили, называет меня черт знает как и в ус не дует. Он доволен собой. Что за люди входят в наши дома!

Оптимист. Наш Володька точно так же разговаривает. Он меня ежедневно называет недорезанным буржуем. Я терплю.

Забелин. Володька — ваш сын. А это кто? (Рыбакову.) Вы имеете хоть малейшее понятие об учтивости?

Рыбаков. Удивительное дело! Вы о советском строе говорили не очень учтиво, а я за него не щадил жизни. Я не кричал, не выходил из себя. Я только сказал, что вы саботажник.

Забелин. Я вам правду сказал, сударь!

Рыбаков. Чепуху, а не правду! Это я вам сказал правду, а не вы.

Забелин. Пойдите! Что я безработный — это неправда?

Рыбаков. Неправда!

Забелин. Что я вами выброшен, как старый башмак, — это неправда?

Рыбаков. Неправда!

Забелин. Тогда вот что... тогда, сударь, подите прочь отсюда! Я вас не знал и знать не желаю.

Рыбаков. А я не уйду.

Забелин. Ах вот что... Я забыл, что вы можете реквизиловать мою квартиру!

Рыбаков. Я не пришел реквизиловать...

Забелин. Оставайтесь! Я уйду!

Рыбаков. А я вас не пушу. Мне смешно, что вы беситесь. По-моему, вы дикий человек!

Забелин. Дикарь?

Рыбаков. Дикарь.

Забелин. И вы явились меня просветить?

Рыбаков. А что же вы думали? Конечно!

Забелин (хохочет). Беда... Господа, он меня покорила своей наивной самонадеянностью! Нет, каков гусь!.. Он хочет просвещать. Слушаю вас, товарищ миссионер! Просвещайте!

Входит кухарка.

Кухарка. Пришел председатель домового комитета.

Забелин. Один?

Кухарка. Нет, не один.

Забелин. Не один?

Кухарка. С ним какой-то военный... сердитый!

Председатель домового комитета часто постучал в открытую дверь.
Его голос: «Нельзя ли войти?»

Забелин. Можно, можно...

Входит председатель домкома, за ним — военный в форме тех времен.

Председатель домкома. Гражданин Забелин, они-с приехали лично за вами!

Забелин. Давно жду.

Военный. Если не трудно, поторопитесь!

Забелин. Давно готов.

Военный. Пожалуйста.

Забелин. Не более одной минуты... *(Делает общий поклон.)* Жена некстати созвала вас... Простите... *(Жене.)* Прощай!

Забелина *(дает мужу узелок)*. Да воскреснет бог...

Забелин. Благодарю. Ну, я пошел.

Военный. Автомобиль стоит во дворе.

Забелин. Понимаю.

Забелина. Антон, нельзя так!

Председатель домкома, военный и Забелин уходят.

Антон! Не пушу я его!.. Берите и нас! Ведите меня! *(Вдруг кричит.)* А ордер? Верните председателя! Председатель!

Председатель домкома возвращается.

А ордер вам дали?

Председатель домкома. Не сомневайтесь. Все чисто и правильно... Комар носу не подточит! *(Уходит.)*

Забелина. Ну вот, Машенька, и осиротели мы...
Маша (Рыбакову). Вы знали, что отца арестуют?
Рыбаков. Ничего не знал. У меня такое впечатление, что это не арест.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет Ленина в Кремле. Ленин, Дзержинский. Ленин некоторое время работает за столом, потом звонит. Входит секретарь.

Ленин (*секретарю*). Попросите ко мне инженера Забелина. И разыщите нашего эксперта инженера Глаголева... он здесь рядом, в Совнаркоме.

Секретарь уходит, входит Забелин.

Инженер Забелин?

Забелин. Да.

Ленин. Антон Иванович!

Забелин. Да.

Ленин. Здравствуйте. Прощу вас, садитесь! Садитесь!

Забелин садится. Молчание.

Так что же, саботировать или работать?

Забелин. Я не предполагал, что мои личные проблемы могут кого-нибудь заинтересовать.

Ленин. Представьте себе, интересуют. Вот мы и хотели посоветоваться с вами по одному чрезвычайно большому вопросу.

Забелин. Я не знаю, разве мои советы могут иметь значение?

Ленин. Кого вы хотите взять под сомнение: нас или себя?

Забелин. С некоторых пор у меня перестали спрашивать советов.

Ленин. Значит, людей занимали другие интересы. Как вы полагаете?

Забелин. Да. Это так. У людей были другие интересы.

Ленин. А сейчас понадобились ваши советы. Что же вас удивляет?

Забелин. Я несколько, так сказать... озадачен.

Дзержинский. Вам мешает узелок. Положите его куда-нибудь.

Ленин. Сегодня суббота, время бани. Вы, наверное, собрались пойти в баню?

Забелин. Да, конечно... собирался идти в баню.

Ленин. Вы еще успеете. Мы вас долго не задержим.

Входит инженер Глаголев.

Глаголев. Здравствуйте.

Ленин (*Глаголеву*). Георгий Иванович, вы лично не знакомы с инженером Забелиным?

Глаголев. До сих пор встречаться нам не приходилось.

Ленин (*Забелину*). Познакомьтесь. Глаголев Георгий Иванович — наш эксперт.

Забелин. Да. До сих пор мы не встречались.

Глаголев. Инженер Забелин в курсе дела?

Ленин. Нет, не совсем. По-моему, инженер Забелин не представляет себе, по какому поводу мы его беспокоили. Ну, не будем терять времени. Это ваша область, уважаемый товарищ, прошу, докладывайте.

Глаголев. Докладывать в данном случае затруднительно, потому что такие люди, как инженер Забелин, не нуждаются в агитации по части энергетического развития России... (*Забелину*.) Не так ли?

Забелин. Ну-с!

Глаголев. Но, однако, вы должны знать, что нас, революционеров-большевиков, всегда волновали вопросы коренного технического переустройства всего хозяйства России.

Забелин. Но вы... простите, что прервал вас... вы — инженер... и старый инженер, не так ли?

Ленин (*лукаво усмехнувшись*). А что?.. Вы хотите сказать, что старый инженер не может быть революционером? Вот видите — может. (*Глаголеву.*) Продолжайте, пожалуйста.

Глаголев. Как инженер и как революционер одновременно, я со всей энергией готов проводить в жизнь идею электрификации России.

Ленин. И не в отдаленном будущем, а теперь... Так ставит вопрос Центральный Комитет нашей партии.

Забелин. Ну-с... И что же?

Ленин. А этот вопрос позвольте обратить к вам.

Забелин. Ко мне? Почему ко мне?

Ленин. А потому, что вы, как специалист дела, можете нам помочь. Но специалисты дела, увы, настроены по-разному. Продолжайте, пожалуйста.

Глаголев. Есть старая версия, что у России нет будущего для развития электрификации по ее природным ресурсам. Не дальше, как вчера, как сейчас с вами, мы беседовали с одним крупнейшим ученым... Не буду называть его имени. И что же он утверждает?! «Рельеф страны плоский... Течение рек медленное... Зимой реки замерзают...» Ниагарских водопадов, как в Америке, у нас нет. Значит, ни одной порядочной гидроэлектростанции мы построить не можем.

Забелин. Так мог сказать только невежда.

Ленин. Нет, простите, он авторитетный ученый... Акционер одной электрической компании.

Забелин. Или мошенник.

Дзержинский. Это другое дело.

Ленин. А почему — мошенник? Вы докажете.

Забелин. Можно попросить карту России?

Ленин. Да, конечно.

Глаголев раскладывает на столе карту.

Забелин. Я берусь указать вам десяток мест, где мы можем сейчас в естественных условиях строить электростанции на белом угле... Вот и вот... а здесь разве нельзя?

Ленин. Что это?

Забелин. Днепровские пороги.

Ленин. А где же здесь можно строить?

Забелин. Я считаю, что где-то в низовьях, но не у моря, конечно.

Ленин. А хорошо бы здесь, у самого моря, воздвигнуть огромный электрический замок... Знай наших!

Забелин. Возьмите эти торфяные районы... Ангары на востоке... Эльбрус на Кавказе... А если построить плотину на Волге...

Ленин. Где на Волге? Это очень интересно. Я ведь волгарь.

Забелин. Да вот, у Жигулей... Я говорю по памяти, но, по моим старым расчетам, энергия Волги заменит половину донбасского угля.

Ленин. Вы можете составить нам на эту тему общую записку?

Забелин. Я затрудняюсь. Я давно не занимался подобными вопросами.

Ленин. Чем же вы занимались?

Забелин. Ничем.

Дзержинский. Вы говорите неправду. Инженер Забелин торгует спичками.

Ленин. Как — спичками?

Дзержинский. Инженер стоит на улице и торгует с рук.

Ленин. Оптом торгует или в розницу? По коробочке?.. Слушайте, это несчастье! Это стыд и срам,

батенька! В наше время спичками торговать... За такие штуки надо расстреливать... Как хотите.

Забелин. Давно приготовился.

Ленин. К чему приготовились? К принятию мученического венца?.. Кто вас заставляет торговать спичками?

Забелин. Мне некуда приложить руки.

Ленин. Как это — некуда приложить руки? Что вы мне говорите?

Забелин. Меня никто не звал.

Ленин. А почему мы должны вас звать? Разве до нас вы сидели и ждали, пока вас позовут? Впрочем, если вас не вдохновляет идея электрификации России, то можете торговать спичками. Можете.

Забелин. Не знаю... Способен ли я...

Ленин сердито отошел прочь и не ответил.

Дзержинский. От жизни отстали, так, что ли?

Забелин. Большевик из меня не получится.

Дзержинский. А мы вас не в партию приглашаем.

Забелин. В России предположено построить социализм, а я в социализм не верю.

Ленин. А я верю. Кто из нас прав? Вы думаете, что вы, а я — что я. Кто же нас рассудит? Ну вот давайте спросим у Дзержинского. Он скорее всего скажет, что я прав, а вы — нет. Этого вам достаточно?

Забелин. Я понимаю. Мои слова для вас — детский лепет.

Ленин. А вы разве меньшевик-эсдек? Эсер? Читали «Капитал» Маркса, изучали «Коммунистический манифест»?

Забелин. Да, конечно, я плохо разбираюсь.

Ленин. Как же можно верить или не верить в социализм, если вы в нем плохо разбираетесь?!

Глаголев. Вы товарища Кржижановского* знаете?

Забелин. Да, знаю.

Глаголев. И ничего не слышали о его работах в области наших планов электрификации?

Забелин. Слышал... доходило...

Ленин. Он мне говорил, что у вас громадный опыт электрика, что вы умеете решать блестящие проекты, а вы спичками торгуете. Какая дикая вещь!

Забелин. Брошу. Не буду.

Дзержинский. Слава богу!

Ленин. Что вы сказали, Феликс?

Дзержинский. Я сказал — слава богу.

Забелин. Судя по всему, мне предлагается брать-ся за дело?

Дзержинский. И чем скорее вы возьметесь за дело, тем лучше.

Забелин. Но вы меня плохо знаете.

Ленин. Немного знаем.

Забелин. Меня никто из партии коммунистов рекомендовать не может.

Ленин. Представьте себе, может.

Забелин. Не знаю, кто?

Дзержинский. Я.

Забелин. Откуда же вы меня знаете?

Дзержинский. По долгу службы.

Забелин. Ах да... Я забыл.

Дзержинский. Да и кто же не знает инженера Забелина? И раз уж я вас правительству рекомендую, то позвольте предложить вам совет. Сейчас вы сбиты с толку...

Забелин. Совершенно сбит.

Дзержинский. Взволнованы. Все это понятно. Вам надо собраться с мыслями. Пойдите домой, подумайте, что случилось, а потом дайте ответ.

Ленин. Завтра дадите ответ?

Забелин. Да.

Ленин. До свидания.

Забелин кланяется и идет к двери.

Дзержинский. Узелок забыли.

Забелин. Вот черт, а не узелок!

Ленин. Баня, баня... еще успеете.

Забелин. Нет, я в баню не шел. Все решили, что меня берут в Чека... и вот жена сунула чертов узелок.

Ленин. Ах, вот как! Это другое дело. Постойте! (Звонит секретарю.) Время у нас суровое. Теперь у вас дома горе, слезы.

Входит секретарь.

(Секретарю.) Отправьте инженера Забелина домой в автомобиле... Немедленно отправьте.

Забелин и секретарь уходят.

Сотни, и тысячи, и миллионы еще сидят у нас без дела. Какой он саботажник? Просто одичал от безделья и свихнулся. Как вы думаете, Георгий Иванович, пойдет к нам работать инженер Забелин?

Глаголев. Я думаю, что пойдет, Владимир Ильич.

Ленин. Пойдет, но трудно ему будет привыкать, очень трудно.

Глаголев. Я вам больше не нужен, Владимир Ильич?

Ленин. Нет, Георгий Иванович, благодарю вас.

Глаголев уходит. Входит секретарь.

Я вас слушаю.

Секретарь. Пришел часовщик... его по вашему указанию прислал Рыбаков.

Ленин. Введите его сюда.

Секретарь. Сию минуту. (Уходит.)

Ленин. Мне спать не дают куранты... Молчат! Надо обязательно их пустить!

Входит часовщик.

Здравствуйте, товарищ! Вы будете часовой мастер?

Часовщик. Кустарь-одиночка.

Ленин. Простите, я не понимаю, почему одиночка?

Часовщик. Теперь таких мастеров, которым имею честь быть я, называют «кустарь-одиночка без мотора».

Ленин. Как это — одиночка без мотора?

Дзержинский. Очевидно, часового мастера обидели? Скажите, кто вас обидел?

Часовщик. Я не пользуюсь случаем, чтобы лично жаловаться товарищу Ленину. Я никогда не жалуясь. Меня пригласили работать.

Дзержинский (*интимно, весело кивнув часовщику*). А вы жалуйтесь, жалуйтесь откровенно.

Ленин. А я сейчас попрошу горячего чаю. (*В дверь*.) Скажите, пожалуйста, чтобы нам дали чаю. (*Часовщику*.) Трудно жить? Голод, разруха, хаос? Устали? Голодаете?

Часовщик. Как все.

Ленин (*указывая на Дзержинского*). А наш товарищ говорит, что вас обидели. Он ошибается?

Часовщик. Я не мог ожидать таких вопросов. Я был счастлив, что вспомнили обо мне. Ведь когда-то, в старое время, я ремонтировал часы графу Льву Николаевичу Толстому.

Ленин. Ого... это не шутка!

Дзержинский. Толстой к плохому мастеру не стал бы ходить.

Ленин. А какой был Толстой?

Часовщик. В сапогах... Очень интересный человек. Разве его портреты чего-нибудь стоят?

Ленин. О чем он с вами говорил?

Часовщик. Я теперь плохо помню, о чем он говорил. Он любил расспрашивать. В часах толк знал.

Дзержинский. И платил, конечно, хорошо?

Часовщик. Нет. Я ему, как графу Толстому, делал большую скидку.

Ленин. И он замечал это?

Часовщик. По-моему, не замечал.

Ленин. Чем же вы теперь обижены? Мы тоже страдаем этой слабостью — расспрашивать.

Часовщик. Я не знаю, как вам сказать. Конечно, я понимаю, что «распалась связь времен», как говорит принц Гамлет.

Ленин. «Быть или не быть?»

Часовщик. Именно! Тысячу раз — именно! Мне не дают работать!

Дзержинский. У нас существуют кооперативные мастерские... Но там, наверно, плохо налажено дело.

Часовщик. Мне приказали там работать, я пошел и взялся за работу, которую никто не мог сделать. Мне попался поразительный экземпляр английских часов. Это настоящий Нортон. Им не меньше трехсот лет. Их сделал мастер своими руками... еще до изобретения железных дорог. Я работал месяц и сделал. За это мне устроили общее собрание и сказали, что я даром ем хлеб. А я в ответ имел неосторожность привести им басню Эзопа.

Ленин. Эзопа? Что же вы им сказали из Эзопа?

Часовщик. Я сказал им о той лисице, которая упрекала львицу за то, что несчастная львица рождает одного детеныша. А львица ей на это отвечала: «Зато я рождаю льва». Эзоп говорит — дело не в количестве, а в качестве.

Ленин. А что же они вам на это сказали?

Часовщик. Председатель собрания сказал, что Эзоп контрреволюционер и агент Антанты, а я являюсь агентом Эзопа. И меня выгнали оттуда.

Ленин, склонившись над столом, начинает смеяться. Смеется Дзержинский, смеется и сам часовщик.

Ленин. А вы говорите, что вас не обидели. Конечно, обидели. Простим им, что они не знают басен Эзопа. К тому же им сейчас не до уникальных часов.

Все это, как сказано у Толстого, образуется. А у меня вам заказ.

Часовщик. Сию минуту. Я готов. *(Берет и открывает свой саквояж, торопливо надевает луну.)*

Ленин. Видите ли, тут ваши инструменты не пойдут.

Часовщик. Мои инструменты?

Ленин. Вам потребуются ключи иного размера...

Дзержинский. Там, по-моему, в механизме пуды, сотни пудов.

Часовщик. Я же часовых дел мастер.

Ленин. Вот вам и придется ремонтировать кремлевские куранты.

Часовщик. Кремлевские часы на Спасской башне?!

Ленин. Да, батенька мой, кремлевские часы на Спасской башне. Возьметесь?

Часовщик. Люди их сделали, люди их поломали, люди их должны заставить ходить.

Ленин. Но когда люди их делали, песни «Интернационал» не было. Теперь нам нужно научить куранты играть «Интернационал». Научите?

Часовщик. Попробуем заставить.

Ленин. Завтра же и приступайте к работе.

Часовщик. А сейчас я не могу пойти туда? Мне не хочется больше ждать.

Дзержинский. И если вам будут мешать, если окажутся затруднения, позвоните по этому телефону.

Часовщик. Кого спросить?

Дзержинский. Дзержинского.

Часовщик. И он сам мне будет помогать?

Ленин. Да, мы его попросим об этом. А об условиях договоритесь с нашим комендантом.

Часовщик. Какие условия? Я первый в мире часовщик, который будет учить кремлевские куранты играть «Интернационал»!

Ленин. Но паек вам не помешает?

Часовщик. О да, паек мне, конечно, не помешает.

Спасибо вам за этот заказ, за доверие. Извините меня, я расстроен. Я пойду в башню. (Уходит.)

Ленин. Еще дело сдвинули. Я верю, что куранты заиграют. А все-таки, как вы думаете, Феликс Эдмундович, пойдет к нам работать Забелин?

Дзержинский. Я думаю, пойдет.

Ленин. Скорее бы поднять таких медведей, сотни их попрятались. Скорее надо, проворнее.

Дзержинский уходит. Ленин склонился над работой за письменным столом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В кабинете Забелина в тот же вечер. Те же лица, кроме Забелина, Маши и Рыбакова.

Скептик. А я вам говорю, что мы были обязаны проверить ордер на право ареста.

Забелина. Проверь не проверь, результат один.

Дама испуганная. Никогда, даже на смертном одре, не забуду этот кошмарный вечер. Если бы это все мне приснилось, я бы вскочила и стала кричать. А тут наяву пришли, ни слова не сказали и увезли.

Скептик. Теперь целый месяц она будет страдать бессонницей. Даже патентованные американские таблетки не помогут. Поедем домой. Тебя трясет.

Забелина. Подождите, сейчас Маша вернется.

Входит кухарка.

Кухарка. Лидия Михайловна, никак, дом оцепили. Из тех окон гляжу — солдаты. Из этих — опять солдаты.

Оптимист. Солдаты...

Дама испуганная. Потушите свет.

Оптимист (смотрит в окно). Это обыкновенные солдаты.

Скептик. А вы думаете, за вами пришлют необыкновенных солдат?

Оптимист. Они стоят и чего-то ждут.

Дама испуганная. Я умоляю, потушите свет!

Скептик. Но в темноте тебе сделается еще страшнее!

Дама с вязаньем. А я ничего не боюсь, по моему, тоже лучше потушить свет и зажечь масляную коптилку. Лидия Михайловна, у вас есть лото?

Забелина. Лото? Для чего?

Дама с вязаньем. В случае если придут и станут проверять, а мы в лото играем!

Оптимист. Только не надо падать духом. Лото так лото. Несите лото!

Дама испуганная. Но потушите же свет!

Забелина (кухарке). Прасковья, неси банку с фитилем.

Кухарка уходит.

(Тушит свет.) Сейчас достану лото. (Выходит.)

Тьма. Молчание.

Дама с вязаньем. Я думаю, что надо играть на деньги.

Дама испуганная. Как можно на деньги... как можно, ведь это азарт!

Дама с вязаньем. Ну, на орехи!

Скептик. Где же мы возьмем орехи?

Дама с вязаньем. У Забелиной найдутся.

Входит Забелина. В руках коптилка и лото.

Разбирайте карты. Кто будет выкликать номера? Лидия Михайловна, у вас орехи есть?

Забелина. Ах, милая, не до орехов мне!

Дама испуганная. Дайте мне мешочек. Я буду объявлять.

Забелина. Сейчас должна Маша прийти. По-моему, она узнает что-нибудь.

Дама испуганная. Двадцать два... шесть... девяносто один.

Входит кухарка.

Кухарка. Теперь они напротив стоят. Должно быть, сердитые... На наши окна смотрят.

Забелина. Прасковья, смотри из окон столовой... В случае если придут, скажи, что у нас гости.

Все. Не надо!

Забелина. Нет, ты лучше ничего не говори.

Дама испуганная. Сорок четыре... двадцать шесть...

Оптимист. А у меня квартира...

Дама испуганная. Тринадцать... шестьдесят один... восемьдесят один...

Кухарка. Никак, пошли прочь. *(Подходит к окну.)* Нет... Они здесь, на углу.

Скептик. С ружьями?

Кухарка. С ружьями.

Скептик задул коптилку.

Дама испуганная. Двенадцать, тринадцать, пятнадцать... Кто-то идет... Я не могу больше! Кто-то шагает сюда! Зажгите свет!

Зажигается свет. В дверях стоит Забелин.

Забелина. Антон?!

Все. Антон Иванович?!

Забелина. Ты?!

Забелин. Я.

Забелина. Антон... Да что же ты стоишь-то? Садись, пожалуйста, милый мой Антон Иванович! Маша! Где же она? Ах, я все забыла!.. Что же ты стоишь, Антон? Дай же я тебя поцелую! Милый мой Антон Иванович... *(Обнимает. Плачет.)*

Забелин. Не плачь.

Забелина. Прости. Я думала, что ты погиб... И руки у меня совсем опустились. Туча-то какая над нами прошла, господи! Это же... Что же было? Ошибка?

Забелин (со своим значением). На этот вопрос я должен завтра дать ответ.

Забелина (всматривается в него). Странное у тебя лицо. Ты странно взволнован, Антон Иванович. Где ты был?

Забелин. Не помню.

Забелина. И взволнован, и опять твоя манера: «Не помню». Ничего не помнишь, ничего не видел.

Забелин. Я видел, как почва уходит из-под ног. (Скептику.) Кто целый год из меня душу по нитке выматывал? Ну что? Посадили? Они знают Забелина! Полагали расстрелять, а не стали, потому что Антон Забелин один. Чего смотрите? Разве я не похож на самого себя? А что такое — быть похожим на самого себя?

Забелина. Антон, ведь твои аллегории никому не понятны.

Забелин. Не бойся, он меня отлично понимает.

Забелина. Ты скажи, где ты был?

Скептик. Куда тебя возили?

Оптимист. Ты был в отлучке ровно три часа.

Забелин. Не три часа, а три года.

Забелина. Опять... аллегории, загадки!

Забелин. Меня сделали фельдмаршалом и приказали покорить Индию.

Вбегает Маша.

Маша. Папа! (Прильнула к нему.)

Забелин. Ты тоже не плачь... А сердчишко-то как стучит... Жаль вздорного отца! Любишь?

Маша. Люблю... Я стремглав бежала. Мне нигде не могли сказать. Я стала у парадного и боюсь ступить за порог... Я думала... Папка мой!

Скептик. Но где ты был?

Забелин. В Кремле.

Скептик. И все?

Забелин. И все.

Забелина. Ты расскажи подробности.

Забелин. Там не было подробностей.

Дама с вязаньем. Я понимаю Антона Ивановича. Он так романтически появился в доме, что я одна все вижу. Антон Иванович... вы загадочны... вы романтически настроены... Я преклоняюсь перед вами, Антон Иванович. Не надо его расспрашивать.

Забелин. Лидия Михайловна, я с утра ничего не ел. Ты смотри, у нас гости, а стол не накрыт. Из наших запасов можно сделать старинный московский стол. Достань наше студенческое вино, которое мы покупали по полтиннику за бутылку.

Забелина. Я все сделаю. Пожалуйста за мной.

Скептик. Но почему он на меня накинулся, точно я виноват в этом происшествии?

Оптимист. Если дело кончается стаканом студенческого вина, то как вы можете негодовать, почтеннейший друг мой?

Все, кроме Забелина и Маши, уходят.

Забелин. Маша, сядь... никуда не пушу. (*Взяв в руки книгу.*) Антон Забелин, «Электротехника». Машка, ты еще совсем маленькая была, когда я этот труд писал. Бывало, придешь сюда и скажешь: «Папа ты пишешь? Ну, я тут посижу...» Посидишь вот здесь, а потом мне на закорки залезешь, и мы с тобой по кабинету носимся. А теперь ты у меня большая, умница, и отец робеет перед тобой. Что это за платье на тебе? Для своего поклонника принарядилась?

Маша. Я в этом платье ежедневно хожу на работу. А поклонников никогда нарядами не прельщала. Ты сказал глупость.

Забелин. Глупый старик! Кстати, а где Ромео?

Маша. Какой Ромео?

Забелин. Современный, советский. Где матрос?

Маша. Зачем тебе?

Забелин. Мне бы сейчас с ним надо побеседовать.

Маша. Папа, если б ты знал, что произошло... что я наделала. Понимаешь, когда тебя арестовали, я подумала, что это он... и я сказала ему об этом. Теперь все кончено.

Забелин. Дура ты, дура, не пошла за капитана Алейского... Теперь жила бы в Париже.

Маша. Мне передавали, что капитан Алейский в Париже на балалайке играет.

Забелин. Лучше в Париже на балалайке играть, чем в Москве у Иверской спичками торговать.

Маша. Отчего же ты в Париж не уехал? Тебя звали.

Забелин. Оттого что я русский.

Маша. А я кто же?

Забелин. Вы, женщины,—хамелеоны. Елена Прекрасная у троянцев жила довольно удобно, Саламбо* варвара полюбила, ты—матроса. А я без репы жить не могу! Там, в Париже, лягушками кормят... (Вдруг.) Неужели жизнь прошла? Дочка моя, Машенька, посмотри на меня—прошла жизнь?

Маша. Милый мой, скажи, о чем ты думаешь? Нельзя так. Почему жизнь прошла?

Забелин. Все, что я тут говорил, ни к чему. Ты ведь поняла? Я, видишь ли, у них в Кремле был... Что же ты молчишь? Ты знаешь, что сию минуту случилось? Я считал себя ученым человеком, строителем, созидателем. Я всю жизнь корпел, с ума сходил, проблемы выдвигал, а все это летит в тартарары!

Маша. Папа, говори, что произошло?

Забелин. Убили твоего Забелина, сразили... Я не сразу, а только по дороге понял весь объем их идей.

Маша. Расскажи спокойно, я ничего не знаю, понять тебя не могу.

Забелин. Не торопи, Маша. До завтра мы с тобой

все обдумаем до полной ясности. Я ведь завтра должен дать ответ...

Маша (*глубокая радость*). Тебе предлагают работать?

Забелин (*шепотом*). Велят, и серьезно велят. Теперь я спичками торговать не буду. Слово дал.

Маша. Слава богу!

Забелин. И ты — слава богу! Мне, Маша, у тебя, только у тебя одной по секрету надобно узнать: гожусь я, по нынешним временам, или долой со счетов?

Маша. Ты... ты спрашиваешь? Конечно, годишься! Я тебе честное слово даю... Да разве позвали бы тебя в Кремль?

Забелин. Опять не то. Они знают Забелина, ты — отца.

Маша. Ты сам вспомни, на какой почве мы чуть до полного разрыва с тобой не дошли?

Забелин. Опять-таки ты моего вопроса не понимаешь. Поставь рядом со мной матроса и подумай: уживусь ли я с ним? Я серьезно спрашиваю. Мне сейчас не до шуток. Матрос и я в одном колесе возможны? А? Такую комбинацию ты можешь себе представить?

Маша (*вдруг*). Могу. У меня слов нет. Я не знаю, что отдала бы, чтобы ты мне поверил.

Забелин. Машка, а Россию-то... самоварную, папашью паровую... Россию они хотят побоку? Каково!

Маша. Так о чем же ты думаешь?.. Что ты осматриваешься? Чего тебе жалко?.. Иди... Торгуй спичками. (*Передразнивает.*) «Серные, довоенные... безопасные...»

Забелин. Не смей надо мной издеваться!

Маша. Скажи, милый мой, о чем ты думаешь?

Забелин. Тсс... Скажу.

Маша. Слушаю, папа.

Забелин. Я сейчас в Кремле видел гениального человека.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Огромный во всю сцену старинный зал. В углу у дверей метла и куча мусора. Где-то у стены рыночный стол, черное кресло и простая табуретка. На столе телефон. Забелин ходит по комнате, посвистывает. Переставил табуретку к окну, секунду посидел под окном. Вскочил, взял метлу и снял из угла паутину. Бросил метлу. Опять стал ходить по комнате и посвистывать. Входит Маша. Она здесь впервые. Удивленно осматривается.

Забелин. Сторож. Сторож, окаянная душа! Уважаемый гражданин сторож!.. Был, и след простыл. Возьму и позвоню... Кому? Хотя бы самому Дзержинскому... в Чека. Прекрасно... И что же я ему скажу? Что сторож меня не признает? Глупо! Или что я изголодался по самым простейшим рабочим расчетам с логарифмической линейкой? Тоже глупо... Нет, такого положения даже я не мог себе представить. (*Заметив Машу.*) А! Пришла? Восхищайся, аплодируй мне. Меня назначили главой всероссийского учреждения, дали особняк, а сторож удрал, не хочет вымести мусор, оттого что ему никто не платит, и он уходит торговать барахлом.

Маша. Откуда такое странное кресло?

Забелин. Сейчас с чердака снял. Сугубо готический стиль. Старая дрянь. В сарае стоит карета с гербом. В этом доме я сам чувствую себя экспонатом. Здесь бегают крысы, толстые и наглые, как спекулянты у Иверской. Они меня презирают.

Маша. Ты только не сердись.

Забелин. Я не ангел и не простофиля, принимающий бытие как величайшее одолжение. Иди домой, нового ничего не скажешь.

Маша. Хорошо, я уйду, а ты что будешь делать?

Забелин. А что можно делать в этих условиях? Играть «Короля Лира», сцену безумия. Удивительная сцена.

Маша. Ты мне очень не нравишься.

Забелин. Зато я тебя обожаю.

Маша. Какой ты злой!

Забелин. Какая ты добрая.

Маша. Я ведь знаю тебя, в таком состоянии ты способен бросить, уйти, написать ужасное заявление. Трудности надо преодолевать.

Забелин. Какой афоризм! Никогда не слышал.

Маша (*вдруг в тоне отца*). Мне стыдно за тебя.

Забелин. Как-с!

Маша. Горько, стыдно, противно! Ты дал слово...

Забелин. Ну да... я дал слово...

Маша. И постой, постой, я тоже знаю, что сказать. Ты же был рад, что дал согласие, ты ожил у нас на глазах, к тебе вернулась твоя энергия.

Забелин. Ты мне толкуешь о том, что было вчера, а я тебе говорю о том, что происходит сегодня...

Маша порывается что-то сказать.

Не смей меня перебивать! Как ты не понимаешь, что я лопаюсь от злости оттого, что не могу немедленно, как мне было предложено Лениным, немедленно в буквальном смысле приступить к работе. Да, я дал слово и готов его сдержать... Хочу, понимаешь? Мечтаю выполнить. Но я могу сделать это через людей, то есть в живом общении с живыми существами, а их вокруг меня нет... Ау! Слышишь? Эхо... и больше ничего.

В дверях появляется Рыбаков, в руках держит пишущую машинку.

Смотрите, это он! Конечно же, это он!.. Позвольте, вы условились? Что же молчите? Условились? Так и отвечайте. Вы хоть поздоровайтесь, сударь. Чем обязан радости вновь видеть вас?

Рыбаков. Я прислан к вам сюда работать.

Забелин. Вы присланы сюда работать? Пожа-луйста, садитесь, вот вам мое кресло, приказывайте.

Рыбаков. Напрасно, честное слово, у вас такая ирония. Меня послали вам помогать.

Забелин. А что за предмет вы принесли? Пишущая машинка?

Рыбаков. По пути в одном месте взял... то есть одолжил...

Забелин. Может быть, отнял?

Рыбаков. Не без этого...

Забелин. Ставьте ее куда-нибудь.

Рыбаков. Сейчас что-нибудь придумаем. Это пока. Вы сами понимаете.

Забелин. Не старая машина... Ремингтон. Позвольте, а кто же будет работать на ней?

Рыбаков. Я одолжил ее вместе с машинисткой. Сейчас придет.

Забелин. Маша, смотри. Вот уже становится похоже на какую-то контору... (Подумав.) Нет, ничего не похоже.

Маша. Мне, кажется, пора уходить.

Рыбаков. Тут мусор! (Забелину.) Позвольте мне вынести мусор. Некрасиво.

Забелин. Святая наивность! Кого вы думаете перехитрить?

Рыбаков. Почему — перехитрить? Нельзя же запускать помещение.

Забелин (строго). Молодой человек, почему же при мне вы делаете физиономии, что не видите друг друга, и скрываетесь от меня, как воры?

Маша. Неправда. Я тебе говорила. Ты знаешь...

Я не скрываюсь. И не думала, и вообще ничего не хочу. Прощайте.

Рыбаков. А мне по этому поводу сказать можно?

Забелин. Сколько угодно.

Рыбаков. Нельзя рубить дерево не по себе. Я не обижаюсь, что Мария Антоновна сказала, будто я под видом любви к ней выслеживал вас. Что там было выслеживать?

Забелин. Да... Ну те-с?

Рыбаков. Я не об этом. Между нами большая разница в образовании, воспитании. Так я и решил. Ну, я займусь этой маленькой операцией, а то нехорошо. *(Идет к двери.)*

Маша. Рыбаков...

Рыбаков оборачивается.

Маша. Вы правы... Между нами целая пропасть. Вы очень умно рассудили. Незаслуженно обидела вас и прощения просить не хочу. Но вы всегда по отношению ко мне были удивительно благородны. Теперь я вас попрошу в последний раз — уходите отсюда, совсем уходите. Я никогда не должна слышать о вас. *(Бросилась прочь.)*

Забелин. А он стоит... Бегите вслед, просите прощения...

Рыбаков. То есть я действительно побегу.

Забелин. Какое там, к черту, «то есть»! Ступайте уж...

Рыбаков убегает.

Что поделаешь?.. Жизнь... Остра ты, матушка-жизнь, с перцем, с полынью, а принимать надо. Бедная Машка-то, любит. Кто там?

Входит Забелина. В руках судки.

Будь здорова.

Забелина. Я принесла тебе завтрак.

Забелин. Безумно рад. Благодарю.

Забелина. Садись и ешь! Возьми салфетку и ешь, как прежде на службе.

Забелин. Не хочу.

Забелина. Мне твои пируэты надоели. Садись и ешь.

Забелин. Лида, ты не шуми... Я сажусь.

Забелина. Молчи и ешь.

Забелин. Ем.

Забелина. Лучше жуй.

Забелин. Жую... Ты на улице никого не встретила?

Забелина. На улице много людей.

Забелин. Конечно...

Забелина. Антон Иванович, работай, ради бога, и не дерись ни с кем.

Забелин. Не буду.

Забелина. Приди в себя. Успокойся. И вообрази себе, что все это... обстановка... дела... будет выглядеть иначе.

Забелин. Воображу, воображу.

Забелина. Если бы ты знал, как хочется, чтоб снова ты ушел с головой в свое дело.

Забелин. Довольно меня нянчить! Я не грудной младенец! Ей хочется! А я мешок с опилками?! Болванка без души? Благодарю за угощение. Сыт.

Входит М а ш а.

А ты опять зачем?

М а ш а. За мамой... проводить ее.

Забелин. За мамой...

Входит Р ы б а к о в.

Вот все святое семейство! Но вместо Христа — матрос!

Р ы б а к о в (обиделся, разозлился, вспылал). В конце концов мне не до шуток. И я пришел сюда работать. Пожалуйста, вот мое назначение, прочтите. Мне дано

строгое указание не терять времени. Давайте обсудим, что и как.

Забелин. Давайте обсудим. А вы энергетик, электрик или хотя бы электромонтер?

Рыбаков. Умею чинить электрические пробки.

Забелин. Чтобы работать по электрификации России, этого слишком мало.

Рыбаков. Я найду себе дело.

Забелин. Впрочем, это даже обстановочнее — то один болван свистел в пустом зале, теперь будут — двое.

Рыбаков. Я свистеть не буду, а главное — вам не дам. Прежде всего с чем вы здесь столкнулись?

Забелин. Ни с чем.

Рыбаков (*смутился*). Так... Ну и что же?

Забелин. Ну и ничего же! Поняли? Так начинается Библия.

Забелина (*знаками отозвала Машу в сторону*). Маша, нам нельзя уходить... Пойдем походим по комнатам.

Забелина и Маша незаметно уходят.

Рыбаков (*задумчиво осматривается*). Насколько я могу понять, вы, я и вся эта обстановка составляют нашу организацию. Телефон есть. А средства передвижения вам дали?

Забелин. Дали. В сарае стоит карета. Без лошадей.

Рыбаков. Без лошадей карета не годится. Не надо ничему удивляться... Однажды я взял город, пришел в городскую управу и конфисковал кассу. А в кассе города оказались две медные копейки. С двумя копейками я начинал Советскую власть.

Забелин. Любопытно... как же вы начинали?

Рыбаков. Я созвал в театр мелкую, среднюю и крупную буржуазию и на сцену поставил пулемет и будильник... И через три часа, по звонку будильника, они положили на стол три миллиона.

Забелин. Что же, вы собираетесь и сюда созвать всю оставшуюся в Москве буржуазию?

Рыбаков. Нет... Вы мне скажите, что сейчас вам крайне необходимо?

Забелин. Мне крайне необходимы инженеры, техники, чертежники, теоретики, ученые...

Рыбаков. Ну и давайте их привлекать.

Забелин. Что же, вы поедете с пулеметом и будильником по Москве?

Рыбаков. Нет, в данном случае тут с пулеметом ничего не сделаешь. Я дам во все газеты сообщение, что Антон Иванович Забелин приступил к работе.

Забелин. Очень простая мысль.

Рыбаков. Я сейчас буду вызывать сюда журналистов.

Забелин. А разве они существуют? Да-да, конечно... Я просто забыл, какие бывают журналисты. Но у нас негде их принять, посадить.

Рыбаков. Ничего, постоят. Итак, я буду вызывать журналистов, а вы садитесь готовиться к докладу. Нам с вами... то есть вам... лично вам... не позднее чем через три дня надо представить обещанный доклад товарищу Ленину.

Забелин. Как — через три дня?

Рыбаков. Вот так... обыкновенно.

Забелин. Откуда вы это знаете?

Рыбаков. Знаю очень точно.

Забелин. Нет, вы это, голубчик, совсем серьезно?

Рыбаков. Очень серьезно.

Забелин. Что же вы молчали, сударь?

Рыбаков (вызывает номер телефона). Вы на меня накинулись и ошарашили.

Забелин. Вас ошарашишь!

Рыбаков (по телефону). Двадцать два — двадцать три... Редакция «Известий»?.. С вами говорит ученый секретарь особой комиссии. Мы разворачиваем огромную работу по подготовке электрификации... А вы и не

знали?! Плохо работаете, да... да... Пришлите-ка нам сотрудника. Сивцев Вражек, семнадцать.

Забелин (*достает записную книжку*). Вот вам номер телефона инженера Вострецова. У меня с этим господином получился парадокс... Иначе говоря, я с ним подрался у Малого театра. Мне нужно получить у него копию моего доклада в Академии наук. Позвоните ему.

Рыбаков. Четырнадцать — сорок пять.

Забелин. А жена ушла? Кто просил уходить?.. Лидия Михайловна! Верните их...

Рыбаков. Четырнадцать — сорок пять?.. Инженер Вострецов дома?.. Как — не знаете, а вы кто такая, жена?.. Где работает?.. Говорит особая комиссия... Благодарю вас.

Вбегают Забелина и Маша.

Забелина. Извини... мы судки забыли.

Забелин. «Судки»... Какие судки! Сию минуту поезжайте домой и пришлите мой лондонский чемодан из свиной кожи, там спрятаны мои лучшие труды. Марья, ты сама найди извозчика и вези... Опять они ждут. Ведь ясно сказано?

Забелина (*подходит к мужу, тихо*). А тот портфель... ты знаешь, о чем я говорю... не нужен?

Забелин. Он здесь со мной.

Забелина. Ведь я понимаю... Я все понимаю... Вся жизнь как на ладони. Пойдем, Маша. (*Уходит.*)

Маша (*у дверей*). Папка, как я тебя люблю! И вас люблю, Рыбаков. (*Целует Рыбакова, уходит.*)

Забелин. Вы нашли Вострецова? Позвольте, вы взволнованы...

Рыбаков. Конечно, взволнован... Но я этого Вострецова со дна моря достану.

Входит машинистка.

Вот, Антон Иванович, машинистка, о которой я вам говорил.

Забелин (машинистке). Вы прикомандированы к нам работать. Душевно рад. Забелин. И вы не удивляйтесь, если мы сейчас экстренно начнем работать. Усаживайтесь. (Ходит, думает вслух.) Идея... идея... Нет, мы начнем так-с. Электрификация России является величайшей идеей современности на долгие времена... (Машинистке.) Можно?

Машинистка. Все готово.

Забелин. Я обыкновенно диктую и хожу при этом. Итак, пожалуйста, начнем. «Председателю Совета Народных Комиссаров...»

КАРТИНА ВТОРАЯ

Служебный кабинет Ленина в Кремле. В кабинете находятся английский писатель и секретарь. Они сидят друг против друга.

Англичанин. Разрешите посмотреть иллюстрации в этом журнале?

Секретарь. Пожалуйста.

Входит Ленин.

Ленин. Я заставил вас ждать? (Протягивает руку.) Ульянов-Ленин. Милости прошу!

Английский писатель ритуально раскланивается. Ленин приглашает его садиться. Сели. Секретарь уходит.

Слушаю вас.

Англичанин. Я, конечно, не верю рассказам, что вы масон*.

Ленин. А в Лондоне еще водятся масоны? Боже мой, какая дичь!

Англичанин (не теряя достоинства). Но мне кажется, что вы плохо знаете русскую жизнь. К вам очень трудно проникнуть. Здесь так много часовых.

Как же вы можете иметь связь с вашим народом?

Ленин. Связь с народом от часовых не зависит.

Англичанин. Я собираюсь написать обширную книгу против Маркса.

Ленин (*улыбнулся*). Это интересно.

Англичанин. Он мне надоел.

Ленин. Кто?

Англичанин. Я сказал кто. Я сказал, Маркс.

Ленин. Ну что ж, валяйте!

Англичанин. Что это такое — валяйте?

Ленин. Действуйте... работайте!

Англичанин. Я не понимаю, как вы, мистер Ленин, можете делить мир на бедных и богатых. Это примитивно, грубо. Среди богатых есть честные люди, как и среди бедных. Вот эти честные люди из богатых и бедных должны объединиться и построить разумный социализм. Я вижу по вашим глазам, что вы не верите в эту идею.

Ленин. Ни на грош не верю.

Англичанин. Я готов спорить.

Ленин. Я слишком ценю ваше время, чтобы спорить о таких вещах.

Англичанин. О-о... Это же фанатизм — верить только в одну идею большевистского социализма!

Ленин. Ваше правительство истратило много денег, чтобы пушками доказать несостоятельность наших идей.

Англичанин. Я был одним из тех, кто протестовал.

Ленин. Да-да, я знаю, вы один из тех честных, и не помогло!

Англичанин. Не помогло.

Ленин. А почему же не помогло?

Англичанин. Потому что у них власть.

Ленин. У них банки, у них пушки... А у вас честность. Что такое ваша честность по сравнению с плохой пушкой? Только вы соберетесь начать свой разумный социализм, а они поставят одну самую плохую пушку и бац по вашим милым социалистам! Послушай-

те, это ведь вещь вполне возможная... Что же тогда вам делать? Отстреливаться? Но ведь это же большевизм. Бежать? А как же социализм?

Англичанин. Мистер Ленин, это обычная красная пропаганда.

Ленин. Но я же самый настоящий красный!

Англичанин. Мистер Ленин, я удивлен...

В это мгновение доносится звук курантов — две-три ноты из «Интернационала».

Ленин (*прислушиваясь*). Чем?

Англичанин. Вы находите в себе юмор, а между тем всякому беспристрастному наблюдателю, явившемуся с Запада, легко заметить, что вы на краю гибели.

Ленин (*серьезно*). Пожалуйста, расскажите, что вы у нас заметили?

Англичанин. Я заметил, что люди в России очень плохо побриты.

Ленин. Да, побриты они неважно.

Англичанин. К тому же они все страшно оборваны... Может быть, вам эта тема неприятна?

Ленин. Пожалуйста, продолжайте. Мне очень интересно, что вы у нас увидели!

Англичанин. Все люди ходят с какими-то свертками. Я сначала не мог понять, в чем дело. А потом мне рассказали... Это их пища, паек... Они из своих учреждений несут домой в газетах вареную кашу. У вас никто не гуляет по улицам. Все куда-то бегут. У Максима Горького всего один костюм.

Ленин. Неужели? Он вам говорил?

Англичанин. Мне сказали его близкие.

Ленин (*как бы про себя, задумчиво*). Всем трудно. Горькому тоже трудно. (*Вдруг, прищурившись*.) А сколько у вас костюмов?

Англичанин. Я не помню... как у всякого порядочного человека... десять... двенадцать...

Ленин. У вас двенадцать, а у Горького один...

УТРО.

Видите, какая разница! Но продолжайте, пожалуйста!

Англичанин. Когда я простудился, то в аптеке не нашлось никаких лекарств.

Ленин (*горько*). Вот это ужасно... я знаю, это ужасно!

Англичанин. Я ел хлеб, который не годен для пищи, но я слышал, что где-то в районе реки Волги русские едят друг друга. Правда ли это?

Ленин. Правда.

Англичанин (*патетически*). Человеческие силы не в состоянии остановить эту катастрофу! В России в скором времени никого не останется, кроме деревенских мужиков. Железные дороги заржавеют, так как ваши города перестанут существовать. Я вижу Россию во мгле, в страшной мгле ее конца... катастрофы, гибели...

Ленин (*просто, задумчиво*). Наверно, мы производим жуткое впечатление... «Во мгле»... Наверно, и мгла есть. Нет-нет, я не спорю, наверно, все это так и кажется.

Англичанин. Я слышал, что вы предлагаете план электрификации России.

Ленин (*вдруг, удивленно*). Как — слышали?

Англичанин. Я имел беседу с одним господином, который...

Ленин. Я знаю, с кем вы имели беседу. Что же говорит этот господин?

Англичанин. Он остроумный человек, он шутит, он говорит — не «электрификация», а «электрофикция».

Ленин. Да, он остроумный господин.

Англичанин. Вы мечтатель, мистер Ленин. Перед вами огромная, плоская, замерзающая страна, скорее с азиатским, чем с европейским населением, страна, испускающая смертельный крик... а вы мечтаете дать ей электричество. Вы странный мечтатель, мистер Ленин!

Ленин. Приезжайте к нам через десять лет.

Англичанин. Но будете ли вы через десять лет?

Ленин (*весело*). Будем. Не верите? Приезжайте и

увидите, что будем. Я мечтатель. Мне кажется, что вообще мы — навеки.

Англичанин. Если вы так верите, то у вас есть тайны, которых мы не знаем.

Ленин. О, напротив, мы очень откровенны... слишком откровенны!

Англичанин. Если так, то скажите, почему вы верите и мечтаете?

Ленин. Так вы же рассердитесь. Вы скажете, что это обычная красная пропаганда. Я верю в рабочий класс, вы — нет. Я верю в русский народ, вас он ужасает. Вы верите в честность капиталистов, а я — нет. Вы придумали чистенький, милый, рождественский социализм, а я стою за диктатуру пролетариата. «Диктатура» слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное. Таких слов на ветер не бросают, но иначе нельзя мечтать об электрификации, социализме, коммунизме... История покажет, кто из нас прав.

Англичанин. Ваша вера может потрясти... или свести с ума! Это невозможно понять! Перед вами бездна несчастий, ужасов, а вы над пропастью говорите об электрификации... Я отказываюсь понимать!

Снова бьют куранты — опять две-три ноты «Интернационала».

Ленин. Приезжайте к нам через десять лет...

Англичанин. Нет, вы что-то скрываете. Вы знаете что-то, чего не знают у нас на Западе, но не говорите!

Ленин. Даю вам честное слово, что мы все и до конца говорим открыто.

Англичанин. Вы утомлены. Я это заметил, когда вы вошли... До свидания, мистер Ленин! Благодарю вас за беседу. Может быть, вы и правы, а я неправ. Будущее покажет. До свидания!

Ленин. До свидания! А все-таки вы к нам через десять лет приезжайте.

Английский писатель уходит.

(Задумался и вдруг засмеялся.) Какой мещанин?! А?!
Какой безнадежный филистер!

Входит секретарь.

Инженер Забелин ждет?

Секретарь. Да, Владимир Ильич.

Ленин. Просите.

Секретарь уходит. Входит Забелин.

Забелин. Здравствуйте, Владимир Ильич.

Ленин. Здравствуйте, Антон Иванович. Как здоровье, настроение?

Забелин. Благодарю. Настроение у меня... прогрессирует.

Ленин. Чудесно, если прогрессирует... Но, между прочим, вам доводилось в жизни встречать мещан?

Забелин. Мещан?.. Каких?

Ленин. Обыкновенных, настоящих, тех самых, которых так живо изображает писатель Максим Горький...

Забелин. Возможно... да... встречал...

Ленин. Вот видите... Мы все уверены, что мещанин— существо ископаемое. Живет в Коломне, за кисейными занавесками и носит серебряную цепочку на жилетке. Это величайшее заблуждение. Мещанин— мировая категория. Я сейчас видел образцового мещанина в лице всемирно известного писателя. И он как две капли воды похож на наших российских мещан, коих имеется великое множество во всех слоях нашего общества.

Забелин. Да, они имеются во всех слоях, но я не хотел бы оказаться в числе оных. И цепочки не ношу.

Ленин. Не носите?

Забелин. И был бы убит... если б я был похож на них.

Ленин. О нет, нет... У каждого из нас есть свои недостатки, но вы— не то. Садитесь. Где же ваш док-

лад?.. Я его читал с карандашом в руках. Сложнейший труд. Долго работали?

Забелин. Срок был малый. Но я медленно работать не умею, если уже взялся за работу.

Ленин. Это сказывается.

Забелин. Как сказывается?.. Простите... отрицательно?

Ленин. Отчего же непременно отрицательно?

Забелин. Видите ли, Владимир Ильич, для меня это как экзамен... на старости лет.

Ленин. Если уж экзамен, то будем считать, что вы его сдали на пятерку. Превосходный труд... великолепный, и горячо изложено.

Забелин. Я счастлив, я благодарен... Это же мое призвание, которое я, стало быть, вновь обрел. И вообще каждый ученый-энергетик, если только он любит Россию, должен признать, что со времен Петра Первого ничьим умом не владели столь смелые, столь величественные идеи. И все же могу ли я задать вам один очень важный вопрос?

Ленин. Спрашивайте, спрашивайте... Вы начинающий и в этом смысле молодой работник.

Забелин. Я и мои коллеги, которые честно идут к нам работать, не сомневаются в победном будущем электрификации... но у нас есть все же «но».

Ленин. Какое?.. Очень любопытно.

Забелин. Буду краток — не рано ли?

Ленин. Не рано ли приступать к электрификации?
Я понял вас.

Забелин. Откровенно говоря, этот вопрос меня ужасно мучает.

Ленин. И меня ужасно мучает. Но я безумно мучаюсь оттого, что дело у нас ползет архимедленно. Это громадный, коренной вопрос нашего развития. Сегодня мы отстали от цивилизованного мира, мало сказать, на триста лет. И все мы от мала до велика находимся во власти этой чудовищной отсталости. Как толь-

ко возникает какая-нибудь смелая мысль, тут-то и начинается брожение умов. Не рано ли? Нет, батенька, не рано. Если бы мы пришли к власти в девятьсот пятом году, то сразу же приступили бы к электрификации. Вообразите, где была бы теперь Советская Россия?

Забелин. Да, конечно, я понимаю. Я начинаю входить в политику.

Ленин. А что такое политика? Это ведь концентрированное выражение экономики. А наша с вами экономика такова, что потребуются гигантские усилия, жертвы целых поколений, чтобы совершить неслыханный переворот во всех областях жизни. А между прочим, вас не обижает, Антон Иванович, что вам дали в помощники матроса Рыбакова? Знаменитый инженер, профессор, и нате вам — матрос-комиссар?

Забелин. Представьте себе, Владимир Ильич, — нисколько. Дельный малый... Он мне с первого раза понравился.

Ленин. Очень рад.

Забелин. Я понимаю ваш вопрос, но, конечно, мне больше подходил бы какой-нибудь теоретик-марксист.

Ленин. А зачем вам теоретик?.. Зачем?..

Забелин. Вы так весело говорите, что я могу принять ваши вопросы за шутку.

Ленин. Я не шучу. Зачем вам теоретик?

Забелин. Я, как теперь говорится, буржуазный спец. Меня, по всей вероятности, надо школить, а?

Ленин. Но мы пригласили вас не для того, чтобы вы проходили курсы марксизма. Нам надо, чтобы вы работали, и работали во все тяжкие, и это будет лучший марксизм как для вас, так и для нас. Саша Рыбаков — теоретик неважный, а исполнитель блистательный. И я направил его к вам с тем, чтобы он осуществлял при вас диктатуру пролетариата. Ибо без диктатуры пролетариата мы никакой электрификации не осуществим и вся ваша работа пропадет даром. Возьмите ваш доклад, ознакомьтесь с пометками и готовьтесь к заседанию Со-

вета Труда и Обороны. До свидания, товарищ Забелин.

Забелин. До свидания, Владимир Ильич.

Входят секретарь, Дзержинский, Рыбаков и часовщик.

Ленин. Минуточку... Минуточку!.. Это очень важно... очень радостно...

Секретарь. Товарищ Ленин, вы приказали пригласить часового мастера в тот момент, когда кремлевские куранты...

Часовщик. Тсс... умоляю.

Дзержинский. Извините, Владимир Ильич, за это стремительное вторжение, но... волнующая штука... часы...

Часовщик (Дзержинскому). Прошу вас... осталась одна секунда.

Ленин. Часы пустили?.. Саша...

Рыбаков. Будто бы... Сейчас... сейчас...

Начинается бой часов.

Забелин. Что это? Часы на Кремле?.. Ну да, они.

Дзержинский. А вы, наверное, ругали нас... что вот-де у большевиков и часы на Кремле замолчали?

Забелин. Было.

Дзержинский. Крепко ругали?

Забелин. По-всякому.

Ленин. Слышите... а? Играют... Это великое дело. Когда сбудется все, о чем мы теперь лишь мечтаем, из-за чего спорим, мучаемся, они будут отсчитывать новое время, и то время будет свидетелем новых планов электрификации, новых мечтаний, новых дерзаний.

Занавес

ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Владимир Ильич Ленин
Мария Ильинична Ульянова, его сестра
Федор Дятлов, рабочий, в настоящее время чекист
Ипполит Сестрорецкий, инженер, коммунист
Ирина Александровна, врач, сестра Ипполита
Валерик, их брат
Гвоздилин, капиталист-заводчик
Настя, его дочь
Кумакин Лавруха, художник
Клава, его жена
Проня
Кузьмич
Сухожилов, мастер
Рабочий в картузе набор
Замкнутый рабочий
Рабочий с бородкой
Абдула, дворник
Господин с толстой тростью
Господин с животом
Господин в лаковых башмаках с замшей
Докладывающий
Рабочие, девочка

Действие с первой по одиннадцатую сцену происходит весной—осенью 1922 года, двенадцатой и тринадцатой сцен—в январе 1924 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двор при старинном московском особняке. Большая цветочная клумба. Летние сумерки. Настя, Клава.

Настя. Ох, и бесновались мы вчера... Даже сейчас угар в душе. Вот что значит нэп, Клавочка, новая экономическая политика Советской власти. Петь охота. *(Поет под гитару.)*

Все равно года проходят чередою,
И становится короче жизни путь.
Не пора ли мне с измученной душою
На минуточку прилечь и отдохнуть,
Ах, все, что было, ах, все, что ныло,
Все давным-давно уплыло!
Истомились лаской губы, и натешилась душа!
Эх, все, что пело, эх, все, что млело,
Все давным-давно истлело.

Только ты, моя гитара, прежним звоном хороша*.

Клава. Романс... *(вздохнула—зависть)* модный.

Настя. Живу по моде и пою по моде и не выношу, Клавочка, анахронизмов.

Клава. Это что ж такое... ано... рхо... изм? И не выговоришь.

Настя. Вчерашние моды и вчерашние взгляды, ласточка. Возьмем для иллюстрации сестру нашего прославленного инженера Ипполита, Ирину Александровну... Анахронизм.

Клава. Скажи пожалуйста!

Настя. Жизнь изменилась до ужаса, а она строит из себя кисейную барышню. Только слепой не увидит, что по ней изнывает Федор Дятлов, а она не мычит не телится. Анахронизм. Ей не двадцать, а вот-вот все тридцать пробьет... и такого мужчину не почувствовать! Дико. А Федор мужчина очень выразительный, волнующий. И комиссар, черт возьми.

Клава. Алчная ты... одного тебе мало!

Настя. Мало. Да-с... И что же? Я променяла бы Валерика на Федора без оглядки. А Ирина, видите ли, замечать его не хочет. Неземная. Вот что меня крайне бесит!

Клава. Да что ты против нее так ополчилась?

Настя. Они, эти неземные, людям жить не дают. Они какие-то идейные, идут по стопам, а мы не идейные, не по стопам...

Проходит Ипполит.

Вот Ипполит. Он ведь женщину ниже декольте и вообразить боится. Скажи, нормально? Нет. Почему? Очень идейный. Дни и ночи на заводе сидит... Только свою сталь и видит. А как в газетах похвалили... так и вовсе... Ненавижу! И не потому я их терпеть не могу, что из другого класса происхожу, а потому, что они-то считают меня недостойной и низменной.

Клава. Скажи, Настя, вы все-таки были настоящие миллионеры?

Настя. Были. Настоящие. Отстань. Я низменная. А ваш Валерий в ногах у меня валяется, руки просит, но я отказываю наотрез. И погубить могу мальчишку, глазом не моргнувши.

Клава. Ты и так уж погубила. Только братец с сестрой этого не замечают... Действительно неземные.

Настя (с недобрыми глазами, значительно). А ты, Клава, забыла военный коммунизм*, ты забыла, как мы с тобой на кофейной мельнице сосновую кору мололи?

Не я военный коммунизм придумывала, а они, идейные. Валерик тоже гордится, что он, этот мальчишка, по Зимнему дворцу палил! Но никакой мести на сердце у меня к ним нет. Я просто желаю самого пошлого забвения. С точки зрения нового мира — это преступление, а с точки зрения старого мира — шалость буйной молодости. (*Вдохновляясь.*) И в том-то весь кошмар, что мы, серые людишки, живем пошлыми понятиями старого мира, а они, идейные, судят нас по своим понятиям нового мира.

К л а в а. Ты вдобавок умная девка.

Н а с т я. Так вот имей в виду, дорогая, что я никого не гублю и губить не хочу. А что у нас с Валериком получится с точки зрения нового мира, нам наплевать.

К л а в а. Так-то, Настя, но ведь новый мир может взять Валерика за то место, на котором он уроки учил. Тогда что?

Н а с т я (*аккорд гитары, запела*).

Все равно года проходят чередою,

И становится короче жизни путь...

Не пора ли мне с измученной душою

На минуточку прилечь и отдохнуть.

Проходит Дятлов.

Дятлов. Анастасия!..

Н а с т я. Здравствуйте, товарищ Дятлов... очень рада.

Дятлов. Здравствуйте, Анастасия.

Н а с т я. А руку?! Целовать не прошу. Это у нас вытравили. Феодализм... ладно. Но подать руку барышне надо или не надо?

Дятлов. Анастасия, я могу достать для вас ордер на прекрасную комнату в центре.

К л а в а. Настя! Немыслимый случай.

Н а с т я. Для себя бы постарались... живете в страшной конуре.

Дятлов. Завтра вручу ордер, Анастасия.

Настя. Давно ли, Федя, вы мне кусочки хлеба приносили и у себя от души их отрывали? Но с тех пор, как нэп воцарился, вы меня возненавидели. За что? Ордер расстарались... ох-хо-хо! Не выносите Настю. И сейчас диким зверем на меня смотрите. Федор, почему? Ну так вот что, сударь дорогой! Вы, кажется, Валерика очень любите? И я, представьте себе, к нему неравнодушна. Не содрогайтесь. Я знаю, что вы способны убить человека в минуту ярости,— не боюсь. А может быть, у нас с Валериком сродство душ... Хоть он участвовал в Октябрьской революции, а я—нет. И за это я его как раз и люблю.

Дятлов. Переезжай, Настя, готов просить тебя.

Настя. Клава, посмотри на этих неземных людей. Наивный ты, Федор. Да неужели ты думаешь, что Валерик меня не найдет в центре в прекрасной комнате? Да ему еще удобнее будет со мной встречаться. Чудак! Я вчера читала книжонку про какого-то мечтателя, который мечтает на обыкновенной ракете летать на Луну... Вот, Федя, посадите меня на ту ракету... я такая, я могу. *(Запела тот же романс.)*

Дятлов *(до крика)*. Не пой хотя бы ты! Не пой, я говорю тебе...

Клава. О боже, зачем же выходить из границ!

Дятлов *(опомнившись)*. Ну, извините. *(Уходит.)*

Настя. Скажи, что я делаю? Пою общеизвестный современный романс. Вот они, идейные! Жизни нет. *(Уходит.)*

Клава. Действительно.

Из дому выходит Ирина.

Ирина. Что здесь произошло, Клава?

Клава. Федор Дятлов запрещает людям песни петь. *(Уходит.)*

Ирина. Странно... Федор, не прячьтесь... Что здесь произошло?

Входит Дятлов.

Дятлов. Сорвался я... напрасно. Глупо и неприятно. Но вы поймите, Ирина Александровна, что я сюда, на этот двор, явился из другого мира... Там чистота, вершины, озаренные высоким солнцем, а тут болото, грязь, лягушки квакают. Поймите.

Ирина. Что вы, милый? И голос срывается... Но где же тут лягушки? Я, что ли?

Дятлов. Вы... Что шутить? Настя тут была со своими кабацкими куплетами. А я вот сейчас из Кремля, весь под впечатлениями... И Настя со своей мешанской гитарой... Неужели Ленин живет для Насти?.. Думает, страдает... для нее? Она ведь на глазах у всех, ее не вычеркнешь из жизни.

Ирина. Я тоже Настю не люблю, но она мне не мешает.

Дятлов. Ох, напрасно...

Ирина. Больно, что Валерик к ней равнодушен, но, я думаю, это пройдет, как первое юношеское увлечение. Напрасно горячитесь, сердитесь... Я верю в таких, как вы... для них и живет Ленин... а они для него... в широком смысле слова для него.

Дятлов. Ясная вы... душа у вас должна быть... (Смутился.)

Ирина (с легкой улыбкой). И душа должна быть ясная и светлая. Милейший Федор, это милейшие тургеневские слова, но тургеневские. А теперь век Маяковского... Я его терпеть не могу и не понимаю, но и не люблю себя за это... И вам мой дружеский совет — женитесь, Федор! Вам непременно надо жениться на очень молодой и беззаботной, красивой... румянец во всю щеку, а то вы с книжечками, со своим Горьким делаетесь рефлектированным интеллигентом... Жаль, что Настя вам не по душе, а то вы сделали бы из нее хорошую жену.

Дятлов (потрясен). Что?! Настю? Мне? Вы понимаете, что говорите? Я в вашем мнении до высокой любви не дорос... Читаю много... слова тургеневские... интеллигентщина... Буду читать! Буду любить Горького и

ненавидеть мещан! Буду любить мою мечту о прекрасном человеке... о прекрасной женщине. Этого вы мне не запретите. (Уходит.)

Ирина. Федор, не убегайте. Обиделся. Может быть, он любит кого-нибудь? И я его по ране, грубо. (Вглядываясь.) Кто это? Валерик, ты?

Молчание.

Ничего не вижу. Темно у нас на дворе.

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ

У ворот гвоздилинского особняка где-то на Садовой улице. Весенний рассвет. На скамейке сидит Гвоздили́н. Появляется Абдула.

Гвоздили́н (*глухо, несмело*). Абдула!

Абдула. Что за человек есть? Вор? Нет. Босяк? Нет. Зачем у чужого дома сидишь?

Гвоздили́н. Ну, положим, дом-то мой собственный. Здорово, Абдула!

Абдула. Хозяин?!

Гвоздили́н. Дурак, не вопи.

Абдула. Хозяин... господин Гвоздили́н... (*Татарские причитания.*)

Гвоздили́н. Имя-отчество забыл, значит. Четыре года хозяин в бегах находился — забудешь. Зовут меня по-прежнему, Иеремией... или Еремей Никитичем. Вот видишь, решил наведаться.

Абдула. Как здоровье?

Гвоздили́н. Никак.

Абдула (*протянул руку*). Ну, здравствуй, что ли?

Гвоздили́н. Раз не умер, значит, здравствую. Ты мою натуру должен помнить. Нежностями не страдал.

Абдула. Где был, хозяин?

Гвоздили́н. Где был, там нету.

Абдула. Права будешь требовать?

Гвоздили́н. Вот с тобой посоветуюсь.

Абдула. Злой ты человек. Напрасно, однако. Говори.

Гвоздили́н. Что мне говорить. Ты, Абдула, говори!

Абдула. А какой интерес мне говорить? У тебя интерес есть, ты говори.

Гвоздили́н. Нет, Абдула Назарович, мы с тобой, как два черта,—одной масти. И одной веревкой нас вязать станут... Мой интерес—твой интерес. Ежели, предположим, ты мое состояние украл, то ведь я на Лубянку дорогу найду. И уж я тогда окажусь нищим, а ты—капиталистом. Ну-с?

Абдула. Эх, Гвоздили́н, тебе человек охотником добро делает, а ты как собака есть. Пора мало-мало характер менять.

Гвоздили́н. Кубышки целы?

Абдула. А куда денутся? Целы. Да. Что?

Гвоздили́н. Все три?

Абдула. Не считал, не трогал. Клумба во дворе на месте... цветочки растут... выкапывай сам.

Гвоздили́н. Так и не посмел тронуть?

Абдула. Не посмел, конечно. За такие штуки матросы здесь к стенке ставили. Пускай пропадут твои кубышки!

Гвоздили́н (истово). Ну, Абдула... Награжу, дьявол тебя уходи! Тише.

Абдула. Сам кричишь...

Гвоздили́н. Целы!.. Да воскреснет бог и расточатся врази его!.. Да воскреснет... да воскреснет... Кто идет там? Не наши ли?

Абдула. Дочка твоя, Настя. И ее любовник... может быть, жених есть. Прятаться хочешь?

Гвоздили́н. Молчи...

Входят Валерик и Настя.

Валерик (*продолжает, с болью*). Ты мне не веришь. Это доведет меня до безумия...

Настя. Верю, мальчик мой, очень верю. Но замуж не хочу.

Валерик. Настя, скажи, отчего?! Ты вся создана для любви, для замужества... для семьи.

Настя. Глупый, ты не понимаешь громадной разницы между любовью и замужеством. Любовь — это все-таки сновидение, а замужество — жизнь. Но семья!.. Ах, Валерка, какую семью ты можешь дать? И никакой семьи вообще у вас, у большевиков, не получится, вы сами ее разрушаете.

Валерик. Для тебя живу! Ты хоть понимаешь это? Ты думаешь, эта угарная жизнь ничего не стоит. Наивная.

Настя. Тебя никто не заставляет жить в этом угаре. Живешь, — значит, тебе нравится... И мне нравится. Вот и все. А претензии предъявлять — извини!

Валерик. Ведь для чего угар? Только для тебя. Тебе нравится — вот и угар. Я люблю тебя. Боже мой, что еще могу сказать больше!

Настя. Ошалел ты, Валерик... и от меня, и от угара... от всего вокруг. Мы, женщины, такой любви не ценим. Порохом не согреешься. Прощай. Спать хочу. Скоро утро.

Валерик. Настя... богиня... единственная.

Настя. Успокойся... много выпил... Потом увидимся, потом, деточка. (*Уходит.*)

Валерик. Настя, возьми с собой... Богиня!.. Слышишь? (*Пауза.*) А рыдания собачьи... вот штука. Страшно как! (*Уходит.*)

Гвоздили. Он кто же такой?

Абдула. Это нам неизвестно.

Гвоздили. Человек какой?

Абдула. Глупый.

Гвоздили. Тут же живет?

Абдула. Твой дом занимают... большую залу, две

комнаты. Два брата, одна сестра — доктор. Фамилия Сестрорецкие. Из Петербурга приехали.

Гвоздили. Дочку большевики не очень обижали?

Абдула. Хо... хо... Кто ее может обидеть? Никто не может.

Гвоздили. Мой характер. С комиссарами гуляла?

Абдула. Ты мне дочку не отказывал. Я за ней не смотрел. Ты мне другое отказывал.

Гвоздили (*прилив радости*). Целы?.. Ну, Абдула, награжу! До старости хватит и детям останется. Вот тебе моя святая клятва... Да покарает меня он... господь, слышишь? Аллах...

Абдула. Слышу, хозяин. Я знал.

Гвоздили. А если бы не боялся, то тронул бы?

Абдула. Тронул бы.

Гвоздили. Сукин сын.

Абдула. А сколько ты дашь?

Гвоздили. Идиот, там золото, валюта. Выделю, не обману.

Абдула. Мне золота не надо. Червонцы купи.

Гвоздили. Куплю. А этот... негодяй этот... Федька Дятлов, который искал расстрелять меня... неужели и он жив-здоров?

Абдула. Как раз жив.

Гвоздили. Страсти какие! В моих апартаментах тоже проживает?

Абдула. Нет... не захотел. В своем углу один остался. Мать похоронил. Хороший человек есть.

Гвоздили. Что там хорошего? Убийца.

Абдула. На кого убийца, на кого нет.

Гвоздили. Ну да, ясно, ты тоже ихнему богу молишься.

Абдула. Я не идейный стал... понимаешь? Дятлов — идейный, ты — идейный. А я ни туда ни сюда. Так себе. Сколько червонцев пообещаешь?

Гвоздили. Погоди, каналья. Дай капиталом овладеть.

Входит Дятлов.

Абдула. Он идет.

Гвоздили́н (в ужасе). Неужели Дятлов?

Абдула. Он.

Дятлов. Доброе утро, Абдула. (Всматривается в Гвоздили́на.) Вон кто... И ты приплюхал?

Гвоздили́н. Что ж... вяжи.

Дятлов. Не трясись... не к лицу.

Гвоздили́н. Ты меня на всю жизнь напугал.

Дятлов. Это неплохо. Однако приплюхал? Откуда?

Гвоздили́н. Откуда же... из Крыму.

Дятлов. Не помогли ни Врангель, ни английские танки.

Гвоздили́н. А куда мне было деваться? Ты ведь грозился меня прикончить.

Дятлов. Логично. И логично, что приплюхал.

Гвоздили́н. Все документы в порядке. Явился под своей фамилией.

Дятлов. А кто говорит, что ты человек неумный? Никто не говорит.

Гвоздили́н. А что ночью, так поезда все еще опаздывают.

Дятлов. Теперь уж не важно, днем ли, ночью... Ты, как говорится, на данном этапе фигура легальная, даже нужная.

Гвоздили́н. В нэпачи записываешь... Зря, Дятлов, не пойду в нэпачи.

Дятлов. Интересно. Почему же?

Гвоздили́н. Я не спекулянт, а капиталист.

Дятлов. Но капиталисты нэпом увлекаются, даже иностранные.

Гвоздили́н. Афера это.

Дятлов. Но товары идут, торговля гремит.

Гвоздили́н. Какая это торговля! Пир во время чумы, а не торговля. Я, да будет тебе известно, ваши газеты читаю и речи Ленина штудирую. Только дурачки могут радоваться тому, будто большевики на старое

повернули. Ты можешь перемениться? Ни за что ты не можешь перемениться. А Ленин прямо говорит, что передышка для нового прыжка... Знаем мы эти прыжки. Натерпелись.

Дятлов. Ну хорошо. А программа?

Гвоздили. Моя?

Дятлов. Да.

Гвоздили. Тихо-мирно дожить век в родном уголке... если впустите.

Дятлов. Не верю.

Гвоздили. Чему?

Дятлов. Что тихо-мирно.

Гвоздили. Один в поле не воин.

Дятлов. Это логично. Но чем жить? Такие, как ты, долго живут. Или, может быть, ларцы в стенках замурованы?

Гвоздили. Постукай по стенкам.

Дятлов. Черт их все обстукает... да и время не то. Ну, до свидания. Будем видеться... Ты все-таки настоящий классовый враг, с тобой интересно поговорить. И сочувствующим не прикидываешься, даже в нэп не идешь.

Гвоздили. Это верно, Федор, ни ты мне, ни я тебе ничего хорошего в жизни не сделали.

Дятлов. Вот и обменялись комплиментами. (Абдуле.) А ты что молчишь?

Абдула. Я не идейный... так себе.

Дятлов уходит.

Я тоже пойду, метелку возьму, пора улицу подметать. (Уходит.)

Гвоздили. Свершилось предсказание ихнего «Интернационала». Дятлов — все, я — ничто. И стоит государство... Советы... Небылица, кошмар, но стоит.

Возвращается Абдула.

Абдула. Кажется, говоришь что?

Гвоздилин. Я говорю: ты улицу метешь, на площади постовой ходит, фонари с рассветом гаснут... Порядок, устойчивость. Прочность.

Абдула. Народ говорит что? Народ говорит: крепка Советская власть. А что? Правду говорит.

Затемнение.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Где-то вдали вверху господствуют мартеновские печи, а здесь просторное и несколько приукрашенное помещение красного уголка. Старина. Помимо плакатов двадцатых годов и лозунгов, висит большая картина крайне левой живописи, изображающая рабочего. Кузьмич и Проня расстилают ковер-дорожку толстого красного сукна.

Кузьмич (*обеспокоен и сердит*). Тяни, Проня! Сказано было, что они к одиннадцати утра придут, а я с тобой и до двенадцати не управлюсь.

Проня (*мирно*). Машина какая этот ковер — ахнешь! Архиереям да разве что царям стелили такие богатства при старом мире.

Кузьмич (*нервничает, упрямится*). Торопись же ты, Прошка, милый. Я весь в мыле, а он тары-бары разводит. Цари... архиереи... Ты их видал?

Проня (*рад*). Ну еще бы. Я в детстве был мальчик набожный, дрессированный, на клиросе воспевал: «Поддай, господи, тебе, господи».

Кузьмич. Я говорю, царей видал?

Проня. Царей не приходилось. Сожалею. Никогда теперь не увидишь. Ну, смотри, Кузьмич, ровно-гладко идет, мое почтение!

Кузьмич. Наше счастье — управились, и еще время есть. (*Огляделся.*) А ведь важно это придумал Демидонт Сухожилов. Он знает...

Проня. Что он знает! Ничего он не знает. Старый дурак.

Кузьмич. Вот оно и пригодилось... «дурак»... Как же! Эти дураки заводское дело в России на ноги поставили. Одно слово — мастера.

Проня (*в ужасе*). Замолкни, Кузьмич, клянусь богом, он... Сам! Бородка... в кепке. Ленин! Вижу. Спешит сюда.

Кузьмич (*огорчен до слез*). И никто не встречается... а мы дорогу убирали, радовались. Все волнение — зря!

Входит Дятлов.

Дятлов (*в изумлении и гневе*). Кто придумал? Кто научил? Кто допер до этого безобразия?

Кузьмич с Проней мнутся.

Дятлов. Вы ковер стелили?

Проня. Мы.

Дятлов. Для кого вы его стелили?

Проня. Мы не знаем... Мы чернорабочие.

Дятлов. Где Ипполит?

Проня. Какой Ипполит?

Дятлов. Ипполит... Инженер Сестрорецкий...
Найдите.

Проня (*рад*). Сестрорецкий... ну как же, знаем... при входе он. Минутой. (*Убегает.*)

Дятлов. Чего стоишь? Убирай!

Кузьмич (*хитровато*). Э-э, не-ет. Один с ним не справишься.

Дятлов. А я на что?! Помогу. Давай-ка.

Кузьмич. Не советовал бы.

Дятлов. Почему это?

Кузьмич. Боюсь, все равно увидит. Что ковер стелили — один раз дураки. А что при нем же убирать будем — дураки дважды. Давай, как желаешь.

Входит Ипполит, за ним — Проня.

Дятлов. Ипполит, ты понимаешь, какая петрушка?
Ипполит (*несколько отсутствующе*). Глупо, но факт.

Дятлов (*рассердился. Проне*). Ты, смышленный, ну-ка скажи, кто этот ковер вам удружил.

Проня (*Кузьмичу*). Где же мы его взяли? Кажется, у Сухожилова. Ну да, у Сухожилова.

Дятлов. А кто такой Сухожилов?

Ипполит. Мой лучший мастер. (*Зовет.*) Дермидонт!

Входит Сухожилов.

Дятлов. Ты, мастер, ковер стелил?

Сухожилов (*оценивши ситуацию*). Не я...

Ипполит. Не он.

Сухожилов. Был в цеху разговор, что надо бы... в знак любви и уважения. А вообще, кто же приказал... никто.

Дятлов (*досада*). Откуда он взялся, этот ковер, черт его возьми!

Сухожилов. От старого режима остался.

Дятлов. Сам ты от старого режима остался. Это мне ясно как день...

Проня (*Кузьмичу*). Остер... бритва.

Кузьмич. Чекист... видно.

Дятлов (*продолжает*). Я вашего брата знаю... с таких вот (*показал*) за шкаликами вам бегал.

Сухожилов. Бегал не мне. На всех не распространяй.

Ипполит. Чушь... но факт остается фактом.

Дятлов. Калякаем... давно бы убрали. Давайте-ка.

Вдали раздаются крики «ура». Кузьмич и Проня убегают, уходит Сухожилов, снимая картуз.

(*В смятении.*) Идет...

Ипполит. С кем он, а?

Дятлов. Мария Ильинична Ульянова. Младшая сестра. Ответственный секретарь газеты «Правда».

Ипполит. Ах вот оно что... «Правда» про наш завод восторженно писала. Ты читал?

Дятлов *(не слышит)*. Идет... по ковру идет...

Входят Ленин, Мария Ильинична, множество рабочих.

Ленин *(смеясь так, что говорит с паузами)*. Ма-ша, ты видишь... думали или нет царские жандармы, когда вели тебя в тюрьму... что ты с этой помпезностью... по ковру!

Мария Ильинична *(так же весело)*. Володя, но это очень нелепо.

Ленин. Конечно, нелепо. Ужасно нелепо и архи-гупо. И все же это — мы! Русь-матушка! Что с нас взять! *(Удивленно и с удовольствием)*. Дятлов, вы? Здравствуйте, батенька, куда исчезли, почему не показываетесь? Неужели это ваша затея? Смотрите, плохо вам будет. Вот Мария Ильинична возьмет и пропечатает вас в «Правде» с басней Демьяна Бедного, и оскандалитесь во всероссийском масштабе.

Дятлов. Владимир Ильич, как можно, чтобы я... Сам хочу найти виновника.

Ленин. Виновника?.. Да вот они — виновники! По-моему, никто не возражал, значит, все виновники. А кто придумал — любопытно. *(Легко)*. Кто же?

Молчание.

Впрочем, не стоит выяснять. Ковер этот надо отдать в детский дом. Дети с удовольствием на нем будут кувыр-каться.

Сухожилов *(истово)*. Я ковер выстелил.

Ленин. Так, простите, я и подумал.

Мария Ильинична *(Сухожилову)*. Зачем же вы это?..

Сухожилов. Владимир Ильич — не из простых смертных. Он вождь всего трудового мира. Выше его — кто? Никто.

Ленин. Кто? Калинин.

Сухожилов (*изумлен*). Неужели?

Ленин. Вот видите, не знали... Опять ошибка.

Голос из цеха. Мастер! Сухожилов! Дермидонт Евдокимович!

Ипполит. Владимир Ильич! Мастер должен подойти к мартену.

Сухожилов уходит.

Ленин. Пожалуйста, пожалуйста. (*Всматривается в Ипполита.*) Погодите-ка... (*Лукавство.*) Я что-то вспоминаю. Что же вы молчите, Федор?

Дятлов. Неловко приставать с сентиментальными воспоминаниями.

Ленин. Чудак. Октябрь, по-вашему, сентиментальное воспоминание?

Дятлов. Октябрь есть Октябрь, но мало ли кого вы встречали в Октябре.

Ленин (*Ипполиту*). Я вас помню с Дятловым... Вижу, как будто бы вчера встречал.

Ипполит. Да, с Дятловым... у входа в Смольный на ступеньках.

Ленин (*Марии Ильиничне*). Удивительная штука, товарища я помню, а случай позабыл... А был какой-то важный случай.

Мария Ильинична. Давно было, Володя.

Ленин. Как же давно? Пять лет назад. Я помню вещи более старинные... Но тут... Жаль, жаль. (*Ипполиту.*) Так вы Ипполит Сестрорецкий? Здравствуйте, батенька! Ну-с, а теперь о вас газеты пишут. Вы делаете сталь, не уступающую рурской.

Ипполит (*непосредственно*). Увы, это факт.

Мария Ильинична. И это вас так печалит.

Ипполит. Не это... Ездят, мешают.

Дятлов. Ипполит!

Ленин (*не теряя прекрасного настроения*). Но для нас же специально вы красное сукно постелили.

Рабочий в картузе набок. А у рабочего класса и клеенки нету дома на стол постелить.

Ленин. Я не думаю, что они купили ковер на народные деньги.

Дятлов. Он, этот проклятый ковер, сохранился здесь от старого режима!

Рабочий с бородкой. Старый режим гоним в окно, а он лезет к нам в двери. Так-то, товарищи.

Ленин. А зачем же вы после такого важного замечания уходите за спины товарищей?

Замкнутый рабочий. Они всегда так... эти меньшевички.

Рабочий с бородкой. Примыкал... отдалился... теперь беспартийный.

Дятлов. Много вас, таких беспартийных?

Ленин. Вот видите, товарищи, как нелепость может обернуться контрреволюцией. Я в беспартийность не верю, тем более в меньшевистскую, и понимаю вашу реплику в том смысле, что вот-де большевики отступают, устроили нэп и катятся к старому режиму. А мы, меньшевики и эсеры, всегда сие утверждали, и нечего нас за это карать. Но мы большевики. И на это будем говорить меньшевикам и эсерам: пожалуйста к ответу...

Замкнутый рабочий. Товарищ Ленин, не считайте за труд обрисовать нам мировой вопрос.

Ленин. Но меня «Правда» попросила приехать к вам не для того, чтобы поднимать мировые вопросы, а посмотреть, как у вас делается сталь. И я, видите ли, по этой причине проникся огромным удовольствием, ибо вся наша надежда, все наше будущее, вся наша жизнь — в пролетариате, в котором никогда нельзя обмануться. Вот и у нас есть хоть капля стали не хуже немецкой. Значит, ни в какие окна к нам старый режим не заберется. А ковры что? Ковры — это тряпки.

Ипполит. Наши мастера ждут вас, Владимир Ильич, а то металл можно переварить.

Ленин. С удовольствием... пойдёте. Маша, ты не пойдёшь?

Мария Ильинична. Нет, я видела, я с Дятловым хочу поговорить.

Все, кроме Марии Ильиничны и Дятлова, уходят.

Дятлов. Сядем, Мария Ильинична... Мне сдаётся, что вы очень устали...

Мария Ильинична. Нет, Дятлов, я не устала... другое. Почему вы перестали бывать у Ильича?

Дятлов. Не те времена, дорогая Мария Ильинична. Дятлов когда-то приехал в Питер с мандатом от своей ячейки охранять вождя социалистической революции. Я тогда и впрямь думал, что без моей железной руки великому вождю Ленину никак невозможно... Романические были времена и святые.

Мария Ильинична. Да, конечно, романические. А вы это слово понимаете в смысле романов?

Дятлов. С ошибками выражаюсь по-прежнему. Поправляйте, не обижусь. Я на вас ни за что не обижусь.

Мария Ильинична. Нет, почему же... Можно сказать и романические. Но то, что вы перестали у нас бывать, очень нехорошо.

Дятлов. Шутка сказать — «у вас». Зайдешь в эти кремлевские коридоры, побродишь и повернешь обратно. То Совнарком заседает, то на приеме самые видные личности... Да что толковать? Государство... руль...

Мария Ильинична. Вы мне позвоните в «Правду», я сама с Владимиром Ильичем сговорюсь. Любит он вас.

Дятлов. Волнует это... не выразишь, как волнует...

Мария Ильинична (*перебивая*). Вы до сих пор в группе Дзержинского?

Дятлов. Да, Феликс Эдмундович послал меня сюда организовать безопасность. Теперь там у нас дела мало. На какую работу пошлют, не знаю. А Владимир Ильич какой веселый приехал, на редкость! При другом настроении он бы нас за ковер отхлестал.

Мария Ильинична. Он болен.

Дятлов. Как? Кто? Что вы сказали?

Мария Ильинична. Володя болен... Очень опасно. Не придает значения, да по-настоящему и не знает. Вы молчите, Федор, это у нас держится в секрете.

Дятлов. Поверить страшно. Не могу. Нет.

Мария Ильинична. Страшно... и все-таки болен... Про Володю всегда говорили, что он великий человек, а что, собственно, такое — великий? Просто это очень трудная вещь. Нэп... как вы думаете — легко? Совершить поворот? Вести в отступление... не в наступление, а в отступление... не дрогнуть? Видите, ничуть не изменился, даже еще воинственнее стал, непримиримее. И все это когда-то возникает в мозгу, обдумывается, превращается в политику... Мы, близкие люди, знаем когда. Всегда. Во время самой кипучей работы... на прогулке... дома... Именно как молния у него возникает мысль. И он бежит по комнате, и руки где-то спрятались, и весь, как в юности, четкий, радостный, лукавый... смеется. Но это нелегко.

Дятлов (*горячо*). Надо позвать светил науки.

Мария Ильинична. Светила ничего не смогут сделать, если организм сам не справится. Но будет об этом, может быть, Владимир Ильич всех нас переживет.

Дятлов. Кажется, идут.

Мария Ильинична. А жизнь как, товарищ Федор, женились, одиноки?

Дятлов. Одинок... теперь совсем. Отца мы погребли в первую революцию. Матушка ушла недавно... проводил на Ваганьково*.

Мария Ильинична. Одиночество — вещь неприятная. Вам, Дятлов, еще не поздно полюбить. Вы не любили?

Дятлов. Любил... и сейчас люблю одну достойную девушку, но ей и невдомек, что это так.

Мария Ильинична. Старая история. Неравенство какое-нибудь есть?

Дятлов. Есть. В культуре. Она — врач, умница... а я, ежели меня в корне взять, приват-доцент слесарного ремесла. Не звонко.

Мария Ильинична. Но вы сказали, что она умница.

Дятлов. Очень.

Мария Ильинична. Для умницы вы должны составить партию.

Дятлов. Не очень.

Мария Ильинична. Но почему же?

Дятлов. Эх... это сказка горькая... Идут, идут!

Входят Ленин и остальные.

Ленин (светится). Вы, милые друзья, очень много потеряли, что не пошли с нами. Какая глыбища этот мастер! Нам бы проводить наши заседания с такой организацией. Я на него смотрел и все время думал: вот что нам надо снизу доверху.

Входит Сухожилов.

Сухожилов. Владимир Ильич, не почтите за обиду и унижение ответить на один мой вопрос.

Ленин. Не почту. Говорите.

Сухожилов. Как вы узнали, что я должен был для вас ковер постелить?

Ленин. Вы же сказали, что я вождь трудового мира. А какой же я вождь, если не могу понять такой простой вещи?

Сухожилов. Вы отшучиваетесь, а я могу задуматься...

Ленин. Но это же так просто. Вы человек старого покроя, и старый покрой вам настоятельно повелевает придерживаться старины. А сейчас многие люди старого покроя честно думают, что у нас пошел возврат к старому. А меньшевики и эсеры помогают так думать.

Сухожилов. Удивительно!

Ленин. Что именно?

Сухожилов. Удивительно не то, что вы жизнь верно подмечаете. Мне удивительно то, что все свои заметки вы на политику поворачиваете.

Ленин. Вы мне сказали лестную вещь, потому что я политик до мозга костей. А вот так организовать дело, как у вас, я, к сожалению, не могу. А хотелось бы.

Сухожилов. Может быть... я не видел. Но ведь смотря что делаешь. Сталь варить и Прошка будет — вон он ухмыляется, — а государством управлять Прошка не будет.

Ленин. Будет.

Сухожилов. Не будет!

Ленин. Обязательно будет!

Сухожилов. Вы тоже говорили, что каждая кухарка будет управлять государством... что-то не получается.

Ленин. Верно. Теперь не получается — потом получится. Обязательно получится, когда каждая кухарка получит такой уровень развития, какой и не снится людям нашего поколения.

Сухожилов. Тогда, Владимир Ильич, и кухарок не будет.

Ленин (*очень доволен*). Вот об этом я и говорил!.. Только просто и коротко, чтобы люди знали, к чему им стремиться. А Прошка будет... (*Проне.*) Будете?

Проня (*радостно*). Не.

Ленин. Неужели «не»?

Проня. Ей-богу, не.

Ленин. Зачем же вы меня подводите?

Кузьмич. Это он так... миндальничает! Будет, будет.

Проня. Не... Неохота. Растратишься, а потом в Бутырку* полезай. Я к деньгам охочий.

Ленин. Как он меня подвел! Не хочет управлять государством. (*Рассмеялся.*) Бутырки боится... а?! Вот бы сюда буржуазного сочинителя. Он такое бы напи-

сал, что прощай навеки Советская власть и мировая революция. А мы все-таки будем верить и в Прошку и в мировую революцию.

Затемнение.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же и в то же время. Но теперь действие перенеслось на площадку красного уголка. Рабочие разошлись. Ленин, Мария Ильинична, Дятлов, Ипполит.

Ленин. Да, друзья, вы многое потеряли... Я уж о мастере говорил... А Прошка... очень ловкий! Я ведь верю в нашего российского Прошку в тысячу раз больше, чем он сам верит в себя. Придет время, оно не за горами, когда Прошка осознает свое мировое значение, свое удивительное достоинство, когда он уж не станет называть себя рабской кличкой Прошки... О нет, я не предаюсь мечте, взятой с неба. Я уже теперь в невероятной бездне противоречий вижу людей завтрашнего дня... людей, которыми можно гордиться перед всем миром. Вот почему я бесконечно верю в Прошку. И без этой веры не было бы Октября и человечеству не светили бы бессмертные огни Смольного. Давно в партии, товарищ Ипполит?

Ипполит. Я молодой коммунист... вступил в шестнадцатом году.

Ленин. Да, не старый. Но как это дорого! Инженер, специалист и в то же время член партии. Дятлов, бросайте Чека, начинайте учиться. У нас совсем нет коммунистических инженеров, техников, врачей. Мы все безумные политики, а чтобы сталь варить, делать турбины, паровозы, иголки швейные, черт их побери,— у нас к этому привычки нет. А тут еще в ярости и драке интеллигентов потеряли, виноватых и правых... прироста нет. Все это знают, а учиться не хотят. А вот и Дятлов тоже не хочет учиться.

Дятлов. Дорогой Владимир Ильич, мне уже за тридцать, а надо начинать с дробей. Я с удовольствием стану к тискам.

Ленин. А мы не к тискам пошлем — учиться знанию живого дела отправим вас, чтобы не командовали только и не чванились, что умеем марксизм соблюдать.

Мария Ильинична. Владимир Ильич, поедем. Ты устал, и мне пора. И не надо Дятлова ругать.

Ленин. Я не Дятлова ругаю.

Мария Ильинична (*улыбнувшись*). А кого же?

Ленин. Всех... их, что сидят на одном марксизме. (*Прямо смотрит на картину, изображающую рабочего.*) Скажите, пожалуйста, что это за чертовщина?

Ипполит. Где? Какая?

Ленин. Да вот эта картина... Я давно на нее смотрю и сержусь. Что это такое? Неужели человек?

Ипполит. Рабочий... тип, так сказать. Художественный образ.

Ленин. Гм... да-с. А вы, Дятлов, что скажете?

Дятлов. Уклоняюсь. Тут у нас с Ипполитом камень преткновения.

Ленин. Где вы это достали?

Ипполит. Автор подарил.

Ленин. Наверно, у него плохо идут дела, если раздает. (*Дятлову.*) Вы чему смеетесь?

Дятлов. В самую точку попали.

Ипполит (*с вызовом*). Рембрандт умер в нищете.

Ленин (*немедленно, с азартом*). Ах вот как!.. Тогда погодите! Значит, вы сей сизый нос алкоголика и кубики вместо глаз находите гениальным искусством? Отлично. Я не стану коробить вашего эстетического чувства грубыми сравнениями, но хочу спросить, что означает сизый нос?

Ипполит. Ничего не означает.

Ленин. А что означает ничего не означающий сизый нос?

Ипполит. Могу объяснить. Вы в политике видите

то, чего не вижу я, он и великое множество людей. Согласны?

Ленин. Ну, положим, мне несколько неудобно с этим согласиться. Может быть.

Ипполит. Этот художник тоже... Он имеет второе зрение. Обычное зрение видит человека, и только, а второе — видит его конструкцию, замысел в линиях и цвете. Я вас убедил?

Ленин. Да, конечно... можно представить себе человека и в конструкции. Но скажите нам на прощание правду, смотрят на этот художественный образ ваши рабочие или нет?

Ипполит. Не смотрят... увы.

Ленин. Что же они?

Ипполит. Они люди труда... далеки.

Ленин. Ох, тут не то... И я хочу сделать смелую попытку объяснить, почему они не смотрят. Такие штуки страшно устраивают современных эстетов от буржуазии потому, что в этих штуках человек превращается в урода, оплевывается, уничтожается как человек. А современная буржуазия по духу своему все более и более отдаляется от человека. Вот почему люди труда и не смотрят. Инстинкт самозащиты и здоровья. А я вас убедил?

Ипполит. Нет.

Ленин. Почему же?

Ипполит. Насчет буржуазии — это так. Но надо же искать новое. В искусстве особенно. Но и всюду. Даже когда производишь сталь. Я все время ищущу.

Ленин. Вы, товарищ Ипполит... скажу вам прямо... восхитительный товарищ! Тысячу раз с вами согласен. Мы — революционеры, мы не можем коснеть на старине. Новое всюду нужно как воздух, ибо старое бьет нас бескультурьем, мещанством, бюрократизмом, взяткой, чванством, ленью. За новым — будущее! Но какое будущее за этим получеловеком с деревянными глазницами — не знаю. Какими знаниями надо обладать, чтобы сде-

лать новую марку стали! А эти ляпают и уверяют: новое искусство! Была бы тидиановская сила, можно спорить, но и уважать. А что тут уважать? Но если он вас радует, товарищ Ипполит, держите его.

Ипполит. Вы говорите, что буржуазное... античеловечно.

Ленин. А для чего мы двадцать лет деремся, начиная с подполья? Лишь для того, чтобы высвободить человека из пут буржуазного варварства, которое с цивилизацией стало еще более изощренным и чудовищным... И мы едем, едем, Маша. У меня ведь день не рабочий, праздничный. По решению товарищей, я освобожден на целую неделю. Пекутся. Думают, устал. Как по-вашему, Дятлов, я устал? Я болен?

Дятлов. Я давно вас не видел.

Ленин (*Марии Ильиничне*). Хитрит, а не умеет. Как же вы в Чека работали, если хитрить не умеете?

Дятлов. А кто с вами хитрить умеет?

Ленин. Со мной? Ого, еще как хитрят. Но ничего, хитрите, все равно у меня прекрасное настроение, и вы, товарищ Дятлов, поедете со мной в Горки отчитываться. А вам, товарищ Ипполит, самым официальным образом огромная правительственная благодарность и моя личная, коммунистическая. Вы стоите на том фронте, где начинается всяческий социализм — экономический, духовный.

Входят все рабочие. Замкнутый рабочий несет букет сирени.

(*Мяко с юмором.*) Ах, чудачки какие! Я же не Собинов*... Впрочем, не мне, конечно, а даме это все предназначается... Ты посмотри, Маша, какая свежая у них сирень. Откуда? Где вы взяли?

Замкнутый рабочий. Отец мой выручил. Он услышал, что делается сейчас на заводе, и догадался с девочкой сирень прислать. Немолодой он у меня. Цветы разводит.

Мария Ильинична. Спасибо, товарищи. Этот

день надолго в памяти останется... Я специально попросила Владимира Ильича поехать к вам в цех... И эти живые встречи... право, окрыляют. Словом, не надо объяснять. Очень вас благодарю.

Ленин. И не станем больше мешать и отвлекать вас. И передайте привет вашему отцу немолодому. Сталь вы плавите прекрасно, попробуйте переплавить вашего меньшевика беспартийного... Впрочем, это труднее... Убрали ковер... Его надо отдать в детский дом... (Проне.) Так не будете управлять государством?

Проня. Не...

Ленин. Как он меня подвел!.. И художнику скажите, что не надо деревянных глаз... Нехорошо. До свиданья, товарищи.

Все, кроме Ипполита, уходят.

Ипполит. Человек... как я... (После раздумья.)
А дивный.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В комнате у художника Кумакина. Кумакин, Клава.

Клава. Кумакин, денег у нас осталось на три дня. На пиво сегодня не будет.

Кумакин. Мир мерзок и пошл. Но Ипполит обещал мне заплатить за моего «Рабочего». Поднимемся.

Клава. Лавруша, милый, поверь мне наконец, что все эти... не знаю, как их назвать... все твои шедевры — не шедевры, а одна чума. Рисуй русалок, и мы каждый день будем ужинать в «Праге».

Кумакин. Клавдия, не смей! Кого опошляешь?! Я единственный в России, кого великий Пикассо мог бы назвать своим настоящим последователем.

Клава. «Не опошляй»... а жрать нечего.

Кумакин. Все гении живут и умирают в нищете.

Клава. А я не гений, и жить в нищете мне противно. И клянусь тебе, что уйду. А ты умрешь без меня. Не от нищеты, а от грязи. (Глядя на картины.) Господи, до чего я их ненавижу. Чума, чума!

Кумакин. Клава, раздевайся.

Клава. Опять?

Кумакин. У меня есть гигантская идея написать женский торс в восторге.

Клава. Ни в восторге, ни в слезах я раздеваться не буду. Раздевалась, стыла зимой, как покойник в морге,

позировала, думала, дело получится. А ты с меня ящерицу писал. Иди к черту. Вот они.

Кумакин. Вы все, и ты в числе их,—толпа! Это мои лучшие вещи!

Клава. Ящерицы?

Кумакин. Да, ящерицы!

Клава. Ох... слов нет.

Кумакин (*гордо*). Глазами художника я вижу тебя ящерицей. Сейчас ты переливаешься, горишь, брызжешь желтым шипением... это факт. Потом ты сделаешься малиновой... А когда у нас есть деньги, ты серебришься.

Клава. Уйду я от тебя, Кумакин. Ты сумасшедший.

Входит Ипполит, ставит на пол «Рабочего», который висел в красном уголке на заводе.

Ипполит. Дьявольски устал. В трамвай с картиной не пустили.

Кумакин. Понимаю... Бросаетесь шедеврами.

Ипполит. Извини... такое дело.

Клава (*торжествуя*). Оплатили!

Кумакин. Ты же сам называл эту вещь шедевром.

Ипполит. Я и сейчас могу сказать: это шедевр. Но один очень умный человек мне сказал, что буржуазии требуется античеловеческое искусство. Я очень много думал... даже провел со своими рабочими дискуссию. Тогда они попросили меня картину убрать. Извини.

Кумакин. Ну и плевать мне на всех вас! Уходи от меня, Клавдия. И ты, Ипполит, можешь меня покинуть. Все уходите. Я буду жить один.

Ипполит. Дьявольская некультурность. «Один»... Не ново это. Читал бы больше, Кумакин.

Клава. Он один потонет в грязи. Уговорите его, Ипполит, написать что-нибудь дельное. За русалок, например, на Сухаревке по три червонца платят за штуку. А какая там работа! Луна—чтобы желтая, вода—

чтобы голубая, тело — чтобы розовое. Я тебе, Лаврик, день и ночь позировать буду.

Кумакин. Плевать мне на всю буржуазную культуру, на всех ваших тицианов!

Ипполит. Даже на Тициана?!

Кумакин. Я гениальнее его. Тициан ваш — богомаз.

Ипполит. Может быть, ты гениален, Лавруха, но ты безнадежно туп.

Кумакин. Займи на пиво.

Ипполит. Ладно. Знаешь что, папаша? Напиши-ка нашего Валерика. Назови картину «Юность». Дай что-то радующее! Жаль только, что он на Сережку Есенина немного смахивает.

Кумакин. Сережка похож на кочан гнилой капусты.

Ипполит. Да ну?

Клава. Сумасшедший — и все. И как я с ним живу — не знаю.

Ипполит. Странно. Почему на кочан капусты?

Кумакин. Я его так вижу.

Ипполит. Чудак... смешно.

Клава. Вам смешно, а у меня денег осталось на три дня.

Ипполит. Пойдите, Клава, на работу. У меня можно прилично зарабатывать.

Клава. Какая же я тогда жена художника?

Кумакин. Ступай за пивом.

Клава. Какие-никакие, а все-таки мы — сливки общества. Скажешь в театре, что твой муж Кумакин, люди глаза таращат. А вы — завод. Очень нужно! (Уходит.)

Ипполит. Кумакин!

Кумакин. А?

Ипполит. Начни жить сызнова... с азбуки.

Кумакин. Кто? Я?! Русский Пикассо?! Гений нового мира?!

Ипполит. Черт с тобой! Тогда живи один. (Уходит.)

К у м а к и н. Мерзкая жизнь, пошлая. За меня в Америке миллионы давали бы, а тут на пиво занимаешь. Мещанство... толпа.

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В огромной, загроможденной богатой старой обстановкой комнате Настя утром того же дня. Гвоздили на пороге. Настя рассматривает отца.

Г в о з д и л и н. Что же ты молчишь, Анастасия? Я не прошу тебя, чтобы ты кидалась мне на шею с воплями радости. Отнюдь. Но ты хоть руку отцу протяни.

Н а с т я (*мило и ласково*). Здравствуй, папочка.

Г в о з д и л и н. Постарел?.. Общипался?..

Н а с т я (*по-прежнему*). Нет, ничего... мужчина как мужчина. Где же твои чемоданы?

Г в о з д и л и н. С коркой из Ялты до Москвы... с коркой хлеба, говорю, в кармане ехал твой отец. А жил там хуже турецкого святого.

Н а с т я. Странно.

Г в о з д и л и н. А у тебя, дитя мое, можно даже сказать, полный будуар... альков... изящно. А что тебе странно?

Н а с т я. То странно, папочка, что ты миллионы наши увез, а сюда с коркой хлеба приехал? Ограбили?

Г в о з д и л и н (*подумавши*). Попал я в пути, когда мы бежали на юг, попал под реквизицию. Латыши настигли нас и все, что было на руках, беспощадно реквизировали. А кто тебе сказал, что я увез какие-то миллионы?

Н а с т я. Кто?.. Дворник. Он ведь твой верный пес.

Г в о з д и л и н. Из всех слуг моих один Абдула верным остался.

Н а с т я. Сейчас кофе сварим. Пирожки мне девчонка приносит... те же, что были в Москве пять лет тому

назад... Филипповские*. Пойди умойся, отряхни прах с ног. Ты находишься в родном гнезде.

Гвоздили н. Эх, «родное»... Рыдать хочется. (Уходит.)

Настя. Принесли тебя черти, папочка! Где же я его помещу? Пока тепло, пускай на чердаке живет. Прежде там студенты ютились и даже довольны были.

Звонит телефон.

(Берет трубку.) Алло... (Сердится.) Чего тебе? Сейчас ко мне нельзя, у меня чужие... Ни в коем случае не приходи. Категорически запрещаю. (Положила трубку.)

Входит Гвоздили н.

Отряхнул прах, папочка?

Гвоздили н. Теснота какая... А помнишь, Настя...

Настя. Ты, дорогой мой, знай нижеследующее: я ничего не забыла, но и помнить ничего не хочу.

Гвоздили н. Тоже умно.

Настя. А жить ты будешь наверху.

Гвоздили н. Но выше, кажется, некуда.

Настя. Чердак, папочка. Не удивляйся, его у нас студенты снимали и радовались.

Гвоздили н. И я буду бога славить. Теперь скажи, Настя, чем пропитание добываешь? Прости за прямоту. Кофей, пирожки, духи «Коти»*...

Настя. Ты меня бросил, родной, в адское время и не сказал, чем мне одной жить. А теперь что спрашивать? И неучтиво с такими вопросами обращаться к молодой интересной особе. Но если все-таки тебя семейное чувство и гордость волнуют, то знай, что основным своим капиталом я считаю порядочность. Хочу вовремя и удачно выйти замуж.

Гвоздили н (растрогался). Дай с приездом... расцеловать тебя! И кровь моя, и рассудок мой!

Настя. Давай, папочка, поменьше сближаться.

Гвоздили н. Безумная! Неужели ты отца во мне не видишь, волнения не испытываешь?

Настя. Очень мало испытываю. В мечтах я тебя люблю, а в реальности мы люди разных эпох. Учти, например, что я на Казанском вокзале уборщицей работала.

Гвоздили н. Деточка моя...

Настя (с нежной укоризной). А ты мог бы от миллионов гвоздилинских маленький кусочек деточке отломить...

Стучат.

Вот и пирожки.... Обожаю пожарить! Войдите.

Входит Валерик.

Я сказала: нельзя.

Валерик. Кто это?

Настя. Мой отец.

Валерик. А ты сказала — чужие.

Настя. Для тебя — чужие, для меня — родные. Познакомься, папа. Валерик Сестрорецкий. Просит руки, но безнадежно юн.

Гвоздили н. Видал вас, молодой человек, на заре. Выпивши вы были... зело.

Настя. Еще не умеет... набирает силы.

Валерик. Настя, мне необходимо с глазу на глаз.

Настя. Между нами нет ничего такого, что надо скрывать от родителей.

Валерик. Тут другое... более серьезное...

Настя. Для женщины самое серьезное ее интимное реноме!

Валерик. А для мужчины самое серьезное — тюрьма.

Настя. Тебя в тюрьму? Ну какой ты мужчина!

Валерик. За мной следят.

Настя. Вот дурак. И ты ко мне приперся. Может, спрятаться думаешь?

Гвоздили н. Господа, погодите-ка, я вижу, тут действительно серьезно. Что случилось, молодой чело-

век, говорите откровенно, могу дать полезный совет.

Валерик (со стоном). Запутался я... Никого не виню и пришел не обвинять.

Настя (грубо). Что?! Обвинять? Вон отсюда!

Гвоздили. Настя, умерься. Кричать глупо. И вам замечу, сударь,—слезы и стоны изобличают одно бессилие. Несчастья на то и даются, чтобы испытывать нас. Что вы наделали?

Валерик. Взятку взял.

Гвоздили. Много?

Валерик. Теперь уже почти ничего не осталось.

Гвоздили. У кого нити дела — знаете?

Валерик. У Федора.

Гвоздили. Кто он? Друг ваш, что ли?

Валерик. Друг всей нашей семьи.

Гвоздили. Наш Федор?.. Который?..

Валерик. Ну да... Федор Дятлов.

Гвоздили. Как символ зла и несчастья, как дух злобный, он людей преследует! Почему нити дела у него?

Валерик. Потому что мы в одном учреждении служим.

Гвоздили. В каком — не секрет?

Валерик. Прежде Чека называлось, теперь — Госполитуправление.

Гвоздили. Тушить надо.

Валерик. Как?

Гвоздили. Я тебе денег дам... много. Найду — займу.

Валерик. Зачем?

Гвоздили. Тебя купили, ты купи.

Валерик. Федора?

Гвоздили. А что?

Валерик. Не могу вообразить.

Гвоздили. Вообрази.

Валерик. Мне в голову не приходило.

Гвоздили. Пойди домой, возьми голову в руки. Богу помолись. Да, сыночек, — господу нашему обще-

му. А потом я тебя научу, как к такому делу можно приступить. И денег дам. Можешь много обещать, не обману.

Валерик. Спасибо вам... как луч света. Начинаю верить. Надо хорошенько подумать.

Гвоздили́н. Я не обману.

Валерик уходит.

Настя. Ты какой добрый? Чего ради?

Гвоздили́н. Честь фамилии берегу. Вы же вместе бешеные деньги проматывали. Еще, чего доброго, вместе отвечать придется.

Настя. Не то... не то.

Гвоздили́н. Мысль наша течет по мозгам, а мозги имеют множество извилин.

Девочка вносит пирожки и уходит.

Вот и пирожки. Духовито как. Москва-матушка! Что-то мне начинает сдаваться, что я тут у вас уживусь.

Настя. На чердаке, папочка?

Гвоздили́н. Зачем же только на чердаке... можно и пониже спуститься... поближе к старой московской земле. А мальчика мы вызволим. Вот увидишь, вызволим... И не как-нибудь случайно, а руками Федьки Дятлова.

Затемнение.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

На чердаке, где обитает Гвоздили́н. Полутьма. Гвоздили́н лежит на койке, спит, и ему видится сон, будто пришел к нему Дятлов.

Гвоздили́н. Федор, неужели это ты?

Дятлов. Я, конечно.

Гвоздили́н. Чему обязан?

Дятлов. Ты меня звал, я пришел.

Гвоздили́н. Видишь, вот на чердаке огибаюсь.

Дятлов. А ты бога благодари.

Гвоздили́н. Благодарю, благодарю.

Дятлов. Чего позвал-то?

Гвоздили́н. Мальчишку хочу выручить.

Дятлов. Какого мальчишку?

Гвоздили́н. Да того, что взятку получил. А нити дела в твоих руках находятся.

Дятлов. Какой же он мальчишка, если взятки брать умеет.

Гвоздили́н. А ты сколько возьмешь?

Дятлов. Ты же знаешь, старый дурак, что я неподкупный большевик.

Гвоздили́н. А кто дознается, что ты взял? Никто не дознается.

Дятлов. Так ведь перед самим собой очень зазорно.

Гвоздили́н. Человек, Федор, сам для себя судья милостивый.

Дятлов. Нет, не возьму.

Гвоздили́н. Бери, Федор, я много дам.

Дятлов. Да зачем тебе мальчишку выручать? Нестоящий совсем. Гнилой сук.

Гвоздили́н. Не в мальчишке главная причина.

Дятлов. А в ком же?

Гвоздили́н. В тебе. Тебя я желаю подкупить, товарищ Дятлов. Ты и не знаешь даже, какая для меня великая радость тебя подкупить. Милый ты мой, Феденька, ты льстил надеждой меня к стенке поставить, теперь уж я лщусь надеждой подкупить тебя. Ах, какое это мне громадное удовольствие! Ты вникни в мои слова. Они значение имеют для нас обоих. Некогда ты на меня шел со злом. Ныне же я на тебя иду с добром. Ты на меня с булатом, я на тебя со золотом.

«Все мое»,— сказала золото;

«Все мое»,— сказал булат.

«Все куплю»,— сказала золото;

«Все возьму»,— сказал булат*.

Ты эти стишки должен с детства помнить. Умно в них выражена разница между властью солидного капитала и властью одной силы. И теперь я так полагаю, милый Феденька, что нечего вам фордыбачиться. Нас, капиталистов, никто не выдумывал, а вас, марксистов, выдумал один Маркс, человек никому не известный. А ты, Федька, зубы не скаль, я без толку никогда слова не скажу. Положи-ка на весы все золото, какое имеется на земле, и ваши книжечки положи... Что перетянет? Бери, Федор, я много дам.

Дятлов. Надоел ты мне со своими баснями. Рассержусь и арестую тебя.

Гвоздилин. Э-э, нет... не арестуешь. Сам знаешь, что не арестуешь.

Дятлов. Да для чего тебе, чтоб я взял? Соблазнить меня хочешь?

Гвоздилин. Хочу. Страсть как хочу. Ты не поверишь, я ведь загадал: возьмет Федор, я у вас жить остаюсь, не возьмет — покупаю заграничный паспорт — и мое почтение.

Дятлов. Давай, черт с тобой. Только побольше.

Гвоздилин. Погоди, сейчас матрац вспорю. Но давай уж, как водится у солидных людей, — по рукам ударим.

Дятлов. Давай ударим.

Гвоздилин. Феденька, милый, вот теперь ты и взяточник. Да какой! Первоклассный. А то «старый мир», «старый мир»... Не отрекайтесь вы от старого мира, он вам еще послужит.

Дятлов. А теперь, старый грабитель и эксплуататор, прощайся с жизнью.

Гвоздилин. Постой... за убийство ответ.

Дятлов. А кто дознается? Никто не дознается.

Гвоздилин. Неужели ты меня задушишь?

Дятлов. Задушю.

Гвоздилин. Что делать? Покорюсь. Души.

Сновидение пропадает. Стоит Настя.

Настя. Папочка, проснись. Проснись, проснись! Никак добудиться не могу. Иди кофе пить. Ты что стонал? Дурной сон видел?

Гвоздили. Снилось что-то. Нехорошо. Слава богу, что утренние сны не сбываются.

Настя. Папочка, что я хотела спросить?.. Да, вот что. Зачем ты на днях ночью в клумбе рылся?

Гвоздили. В какой клумбе?

Настя. Вот тебе, «в какой»... Та, что у нас во дворе устроена.

Гвоздили. О чем говоришь — не понимаю.

Настя. Что ты от меня скрываешься, родненький? Я ж твоя родная дочь.

Гвоздили. Смотрела — говори. Что же ты высмотрела?

Настя. По-моему, ты оттуда клад доставал. Но достал ли, понять не могу. Ночь была дождливая, во дворе темно. Как ты на чердак прошмыгнул, я не уловила.

Гвоздили. Вон кубышки стоят — посмотри.

Настя (*у кубышек*). Настоящие кубышки, как в деревне. Папочка, но здесь чисто-пусто.

Гвоздили. Вот и я говорю, пусто... а то клад.

Настя. Папочка, ты мне не ври. Я тебя отсюда живым не выпущу, если ты не выложишь на бочку законную часть моего капитала.

Гвоздили. А ты, Настя, не сон?

Настя. Нет, отец. И довольно лирики. Я тебя здесь, как клопа, придавлю, и никто не узнает. Давай лучше по делу говорить.

Гвоздили. Выделю твою часть. Выделю из-за одного уважения к твоему характеру. Не при мне деньги. Скрыты в другом месте.

Настя. Позволь, ты успел все ценности в деньги перевести?

Гвоздили. Заложил верным людям. Не бойся, не прогадаем.

Настя. Хоть бы мамашины брильянтовые подвески оставил мне. Я их когда-то надевала. Удивительно шли ко мне.

Гвоздили. Эти подвески при мне. Для тебя и оставил. Дурочка... (Достаёт.) На, любуйся. Спасибо скажи.

Настя. Громадная ценность. Ты прелесть, папочка.

Гвоздили. А ты что сказала? Отца, как клопа... Отрекись, перекрестись.

Настя (крестится). Прости, господи, прости, господи, прости, господи!

Затемнение.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Большая зала в квартире Сестрорецких. Валерик у пианино.

Валерик. «Как хороши, как свежи были розы...»* (Застонал, слезы.) Крушение всех надежд... крушение мечты... всей жизни. (Утерся.) А как они меня поймут? Я возьму и запрусь. Дело было с глазу на глаз. А тот, кто давал, скрылся. И вообще, по-моему, у меня началась пустая мания преследования. Никто меня ловить и не думает... Если бесследно пройдет, то уж никогда в жизни!

Входит Дятлов.

Дятлов (Валерику). Болен?

Валерик. В отпуске.

Дятлов. Позови сестру... а сам, пожалуй, из дому не уходи.

Валерик. Товарищ Дятлов, у меня отпуск по болезни, и я могу уйти куда хочу.

Дятлов. Какая же это болезнь?

Валерик. Нервная.

Дятлов. От ресторанной жизни, что ли?

Валерик. А вот и сама Ирина. А я пошел.

Входит Ирина.

Дятлов. Ты все-таки дома посиди, раз я говорю.
Валерик. Что сие значит, товарищ Дятлов?

Дятлов. А то и значит, чтоб не уходил.

Валерик. Но разве я тут не могу присутствовать?

Дятлов. Можешь. Но я хотел бы поговорить с
Ириной Александровной наедине.

Валерик. Скажите, что вы от меня скрываете?

Дятлов. Скажу. Наберись терпения.

Валерик уходит.

Ирина. Что-то вы, Федор, у нас бывать перестали.
И с Валериком сейчас говорили как чужие.

Дятлов. А вот с вами хочу поговорить как со
своей. Я надолго не задержу. Валерий натворил безо-
бразий.

Ирина. Валерик?.. Как можно! Он ни на что дур-
ное не способен.

Дятлов. Я знаю ваше мнение о нем и потому ре-
шил, так сказать, просветить вас. Святой вы человек,
Ирина Александровна, и ничто черное прилипнуть к вам
не может. Но действительность... она одних облагора-
живает, других уродует. Это ведь бывает потому, что
в море жизни человек может найти всякую водицу, и мут-
ную и кристальную. Ипполит тоже человек необыкновен-
ный. Оба вы, брат и сестра, родные мне люди... Вас
и боготворю. Братски люблю... чисто... как у Чехова
в рассказах рисуется. Привязан к вам, как ветвь к
родному дереву.

Ирина. Чудак вы, Федор, ну для чего так литера-
турно? И Чехов, и дерево... С Ипполитом вы разго-
вариваете обыкновенно, а со мной искусственно. Лю-
бите? Хорошо. Вот и скажите — люблю.

Дятлов. Люблю.

Ирина. И я вас люблю очень. Так что же Валерик?

Дятлов (очнувшись, не понимая). Валерик?..

Ирина. Ну да, Валерик. Вы же сказали, что он
чего-то натворил.

Дятлов. Язык не поворачивается, стыдно в вашем присутствии выговорить. Взятку взял. Выдал ордер спекулянту на получение государственного вагона. Спекулянта ищи-свищи, а Валерий попался.

Ирина. Это клевета. Его кто-то оклеветал.

Дятлов. А рестораны? А Настя?

Ирина. Настю он полюбил... первая юношеская любовь! А рестораны... я не знаю. Разве он посещает рестораны?

Дятлов. Посещать — что! Как посещать! Цыгане в «Праге» в честь Валерика песни играют. Это бесплатно не делается.

Ирина. Валерик?

Дятлов. Да.

Ирина. Нет.

Дятлов. Да, Ирина Александровна.

Ирина. Нет, нет.

Дятлов. Да, Ирина Александровна, он — преступник.

Ирина. Он участвовал в Октябрьской революции. Вы же знаете Валерика лучше, чем меня...

Дятлов. Потому и пала на меня горькая участь разбираться в его деле. Скверно и непонятно. При старом режиме жил без году неделя, а действовал, как настоящий лихоимец.

Ирина. Поклянитесь, что это так.

Дятлов. Клянусь вам, Ирина Александровна.

Ирина (*помертвела*). Дятлов, спасите его! Вы имеете влияние, вес. Вы можете.

Дятлов. Ничего не могу.

Ирина. Почему вы сказали это так жестоко, неприемлемо? Вы не хотите?

Дятлов. Прежде всего не могу.

Ирина. А потом и не хочу. Ведь так?.. Говорите.

Дятлов. Я не хочу, Ирина Александровна.

Ирина. Тут-то и главное... А то «люблю», «люблю». Никого вы не любите.

Дятлов. Ирина, дорогой мой друг, даже ради самой высокой любви...

Ирина. Я знаю, что вы скажете, но тут ничего такого не случилось, чтобы жертвовать вашей высокой любовью. Если Валерику будет грозить что-то крайнее, я ни перед чем не останавлиюсь... дойду до Ленина.

Дятлов. С чем? Разве можно идти к Ленину с подобным делом?

Ирина. Он добрее вас... Вы фанатики... Вы не видите человека... человеческих слабостей, увлечений, ошибок... Вы не видите этой несчастной любви Валерика. Ленин отзывчивее всех вас. Он добрый.

Дятлов. Не разум ваш это говорит, а горе. Теперь можно его позвать.

Ирина. Что? И он должен будет при мне говорить?.. Что украл... или как это?.. Говорите с ним сами. Но об одном прошу, щадите его. В сущности своей, в человеческой сокровенности он чистый.

Дятлов. Иногда я люблю вас, иногда злюсь. Какая вы девочка! А нельзя. Много еще зверинца у нас осталось.

Ирина. Не бойтесь, плакать не стану, умолять вас — тоже. Зовите его. (Уходит.)

Дятлов. Все пропало... теперь навеки.

Входит Валерик.

Валерик. Что, допрашивать будете?

Дятлов. Подслушивал?

Валерик. Что подслушивать... все ясно. Допрашивайте.

Дятлов. Держись человеком.

Валерик. А вам человек нужен? Вам факт нужен.

Дятлов. Факты делает человек.

Валерик. А человек с человеком иногда может договориться.

Дятлов. Как это?

Валерик. Так... по-человечески. Конечно, если они люди.

Дятлов. А ты меня как считаешь?

Валерик. Всегда вы другом семьи нашей назывались. Ирину любите. Я ведь знаю.

Дятлов. Говори, я сдержанный.

Валерик. Дядя Федя, в самом деле любите.

Дятлов. Но я прошу тебя имени сестры не упоминать. О моей любви ни слова.

Валерик. Ну хорошо. Вы не волнуйтесь. Давайте пойдем куда-нибудь в другое место.

Дятлов. В ресторан, конечно?

Валерик. А что? В ресторан, по-вашему, честные люди не ходят?

Дятлов. Ходят... А потом что будет?

Валерик. Вы же не пойдете.

Дятлов. Говори тут... добивай.

Валерик. Что там «добивай»... чем это? Ничего плохого я не думаю. Меня купили, не отрицаю... в конце концов, это жизнь.

Дятлов. А теперь ты меня купить собираешься?

Валерик. Не говорю... и почему непременно купить?.. Могут люди говорить по-хорошему или не могут?

Дятлов. У тебя денег не хватит. Я много возьму.

Валерик. И много найдется.

Дятлов. Сколько же?

Валерик. Очень много, дядя Федя... *(Испуганно.)*
Товарищ Дятлов...

Дятлов *(выхватывает пистолет)*. Я тебе дам товарища!

Валерик *(крик)*. Ирина.

Вбегает Ирина.

Ирина *(Дятлову)*. Вы бессердечный человек.

Дятлов. Бессердечный... да!

Затемнение.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Парк в Горках. На дорожку выходит Ленин, потом появляется Ирина.

Ирина. Владимир Ильич, я готова пасть к вашим ногам.

Ленин (смятение). Этого... постойте... этого не надо делать ни в коем случае.

Ирина. Мне пришлось сделать невероятные усилия, чтобы проникнуть к вам. Умоляю вас, не наказывайте людей, которые помогли мне проникнуть...

Ленин. Нет, я их не накажу... Не в этом дело. Может быть, позвать врача... вам надо успокоиться.

Ирина. Не нужно, пожалуйста... Я сама врач. Сейчас я справлюсь со своими нервами. Меня привел к вам страшный случай. Мой брат приговорен к расстрелу.

Ленин. Теперь расстреливают редко, в крайних случаях... Но что же совершил ваш брат? Кто он?

Ирина. Он — прекрасный... чистый. И за отвратительную случайность он может поплатиться жизнью... Дзержинский!.. Это каменное сердце! Вот у меня прошение.

Ленин (читает). Печально... (Пауза.) Очень.

Ирина. Умоляю — не отказывайте... Я рассчитываю на вашу милость. Выслушайте меня.

Ленин. Конечно, выслушаю. Но я не имею верховных прав на милость или напротив. Милует ВЦИК.

Ирина. Да. Я знаю это, но если будет ваше ходатайство...

Ленин. Расскажите мне о вашем брате.

Ирина. Он молод... юн.

Ленин. А партия?

Ирина. Не понимаю.

Ленин. Те, кто принимал его в партию, видимо, нашли его сознательным. Двадцать один год — это не юность.

Ирина. Сердцем юн... Пылкое, чистое сердце.

Ленин. Мне трудно огорчать вас, но лгать не умею. Не верю я в чистоту сердца взяточников. Даже если бы я был в вашем положении, когда родному человеку грозит смерть, то не стал бы обманываться на этот счет. Он — не чистый человек. И в этом суть вопроса.

Ирина (шепотом). Не говорите так. Я взываю к вашим чувствам человека...

Ленин. Человека...

Ирина. ...доброго, отзывчивого человека.

Ленин. Обычно видят человека там, где он добрый, а если он не должен быть добрым, не может быть, тогда уж — каменное сердце. В таком случае, простите, все хлюпики есть люди-человеки, а люди с принципами уже не люди.

Ирина. Владимир Ильич, бывали случаи, когда вы лично приостанавливали казни. Может быть, я не должна так говорить... Но что за преступление... какие-то там бланки... Все мы так долго голодали, мучились.

Ленин. Простите, это было сделано для вас?..

Ирина. Нет, как можно! Я ничего не знала. Никогда бы не позволила.

Ленин. И я не позволил бы... и каждый честный труженик не позволит.

Ирина. Тут любовь... и первая. Он любит. Пусть недостойную женщину, но любит.

Ленин. Какое несчастье говорить на эти темы, какое, право, горе! Что за дело государству и его пролетарской партии до того, кого любит ваш брат? И разве великие певцы этого чувства завещают людям делать преступления?.. И кто он, брат ваш... «чистый», «юный»?.. Ответственный работник ВЧК, наверное, сам творил суд над преступниками. И самое омерзительное, что нам осталось от русского царизма, от татарщины, от вопиющей несправности, неграмотности, забитости, — взятка... Она и составляет существо преступления вашего брата. Взятка стоит и еще долго будет стоять на пути нашего политического строительства

как величайший тормоз, от которого надо избавляться самыми крутыми мерами, ибо взятка еще сильнее наших крутых мер. У вас огромное горе, и поэтому вам трудно понять эти решающие положения, но я прошу понять меня как государственного деятеля, который не может и не умеет быть заступником в таких делах. Не может, не должен! Нельзя, немислимо! Прошу понять меня.

Ирина. Простите.

Ленин. Позвольте все же дать совет... Пойдите во ВЦИК... Могут быть оттенки...

Ирина. После того, что вы сказали,—нет, просить нельзя... Вы—Ленин. (Уходит.)

Ленин (*глубокое раздумье*). Нельзя просить... потому что Ленин. Не потому, что нельзя просить, а потому, что Ленин... Наверное, я позабываю, что это слово, очевидно, производит какое-то глубокое впечатление... Ленин... И хочешь ты того или нет, милый товарищ, но для этой девушки в этом слове собираются высшие понятия власти и еще чего-то очень важного... Справедливости, может быть, совести... Так ведь. И тут уж ничего не поделаешь. Для этой девушки закрыты все пути, потому что Ленин. И она, наверное, понимает, что Ленин не может быть иным, но верит в доброго... в добренького... Добренький... Для того чтобы миловать, прощать, прекраснодушничать... (*С иронией.*) И вот птички кстати, облака плывут... Тишина... Поразительная тишина... (*Раздумье.*) Как бы я хотел... как бы я хотел сейчас...

Входит Мария Ильинична.

Мария Ильинична. К тебе, Владимир Ильич, приезжали товарищи из ЦК... Но мы решили ваше свидание отложить на три дня.

Ленин (*хмурясь*). Кто—вы?

Мария Ильинична. Я и Надя. Чем ты расстроен?..

Ленин. От жизни парками не отгородишься...
Даже если ты большой вельможа.

Мария Ильинична. Кто вельможа, ты? Смешно.

Ленин. Гуляю, бездельничаю. Мне хорошо известно, что я болен, что болезнь моя опасна. И мне это обиднее, чем всем моим друзьям. Потому что мечталось увидеть, как пойдет Россия к социализму, как совершим мы этот новый поворот... как забурлит Восток... Многое еще мечталось. И мне, как всякому человеку, обидно... И ты не обижайся, что сержусь. Никто не виноват... Мне только очень хочется, чтоб меня от жизни не отгораживали.

Мария Ильинична. Милый мой друг, драгоценный мой, это бесконечно радостно, что ты так говоришь.

Ленин. Я вот хочу напомнить тебе что-то... Можно?

Мария Ильинична. Конечно, можно, Володя.

Ленин. Ты, наверное, не забыла, как восхитительно мы с тобой сделали ту поездку на завод, где плавят сталь не хуже рурской. Проня там был, этакий лукавый малый... Инженер... Очень правдивый, честный. И Дятлов. Не забыла?

Мария Ильинична. Конечно, не забыла.

Ленин. Восхитительная поездка. И как бы я хотел... сейчас... боюсь сказать.

Мария Ильинична. Володя, я знаю, о чем ты думаешь... И я иду на преступление для тебя.

Ленин. На преступление не надо... и еще для меня.

Мария Ильинична. Они консилиумом решили, что через неделю тебе можно приступить к занятиям. Тайно от тебя решили.

Ленин. Как — через неделю?.. Сегодня же!

Мария Ильинична. Володя, тише.

Ленин. Я же шепотом... Сегодня же... Что поделаешь? Неисправимый человек. Ты представить себе не можешь, как я сейчас счастлив!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Во дворе гвоздилинского дома. Перед вечером летнего дня. Дятлов на скамейке у клумбы читает книгу. Входит Гвоздили́н.

Гвоздили́н. Маркса читаешь?

Дятлов. Нет... Чехова.

Гвоздили́н. Тоже нестоящий писатель.

Дятлов. Почему это?

Гвоздили́н. Плохо ему жилось. Хотел увидеть небо в алмазах. Дожили, кажется, а небо — вон оно, алмазов на нем не видно.

Дятлов. Ишь ты, заговорил. А то сидел, поджавши хвост.

Гвоздили́н. Ты ведь сам заявил мне, что я настоящий классовый враг. Что же мне перед тобой — в редиску превращаться? Прощай, Дятлов, уезжаю.

Появляется Абдула.

Дятлов. Не в Америку ли?

Гвоздили́н. Я не прочь бы. Капиталу не хватит. В Одинцове хочу поселиться, на дачном режиме.

Дятлов. Умный человек, а хитришь. Врешь что-то, видно. И Абдула о чем-то беспокоится. Тоже видно. Бегаёт он за тобой.

Гвоздили́н. А я у него некоторую сумму деньжо-

нок занял, беспокоится, исчезну еще, чего доброго, с его капиталом.

Дятлов. Обмельчал. Что-то с Абдулой в кошки-мышки играешь.

Гвоздили́н. В нэпачи иду. Собачьими консервами торговать думаю. Прибыльная коммерция. Нет, Федор, ломаной копейки я вам в нэп не вложу. Страшные вы люди, когда вас по-настоящему поймешь. Что выдумали, а?! Чтобы капиталисты помогли вам, социалистам. Такого коварства даже римляне не знали. И помогают — вот ведь что невероятно. Я думаю, что это происходит потому, что наш класс — алчный... Я свои капиталы... если бы таковые у меня имелись... лучше в трубу пустил бы — с девчонками в Марьиной* все пропил бы, а вам в обороты не дал бы. Нет.

Дятлов. Так ты нас ненавидишь?

Гвоздили́н. Ненавидеть — что! Я не раз замечал, например, что у дураков ненависть более развита, чем у людей умных. Браться за вас надо с большим умом и терпением. Весь фокус должен состоять в том, чтобы вы нас возлюбили.

Дятлов. Вот нэп пришел, а мы что-то не очень вас возлюбили.

Гвоздили́н. Сейчас вы молоды, прекраснодушны, идеалы свои соблюдаете. Ленин стоит у руля... А вот как без него дело пойдет?

Дятлов. Гвоздили́н, довольно. Не потому, что мне сказать нечего... довольно.

Гвоздили́н. Гневаешься... похвально. Ленин меня разорил, обездолил, но чту. Громаден. Прощай, Дятлов. Абдула, прими чемодан, проводи старого хозяина в сельское изгнание. Камню родному кланяюсь, клумбе, что взрыл своими руками. Куску неба, что висел над нами. Кланяюсь всем.

Гвоздили́н и Абдула уходят. Дятлов углубляется в чтение. Входят Ипполит, Кумакин и Клава.

Ипполит. Самовлюбленные тупеют и жиреют!

Кумакин. Продолжай — не трогает.

Ипполит. Тебя цветы волнуют?

Кумакин. Я не корова, травой не питаюсь.

Ипполит. Ты хуже коровы.

Кумакин. Нет, лучше — меня доить нельзя. Аппарат есть, но не развит.

Ипполит. Скажи серьезно, почему ты не пишешь природу?

Кумакин. Потому что она мертвая и абсолютно ничего не выражает.

Ипполит. Левитану выражала.

Кумакин. Левитан — жулик.

Ипполит. Что?

Кумакин. Он спекулировал на вкусах гнилой городской интеллигенции. Намалюет лужок, а вы умиляетесь. Для вас поле — загородная прогулка с бледными барышнями... А мужик скажет: «Трава перестояла, косить пора». Вот и весь твой Левитан. Народу Левитан — апчхи.

Дятлов. Занозисто мыслит. А то — «корова». Он хитрее.

Ипполит. Мыслит — да. Без системы. Как дикарь.

Дятлов. Природу надо любить, дура!

Кумакин. А она меня любит?

Дятлов (*удивлен*). Как это?

Кумакин. Так. Человек только и делает, что с природой борется. Мало. Еще люби ее. Горький пишет, что он луну не любит. Ты не скажешь, что он дурак. Эх, был бы я авторитетом, дал бы я вам жизни!

Дятлов. Репина выкинул бы из Третьяковской, а своих скорпионов повесил.

Кумакин. Этого я оставил бы... для смеха.

Дятлов. Кумакин, я могу тебя ударить.

Кумакин. Кумакин ляжет костями, но мази-лу-фотографа великим художником ни за что не назовет.

Клава. Будет тебе, великий художник, будет тебе! Репин «не такой», а Ивана Грозного нарисовал, мое почтение, а Кумакин «такой», и меня нарисовать не может... меня.

Кумакин. Клавдия, не опошляй.

Клава. Видите — «не опошляй»... Потому что стыдно. Ведь мы только зовемся художниками, а живем хуже Абдулы. Я на коленях упросила этого гения нарисовать русалку с меня лично. И что же вы думаете? Не умеет. Ни уха ни рыла не умеет. Вначале ершился: у меня, видите ли, торс грубый... Потом краски не те... Но я стою на своем: пиши. И верьте не верьте, он даже мучиться не стал. Собственными устами чистосердечно признался: «Клава, не умею».

Дятлов. Лавруха!..

Кумакин. Я вашу натуру копировать не умею и учиться не буду, потому что копия есть ложь. Вы верите в сирень, которая никогда не запахнет, вы верите в мертвое тело женщины, которое не дышит, и говорите мне: это реализм. Какая наивность! Чем вы отличаетесь от пещерных людей, которые высекали на камне контуры зверей и верили, что это и есть высший реализм их искусства?

Ипполит. Ну а дальше что? Отрицать — мы великаны. Утверждать — карлики. Что ты предлагаешь? Восхищаться твоими творениями?

Кумакин. И ты туда же. А сам не отрицаешь? Будто не вижу. С тех пор как домовладелец вернулся, ты тоже... Разочарование... или как там у вас? Я в политике профан.

Ипполит. А я сказал «мы». Между мной и тобой есть странное сходство. Увы, брат живописец, есть.

Кумакин. Есть. А что? Давно ли восхищался моими произведениями, но Ленин осудил кумакинского «Пролетария», и ты скис. Все вы указаниями живете.

Дятлов. Указаниями тоже жить неплохо, если указания мудрые.

Ипполит. Да, Лавруха, и сие верно. Ленин мне испортил впечатление от твоей картины, и я скис. Человек он необычайный, сильный. А тут рабочие... ругаются! Ругают автора по матушке по Волге. Ничего не поделаешь.

Дятлов. Да пойми ты: рабочие! А ты — сын народа. Для него должен творить.

Кумакин. Что ты мне народом глаза колешь! Я лучше тебя знаю, что надо народу. Иконы ему надо, потому что они для него — иконы. А еще Буденного на вороном коне, потому что он Буденный. Если я от народа вперед ушел, то повеситься мне, что ли?

Дятлов. А может быть, не вперед? Может быть, в сторону? Нам икон не надо, но ты и от нас ушел.

Кумакин. Ничего я не знаю и спорить не хочу. Но одно знаю, что за мои вещи за границей платили бы громадные деньги. А вы плюете на меня. Вы недоразвитые люди, вам мертвая сирень, намалеванная на мешковине, дороже полетов моей фантазии. И я не виню вас. Чтобы понимать мое искусство, нужно жить по-другому... объездить все музеи мира... вообще жить по-другому. Я стою за пределами реализма. Я гений жизни, которой не было и быть не может. Вот что такое я. А теперь вопи, товарищ Федор. Вопи на меня.

Ипполит. Не так бы уж... «Я гений». Не надо.

Дятлов. Черт с ним, пусть будет гений. Но ведь тут чистейшая контрреволюция! Этот холуй мечтает служить пресыщенным классам, которым все на свете надоело. Вот ведь что это такое. Просто, как репа. Наслышался, начитался... Теперь американцы до того на мировой войне разбогатели, что целые замки из Европы к себе перевозят. Они бы и Лавруху Кумакина для маскарада прихватили. Ленин сразу по твоей картине понял, какому идолу ты молишься. Золотому идолу ты молишься, нечистая сила! Четыре года назад я пустил бы тебя в расход без колебания, а сегодня смиряюсь, уговариваю тебя: Лавруха, служи народу, служи, скотина... то есть милый мой, дорогой. А ты кочевряжишься...

буржуазия больше заплатит. Стоило для такой скотины Октябрь делать.

Кумакин. Пойдем, Клава, прозывать. Этим людям коров писать... тогда они скажут — вот народное искусство. Прощайте. Но запомните мои слова. Я, Лавруха, прозвучу в веках: Лавр Кумакин. Запишите.

Клава. Нет, милый мой, довольно... Я сама научу тебя делать картины. «Заграница», «Америка»... Без Америки проживем.

Кумакин уходит. Входит Настя и следом — господин с толстой тростью, господин с животом и господин в лаковых башмаках с замшей.

Настя (*пришедшим*). Знакомьтесь, господа, с моими соседями — постояльцами здешнего подворья.

Господин с животом. Нам, Настасья Еремеевна, излишние знакомства совершенно ни к чему. Мы пришли сюда лишь только для того, чтобы окинуть беглым взглядом ваше подворье в дальнейших практических видах.

Настя. А перекусить?

Господин с животом. Сие естественно.

Господин в лаковых башмаках. Говоря языком делового Запада, мы это берем. Помещения староваты и грязноваты, мадемуазель Гвоздила, но мы и не собираемся открывать в них ателье французских изысканностей.

Дятлов. Настя, ты подворье собралась продавать? С ума сошла?

Ипполит. Это уже весело.

Господин с тростью (*весьма расторопно*). Во-первых — вот. (*Вертит тростью.*) Последнее открытие дарвинизма, или наглядная карточка, как человек приспособляется в борьбе за красивое существование. (*Отвинтил набалдашник и налил в него коньяк из трости.*) Чистейший коньяк высшей марки родного отечества! У меня любое щекотливое дело решается на

ходу. Во-вторых, никто ничего не продает и не покупает. В настоящий текущий момент процветает политика взаимных уступок. (*Предлагает Ипполиту и Дятлову набалдашник.*) Не желаете... как желаете. За взаимные уступки! Взаимные. Подчеркнуто мною... пью!

Господин в лаковых башмаках. Говоря языком бульвара: деньги на бочку — и ваших нет... к взаимному удовольствию.

Ипполит. Сон какой-то. Дико даже.

Господин с животом. Никакого сна-с, господин постоялец, никакого сна-с. Нашей компанией получена лицензия на пуск маргаринового завода в черте города с правом вступить во взаимоотношения с постояльцами на предмет выселения последних... за определенную мзду, конечно.

Ипполит. Вот оно, Федор, вот оно! Почти как при старом режиме.

Настя. А давно ли, Федя, ты намеревался выдворить меня из собственного гнезда?..

Господин с тростью. Почти, да не почти. При старом режиме мадемуазель Гвоздилина и не помыслила бы даже о копейке вознаграждения. А мы намерены вступить с вами в любовный торг. Это огромное достижение, какого никогда не знали люди простого разряда в старые годы.

Господин в лаковых башмаках. Даже в странах просвещенного Запада, издавна покончивших с произволом высших классов, нет ничего похожего на права, полученные российским пролетариатом.

Ипполит. Коль так, давайте торговаться. Но что он выручит, живя в дыре, достойной пролетария старых годов?

Настя. Не затевайте скандала, мы тоже заботимся об общем благе.

Ипполит. Настя — и общественное благо... уже весело.

Настя. А что? Настя — не только мушки и завивки с ажурными чулками. Я Гвоздилаина! Гвоздилаина и компания. Вы понимаете? Это фирма.

Дятлов. Маргариновый завод?

Настя. Да, маргариновый.

Ипполит. А что сие — ваш маргарин?

Господин с тростью. Маргарин, черт возьми, — это жир, которого нет в живой природе, это пар без воды, воздух без кислорода, это ничто и нечто из ничего!

Ипполит. Федор, вот наконец я нашел то, чего мне не хватало. Маргарин! Какое восхитительное дело! Господа, вам нужен инженер? Хороший... квалифицированный... универсал.

Господин с животом. Тут, милый мой, одна химия, сугубая химия.

Ипполит. Он металлург и химик и даст вам разом выдающуюся маргариновую технологию... Он — вот он. Это я. А вот мой друг. Он чудесный слесарь, редчайший слесарь, который вам наладит все приспособления. И все мы объединимся в маргариновом братстве — мозг, труд и капитал с Настей на вершине в эмблеме нашей фирмы! Ура, я говорю. Ну, что же вы молчите?

Настя. Вы хотите нас одурачить? Ничего не выйдет. Господа, поднимайтесь ко мне. Ход известен, вас встретит моя служанка. Мои соседи любят пошутить, но шутки получаются какие-то вымученные.

Господин с животом. Над чем шутить, не понимаю. Завод ведь в самом деле будет с химиками и слесарями. Фирма, да-с, это уж как вам будет угодно.

Настя. Прошу, прошу... я сию минуту. Не надо придавать значения... это шутки горькие и через силу. Я-то знаю. Прошу, прошу.

Пришедшие уходят. Настя задерживается.

(Нашла взглядом Клаву.) Ты, Клава, почему же на мои поклоны не отвечаешь? Разбогатела?

Клава. Я на свои грешные копейки живу, а ты шикаешь — на окровавленные. (Уходит.)

Настя. Расстреляли?! Дятлов, что молчишь?

Дятлов. Ничего не известно.

Настя. Значит, жив.

Дятлов. Почему думаешь?

Настя. Снилось.

Дятлов. Вела бы себя полагороднее, тогда ничего не снилось бы. Шикаешь.

Настя. Шикую и шикавать буду. Теперь, Федя, кончилось твое царство военного коммунизма... Вы вообразить себе не можете, как я еще шикавать буду.

Ипполит. Как же. Воображаю!

Дятлов. Не связывайся. А ты, Настя, иди компаньонов угощай. И на свое царство не надейся. Прочитаешься.

Входит Абдула.

Настя. Абдула, где папочка?

Абдула. Ту-ту машина твой папочка!

Настя. Ничего не понимаю.

Абдула. Ту-ту машина... «Прощайте, вся моя родня»...

Настя. Не понимаю, что он говорит.

Дятлов. О чем ты говоришь, Абдула?

Абдула. Убить мало твоя папочка. Резать надо на ремни, собакам давать.

Настя. За что ты его ругаешь?

Абдула. Господин Гвоздилин ту-ту машина, на Варшаву тягу дал... Я сам, старый дурак, его в поезд сажал... считал, что в Одинцово едет...

Настя. Ничего не понимаю.

Дятлов. Уехал отец из Советской России. Чего же тут не понимать?

Настя. Как?!

Дятлов. Как! Очень просто. Получил заграничный паспорт и уехал. Они легально теперь уезжают.

Абдула. Какой человек есть! Негодяй! Мало этого слова. Сукин сын есть.

Настя падает в обморок.

Всех их... буржуазия, который есть... на грязной веревке вешать надо.

Дятлов. Поздно ты это понял, Абдула... в семнадцатом надо было котелок открыть...

Ипполит (*около Насти, в сторону дома*). Клава, позовите Ирину... Тут обморок.

Дятлов. Чем-то он им страшно влепил... Что он тебе сделал, Абдула?

Абдула. Я ему верой-правдой... Знаешь, что есть вера-правда?

Дятлов. Знаю.

Абдула. А он мне рубля на табак не кинул. Скрылся, как мошенник... Видал, какой господин есть?!

Дятлов. Не могу войти в твое положение, господам не служил... Смеяться над тобой дурно, ты человек старый.

Абдула. Смейся... ха-ха... Старый, но окончательно глупый... Пустая башка.

Входит Ирина.

Ипполит. Настя в обмороке... какое-то потрясение.

Ирина. Брызни водой, очнется.

Ипполит. Так просто, водой?

Ирина. Можешь духами побрызгать.

Настя (*приподнимаясь*). Ничего не надо. А вам, Ириночка, противно ко мне прикоснуться. Бесчувственная вы особа.

Ирина уходит.

(*Всем присутствующим.*) А чувств я лишилась потому, что папочку люблю страшно и не успела с ним, бедным, попрощаться. (*Уходит.*)

Абдула. Шайтан, жулик, мошенник твой папочка.
(Уходит.)

Дятлов. Мил-сердечный друг, а ты какой-то странный.

Ипполит. А что? Заметно?

Дятлов. Очень. Валерий... понимаю...

Ипполит (после колебаний, с тяжестью). Не поймешь ты меня.

Дятлов. Скажи прямо, что с тобой? Про таких, как ты, в народе говорится: «Человек задумался». Ты вообще не в меру впечатлительный.

Ипполит (защищаясь, резко). Ах, «впечатлительный»! Повсюду лавиной раскатывается вакханалия старого мира, а я, видишь ли, впечатлительный! У меня брата сожрала эта вакханалия, а я впечатлительный... Мне всегда светили огни Смольного, всегда горел неугасимый образ Ильича... впрочем, да... да, да, я впечатлительный, тонкий и не в меру чувствительный. Можешь иронизировать. И все-таки поймите вы, железные друзья мои, что есть у нас, русских, свирепая, бессмысленная, страшная тоска, которая ведет в кабак, в запой, на перекладину с веревкой. Ты правильно заметил. Да, задумался... Но ты не бойся, Федя, я пока до точки не дошел. Вот у меня кулак, он твердый... кажется, железный. Просто я не умею и не стану врать.

Дятлов. Врать?.. Кому? Для чего тебе врать?..

Ипполит. Тебе хотя бы.

Дятлов. Убей, не ясно.

Ипполит. Если носишь такие настроения в себе, по-моему, нечестно оставаться пребывающим в партии.

Дятлов. Пребывающим?

Ипполит. Но ты возьми по-человечески. По-человечески, как быть, если такие настроения в душе?

Дятлов. «По-человечески». Я, значит, каменный. А мне, по-твоему, не делается отвратительно, когда вон у Насти пир горой? А ее дружки выдумали маргарин варить? Когда Гвоздилин, видите ли, может ле-

гально уехать за границу? И ты, чекист, не тронь его пальцем. Но между тобой и мной есть разница.

Ипполит. Знаю я эту разницу.

Дятлов. Нет, ты не знаешь. Для тебя погасли огни Смольного. Ты своей тоске поддался... И про Ильича молчи.

Ипполит. Ты хочешь сказать мне: «Предатель». Говори.

Дятлов. Нет, не скажу... не могу принять твоей... как ее?.. бессмысленной, страшной тоски... не пойду на встречу. Ты?! У которого никогда не было никаких интересов, кроме революции... Ерунда какая-то, сон бессмысленный. Если такие, как ты, будут уходить из партии... я это понимать отказываюсь.

Ипполит. Ты подожди, послушай...

Дятлов. Ждать нельзя, не буду. Знаю одно: то, что ты мне высказал,—болезнь. Опасная, смертельная... К Ленину!

Ипполит. Опомнись!

Дятлов. Именно потому, что я все помню,—к Ленину, к нему одному.

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В кабинете Ленина в Кремле. Вечером. Дятлов, Ипполит. Входит Ленин вместе с докладывающим.

Докладывающий. В Италии растут тенденции к признанию Советской России. Конечно, тут играет роль наша нефть, но все же побеждает реалистическая точка зрения.

Ленин. Они все нас признают... Глупость и упрямство долго властвовать не могут. Мы же их признаем... Мы, которые их прогнали! (Ипполиту и Дятлову.) Сидите, товарищи, сидите, никаких мировых тайн вы тут

не подслушиваете. Вот очень горько, что средства связи далеко не совершенны... Китай. Скачи до него... а как хочется побольше сведений о деятельности Сунь Ятсена*. Мы безмерно мало знаем... (Всем.) Придет, товарищи, время, когда народы Азии поставят огромный памятник русскому матросику, который бухнул из пушки по Зимнему дворцу... (Докладывающему.) Оставьте все эти материалы для вечерней работы.

Докладывающий. Владимир Ильич, но мы сейчас занимаемся вечерней работой.

Ленин. Ничего. Я люблю поздно сидеть. Что у вас еще?

Докладывающий. В Коминтерн пришло письмо от канадских рабочих. Просто осведомляются о состоянии вашего здоровья.

Ленин. Вот надо им ответить тоже просто: «Жив, здоров и занимается вечерней работой». (Бросает взгляд на Дятлова и Ипполита.) Но мы утомили их нашими мировыми вопросами. Сейчас мы сделаем перерыв. Я поговорю с товарищами, а потом мы продолжим с вами работу.

Докладывающий уходит.

Ну те-с, кто начнет?

Дятлов. Я, наверно... слова в горле останавливаются. Ипполит из партии выходит.

Ленин. Запишем. Дальше. А вы, надеюсь, не выходите?

Дятлов. Как это можно! Владимир Ильич?.. Но... (под взглядом Ленина запнулся) если такие люди...

Ленин. Все-таки появилось «но»?

Дятлов. Появилось.

Ленин. Вот это «но» и есть самое главное. Вы и «но» — это несовместимо. Чудовищно! Вы меня убили, товарищ Дятлов.

Дятлов. Я убил?! Я?.. Не Ипполит?

Ленин. Именно вы.

Дятлов. Тогда казните. Но я за Ипполита бо-
лею!

Ленин. Казнить надо не вас, а нас, руководителей... Воспитывали плохо, плохо школили, в руках дер-
жать не умеем. Вы сущность партии, ее костяк, жизнь,
надежда, а нате вам! У Дятлова появились свои «но»...
Ленин гнет не туда, может быть, куда гнул Маркс? Так,
стало быть? Отвечайте.

Дятлов. Владимир Ильич, неужели у Дятлова не
могут появиться сомнения?

Ленин. Не могут!

Дятлов. Как?!

Ленин. Так, очень просто. Не могут. И в этом наше
величайшее счастье, что у нас с вами относительно
партии не может быть никаких сомнений, никаких «но».
Счастье! Слышите? Нам повезло, как никому на свете,
открыть неслыханного человека, без сомнений, великолеп-
ного по ясности, недюжинного, железного. Откроюсь
вам — хоть я не терплю красивых слов, но тут другого
нет, — я перед нашей партией преклоняюсь... несмотря
на огромное количество наших недостатков. Такой партии
до нас никто не мог создать — ни бог, ни царь и не
герой! А вы... да нет, товарищ Дятлов, тут недоразу-
мение... нет у вас никаких «но».

Дятлов. Я живу в гневе... Как будто у меня го-
рячка. К нам во двор среди бела дня являются подлин-
ные буржуа.

Ленин (*чуть улыбнувшись*). Буржуи.

Дятлов. Да, правильной — буржуи. С иголки...
упитые.

Ленин. Упитанные?

Дятлов. Неужели вам смешно?

Ленин. Я только уточняю. Являются упитанные
буржуи... И что же они делают?

Дятлов. Маргариновый завод пустить задумали.

Ленин. Прекрасно.

Дятлов. Я не понимаю, что вы говорите?!

Ленин. Я говорю: прекрасно. Не спекуляциями занимаются, а живым делом.

Дятлов. Какое дело?.. Маргарин... даже не жир... подделка.

Ленин. Милый Дятлов, вы поймите — мы с семнадцатого года голодаем.

Дятлов. Тогда молчу.

Ленин. Нет, выговаривайтесь.

Дятлов. Что в партии у нас народ диковинный — не спорю. Но ведь вокруг нас... бог ты мой!.. какая человеческая галиматья!

Ленин. А что такое «человеческая галиматья»?

Дятлов. Все те же нэпманы, неистребимое мещанство рядом, пропойцы, спекулянты, взяточники... и еще не знаю что! Мы с Ипполитом знаем одного художника, вы его картину видели на заводе... Пастух типичный по происхождению! Народ открыл его талант, учил его, сделал человеком... И что же? Он нам заявляет, что мы чернь, толпа, а вот за границей... А, да что говорить. Расстрелять такого мерзавца надо.

Ленин. Печально, но что поделаешь. Новый человеческий тип из старого не может быть создан за какие-нибудь пять—десять лет. Отсечь легко, привлечь труднее. Самая грандиозная работа партии будет состоять в этом массовом, неслыханном вовлечении миллионных масс в коммунистическое строительство... Но новый человеческий тип будет создаваться очень медленно, и не только по нашим умным книжечкам, а самой жизнью, прежде всего ее материальными силами. Что это, Дятлов, у вас одни темные стороны жизни? Ничего интереснее не видели?

Дятлов. Видел!

Ленин. Что ж это?

Дятлов. У нас на дворе капиталист от нэпа сбежал.

Ленин. Как? От нэпа?.. Капиталист? Не понимаю.

Дятлов. Гвоздилин некий... Может быть, вы слышали? Заводчик. Словом, туз. За границу укатил.

Ленин. Вы с ним были знакомы?

Дятлов. В восемнадцатом году пытался я его расстрелять, но он в Крым удрал.

Ленин. Знакомство... гм... гм... не очень сближающее. И почему же он сбежал? Не сказал?

Дятлов. Сказал. Мне сказал лично. «Ваш нэп, говорит, это пир во время чумы. И хоть Ленин заявил, что нэп всерьез и надолго, но вы сами всерьез и надолго».

Ленин (*весело*). И сбежал! Молодец. Умных капиталистов мало. Опыт есть, знаний масса, а ума нет. А этот очень умный. Угадайте, что он понял?

Дятлов. Что нэп есть передышка.

Ленин. Не то. Готов пари держать. Он понял, что большевики кончили отступать. Вот в чем весь гвоздь. Передышка еще ничего не означает, передышка может превратиться в поражение, в сдачу всех позиций, в гибель. А он увидел, что отступление кончено и ждать нечего. Замечательный капиталист. Я показывал бы его в Музее Революции. Такой вот русский, смекалистый, умнее Рокфеллера. Ну те-с, товарищ Ипполит... Хоть вы из партии выходите, но будем плавить сталь... Сейчас у нас ее отчаянно мало... будем плавить. Ничего... Ничего, господа рокфеллеры... мы умнее. До свиданья, товарищи. Хорошо сделали, что пришли. Все это очень показательно.

Дятлов. Ипполит! Как же это? Как можно тебе промолчать?!

Ипполит. Владимир Ильич, я понимаю, вы не Дятлова школили — меня.

Ленин. Что вы, как можно вас школить, как-то странно. Вы, наверное, марксизм начали изучать лет с шестнадцати.

Ипполит. В гимназические годы... с пятого класса.

Ленин. Вот совпадение! Как я... Я тоже рано начал изучать Маркса, но вот... простите, из партии выходить не надумал.

Ипполит. Мне стыдно, очень стыдно.

Ленин. Если так, то всего один вопрос. Только совсем откровенно: откуда этот срыв? Что с вами случилось?

Ипполит. Да, срыв! Я метался. У меня возникли мучительные вопросы, они казались громадной проблемой. Ведь был Октябрь, Смольный... Я даже стал сомневаться в правильности курса партии. И потом, брат у меня, Дятлов его знает, молодость, чистота, горел революцией, а вот теперь сделался взяточником.

Ленин. Понимаю, брат. Вы в него верили. Это может потрясти. Но вы не сделались взяточником. Дятлов не сделался. Я не сделаюсь. Вот и судите о партии по Дятлову, по мне, если угодно, и тогда не будет никаких сомнений. Но это уже вопрос не о деревьях и лесе, а о гнилых пнях. Вам, наверное, очень тяжело. Не буду вас томить. Мне очень не хочется портить свое впечатление о вас. До свиданья, товарищ Ипполит.

Ипполит уходит.

Я таких знаю. Колеблющихся не терплю, но тут другое. Это испуг, временная растерянность... А я — вот видите — устал. Волнуюсь, горячусь непомерно, а мне уже нельзя. Я, по всей видимости, серьезно болен. По политическим мотивам об этом говорить не следует, но вам — другое дело. Я могу умереть в любое время... Хоть это звучит несколько нелепо, ибо все мы умираем в любое время... но применительно ко мне это приходится связывать с переутомлением, о котором я, грешный человек, ничего не знал... Тут еще выстрел, пули с ядом... И потому меня сейчас особенно волнуют настроения в нашей партии, что вы и почувствовали на себе.

Дятлов (*потрясен, еле слышно*). Владимир Ильич...

Ленин. Товарищ Федор, не произносите ничего кисло-сладкого. Не обижайтесь, не переносу. И вообще наше с вами время истекло. У меня куча дел. Вот чего жаль! Сделали мы неслыханно много, больше, чем все

революции, вместе взятые. А хочется еще и еще... Ну-с, до свиданья, друг мой. Инженера Ипполита не томите... Тонкие, чувствительные натуры тоже нужны партии... Вы не томите его упреками, он — наш. А вам бы кипучую работу, заводик бы наладить где-нибудь из тех, которые у нас под пеплом. А?.. Товарищ Дятлов, что с вами?

Дятлов. Ничего, Владимир Ильич...

Ленин. Уходите, а то мы так вовеки не простимся.

Дятлов. Ухожу. (Уходит.)

Ленин. Любить людей задача адски трудная!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В квартире Сестрорецких. Та же зала. Ирина, Настя.

Ирина. Уйдите, Настя. Зачем вы пришли? Никакой дружбы у нас не будет.

Настя. Вы нетактично обращаетесь со мной, Ириночка. А я вот могу сообщить вам нечто такое, за что вы мне руки должны целовать. А Валерик-то жив. Он во Владимирском центре* находится.

Ирина. Неправду говорите. Он написал бы мне.

Настя. Нет, не напишет. И не ждите. Потому что вы все отвернулись от него, помочь не хотели. Напишите братику, поскольку вы перед ним кругом виноваты.

Ирина. О наших отношениях с братом я буду судить сама. Благодарю за то, что вы мне сообщили... и довольно.

Настя. Не выгоняйте, сама уйду. Но что хотела высказать, то выскажу. Вы ведь на Валерика за то взъелись, что деньги те мимо вас прошли. А то — они принципиальные. У всех у нас одна принципиальность: собственный карман.

Ирина (*вне себя*). Вон! Прошу вас. Иначе не знаю, что будет.

Настя (*нежно*). Ах, Ириночка, какие вы вспыльчивые. А я пришла из-за своей любви. Верьте не верьте, а Валерик — моя первая любовь. Адью. (*Уходит.*)

Ирина. Какая гадость! Точно в грязь падаешь.

Входит Дятлов.

Дятлов. Прошу прощения, что вошел не постучавшись. Меня ошеломила Настька Гвоздилина... Как фурия на меня накинулась...

Ирина. Федор? Неужели вы?

Дятлов. Я... А где Ипполит?

Ирина. Его вызвали в райком. Срочно. Не объяснил зачем. Ну, а как вы, где вы? Исчезли прошлой зимой, внезапно, втихомолку, странно. Ведь я почти ничего не знаю о вас.

Дятлов. Живу в недрах Тульской губернии, раскопал старинный завод, который теперь воскрешаю в должности директора.

Ирина. Интересно?

Дятлов. Трудно. Впервые я почувствовал всем своим нутром, что революция — это громадный труд, какого я себе не представлял. Так что о том, что интересно и неинтересно, мне и подумать некогда. Но иногда скучаю по друзьям... По Ипполиту...

Ирина. Ему пишете, мне — ни строки... Обиделись на меня за то, что я вас назвала безжалостным... Простите, если так. Потом я поняла ваш взгляд на поступок Валерия... Я потом многое поняла... А Валерик наш жив...

Дятлов. О Валерике я знал, Ирина Александровна. Мне ведь пришлось отправлять во ВЦИК его дело. И там подтвердили правильность решения трибунала, но меру наказания сочли возможным изменить... А обидеться на вас... Этого я никогда бы не смог...

Ирина. Почему же «никогда»?

Дятлов. «Почему» — вопрос иной, но что никогда, то никогда.

Ирина. А все же?

Дятлов. Я любил вас, дорогая, вот в чем дело. Любил... Так-то вот...

Ирина (после молчания). Дятлов, опомнитесь.

Дятлов. Теперь опомнился, тогда любил без памяти.

Ирина. Что вы говорите?

Дятлов. Эх, Ирина Александровна... как вы меня мучили!.. И чем! Своей приветливостью и тем еще в особенности, что невинно, ничего не подозревая, часто повторяли мне: «Я люблю вас, Федор».

Ирина. Если бы я знала...

Дятлов. Иной раз мне до дрожи в сердце хотелось взять вашу руку, к щеке своей прижать и хоть мгновение подержать, а вы с испугом... а может быть, и с отвращением... отводили свою руку.

Ирина. Федор, милый мой, вы же не злой человек... а говорите злые вещи... Я?.. К вам?.. С отвращением?.. Какая нелепость... Я вас всегда любила.

Дятлов. Ирина Александровна, не повторяйте этого слова, прошу вас.

Ирина. Вы же повторяете.

Дятлов. Это нечаянно случилось...

Ирина. Тем лучше. Значит, искренне. Но успокойтесь, если не нравится — не буду.

Дятлов. «Не нравится». Какой нелепый я затеял поединок.

Ирина. Вы поэт, конечно, Дятлов... Удивительный поэт.

Дятлов. Ни одного стиха за всю жизнь не выдумал.

Ирина. Поэт — это в душе. Мечтать-то вы умеете... Я знаю. И эту способность мечтать вы очень зорко прячете. И меня вы намечтали... но удивительно скрывали.

Дятлов. Поэт... пускай. Я с детства умел видеть совсем реально то, что мне воображалось... Это всегда ведет куда-то, будит сердце... А вас я никогда не мог вообразить, вызвать в мечте ваше лицо, шелест походки вашей. Наверно, потому, что все мои чувства вы забирали на себя. Ничего я не намечтал... Это было... впрочем, довольно.

Ирина. «Было», «было»... Но я не знала, что там у вас было. И на этом основании позвольте мне теперь, когда я узнала эту поразительную новость, позвольте мне уж относиться к вам, как я найду нужным... и, во всяком случае, не так, как прежде.

Дятлов. Как же?

Ирина. Я еще не знаю. Тогда я могла любить вас беззаботно и платонически, теперь — другое дело.

Дятлов. Ирина Александровна, вы говорите так, будто на свете заря занимается.

Ирина. Я говорю серьезно, как и вы мне.

Дятлов. Благодарю.

Входит Ипполит.

Ипполит! Что с тобой?!

Ипполит. Нужно ехать на завод... Час тому назад... в Горках... умер Ленин.

Пауза.

Как же это, Федор?!

Ирина. Осиротели, мир осиротел.

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В том же цехе металлургического завода. Ипполит, Ирина, Дятлов, рабочие.

Ипполит. Митинг собрали!

Проня. Не знаю, что и творится. Никто ничего высказать не может, а не расходятся.

Сухожилов. Ильич! Родной Ильич!

Ипполит. Дорого, что мы все вместе. Ирина, ты не плачь!

Ирина. Я не плачу.

Дятлов. А меня ты не узнал, Проня?

Проня. Тебя-то... как же... Узнаю. Ты нас за ковер бранил. Давно ли? Тут вот... как живого вижу... говорил, шутил со мной... «Будешь государством управлять...» Да разве я мог понять, к чему оно?

Старый рабочий. Вот здесь... весной... шел с Марией Ильиничной и смеялся... Как смеялся...

Другой рабочий. Сирень дарили... Умер!

Замкнутый рабочий. Не думалось... Казалось — вечен. А он человек, как все... как я... как ты...

Дятлов. Он у меня перед глазами живой, сияющий...

Затемнение.

Возникает первая сцена как воспоминание. Ленин, Мария Ильинична, множество рабочих.

Ленин. Маша, ты видишь... с какой помпой... и по ковру... И все же это мы, Русь-матушка... (Проня.) Так не будете управлять государством?

Проня. Не...

Ленин. Как он меня подвел! А мы все-таки будем верить и в Прошку, и в мировую революцию.

Сухожилов подает цветы.

Маша, ты посмотри, какая свежая сирень.

Мария Ильинична. Спасибо, товарищи. Этот день надолго в памяти останется.

Затемнение.

Дятлов. Это было вот здесь... в этом цехе...

Старый рабочий. Трудно поверить, не вяжется...

Другой рабочий. Ильич... В народе так просто и звали — наш Ильич...

Ипполит. В незабываемом — вся наша жизнь, ее великие уроки, счастье, сокровенность и высшее, что ведет нас в жизни.

Дятлов. Высшая минута наших с тобой биографий... Помнишь? Смольный... вечер, ветер... Ленин на пороге.

Затемнение.

Ночь. Огни Смольного. Масса красногвардейцев и солдат.
Ленин спускается по ступеням. Остановился.

Ленин. Товарищ Дятлов?.. Федор Дятлов? С вами кто?

Дятлов. Друг, студент-большевик... Из Политехнического института.

Ленин. Что студент-большевик из Политехнического — великолепно. Чем вы сейчас заняты?

Дятлов. Сейчас?.. Сейчас ничем не заняты.

Ленин. Ничем?! Не понимаю... Так-таки ничем?

Дятлов. Сейчас ничем.

Ипполит. А вообще дел множество.

Дятлов. Мы дрались. От него порохом пахнет.

Ленин. Да, это видно и без пороха. Дрались. Но и сейчас ничем не заниматься — просто преступление, товарищ Федор. Вы не обижайтесь. Надо драться.

Дятлов. С кем же? Юнкера повсюду сдались. И враг бежит... гидра повержена в прах.

Ленин. А вы знаете, что собой представляет гидра? Вы ей отрубаете голову, а у нее тут же растет десять голов. По этой отвратительной причине она и называется гидрой. Вот мне товарищи пишут с одного завода, что у них свила гнездо презренная гидра соглашательства. Вы со своим другом, студентом, должны броситься туда в драку.

Дятлов. С великой радостью, товарищ Ленин. Винтовочки у нас сухие.

Ипполит. Ты, Дятлов, не спеши.

Ленин. Спешить надо, и очень, но винтовочками там ничего не сделаешь.

Дятлов. Но ведь там гидра... презренная.

Ленин. Даже пострашнее. Я вам серьезно говорю... потому что враг действует за спинами рабочих... и рабочие могут быть обманутыми, ошибиться... даже свистеть вам. Не удивляйтесь, Федор. Мы с вами являемся участниками самой наступательной в мире революции

и самой решительной партии. А когда наступаешь, то не жди, что тебя всюду встретят с восторгом. Могут не понять, осыпать оскорблениями, закидать камнями. Надо быть нечеловечески стойкими, героическими в этом смысле людьми. Не имею сил поехать с вами туда, где эта соглашательская гидра, мне нужно быть в других местах. Ступайте сами, вдвоем. Вот письмо и адрес. Вы из письма поймете, как надо действовать практически. Но ничего не уступайте. Здесь зазевался, там уступил... Так и революцию уступишь. И вы вернетесь в Смольный только в том случае, если свернете шею гидре, то есть с победой.

Дятлов. Ипполит, задание-то видишь какое! Великое.

Ипполит. Я готов и на великое... Идем.

Ленин. Чудаки, это уж потом люди скажут, какие вы исполняли задания. Но наступайте героично, до конца...

Дятлов и Ипполит уходят.

Это не умрет... это бессмертно.

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

к пьесам Н. Ф. Погодина

«ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ»

В апреле 1935 года М. Горький дважды встречался с деятелями литературы и искусства в связи с созданием юбилейных произведений, посвященных 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На этих встречах присутствовал и Н. Погодин. В начале 1936 года был проведен закрытый правительственный конкурс на юбилейную пьесу и киносценарий, в которых был бы показан образ В. И. Ленина. Н. Погодина включили в этот конкурс в качестве сценариста, и 1 ноября 1936 года он сдал киносценарий «Ноябрь», где впервые в истории советской литературы был создан образ В. И. Ленина. В связи с тем, что съемка картины «Ноябрь» задерживалась, драматург по просьбе руководства Театра имени Евг. Вахтангова написал для них на материале сценария пьесу «Человек с ружьем».

Премьера спектакля «Человек с ружьем» состоялась 13 ноября 1937 года. Постановщик — Р. Симонов, режиссеры — В. Куза, К. Миронова, А. Ремизова. Художник — В. Дмитриев. Композитор — А. Голубенцев. В роли В. И. Ленина выступил Б. Щукин. Другие роли исполняли: Шадрин — И. Толчанов, Чибисов — О. Глазунов, Надя — В. Алексеева, Катя — Н. Русинова, Сибирцев — Н. Бубнов, Варвара Ивановна — Т. Шухмина, бабушка Лиза — Е. Понсова, матрос Дымов — А. Горюнов.

Пьеса неоднократно ставилась во многих театрах страны и за рубежом. Впервые была напечатана в 1937 году (журнал «Октябрь» № 12).

Стр. 310. *Пулковский участок*.— 30 октября 1917 года части Красной гвардии разбили под Петроградом в районе Пулковских холмов казачьи части генерала Краснова.

Стр. 312. *Керенский А. Ф.* (1881—1970) — глава коалиционного Временного правительства (июль — октябрь 1917 г.). 25 октября 1917 года Керенский бежал из Петрограда в район Северного фронта, где предпринял неудачную попытку свергнуть Советскую власть с помощью казачьих частей генерала Краснова. В 1918 году бежал за границу.

Стр. 313. *«Солдатская правда»* — большевистская газета, выходившая в Петрограде в 1917—1918 годах.

Стр. 317. *«Дочь фараона»* — балет композитора Ц. Пуньи (1802—1870).

Стр. 326. *«Союз русского народа»* — монархическая черносотенная организация, созданная в 1905 году для борьбы с революцией.

Стр. 327. *Рябушинский П. П.* (1871—1924) — крупный русский промышленник и банкир, один из руководителей буржуазной контрреволюции. После победы Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу.

Краснов П. Н. (1869—1947) — генерал царской армии, активный участник августовского контрреволюционного корниловского мятежа. После подавления мятежа бежал за Дон, где контрреволюционные верхи казачества избрали его атаманом. Принимал участие в походах Антанты против Советской России. В 1919 году бежал за границу. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда казнен.

...в июльские дни в Питер также были введены войска.— С согласия Временного правительства в июле 1917 года в Петроград были введены правительственные войска, обстрелявшие мирную демонстрацию.

...разгромили гнездо большевиков во дворце Кшесинской.— В июле 1917 года бывший особняк балерины М. Ф. Кшесинской в Петрограде занимали Центральный и Петроградский комитеты партии большевиков.

Стр. 328. *Вильгельм II* (1888—1918) — император Германии и король Пруссии, развязавший первую мировую войну. В 1918 году,

в начале ноябрьской буржуазной революции в Германии, бежал в Голландию.

Стр. 345. *Каледин А. М.* (1861—1918) — генерал царской армии, атаман донского казачества, возглавлявший контрреволюционные силы на Дону. После разгрома калединщины в феврале 1918 года застрелился.

Стр. 350. *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза) — контрреволюционный эсеро-меньшевистский орган, выступивший в октябре 1917 года против Советской власти.

Стр. 355. *Гельсингфорс* — ныне Хельсинки, столица Финляндии.

«КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ»

В 1939 году по заказу МХАТа Н. Погодин написал пьесу «Кремлевские куранты», как бы явившуюся продолжением «Человека с ружьем». 11 января 1941 года в театре состоялась генеральная репетиция спектакля, премьера же была лишь 22 января 1942 года в Саратове, куда в дни Великой Отечественной войны был эвакуирован МХАТ.

Постановщики спектакля — Вл. И. Немирович-Данченко и Л. Леонидов; работу над спектаклем заканчивала М. Кнебель. Художник В. Дмитриев. Роли исполняли: В. И. Ленин — А. Грибов, Дзержинский — В. Марков, Забелин — Н. Хмелев, М. Болдуман, Забелина — В. Соколова, Рыбаков — Б. Ливанов, Н. Боголюбов, Маша — С. Пилявская, И. Гошева, часовщик — Б. Петкер.

Пьеса ставилась во многих театрах страны и за рубежом. Впервые была напечатана в 1941 году в издательстве «Искусство».

Стр. 381. *Иверские ворота* — часовня и ворота в старой Москве, находившиеся у входа на Красную площадь со стороны Тверской (улицы Горького).

Стр. 383. *Фабрика Лапина* — известная в дореволюционной России спичечная фабрика.

Стр. 386. *Вестминстерское аббатство* — один из лучших памятников средневековой архитектуры в Лондоне. Монастырская церковь его с XIII века предназначалась для коронации, а также слу-

жила королевской усыпальницей. Позже, с XVII века, здесь появились погребения знаменитых людей Англии.

Лубянка — улица в Москве (ныне ул. Дзержинского), где помещалась ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с вредительством и саботажем).

Врангель П. Н. (1878—1928) — барон, контрреволюционный генерал, командовавший в 1919 году частями Добровольческой армии; в 1920 году получил звание «верховного командующего». В ноябре того же года армия Врангеля была разбита, а остатки ее Врангель увел на 130 судах черноморского флота во Францию.

Стр. 388. *Калиостро Александр* (1743—1795) — сын итальянского купца, известный авантюрист XVIII века. Выдавая себя за графа и алхимика, пользовался большим успехом в аристократических европейских салонах.

Стр. 391. «*Прекрасна, как ангел небесный...*» — строки из стихотворения «Тамара» М. Ю. Лермонтова (1814—1841).

«*Письма из далека*» — произведение В. И. Ленина (1917).

Стр. 394. *Безоблыжный* — безобманный, верный, истинный.

Стр. 400. *Анчутки* (на родн.) — чертенята.

Стр. 402. *Буровить* — мешать, не давать дело делать, быть помехой.

Стр. 403. *Сухарева* — Сухаревский рынок, на месте которого теперь находится Колхозная площадь:

Стр. 409. *...башню до небес в городе Вавилоне...* — По библейскому мифу, в этом городе пытались построить башню до небес; когда строители начали работу, разгневанный бог «смешал язык их», они перестали понимать друг друга и не могли продолжать постройку.

Стр. 412. *Профит* (франц.) — прибыль, барыш.

Стр. 415. *Циклоп* — в древнегреческой мифологии великан-людоед с одним глазом посреди лба.

Стр. 417. *Котлы* — район старой Москвы.

Стр. 420. «*Облако в штанах*» — поэма В. В. Маяковского (1893—1930).

Стр. 422. *Бурбоны* — королевская династия во Франции (XVI—XIX вв.).

Стр. 432. *Кржижановский Г. М.* (1872—1959) — старейший деятель революционного движения, крупный инженер, академик.

В 1920 году по поручению В. И. Ленина возглавлял Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО).

Стр. 443. *Саламбо* — дочь командующего карфагенской армией и флотом. По преданию, полюбила начальника одного из наемных отрядов, восставшего против Карфагена.

Стр. 453. *Масон* — член философско-религиозного общества. Масонство возникло в XVIII веке в Англии и распространилось затем во многих странах Европы, в том числе и в России, в порядке моды на некоторое свободомыслие по отношению к деятельности церкви. В настоящее время масонство отказалось от имевшихся у него в прошлом элементов антиклерикализма и смыкается с поповщиной.

«ТРЕТЬЯ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ»

Пьеса была написана Н. Погодиным в 1958 году как завершающая часть трилогии о Владимире Ильиче Ленине. Премьера спектакля состоялась на сцене МХАТа 3 января 1959 года. Постановщик — М. Кедров, режиссер — В. Богомолов. Художник — Л. Батулин. Роли исполняли: В. И. Ленин — Б. Смирнов, М. И. Ульянова — И. Гошева, Федор Дятлов — Ю. Пузырев, Ипполит Сестрорецкий — В. Давыдов, Ирина — Л. Пушкарева, Валерик — А. Михайлов, Гвоздили — В. Белокуров, Настя — А. Андреева, Кумакин — Л. Золотухин, Клава — М. Анастасьева.

Пьеса ставилась во многих театрах страны. Впервые была напечатана в 1958 году (журнал «Театр» № 8).

Стр. 464. «*Все равно года проходят чередою...*» — популярный романс 20-х годов «Все, что было».

Стр. 465. *Военный коммунизм* — экономическая политика Советского государства в годы гражданской войны, во время которой проводилась продразверстка, то есть изъятие всех излишков хлеба у крестьян для обеспечения государственной хлебной монополии.

Стр. 482. *Ваганьково* — Ваганьковское кладбище в Москве.

Стр. 484. *Бутырка* — Бутырская тюрьма в Москве.

Стр. 488. *Собинов Л. В. (1872—1934)* — выдающийся русский певец.

Стр. 494. *Филипповские* — булочная Филиппова была широко известна в Москве до революции и в период нэпа.

«Коти» — знаменитая французская парфюмерная фирма.

Стр. 498. «*Все мое*», — *сказало золото...*» — строки из стихотворения «Золото и булат». А. С. Пушкина (1799—1837).

Стр. 501. «*Как хороши, как свежи были розы...*» — строки из стихотворения в прозе И. С. Тургенева (1818—1883).

Стр. 511. *Марьина роща* — район Москвы, славившийся до революции своими кабаками.

Стр. 522. *Сунь Ятсен* (1866—1925) — китайский революционер-демократ.

Стр. 528. *Владимирский централ* — каторжная тюрьма в царской России.

А. Волгарь

СОДЕРЖАНИЕ

В. Оскоцкий. Дорогие черты	5
Б. ПОЛЕВОЙ, Н. ЖУКОВ. Наш Ленин	23
С. ВИНОГРАДСКАЯ. Искорка. Рассказы	105
Л. РАДИЩЕВ. Два дня. Рассказы	229
Н. ПОГОДИН. Человек с ружьем. Кремлевские куранты. Третья, патетическая. Пьесы	307
Примечания А. Волгаря к пьесам Н. Ф. Погодина	535

Библиотека школьника

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Том 8

ИБ № 8322

Ответственный редактор

С. П. МОСЕЙЧУК

Художественный редактор

Л. Д. БИРЮКОВ

Технический редактор

Г. Г. РЫЖКОВА

Корректоры

А. А. ГУСЕЛЬНИКОВА и Е. А. СУКЯСЯН

Сдано в набор 10.01.85. Подписано к печати 01.07.85. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,78. Усл. кр.-отт. 41,54. Уч.-изд. л. 22,76. Тираж 250 000 экз. Заказ № 2914. Цена 1 р. 40 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ж71 Жизнь Ленина: Избранные страницы прозы и поэзии в 10-ти томах/Ред. совет: С. В. Михалков (председатель), А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев, Н. В. Свиридов; Оформл. Б. А. Дехтерева.—М.: Дет. лит., 1980.—(Библиотека школьника).—Т. 8. Вступит. статья В. Оскоцкого. Ил. Н. Жукова.—1985.—542 с., ил.

В пер.: 1 р. 40 к.

В этот том входят: Б. Полевой, Н. Жуков «Наш Ленин»; С. Виноградская «Искорка», рассказы; А. Радищев «Два дня», рассказы; Н. Погодин «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья, патетическая», пьесы.

Ж 4803010102—430 Подп. изд.
М101(03)85

ББК 13.5
ЗК26